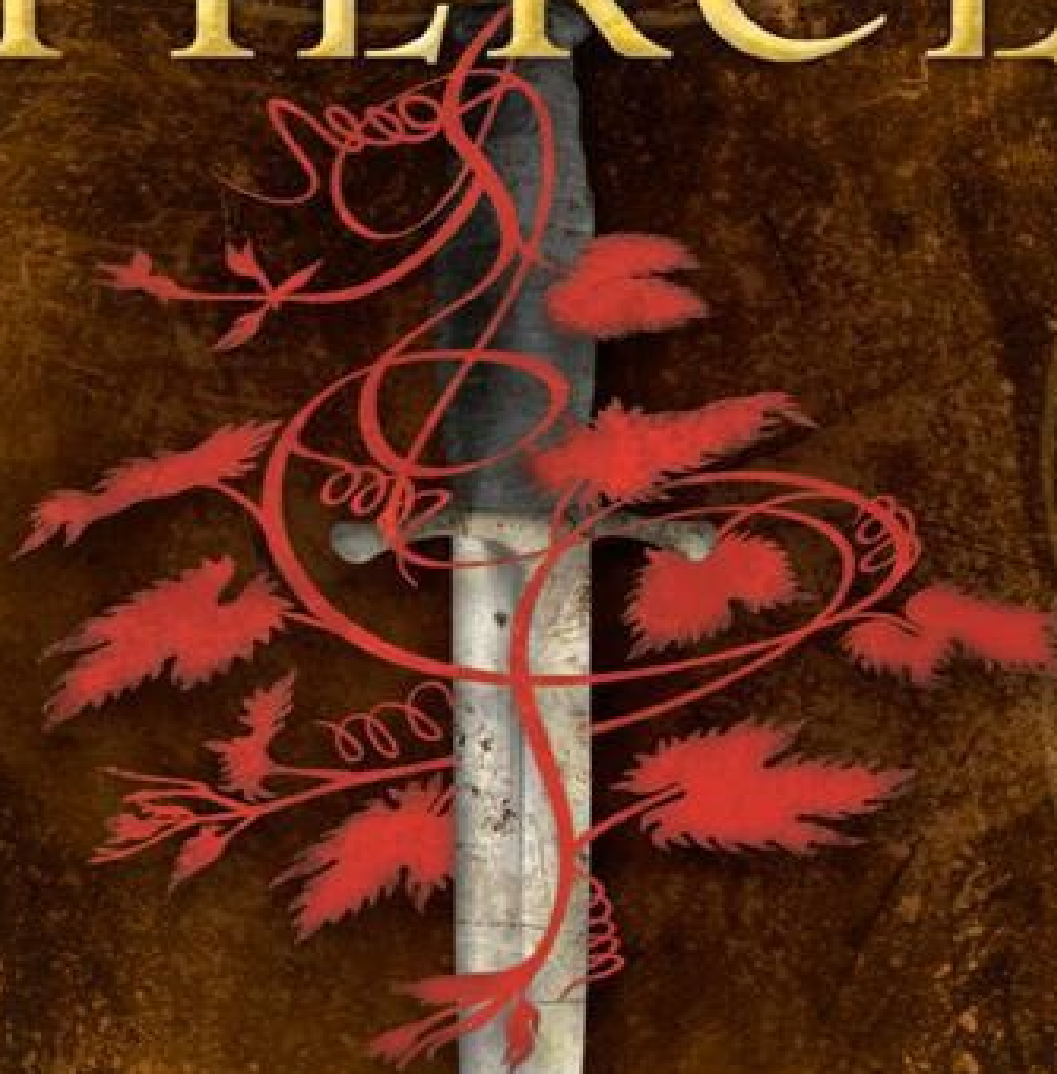

From the #1 *New York Times* Bestselling Author

TAMORA PIERCE

BATTLE MAGIC

Annotation

Приквел для произведений "Воля Императрицы" и "Плавающие Камни". Действие происходит примерно через два года после окончания романа "Уличная Магия" из цикла "Круг Раскрывается". Браяр, Розторн и Эвви направляются в Янджинг, как и намеревались, но в итоге оказываются втянутыми в войну между Янджингом и Гьонг-ши.

Тэмра Пирс

Посвящается ветеранам:

Родным и не родным,

Друзьям и не друзьям,

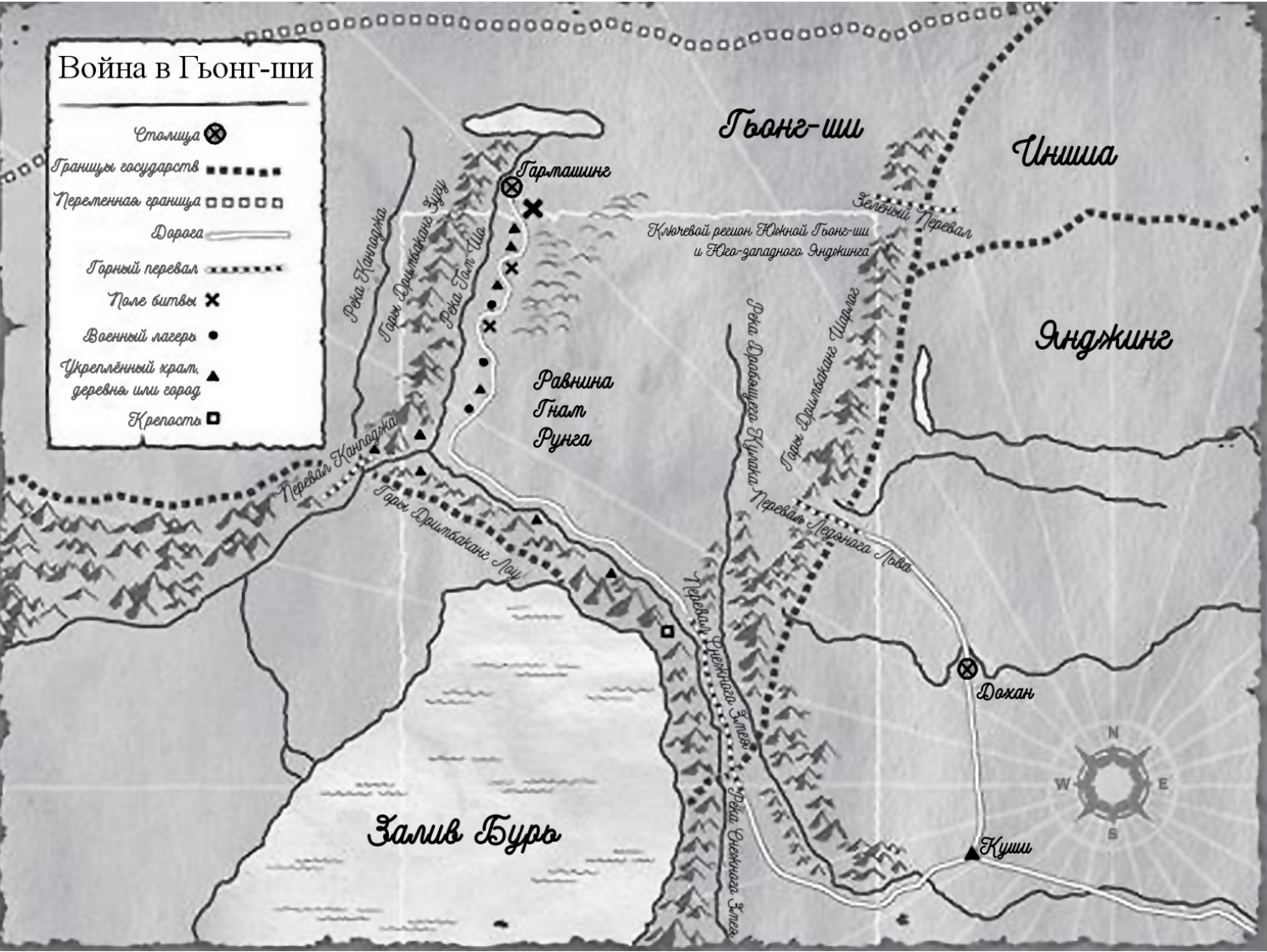
Прошлым, настоящим и будущим,

Потому что Уильям Тэкумсе Шерман был прав,

И война — только ад.

Война в Гьонг-ши

- Столица ⊗
- Границы государств (dotted line)
- Переменная граница □□□□ (dashed line)
- Дорога — (solid line)
- Горный перевал - - - - (dashed line with triangles)
- Поле битвы × (cross)
- Военный лагерь ● (solid circle)
- Укреплённый храм, деревня или город ▲ (solid triangle)
- Крепость □ (solid square)

Гьонг-ши

Равнина
Гнат
Рунга

Река Гал Ша

Храм Тигров

Храм Запечатанного Глаза

Храм Детей
Королевы Яков

Храм Мужей
Королевы Солнца

Горы Дригьаканг Лоу

Река Дробышуга Экумака

Горы Дригьаканг Шарьог

Перевал Ледяного Лава

Ганас Газиг Ригьыл На

Кангри Скад На

Ганас Ригьыл На

Крепость Самбачу

Перевал Чужкнава Элма

Залив Бурь

Пограничный пост

Река Чужкнава Элма

Южная Гьонг-ши
и Юго-западный Янджинг

Янджинг

Глава 1

За стенами Гáрмашинг, столицы Гьонг-ши, в каньоне реки Том Шо, далеко на востоке от Храма Спирального Круга, в месяц Луны Карпа

Двое молодых людей сидели на восточном берегу реки, укрываясь от зябкого весеннего ветра в палатке. Флаги резко бились на свистевшем вдоль каньона ветру.

Из них двоих Браяр Мосс был постарше, имея при себе шестнадцать лет и будучи аккредитованным магом из школы Живого Круга в Эмелане. Родом он был из других мест, его кожа была светлого бронзового оттенка, нос — длинным и тонким, а глаза — поразительно серо-зелёные среди кареглазых жителей этой восточной страны. Он носил стёганую куртку зелёного шёлка с узором из светло-зелёных ивовых листьев, стёганые коричнево-золотые штаны и доходившие ему до икр мягкие сапоги, пользовавшиеся в горах популярностью. Скрестив ноги, он сидел на подушках, держа на коленях походный столик, но сейчас его взгляд не отрывался от событий, происходивших на той стороне реки.

Пятеро шаманов из Племени Прыгучего Горного Козла стояли перед лицом высившейся по ту сторону реки отвесной скалы. Рядом с шаманами сидели на корточках два человека с рожками, один с барабаном и трое с поющими чашами. Музыканты начали издавать своими инструментами звуки. Браяр не назвал бы результат их усилий «музыкой». Шаманы — трое мужчин и две женщины в тёмно-коричневых домотканых робах — перебрали ногами, повернулись и подпрыгнули, звоня в маленькие кимвалы, закреплённые у них на ладонях. Когда они это сделали, Браяр почувствовал дрожь у себя под пятой точкой. Чем дольше танцевали шаманы, тем сильнее дрожала земля.

— Что они делают? — спросил он у мальчика, сидевшего рядом. — Тебя это не беспокоит?

Бог-Король поднял взгляд со своего собственного столика. Правитель Гьонг-ши был одиннадцатилетним мальчиком с кожей цвета красной бронзы, длинными карими глазами и коротким, широким носом — характерными чертами его народа. Он был одет ещё проще шаманов — в неокрашенную окаймлённую чёрным куртку с длинными рукавами, неокрашенные стёганые штаны и чёрные сапоги. Как и большинство гьонг-шийских мальчиков и девочек, он носил свои блестящие чёрные волосы очень коротко остриженными, за одним исключением. Как только его выбрали Богом-Королём, он начал отращивать длинные волосы на макушке. Их он заплетал в косу, пронизанную кольцами из драгоценных металлов или полудрагоценных камней, каждое из них было символом одиннадцати богов, которым он служил. Он также носил одиннадцать сделанных из тех же материалов серёг, шесть в одном ухе и пять — в другом.

— О чём мне беспокоиться? Я же сказал тебе, что именно они делают, — напомнил Браяру Бог-Король. — Они вызывают из скалы статую для своего храма. В этом деле без небольшой встряски не обойтись.

Браяр посмотрел на чернила в стоявшей рядом с ним чашке. Они тоже дрожали.

— А что, если скала упадёт на нас? — потребовал он. — Откуда ты знаешь, что они проделывают это правильно?

Бог-Король тихо засмеялся:

— Они всегда делают это правильно. Поэтому танцоров несколько, если один из них сделает неверный шаг, то остальные внесут исправления. Люди уже много поколений получали статуи из скал Гьонг-ши, Браяр. Пока что они скалы не обрушили.

Он кивнул ожидавшей вестнице, и протянул руку к поданному девушкой свитку.

Браяр хмуро посмотрел на реку, потом на танцующих шаманов:

— Такая религия для меня слишком странная, — пробормотал он сам себе.

Он посмотрел на группу людей неподалёку от шаманов, пытаясь отыскать свою ученицу, Эвви. Вот она, с некоторыми из местных каменных магов и сопровождавшими шаманов воинами. Эвви стояла слишком близко к скале, и Браяру это не нравилось. Он внезапно ослабился. Первый Посвящённый Дóкьи, глава Живого Круга Гьонг-ши и также каменный маг, намотал куртку Эвви на свой крупный кулак, и мягко оттащил её прочь от скалы. С тех пор, как Браяр и его спутники прибыли в Гармашинг промеж буранов четыре месяца тому назад, занятой Первый Посвящённый выкраивал время на то, чтобы наставлять Эвви. Тем утром он сказал Браяру, что он тоже хотел посмотреть на работу шаманов — она сильно отличалась от того, как творили магию учёные маги, — и потому будет рад также присмотреть за Эвви.

Браяр был ему благодарен. Эвви выводила из себя тех нескольких встреченных ими посвящённых Земли, которые специализировались на магии камня. Как и Докьи, они творили свою магию с помощью диаграмм, книг и произнесённых слов, позволяя магии, с которой они были рождены, проходить через отзывавшиеся на неё камни. Эвви, как и Браяр, и как наставница Браяра, Посвящённая Розторн, черпала свою магию напрямую из окружающего мира. Камни давали Эвви её силу, так же как растения давали свою магию Браяру и Розторн. Докьи по крайней мере провёл годы с шаманами и в других землях. Он мог приспособиться к магу, работавшему иным способом. Он мог показать Эвви книги, амулеты, заклинания каменной магии, способные придать сил её собственным действиям. Он также мог чувствовать, когда она пыталась экспериментировать самостоятельно, и останавливать её до того, как ситуация выйдет из-под контроля. Ему в этом помогали его особые камни.

— Мне заставить Эвви отойти сюда? — спросил Браяр у Бога-Короля, читавшего свиток с посланием.

— Х-м-м?

Тот поднял взгляд, и широко улыбнулся:

— Позволь ей остаться. Докьи с ней справится. А, дело пошло.

Если «пошло» означало «больше шума», то Браяр был согласен. Со скалы посыпались камешки и песок, но не было похоже, что они попадали на шаманов, музыкантов, или других ожидавших поблизости магов. Браяр подозревал, что Эвви посылала камни прочь от людей, особенно когда он увидел, как один большой камень ушёл по дуге от скалы, и упал в реку.

Нуждаясь в чём-нибудь, чтобы занять себе руки, Браяр взял один из камней, которые Эвви оставила ему перед тем, как пересечь реку вместе с Докьи. Она всегда собирала кусочки скал и отдавала их ему или Розторн, а сама собирала ещё. Перед тем, как они отправлялись в путь, происходило мучительное собрание, на котором ей приходилось выбирать те камни, без которых она не могла обойтись, и те, которые она должна была бросить.

Проведя в обществе Эвви почти два года, Браяр знал, что держит в руках известняк. Сюрприз лежал заключался в изображении, глубоко оттиснутом на его поверхности:

изогнутая часть листа, похожего на папоротник. Что интересно, никаких похожих папоротников Браяр не знал — а после пяти лет учёбы у Розторн он знал их много. Он устоял на скалу на том берегу реки, на самом деле не замечая прямоугольную трещину высотой в двадцать футов, пробежавшую по склону скалы.

Браяр потянулся к окаменению так, как проделывал это с живыми растениями, но ничего не обнаружил. Известняк содержал изображение, но никаких остатков оставившего этот оттиск растения. Браяр зыркнул на него, и потянулся за другим камнем. Этот не нес никаких отметин, а вот третий изученный им камень обхватывал очень похожую на сардину окаменелость.

— Это морская рыба, — пробормотал Браяр.

Раннее детство, проведённое недалеко от доков, научило его различать рыб из солёных и пресных вод, как по плоти, так и по костям.

— Давным-давно все гьонг-шийские равнины были морем, — пробормотал Бог-Король.

Он медленно выпрямился. Перо выпало из его руки.

— И тогда были рождены горные боги Дрёмбаканг. Они толкнулись своими расплавленными телами о берег, и потянули за собой Королевства Солнца.

Он произнёс это так, будто распевал древнюю сагу, наполовину бодрствующий, наполовину спящий.

Браяр попытался бороться с ознобом. У него будто каждый волосок на теле встал дыбом.

Бог-Король продолжил, всё тем же неземным голосом:

— Всё выше толкали они берега и море. Всё больше они росли, самые молодые боги, царапая небо, взмывая к Солнцу, Луне и Звёздам. Когда расти они более не могли, когда выросли они выше всех остальных горных богов, море утекло промеж их вершин, ища свою мать-океан. Обширные прибрежные леса пальм, кактусов и папоротников увяли. Здесь процветают лишь пихты, ели, лиственницы, можжевельник и болиголов, и редко — на открытом плоскогорье. Здесь боги видят всё. В Гьонг-ши негде спрятаться от богов мира сего.

Он тяжело сел. Браяр почти боялся дышать, пока мальчик не моргнул и не выпрямился. Потирая себе загривок, он робко посмотрел на Браяра:

— Я отключился? Они никогда не предупреждают меня, знаешь ли. Я им говорил и говорил, что когда они меня хватают, это пугает людей, но боги и духи на самом деле не понимают, что такое страх.

— Они часто с тобой это делают? — прошептал Браяр, по его коже пробежали мурашки.

— Достаточно часто. Вся земля ими полнится, то тут, то там, и я никогда не знаю, когда один из них начнёт действовать через меня.

Воздух вспорол громкий грохот. Бог-Король с гиканьем вскочил на ноги:

— Вот оно! — воскликнул он, будто только что выиграл в споре.

Браяр вспомнил, что именно привело их морозным утром к этому холодному обрыву. Отложив рассказ мальчика на потом, он посмотрел на противоположную сторону реки.

Из появившейся в скале прямоугольной дыры высотой не менее двадцати футов покатались камни, осыпаясь с расположенной внутри твёрдой фигуры. Шаманы продолжили танцевать, а музыканты — играть, одновременно пятясь к тому месту, где стояла Эвви и остальные наблюдатели. Браяр присвистнул, беззвучно восхищаясь: он знал,

что **сам** не может танцевать и шагать назад, но шаманы и их помощники-музыканты ни разу не оступились. С места сдвинулась лишь Эвви, пройдя вперёд, вокруг строя шаманов. Докьи попытался снова её ухватить, но промахнулся. Эвви встала на берегу реки, перед тем, что происходило в скале, и выставила вперёд ладони.

Браяр попытался встать, пролив чернила. Он не обратил на них внимание, но не смог игнорировать Бога-Короля, схватившего его за руку.

— Стой, — приказал мальчик голосом, заставившим Браяра застыть на месте. — Она будет **в порядке**. Смотри.

Он отпустил Браяра, и тот мгновенно обнаружил, что снова может двигаться. Вместо того, чтобы продолжить попытки добраться до своей ученицы, Браяр стал ждать.

Он не был уверен, издавала ли Эвви какие-то звуки. Грохот, поднятый раскалывающейся, опадающей стеной камней, заглушал все звуки кроме, конечно, голоса Бога-Короля. Но Браяр задумался, не произносила ли Эвви заклинание. Он знал, что она творила свою магию, потому что падающие камни расходились в обе стороны от отверстия, из которого они сыпались, подобно шторам от окна. Эвви была в своём репертуаре. Аккуратные горки колотого камня росли по обе стороны прямоугольного проёма в скале. В сердце проёма стояла пара обнявшихся человекоподобных каменных скелетов. Когда наваленные перед ними булыжники и осколки расступились в стороны, двадцатифутовые скелеты шагнули из скалы наружу.

Эвви покачнулась. Она пыталась делать слишком многое одновременно. Беспокоясь, Браяр подошёл к краю того места, где стояла их палатка, затем опять остановился. Докьи добрался до девочки. Он встал рядом с Эвви, чертя в воздухе знаки, творя собственные заклинания. Она выпрямилась, снова взяв под контроль падающие камни, при поддержке Докьи.

Скелеты, которые остановились, когда она готова была вот-вот упасть, снова пошли прочь от скалы. Один из двух черепов с любопытством поглядел на Эвви и Докьи, в то время как другой осматривал лежавший за ними берег реки, проём в скале, а потом — шаманов и их музыкантов. Рука этого скелета вытянулась, и постучала по черепу, который наклонил голову, уставившись на Эвви. Когда тот череп обернулся, чтобы зыркнуть на другого, стучавшая по нему рука показала на шаманов. Оба скелета неуклюже затопали к танцующим.

Браяр посмотрел на Бога-Короля:

— Зачем они, статуи? Ты вроде бы не говорил.

Бог-Король прищурился на танцующих скелетов:

— Подобные вещи — обещание этой страны тем, кто стоит здесь свои храмы. Они — наше благословение храмам, знак нашей защиты. Они говорят захватчикам, что храм охраняется богами Гьонг-ши, а также богами храма, где стоят статуи.

Не выказывая страха, и не пропуская ни одного движения, танцоры и музыканты продолжили пятиться, танцуя или играя на ходу. Воины вскочили в сёдла, и выстроились полукругом вокруг них. Остальные члены группы, управлявшие привезённой ими повозкой, помогли музыкантам забраться в неё. Настолько гладко, как если бы они часто так путешествовали, воины и повозка поехали прочь впереди, их полукруг кончался с внутренней стороны танцорами. Два скелета, обняв руками каменные позвоночники друг друга в районе пояса, шли последними.

Докьи повернулся к Эвви, и наклонился, пока не оказался с ней лицом к лицу. Он схватил её за уши, и упёрся своим лбом в её лоб. Браяр не был уверен, пытался ли он

отругать Эвви, или просто сшибить вместе две каменные головы. Полагая, что ему следует вмешаться, пока Эвви не сказала или не сделала что-нибудь грубое, он повернулся, чтобы откланяться перед Богом-Королём. Мальчик хмуро смотрел на только что полученное послание.

— Ты не выглядишь очень-то радостным, — сказал Браяр.

— Я не получил вестей от короля Иншии.

То было королевство к северо-востоку, страна, находившаяся между Гьонг-ши и Янджингской империей.

— К этому времени я часто получаю от него весть. Наши маги, занимающиеся разговорами на расстоянии, уже несколько месяцев не слышали ничего от его магов. Верховые вестники тоже не проходили через Зелёный Перевал.

— Но сейчас **только** лишь третий месяц года, — напомнил ему Браяр. — Перевал вероятно накрепко замёрз.

Бог-Король одарил его рассеянной улыбкой:

— Зелёный Перевал — в холмистой местности, за пределами гор Дримбаканг Шарлог. Обычно к этому времени он уже открыт, хотя в этом году погода в холмах была очень суровой.

Он замолк, уставившись в даль.

Браяр подождал пока он заговорит вновь — дольше, чем стал бы ждать кого-то другого. Когда он уверился, что Бог-Король просто забыл о том, что начал объяснять, Браяр спросил:

— Так какое отношение этот малый из Иншии имеет к тому, как крепко ты будешь спать этой ночью?

Ему было видно, что Бог-Король взволнован.

— Все три королевства к северу от Янджинга уже пять лет воюют с империей, — объяснил Бог-Король. — Поскольку Иншиа — наш ближайший сосед, мы уже четыре года посылали им в помощь магов и солдат. К этому времени мы уже должны были получить от них вести о том, что им потребуется для сражений в этом году.

Браяр кивнул. Теперь он понял:

— Потому что если падёт Иншиа, следующим будет Гьонг-ши.

— Я бы так не сказал, — ответил мальчик, но убеждённости в его голосе не было. — У нас очень мало того, что интересует Императора Уэй-шү. Кроме богов и духов, которые здесь ближе, чем в любом другом месте на свете — но с солдатами ими не расплатишься. Есть сокровища в храмах, но ведь не верят же маги Уэй-шу в то, что могут вынести проклятья, полученные от вещей из храмов. Мы стараемся, чтобы все знали, что на всех похищенных из храмов Гьонг-ши предметах лежат проклятья, которые мы не можем снять.

Бог-Король вздохнул:

— Я почувствовал бы себя лучше, если бы знал, что армии Янджинга в этом году снова ломают зубы о моих соседей.

При виде выражения лица Бога-Короля по сердцу Браяра пробежала волна жалости. «Мальчик его возраста не должен иметь такое выражение лица», — подумал Браяр. «Мне было бы жалко, даже будь на его месте мужчина вдвое старше меня».

Именно в такие моменты Браяр понимал, почему боги Гьонг-ши сказали своим жрецам, чтобы те выбрали этого мальчика для правления над множеством разных племён, деревень, городов, верований и храмов Гьонг-ши. Внутри Бога-Короля было что-то великое; что-то большее, чем Браяр. Он бы и дня не провёл в шкуре Бога-Короля, даже за всех смазливых

девчонок от этого места до дома.

— Браяр, ты видел?

Пока они говорили о политике и войне, остальная часть возводившей статуи группы пересела мост через реку, чтобы присоединиться к группе Бога-Короля. Эвви подбежала к палатке. Карманы её оранжевой шерстяной куртки провисали, и Браяр знал, что там лежат новые каменные осколки.

— Ты даже не смотришь!

— Мы наблюдали за возведением статуй, — сказал ей Бог-Король. — Я раньше уже видел такое, знаешь ли. Браяр был впечатлён.

— Так и есть, — заверил Браяр девочку.

Эвви остановилась входе в палатку, и поклонилась Богу-Королю, затем упёрла ладони в колени, пытаясь отдышаться. Они провели в высокогорной стране почти два года, но Эвви и Браяру всё ещё не хватало дыхания в разряжённом воздухе, если они пытались бегать. У Розторн трудности с дыханием были вообще всё время. Хотя всё их путешествие было идеей Розторн, она была вынуждена много времени проводить за отдыхом. В то утро она предпочла работать в весенних садах вместо того, чтобы проделывать неудобный путь вниз по скале, к речному каньону, вместе с Браяром и Эвви. Браяр предвкушал снова вернуться в низины, где его Розторн дышалось бы легче.

— А ты видел, что я сделала? — потребовала Эвви. — Я не дала острым камням на всех падать!

Она схватила рюкзак, который оставила у Браяра, и высыпала в него свои камни.

— Ты знаешь, что у них уйдёт не меньше десяти дней на то, чтобы пешком вернуться в их храм? У них было только пять шаманов, способных творить это заклинание, поэтому некому поддерживать магию ночью. Если они не танцуют, статуи не двигаются. Они будут жутко усталыми — шаманы, не статуи. Я предложила им убрать лишние камни, но Докьи сказал, что у Дримбаканг Зугу есть свой собственный способ с ними разобраться. Что это значит?

Она собрала камни, которые оставила с Браяром, и их тоже запихнула в рюкзак.

Эвумэймэй Дингзай была тощей бывшей рабыней, по возможности не пропускавшей ни одну трапезу. Она была ростом в пять футов, с явно янджингским лицом: широкие скулы, острый подбородок, и вытянутые чёрные глаза. Браяру нравилось дразнить её, говоря, что она когда-то вмазалась лицом в дверь, потому что у её носа был плоский кончик. Её ладони и ногти являли шрамы и царапины, полученные в результате двух лет тяжёлого труда в качестве каменного мага и закоренелой кошатницы. Браяр нашёл её, когда она зарабатывала на жизнь тем, что чистила камни в трупобах. Хотя её магия отличалась от его собственной, он выяснил, что не хочет отдавать её наставнику, владеющему её собственной разновидностью силы, если тот не будет к ней добр.

Бог-Король встал, и сошёл с гигантской подушки, на которой они с Браяром просидели всё утро.

— Подожди минутку, Эвумэймэй.

Эвви нахмурилась. Бог-Король с самого начала обращался с ней как с любимой сестрой. Она быстро потеряла любую робость, которую от неё могли ожидать в его присутствии.

— Ты всегда говоришь мне ждать. Так вот, чтобы ты знал — я тебя старше...

— Я — двести девяносто восьмой Бог-Король в непрерывной череде избранников, начиная с первого Бога-Короля, — ответил он так же, как и всегда, когда она упоминала их

разницу в возрасте. — Тебе нужно будет стать такой же взрослой, как...

Камень у Браяра под ногами затрясся. Он поспешно сел, и потянул Эвви за руку. Она жестом предложила Богу-Королю к ним присоединиться. Все снаружи палатки тоже сидели.

Браяр слышал скрежет, наводивший его на мысли об оползне. Поглядев на ту сторону реки, он ощутил, как что-то свернулось у него в животе. Он зажал рот руками, чтобы удержать свой очень хороший завтрак на положенном ему месте. Упавшие камни, просыпавшийся со скалы гравий, осевшая после ухода скелетов пыль — всё это должно было лежать на земле. Им совсем не полагалось подниматься в воздух перед проёмом в скале. Ничто из этого не должно было входить в этот проём, и никакие валуны с берега реки и никакие лежавшие между водой и скалой камни не должны были катиться и взбираться друг на друга, стремясь заполнить оставленную статуями скелетов дыру. Теперь со стоявшей за скалой горы покатались ещё камни. Помешкав лишь миг на краю обрыва, они скатывались вниз. Совершая манёвр, вызывавший у Браяра такое ощущение, будто он надышался странных испарений, новые камни падали не прямо вниз, а по дуге, залетая в дыру, где камни снизу всё ещё оставили промежутки. Теперь, если исключить несколько щелей, прямоугольное пространство, из которого вышли статуи, было заполнено.

— Кто это сделал? — воскликнула Эвви. — Это то, что имел ввиду Посвящённый Докьи, когда сказал, что горы приберут лишние камни?

— Именно это он и имел ввиду, — сказал Бог-Король, поднимаясь на ноги. — И я рад, что работа завершена. Не люблю уходить до окончания уборки. В прошлом были несчастные случаи.

Он подошёл к краю скалистой плиты, и поднял свои руки ладонями вверх. Запрокинув голову, он открыл рот. Донёсшиеся из него звуки, отличавшиеся от языка *тййон*, не котором он всё утро говорил с Браяром и Эвви, общевосточного языка. Его слова прокатились по каньону, проскрежетав по костям Браяра. Он задрал куртку к ушам, готовый на что угодно, лишь бы звуки прекратились. Эвви встала, сияя лицом, и слушала до тех пор, пока Бог-Король не опустил руки.

Браяр открыл одно из ушей. В каньон вернулись нормальные звуки. Он прочистил горло, и встал:

— А это что было? — спросил он у Бога-Короля.

— Я благодарил этот каньон, — ответил мальчик. — Шаманы уже это сделали, конечно, но боги ценят, когда я тоже что-то говорю.

Эвви потихоньку приходила в себя, её радость сменялась её обычной бодростью. Посвящённый Докьи нашёл её, пока они ждали слуг, собиравших палатку и подушки. Он был узловатым, морщинистым от солнца мужчиной за пятьдесят, со спрятавшимися под тяжёлыми веками тёмными глазами. Его рот с широкими губами, как и его глаза, был обрамлён морщинками. Его узловатые ноги и мускулистые руки показывали, что он не чурался тяжёлой работы, в больших объёмах. Даже его коричневое одеяние посвящённого не смягчало твёрдый вид его тела.

— Хорошо поработала там, Эвви, — сказал он, щёлкнув её по носу. — Полагаю, ты не можешь меня научить тому, как ты заставила камни сверху упасть задом наперёд в тот проём?

Эвви протянула руки, открыла и закрыла их, затем с сожалением покачала головой:

— Я попросила их направиться туда, — объяснила она.

Докьи посмотрел на Браяра:

— Она их попросила. Я вижу их как инструменты, которые можно поместить в нужное место вдоль узора заклинания, а твоя ученица видит их как напарников в работе.

Браяр, который тоже прочил растения что-то для него делать, улыбнулся в ответ. По крайней мере, Докьи не проявлял неприязни к тому, как работала Эвви, в отличие от многих других магов, которых они встречали во время своих путешествий.

Их внимание привлёк голубь, летавший взад вперёд, пытаясь пролететь мимо них в палатку. Браяр заметил маленькую трубку, привязанную к одной из ног птицы, и отодвинул Эвви прочь с дороги, чтобы птица могла влететь внутрь, и усесться Богу-Королю на плечо.

Слуги ускорили процесс упаковки палатки, будто голубь был сигналом. Докьи подошёл, чтобы взять птицу в руки, позволив Богу-Королю распустить завязки на тонкой полоске бумаги. Заполучив её, Бог-Король запустил руку в карман, и вытащил набор сушёных ягод и семян. Докьи взял их, и покормил птицу, пока мальчик читал сообщение.

— Что там? — потребовала Эвви.

Она не выдержала затянувшейся тишины.

Браяр ухватил её ухо своими большим и указательным пальцами, слегка закрутив этот её орган в качестве обещания того, что открутит ей ухо, если она не будет вести себя прилично.

— Разве мы с Розторн не устраивали тебе маленькую беседу насчёт «государственных дел», и о том, как ты съёшь свой шнобель куда не следует? — спросил он на имперском языке, которому он научил Эвви. — Нельзя просто брать и спрашивать королей об их посланиях!

Браяра бросало в дрожь от мысли о том, что Эвви будет так нагло себя вести с Герцогом Ведрисом, дома, в Эмелане. Ведрис по большей части был добрым малым, но когда задевали его достоинство, он мог отморозить человеку все волосы. А Эвви была гораздо более хрупкой, чем казалась.

— Похоже, что Зелёный Перевал хоть и не открыт, и мы не можем отправить вести в Иншию или получить вести оттуда, великий император Янджинга более чем способен посылать вестников через Перевал Ледяного Льва, — сказал Бог-Король.

Выражение его лица было весьма странным:

— Это так, не смотря на то, что по заявлению моих погодных магов Ледяной Лев не будет открыт ещё по крайней мере два месяца. Посыльный от императора ждёт в моём приёмном покое, с письмами для меня и для Розторн.

* * *

Имперский посыльный был лощёным и элегантным, одетым в три перекрывавших друг друга шёлковых одеяния, каждое — с густой вышивкой. У Браяра зачесались руки: взять восточную кисть для рисования чернилами и стопку листов бумаги, зная, что его названные сёстры никогда его не простят, если он не сможет в точности описать имперские фасоны и украшения. Он гадал, как одевавшиеся просто Докьи и Розторн воспринимали надетые на посыльного жёлтые, зелёные и чёрные одежды, или его чёрную шёлковую шапку с крыльями, закреплёнными так, чтобы торчать в обе стороны от его головы. По их каменным лицам судить об этом было невозможно. Докьи носил простое коричневое облачение храма Земли, принятое здесь, на востоке, с чёрной каймой адепта, или мага. Браяр с облегчением

увидел, что Розторн привела себя в порядок после утренней работы с растениями. Она носила чистое одеяние зелёного цвета Земли, принятое в западном храме Живого Круга, также с чёрной каймой адепта. Её короткие, тёмно-рыжие волосы всё ещё были влажными. Проведённые в закрытых помещениях месяцы не давали ей потерять предпочитаемый ею оттенок кожи цвета слоновой кости, а от летнего солнца и морщин она защищалась с помощью набора кремов собственного изготовления. Её большие карие глаза никогда и ничего не упускали. Именно поэтому Браяр сейчас держал Эвви полускрытой у себя за спиной. Ей следовало быть камнем подобно остальным людям в помещении, но вместо этого он ощущал, как она трясётся от беззвучных хихиканий. Если бы ему пришлось угадывать источник её веселья, то он поставил бы на шапку посыльного. Та действительно выглядела глупо, но Браяр держал себя в руках.

— Розторн наблюдает, — прошептал он уголком рта. — Ты хочешь ещё неделю самой стирать нашу одежду?

Это утихомирило Эвви. Розторн она уважала больше всех, даже больше её первого наставника и друга, Браяра.

Будто зная, что обсуждают именно её, Розторн сдвинулась с места, и встала рядом с ними. Докьи последовал за ней.

Гьонг-шийские стражники стояли по стойке смирно. Двое из них ударили в пару больших латунных гонгов, в то время как один из регулярно сменявшихся жрецов множества храмов Гьонг-ши воскликнул:

— Прибыл Бог-Король!

Вместе с некоторыми жителями Гьонг-ши, а также горсткой гостей, Розторн, Браяр и Эвви низко поклонились. Мальчик-правитель не мешкая вошёл в помещение через боковой вход, и взобрался по ступеням на лишённую спинки горку подушек, служившую Богу-Королю тронем. Там он и сел в позе лотоса, оперевшись локтем о колено, и посмотрел на группу янджингцев. Как только он устроился, его советники взбежали вверх по ступеням, встав по обе стороны от трона. Докьи остался вместе с Розторн и двумя молодыми людьми, Браяр был ему благодарен за этот жест.

Как только они заняли свои места, вперёд шагнул один из группы янджингцев, мужчина с бочкообразной грудью, одетый в чёрный шёлк с каймой из жёлтого атласа. Он начал говорить глубоким, раскатистым голосом, отдававшимся в огромной тронной зале. Но языка Браяр не узнал. Он бросил взгляд назад, но Эвви, но та выглядела такой же растерянной, каким ощущал себя он. Проверять лицо Розторн Браяр не стал. Он сомневался, что язык этот был ей знаком, потому что сам он вообще-то знал больше языков, чем она.

— Это язык имперского двора в Янджинге, — сказал Докьи голосом, не распространявшимся дальше их четверых. — Говорят, что он такой же старый, как имперский род. Если на использовании этого языка ловят кого-то, кто не является дворянином или входящим в число домочадцев императора, то этого человека казнят смертью от тысячи порезов.

Браяр опустил взгляд, чтобы никто не видел выражение его лица. Он попытался вспомнить, слышал ли он когда-нибудь о казни за использование языка.

Глашатай замолчал. При звуке шелеста ткани Браяр снова поднял взгляд. Все в группе имперцев, и посыльный — в первую очередь, встали на колени. Теперь, действуя синхронно, они приложили ладони к полу, наклонились, и коснулись головами холодных плит. Они выпрямились, затем повторили свою церемонию касания пола ещё семь раз. Наконец все,

кроме посыльного, замерли, прижавшись головами к полу. Посыльный выпрямился, и начал говорить с Богом-Королём. Полностью он не вставал, и использованный им язык звучал очень похоже на тот, на котором говорил глашатай.

Эвви больше не могла устоять. Она тихо сказала Браяру на чаммурском:

— Только восемь поклонов с касанием! Они его оскорбили! Императору они дают **девять** поклонов и касаний!

Чаммурский был языком, на котором она говорила при их первой встрече. Она делала ставку на то, что этот язык в Янджинге не был известен. Посыльные в дальние страны могли знать имперский, на котором говорили во многих западных землях.

— Может быть, они думают, что делали ему комплимент, отдавая ему почти столько же поклонов, сколько своему собственному господину, — пробормотал на том же языке Браяр. — А теперь тихо.

— Твой акцент радует слух, а складность твоей речи приятна любому слушателю, — сказал посыльному Бог-Король на *тийон*. — Ты простишь меня, если я попрошу, чтобы ты любезно продемонстрировал нам несомненно столь же мастерское владение *тийон*. Мои гости, которых ты ищешь, никогда не имели возможности изучить золотые фразы имперской речи, и, в отличие от тебя, у них не будет тех долгих лет, которые необходимы для овладения ею.

Браяр заметил, что Бог-Король ничего не сказал о том, что сам явно владеет этим янджингским языком.

Посыльный поклонился сначала Богу-Королю, затем, наполовину повернувшись, поклонился Розторн:

— Прошу простить этого недостойного слугу, о великий и великолепный господин, — сказал он на идеальном *тийон*. — Если было нанесено оскорбление, я предлагаю искупить его моей жизнью.

— Это как-то уж слишком, ты так не думаешь? — услышал Браяр тихие слова Розторн, адресованный Докьи.

Браяр превратил свой хрюкающий смех в кашель. К тому времени, как ему удалось взять себя в руки, посыльный разразился перед Богом-Королём цветастой речью на *тийон*, передавая приветствия от восточного императора. Браяр проигнорировал этого малого, добавлявшего к своим словам полупоклоны и жесты, и посмотрел на Розторн. Уголок её естественно-красных губ был утоплен глубже, чем обычно, и Браяр знал, что этот признак свидетельствовал о её презрения к вычурным манерам посыльного. По крайней мере, она не скрестила руки на груди, что означало бы о закипающих за её карими глазами неприятностях.

Эвви ткнула Браяра своим костлявым локтем. Она тоже заметила утопленный уголок рта Розторн, пусть и не слышала её замечания.

Посыльный встал на ноги с грацией танцора. Выпрямившись, он запустил руку в один из своих широких рукавов, и вынул два свитка, каждый из которых был перевязан золотыми лентами и закреплён чем-то похожим на пряжки из зелёного нефрита. Он коснулся обоими свитками лба, затем протянул один из них Богу-Королю.

«Неужели он думает, что Бог-Король сбежит по ступеням, чтобы взять его?» — удивился Браяр.

Если посыльный так и думал, то был разочарован. Один из генералов, всю зиму проживший во дворце, неторопливо подошёл к посыльному, чтобы принять для Бога-Короля

свиток. Только после того, как генерал безрезультатно сотворил над свитком несколько заклинаний, он позволил мальчику-правителю взять послание.

Когда Бог-Король начал читать свой свиток, посыльный повернулся лицом к Докьи и Розторн.

— Этот недостойный не ошибся? — спросил посыльный. — Он удостоился чести обращаться к Первому Посвящённому и Посвящённому Адепту Первого Храма Живого Круга, и Посвящённому Адепту Розторн из храма Спирального Круга?

— Я — Докьи, — произнёс тот, не кланяясь. — Это — Розторн.

Посыльный слегка поклонился, и протянул другой свиток:

— Тогда я имею честь преподнести приглашение моего господина Посвящённому Адепту Розторн и её спутником, — сказал он.

Его тёмные глаза метнулись к Браяру и Эвви. Он поклонился, очень легонько, но в его голосе всё же звучало уважение, когда он произнёс на *тийон*:

— Я ошибаюсь? Неужели я также имею честь стоять в присутствии *Нáншур* Браяра Мосса и его ученицы, Эвумэймэй Дингзай?

Слово «*нанишур*» на *тийон* означало «маг».

Браяр был впечатлён, вопреки себе. Немногие взрослые давали ему положенный титул, отказываясь верить в то, что кто-то столь молодой добился сертификации мага и могущества. Он вернул поклон, и стал тыкать Эвви ногой, пока та не последовала его примеру. Поскольку к этому времени он уже довольно часто бывал при королевских дворах и в дворянских домах, чтобы ориентироваться в их запутанном этикете, Браяр вежливо произнёс на *тийон*:

— Могу я быть благословлён знанием имени моего собеседника, дабы я мог поблагодарить его предков за радость знакомства с их потомком, столь добродетельным и проницательным?

— Поверить не могу, что ты это только что сказал, — пробормотала Эвви.

Браяр жаждал устроить ей надлежащий выговор. Вместо этого он сохранял приятное выражение лица, и продолжил смотреть на посыльного. Если тот и услышал Эвви, то не подал виду, но дал Браяру немного более глубокий поклон. Были ли все его движения точно выверенными? Это заставило Браяра задуматься о том, была ли у посыльного дома мерный шест, и упражнялся ли он в отвешивании поклонов до каждой отдельной засечки, чтобы в точности знать, насколько глубоко нужно кланяться лорду, или магу, или кому-то, кто сделал ему комплимент.

— Простите этого смиренного вестника, милосердный *нанишур*, но когда этот смиренный слуга императора, велико его имя, Сын всех Богов, Повелитель Львов, говорит голосом столь сильномогучего господина, его собственное жалкое имя и самое его существо стирается. Остаётся лишь имя могучего Императора Уэй-шу Мао-рин Гуан-гонг Жй-ан, шестого в Династии Лонг.

Курьер слегка склонил голову набок, в его чёрные глаза сверкали более чем толикой озорства.

— А если мы хотели бы спросить, какая стоит погода на перевалах, мы бы сказали «Прости, ты?» — поинтересовалась Эвви. — Откуда императору в своём далёком дворце знать о погоде в горах?

Браяр не назвал бы гневным тот быстрый взгляд, который курьер бросил на Эвви. Отвращение, возможно. Мужчина сумел натянуть на лицо улыбку — весьма скупую. Именно

её он и предложил Эвви:

— Но ведь именно Орёл Небес, Нисповергатель Гор — тот, кто устроил мне лёгкий путь через Перевал Ледяного Льва, — прохладно сказал он. — Таково было его рвение познакомиться с Посвящённым Адептом Розторн, *Наншур* Браяром Моссом, и даже ученицей столь прославленных творцов магии, что наш грозный господин изгнал бури и заставил снега на Перевале Ледяного Льва расступиться, чтобы позволить этому ничтожному посыльному принести вам любезное имперское приглашение.

Розторн наконец подняла взгляд от свитка, сверкая карими глазами:

— Это... это поразительно.

Она посмотрела на Докьи, первым, потом на Бога-Короля.

— Я сказала вам, что мы планировали поехать в Янджинг с караваном Торговцев, когда откроются перевалы, а потом отплыть домой из Ханджэн. Мы надеялись — мы с Браяром надеялись — посетить по пути как можно больше садов и садовников. Я никогда не думала... Я не ожидала...

Она сделала глубокий вдох, затем выдохнула.

— Браяр, император пригласил нас посетить Зимний Дворец в Дóхан. Он предлагает лично показать нам тамошние свои сады.

— Вы, все трое, приглашены в качестве гостей на праздновании пятидесятого дня рождения Сына Богов, — сказал посыльный. — Это — редчайшая честь. В Янджинге будут лорды, сердито скрипящие зубами от того, что их не пригласили.

— Сады в имперском дворце в Дохан, — прошептала Розторн, проводя пальцами по тиснёным золотым буквам на свитке с приглашением. Её идеально изогнутые брови сомкнулись, когда она взволнованно нахмурилась. Обращаясь к Богу-Королю, она сказала:

— Вы будете оскорблены, если мы так скоро уедем? Потому что вы были с нами очень любезны, и я правда не хочу вас оскорбить.

Браяр посмотрел на Бога-Короля. Осмелится ли он сказать «нет», учитывая его утренние заботы? Разве он тогда не говорил так, будто с нетерпением ждал любого конфликта с великим императором Янджинга?

Бог-Король улыбнулся Розторн:

— Удерживать тебя от самых знаменитых садов в нашей части мира? Это было бы жестоко с моей стороны. Ты дала нам четыре великолепных месяца своего общества. Я лишь сожалею о твоём отбытии так же, как сожалел бы, поступи ты согласно своему изначальном плану, уехав через шесть недель.

Обращаясь к посыльному, он сказал:

— Я надеюсь, ты дашь им два дня на сбор вещей и прощание с нами.

Посыльный повернулся лицом к Богу-Королю, снова встал на колени, и коснулся лбом пола. Его спутники всё это время так и провели в этом положении.

— Мой великолепный господин приказал своему покорному слуге повиноваться Богу-Королю Гьонг-ши во всём, — ответил он.

— Полагаю, это значит «да», — услышал Браяр тихие слова Розторн, обращённые к Докьи, поскольку теперь посыльный не смотрел в её сторону.

Браяр позволил вздоху облегчения вырваться из своей груди. Она была в своём обычном, насмешливом, упрямом состоянии. Было понятно, что она будет рада возможности увидеть знаменитые **личные** сады императора, но после ремарок Бога-Короля и всех слухов и рассказов об императоре, которые Браяр услышал за четыре месяца, Браяр хотел, чтобы

Розторн была на пике упрямства. Поскольку приглядывать ему приходилось сразу за Розторн и за Эвви, Браяру нужен был весь здравый смысл, какой он только мог найти, купить, или украсть.

Глава 2

За стенами Дохан, зимней столицы Янджингской империи, пять недель спустя, вторая неделя Луны Семени.

Эвумэймэй Дингзай была очень несчастна. Во-первых, ей было жарко. После того, как они спустились с высот Дримбаканг Шарлог, они оказались во влажных, залитых солнцем землях, где уже потеплело, не смотря на едва только начавшуюся весну. Сегодня было даже теплее обычного. К её дискомфорту добавляло то, что они с Розторн ехали в наиэлегантнейшем паланкине, направляясь на первую часть празднования дня рождения Императора Уэй-шу. Носильщики несли их по одной из многих дорог Зимнего Дворца, от каковой головокружительной «чести» Эвви с радостью бы отказалась. Шторы паланкина были задёрнуты, как им сказали их слуги-хранители, чтобы чернь не глазела на привилегированных гостей императора, и чтобы их одежды не запылились. Это значило, что они тряслись в душной, завёрнутой в шёлк коробке.

Её заставляла молчать лишь мысль о Розторн, которая схватит её за ухо, если она выразит свои чувства вслух. Но ведь даже Розторн может понять, почему девочке, одетой в три слоя шёлковых халатов и с волосами, намасленными, заплетёнными в косички и заколотыми украшенными самоцветами заколками, могло захотеться что-то сказать, пусть и себе под нос. Однако, Розторн часто придерживалась странного воззрения насчёт поведения, которое она ожидала от своих спутников, поэтому Эвви было лучше держать свои жалобы за зубами. То есть, по крайней мере, если она хотела, чтобы её ухо сохраняло своё надлежащее положение у неё на голове.

Эвви хотела сказать, что это было нечестно. От Розторн, посвящённой признанной религии, придворный этикет требовал носить лишь одежды, подобные тем, что она носила на службе своим богам. Конечно, император потребовал, чтобы эти одежды были шёлковыми: белая сорочка и зелёное облачение хвойно-зелёного цвета, которые носили посвящённые западного Живого Круга. У Розторн не было воротника. У Эвви их было три, и они открывали больше ничем не прикрытой кожи Эвви, чем ей казалось приличным. Она попыталась подтянуть один из слоёв, чтобы прикрыть верхнюю часть своей груди, но потерпела неудачу.

— Прекрати возиться, — приказала Розторн.

Она лежала на подушках, обмахивая себя веером, чтобы остудиться.

— Одежду легче носить, если забываешь, что она на тебе одета. Ты же не видела, чтобы Браяр ёрзал или что-то подтягивал.

— Я вообще не вижу Браяра, — проворчала Эвви, пытаясь ссутулиться. — Он-то едет верхом.

— Если бы мы носили одежды, подходящие для езды верхом, то я уверена, что нам тоже позволили бы это делать.

Паланкин внезапно наклонился; Эвви свалилась на подушки. Рабы, тащившие носилки с похожим на ящик помещением, начали подниматься. Эвви заползла обратно в сидячее положение, и рискнула выглянуть через шторы наружу.

— Ступени, — сказала она Розторн. — Большие, плоские ступени, как в том старом

храме на Море Травы.

Она позволила своей магии стечь вниз, на отполированные поверхности камней под паланкином. Ступени были старыми, тихими и сонными. Она разбудила их, чтобы задать им вопросы.

— Ходящие туда-сюда люди протёрли в них вмятины, но они говорят, что они не против.

Она позволила их древним голосам прокатиться по своим костям.

— Они говорят, что, по словам людей, они — белый мрамор из Сйшан. Они пробыли здесь уже больше сезонов дождей, чем они могут сосчитать, если бы могли считать.

Она откинулась назад, позволив шторам закрыться.

— Они снова засыпают.

Она вздохнула, чувствуя себя лучше. Она осторожно разгладила один из своих рукавов, затем тихо призналась:

— Я бы не возилась так, но я боюсь.

— Я заметила, — тихо сказала Розторн. — Мы — гости, Эвви. Император пообещал Богу-Королю и Первому Посвящённому Докьи, что мы будем в безопасности. Нужно верить в то, что он говорит правду. Мы слышали, как сильно он гордится своими садами. Судя по его письму мне, он считает меня широко известной садовницей. Он хочет похвастаться перед мной. Возможно, он даже захочет, чтобы я немного поработала на некоторыми из его растений.

Эвви прикусила губу. Пока ей не исполнилось четыре года, родители учили её, что император мог делать всё, что пожелает. Когда она жила в своей скальной норе в Чаммуре, старая женщина из Янджинга, Кинлинг, рассказывала ей истории о доме. В них император представлялся стоящим лишь на одну ступень ниже богов. Эвви годами выживала сама по себе благодаря тому, что избегала могущественных людей. Эта поездка к имперскому двору шла вразрез со всеми инстинктами выживания, которые у неё были.

Носильщики их паланкина медленно остановились, но когда Эвви попыталась выбраться наружу, в проёме её шторы показался хмурый евнух. Он покачал ей пальцем, и задёрнул шторы.

— Нам жарко, — рассерженно огрызнулась Эвви на чаммурском.

Розторн легонько шлёпнула её по руке:

— Следи за манерами, — предупредила она. — Мы не в Гьонг-ши.

— Мне нечем дышать, — заныла Эвви.

Внезапно кто-то сунул через шторы поднос с двумя пиалами. Розторн нахмурилась, затем взяла одну из них. Эвви взяла другую. Пиала была прохладной на ощупь. Ложки не было, значит из неё надо было пить. Она сделала маленький глоток. Вкус освежал как холодная вода, но имел лёгкий, незнакомый фруктоподобный привкус, прочистивший ей голову. Она начала жадно пить.

— Очень хорошо, — сказала Розторн, когда они вернули свои пиалы на поднос, который терпеливо удерживала чья-то рука.

Поднос и рука скрылись.

— Это кокосовая вода — я показывала тебе кокос на рынке на прошлой неделе. Видишь, Эвви, есть в этом и хорошие стороны.

Эвви уставилась на неё:

— В Янджинге есть голодные призраки, которые съедают людей изнутри и забирают

себе их кожу. С тобой именно это произошло? Поэтому ты такая спокойная?

Затем она заметила покрытые красивой резьбой перекрытия вокруг них. Розторн провела рукой по дереву, когда они оказались внутри, и сказала, как именно эта древесина называлась, но Эвви её тогда не слушала. Она слушала сейчас. Рама над плечом Розторн проросла двумя побегами с листочками. У Эвви от стыда сжался живот. Пока она суежилась, Розторн была так напряжена, что древесина паланкина выпустила ростки, чтобы её успокоить, не смотря на покрывавшие её слои лака.

Эвви улыбнулась Розторн:

— Напиток был очень хорошим, — покладисто сказала она.

Розторн подняла брови:

— Это было слишком вежливо. Что с тобой такое? Ты заболела?

— Просто не хотела быть тебе обузой, — объяснила Эвви, когда паланкин снова пришёл в движение.

Розторн мгновенно приложила запястье Эвви ко лбу.

— Нет, жара у тебя нету, — сказала она. — Откуда ты взяла эту мысль про «обузу»?

Паланкин остановился в каком-то тенистом месте. На этот раз евнухи по обе стороны распахнули шторы. Они предложили свои затянутые в шёлк руки, чтобы гости императора могли выбраться из роскошного ящика.

Как только они встали снаружи, имперские горничные метнулись к ним, чтобы поправить покрывавшие Эвви слои шёлка, и даже одеяние Розторн. Они попятнулись, когда Розторн зыркнула на них — или они увидели маленькие ростки, проклюнувшиеся также снаружи паланкина? Эвви не была уверена. Она стояла неподвижно, твёрдо намереваясь в кои-то веки вести себя хорошо и не давать Розторн поводов для беспокойства. Пока женщины приводили в порядок её халаты и волосы, она смотрела в потолок.

Потолок здесь был, потому что их принесли в огромное каменное здание. Стропила были из тёмного дерева, покрытого позолотой, и на них висели огромные бумажные фонари. Эвви была благодарна за то, что фонари не горели. Здесь было довольно прохладно, за исключением время от времени протекавших снаружи потоков тёплого воздуха.

Чей-то настойчивый большой палец оторвал её от мыслей о погоде и стропилах. Одна из служанок толкала её подбородок, в то время как вторая стояла наготове с горшочком красной губной краски.

— Я для этого слишком молодая, — заявила Эвви на *тийон*.

На самом деле она хотела сказать, что придворные женщины с красными каплями на верхней и нижней губах выглядели глупо, но Розторн это бы не понравилось.

— Уберите от меня эту красную штуку.

— Эвви, — сказала Розторн, её голос сочился предупреждением.

— Я позволила им намазать мне на лицо белое и алое, потому что ты так сказала, — ответила Эвви.

«Если кто-то в пределах слышимости говорит на чаммурском, то сами виноваты, что подслушивали», — пылко подумала она.

— Я теперь похожа на выступающую акробатку. Я не позволю им ещё и дать мне каплю крови.

Служанки в гостевом павильоне сказали им, что именно так назывался нынешний стиль краски для губ.

Они с Розторн обернулись, когда услышали заскрежетавшую по полу цепь.

— Но все леди, преклоняющиеся перед его имперским величеством, имеют каплю крови и лицо лилии, — сказал незнакомец.

Он остановился рядом с вошедшим Браяром, будто для контраста.

Браяр был стройным молодым человеком, благовидным и улыбающимся, в халатах зелёного цвета, персикового и цвета слоновой кости. Он не носил накрахмаленную шапку чёрного шёлка, подобающую *нанишур* или дворянину, оставив свои короткие, блестящие чёрные волосы непокрытыми. У незнакомца тоже были короткие чёрные волосы. Он носил только лишь белое одеяние, похожее на очень свободные штаны со складками, доходившие ему до колен. Его кожа была более тёмного бронзового оттенка, чем у Браяра, под ней бугрились мускулы, и её покрывали шрамы, как у воина. Его запястья и щиколотки были закованы в золотые кандалы, и соединены толстыми золотыми цепями. Кандалы на его запястьях также были прикованы цепью к его ошейнику, тоже золотому.

Он увидел, куда посмотрела Эвви, и немного поднял свои запястья, натянув цепи, шедшие от его горла к рукам и ногам.

— Нет, только мне требуется носить эти штуки, — сказал он, скривившись. — Благодаря им мне труднее сбежать.

Он низко поклонился и сделал приветственный жест сначала Розторн, затем Эвви, затем Браяру, касаясь пальцами своей мощной груди, затем своих губ, и затем своего лба.

— Я — Пáрахан, последняя имперская забава. Сейчас мне приказано представить вас пред его очи.

— Я... — начала Розторн.

— Розторн, — перебил Парахан. — Хотя мне трудно поверить, что у столь прекрасной розы вообще есть шипы.

— Ты и понятия не имеешь, — пробормотал Браяр, шагая в ногу с Эвви вслед за Параханом и Розторн, когда те вышли наружу.

Рослый пленник подвёл их к маленькой группе из трёх стульев у подножья каменного возвышения. Эвви увидела, что они стояли на вершине низкой пирамиды. Её вершина была срезана, образовав платформу. Браяр вонзил свой острый локоть Эвви в бок, и кивнул в сторону трона. На них смотрел император. Эвви поспешно присоединилась к Браяру и Розторн в низком поклоне. Парахан сумел встать на колени, не запутавшись в своих цепях. Как и посыльные императора в Гармашинг, он коснулся камней пола ладонями и лбом.

Император лишь небрежно кивнул им. Он сосредоточил своё внимание на том, что открывалось перед ними. Они поступили так же, когда Парахан встал на ноги.

Открывавшийся с пирамиды вид оставил гостей молча глазеть. Перед ними лежало обширное поле, на котором всадники выписывали сложные фигуры, устраивали показательные сражения длинными копьями и мечами, стреляли в мишени, и скакали наперегонки по покрытым травой полосам по обе стороны поля. В задних рядах выступающих войск что-то время от времени грохотало. Вдалеке земля взлетала в воздух и падала.

— Что это было? — воскликнула Эвви, когда это случилось в первый раз.

— Порох, — пробормотал Браяр на имперском.

Его пальцы сжались в кулаки на подлокотниках его стула. Ему по-прежнему снились кошмары о нападении пиратов на его с Розторн дом, и об их новом оружии, искалечившем и убившем много людей.

Парахан сел скрестив ноги на каменные плиты между Розторн и Браяром.

— Я не знаю, как вы его зовёте, — сказал он на *тийон*, слегка повернувшись, чтобы посмотреть вверх, на Браяра. — Здесь он называется *зэйао*. И я думаю, что они имеют право называть его как им заблагорассудится, поскольку они его и изобрели.

Его взгляд заострился, когда он начал замечать руки Браяра, и движение у него под кожей.

— Рáйя помилуй, что с тобой произошло?

Браяр вздохнул, и протянул руку, чтобы Парахан мог рассмотреть её поближе.

— Я пытался сделать себе небольшую татуировку, — объяснил он. — С помощью растительных красок, которые я сам сделал — я же зелёный маг. Краску я нанёс с помощью иголок одной из моих названных сестёр.

— Она — чарошвейка, — весело сказала Эвви.

Ей эта история никогда не надоедала. Она часто чувствовала себя глупой, находясь рядом с Браяром, поэтому её очень утешало осознание того, что он тоже может сглупить.

— Она — больше чем чарошвейка, — поправила Розторн. — Она — ните-маг. Он позаимствовал иголки, которые она использует для своей магии.

— Не то, чтобы у неё был один набор для шитья, а другой — для магии, — запротестовал Браяр. — Её шитьё и **есть** её магия. **В общем**, — сказал он Парахану, зыркнув на Розторн, — всё должно было получиться. Но цветы, которые я нанёс себе на руки, не были просто изображениями.

— Они растут, — объяснила Эвви. — Они растут, и двигаются, и умирают, и снова растут. И они выросли вверх, вдоль его рук. Я считаю, что это великолепно.

— Хм-м-м, — сказал Парахан. — Можно?

Браяр позволил ему повертеть свои руки, чтобы осмотреть их. Парахан увидел глубокие шрамы у Браяра на ладонях, напоминание о шипастой лозе, которая не хотела отпускать мальчика, когда он был моложе. Парахан заметил, что цветы и листья росли у Браяра и под ногтями. Когда поднял Браяру руку, позволив шёлковым халатам сползти вниз, он увидел, что цветущие растения продолжали расти даже вверх по рукам молодого человека, двигаясь, раскрывая новые листья или новые бутоны, и прорастая новыми стеблями прямо у него на глазах.

Наконец он осторожно сказал:

— Я нахожу очень интересным тот факт, что молодой парень нанёс себе на руки цветы. Возможно, ты пытался скрыть что-то, ну, между большим и указательным пальцами, например?

Эвви закрыла себе рот обеими ладонями, сдавленно захихикав. Дружелюбный незнакомец угадал тайну Браяра. До того, как стать магом, Браяр был вором и уголовником, заработав два ареста — и два тюремных креста, вытатуированных на коже между большим и указательным пальцами, на каждой из рук. Его арестовали в третий раз, и уже собирались отправить на пожизненную каторгу, когда другой маг увидел в Браяре магию, и привёз его к Розторн.

Браяр бросил взгляд на трон и занимавшего его человека. Ни император, ни присутствующие его придворные не были достаточно близко, чтобы их услышать.

— Я практически полностью исправился, — тихо сказал Браяр очень, очень сухим голосом. — И в качества *наниур* я нанёшу гораздо больше ущерба, чем наносил в качестве вора.

Парахан отпустил его, вздохнув:

— Я лишь завидую, — признался он. — Будь я магом с твоими талантами, а не избалованным воином, я, возможно, не дал бы моему дяде продать меня императору. Вы ведь гадали насчёт моего наряда.

Он потряс запястьями, заставив свои цепи зазвенеть.

Это привлекло внимание Розторн:

— Тебя продал твой дядя?

Парахан осклабился, показав крепкие белые зубы:

— Вам следует его пожалеть. Я знаю, что он скорее бы предпочёл убить меня, чтобы уж точно унаследовать когда-нибудь трон моего отца. К его несчастью, мой дядя на это не решился.

Парахан посмотрел на поле. Всадники выстраивались в бригады по обе стороны обширного пространства.

— В Комбáнпуре — откуда я родом, это одно из Королевств Солнца — считается большим невезением убить одного из близнецов. Мне повезло, что я являюсь таковым, с моей сестрой Судамíни. Вообще-то, я не уверен, верит ли мой дядя в невезение вообще, или он просто знает, что случится, если Суда проведает о том, что я пал от его руки.

Он подмигнул Эвви своим большим карим глазом.

— Я — покладистый. Вот Суда, она — боевая кошка.

Всё, что они ещё могли бы обсудить, утонуло, когда вперёд вышли музыканты, и забили в барабаны, затрубили в рога, и заколотили в большие гонги. Взрывы прекратились; те, кто их устраивал, разошлись. Вдалеке Эвви увидела цветную полосу. Полоса стала медленно расти всё больше и больше, пока Эвви не осознала, что смотрит на строй солдат в броне, сопровождаемых по флангам офицерами и знаменосцами. За ними следовали упряжки верблюдов, тащившие катапульты, и отряды стрелков.

Между отрядами пехотинцев, стрелков и команд obsługi каждой катапульты и её амуниции, ехали верховые мужчины и женщины. Многие из них носили длинную чёрную шапку *наншур* из шёлка. Чтобы понять, какую роль вновь прибывшие исполняли, Эвви не требовалось смотреть на их одежду. Для её окружающей магии сила этих людей пылала на их шеях и запястьях. Они наверное носили какие-то заколдованные камни в качестве украшений. Если они вышивали оккультные символы или нанизывали свои камни на нити из хлопка или льна, то для Розторн и Браяра они были столь же очевидны.

Они молчали, пока армия маршировала, и маршировала, и маршировала, её солдаты подходили к самому подножью имперского павильона. Когда заглохли последние барабаны, гонги и рога, и на земле больше никто не двигался, армия протянулась насколько Эвви хватало глаз. По её коже пробежали мурашки. Она никогда в жизни не видела столь крупную армию.

Офицеры что-то скомандовали, и воины закричали на тийон. Они повторили свой крик трижды, отчего у Эвви зазвенело в ушах. Ей потребовалось какое-то время, чтобы осознать, что они кричали «Да здравствует император!»

Когда они замолчали, император покинул свой трон, и сошёл к подножью возвышения, где самые близкие солдаты могли его видеть. Двое облачённых в чёрное магов шагнули вперёд, чтобы встать у него по бокам. Затем он поднял руки, и заговорил.

Камни на шеях магов запылали. Голос императора прокатился по полю подобно грому. Он восхвалял их силу; он восхвалял их повиновение ему и богам Гьонг-ши. Он обещал своим воинам битвы, и честь, и рассказы для их внуков. В конце он прокричал:

— Смерть врагам Янджинга!

Все стоявшие перед ним люди — к тому времени даже всадники спешили — пали, упершись ладонями и коленями в землю. В полнейшей тишине они девять раз коснулись лбами земли. После девятого раза они так и застыли в этой позе.

— Я начинаю по-настоящему ненавидеть эту церемонию, — тихо пробормотал Браяр на имперском.

Император со своими магами пошёл прочь, огибая дальнюю сторону возвышения. Остальные маги и дворяне потянулись с возвышения вслед за ним.

— Мы должны пойти следом? — спросила Розторн у Парахана.

— На меня возложили ответственность за эскортирование вас в Зал Имперских Приветствий, — объяснил рослый мужчина. — Мы ждём, пока толпа рассосётся. Тогда и пойдём.

— Почему он не поприветствовал нас здесь? — поинтересовалась Эвви.

— Могу предположить, что он хотел, чтобы вы полюбовались одной из его армий, — вкрадчиво ответил Парахан. — Он любит хвастаться ими перед посетителями.

Какое-то время все молчали. Эвви гадала, только ли она одна затаила дыхание после слов Парахан, когда Розторн произнесла:

— Это была только **одна** из его армий?

— О, да, — тихо сказал Парахан. — Конкретно эта — от Центрального Янджинга. Я также видел армии Северного Янджинга и Южного Янджинга. Южная гораздо больше. Мне говорили, что северная тоже была гораздо больше, пока он не решил сражаться сразу с тремя соседними государствами.

— Почему он показывает тебе все свои армии? — спросил Браяр.

Парахан покачал головой:

— О, я тут ни при чём. Он перед всеми любит хвастаться этими армиями. Он напоминает своим друзьям, что он — страшный враг, а врагам даёт понять, что им лучше сдаться.

— А гостям? — спросила Розторн. — Наш дом, Эмелан, ему ни друг, и ни враг. Зачем показывать их нам?

Парахан ответил:

— Чтобы вы всем встречным рассказывали об увиденном.

Представили их не сразу. Першан сопровождал их в отведённый для них гостевой павильон, где их ждала янджингская трапеза. Однако прежде, чем они смогли поесть, обслуживавшие их служанки сняли с них то, что Браяр насмешливо называл «одеждой для просмотра армии». Вместо этого они были одеты в свободные халаты, чтобы можно было есть, не опасаясь испачкать дорогие шёлковые и льняные вещи.

Розторн не была уверена, что её радовало больше — более прохладная одежда, или еда. Она боялась, что ей придётся пойти на официальное представление с желудком, в котором кроме кокосовой воды ничего не было. Теперь, устроившись за низким столиком скрестив ноги, она осознала, что Парахан собирался отойти в сторону вместе с обслугой обеденной комнаты.

— Присоединяйся к нам, пожалуйста, — сказала она. — Я не смогу ни куска в рот взять, если ты будешь стоять над душой.

Слуги зашебетали, шокированные тем, что их гости могли попросить пленника есть вместе с ним, но замолкали, когда Розторн ловила их взгляды. Парахана не нужно было приглашать дважды. Он мгновенно сел на корточки рядом с Браяром, и взял себе бобового супа, жареного гуся, засахаренных в мёде вишен и печёной ягнятины. Розторн вскоре заметила, что слуги были очень рады давать Эвви жареные кексы, засахаренные ягоды ююбы, и разные прочие сладости, при этом полностью игнорируя Парахана.

Если люди императора настаивали на том, чтобы прислуживать его гостям, как это было с момента их прибытия из Гьонг-ши, Розторн решила, что, если уж на то пошло, то можно этим воспользоваться. Она посмотрела на слуг, и подняла бровь. Они были так хорошо вышколены, что мгновенно застыли. Заполучив их внимание, она посмотрела на Парахана — поскольку палочек для еды ему не дали, он ел руками, — и затем снова на слуг. Одна из них мгновенно принесла чашу для омовения, чтобы рослый мужчина мог помыть руки. Другая положила перед ним пару палочек для еды с надлежащим каменным держателем. Третья служанка встала рядом с ним, ожидая его выбор вторых блюд. Парахан моргнул, глядя на неё, затем начал показывать пальцем. Удовлетворившись этим, Розторн стянула к Эвви три тарелочки со сладостями, и показала своей собственной служанке, что Эвви могла бы получить обжаренную варёную рыбу, ростки тростника, и тыквенные ломтики в соусе. Если бы она позволила ребёнку есть по собственному разумению, то у Эвви сгнили бы зубы, маг она или не маг. Эвви зыркнула на свою новую еду, выпятив нижнюю губу. Розторн её проигнорировала. Девочка либо будет есть, либо не будет.

По крайней мере Браяр следил за манерами и указывал служанкам свой выбор блюд. Они чуть не устроили инцидент по прибытии, когда Розторн попыталась настоять на том, чтобы они сами себя обслуживали. Потребовалась сама величественная Госпожа Гостевых Павильонов, чтобы объяснить им, что всё делалось определённым образом, когда человек являлся гостем императора, и что действуя по-другому, они обеспечивали своим слугам потерю головы. После этого Розторн скрипела зубами и терпела это обхождение. Будучи посвящённой, она более привыкла к тому, чтобы служить самой, или по крайней мере

выполнять свою часть работы. Когда ей прислуживали, у неё чесались все места, где её клятвы стали частью её самой.

Позабывшись о Парахане и Эвви, она начала есть своего жареного гуся. Её аппетит уменьшился с момента их приезда в Зимний Дворец. Здесь столь многое имело смертельные последствия для слуг, но не для гостей. Она даже не могла пойти на прогулку по садам. Вид садов успокоил бы её, но слугам было положено не пускать её туда, пока она, Браяр и Эвви не будут официально представлены Императору Уэй-шу. Сколько церемоний им придётся вытерпеть, прежде чем она сможет увидеть знаменитые сады императора? Одни только его пруды с лилиями славились на западе до самого Эмелана.

Парахан разговорил Эвви насчёт её магии. Она не только болтала без умолку, но и ела свои овощи. Браяр поймал взгляд Розторн, и подмигнул, заставив её улыбнуться. «Спасибо ему», — подумала она. Розторн и не думала, как сильно она будет полагаться на поддержку Браяра, когда они отправлялись в своё долгое путешествие. Он полностью взял на себя Эвви в Гьонг-ши, когда ей так трудно было дышать. Розторн как-то раз попыталась поблагодарить его за это. Он лишь поцеловал её в лоб, и сказал, чтобы она не говорила глупостей. От этого она ощутила себя благодарной и слабой, а слабой она себя ощущать не любила. От ненависти к себе и к нему её удерживало лишь знание того, что он — её мальчик, и что они уже много лет как перестали вести счёт тому, чему они друг другу обязаны. Ей нужно было снова найти свою силу, но это место, с его сокрушающим весом имперской власти, начинало казаться ей неподходящим местом для исцеления.

Браяр протянул руку со своими палочками, и стащил с её тарелки кусок жареного гуся. Служанки ахнули и захихикали, закрывая ладонями рты. Розторн хмуро взглянула на него.

— Неприлично оставлять столь чудесно приготовленную еду недоеденной, а ты просто возишь её по тарелке, — с набитым ртом ответил Браяр.

Она снова потянулся к её еде.

На этот раз Розторн оттянула свою тарелку подальше от него, и начала есть.

— И нечего тебе важничать, — предупредила она, доев.

— Я и не подумал бы, — заверил её Браяр. — Я хочу дожить до возвращения домой.

Горничные вышли вперёд, кланяясь и имея тревожный вид. Парахан встал на ноги единым атлетичным движением. Розторн чуть испустила громкий вздох, но вовремя себя остановила. Она была уже не школьницей, чтобы вздыхать по статному мужчине, сказала она себе. Она просто завидовала, потому что уже давно миновали дни, когда ей, чтобы встать, не требовалось сначала встать на колени, а потом выпрямлять сначала одну ногу, потом другую. Да, именно в этом и было дело.

— Эти милые дамы говорят, что если они поскорее не оденут вас и не посадят в паланкины, то у них будут неприятности. И у меня тоже, — сказал Парахан.

Конечно, он был в полнейшем неведении относительно интересных мыслей Розторн.

— Тогда идём одеваться, — сказала Розторн, вставая так грациозно, как только могла.

Выпрямившись, она не смогла удержаться. Она остановилась, и улыбнулась Браяру и Эвви:

— Конечно, мне **по-прежнему** достаточно носить лишь один халат и сорочку.

Игнорируя стенания Эвви, она вошла в отведённые для неё просторные, роскошные комнаты.

Парахан не шутил. Зал Имперских Приветствий сам по себе был произведением искусства. Закованный в цепи мужчина провёл их по длинному вестибюлю с покрытыми ярко-жёлтым лаком стенами и потолком. Вдоль одной из стен стояли резные скамейки чёрного дерева, чтобы дворне могли сидеть и беседовать, пока их обслуживали и обмахивали опахалами служанки и евнухи. Все они взирали с не выказывавшими эмоции лицами взирали на их маленькую группу, проходившую мимо.

Они достигли середины зала. На одной его стороне привлекали любопытных большие картины в янджингском стиле. На них были изображены сочные, прекрасные сцены дворцовой жизни, сады, и горы. Они привлекали к себе группы зрителей, обсуждавших картины тихими голосами. На другой стороне широкого коридора под прорезанными в стене высокими окнами висели большие золотые клетки. Их назначение было ясно благодаря их размерам и стоящим в каждой из них фарфоровом ночном горшке. В них не было ни ширмы для уединения, ни одеяла для тепла. Если отсутствовавшим там пленникам давали еду и воду, то свидетельства этого подчищались. Пустые клетки слегка покачивались на дувших через окна и коридор лёгких бризах.

— Вон та — моя, — сказал Парахан, указывая на самую крайнюю клетку. — Обычно гиды рассказывают гостям, что я — вождь варварского королевства из числа Королевств Солнца. Император держит меня здесь, когда для меня нет никаких поручений, или если он хочет показать меня в качестве примера одному из своих дворян или генералов.

Эвви в ужасе посмотрела на клетку, затем на Парахана:

— И это всё место, что у тебя есть?

Парахан сплёл и расплёл цепи у себя на запястьях:

— Это лучше, чем некоторые другие места, куда он помещает своих пленников. В паре из них я сам сидел поначалу.

Они достигли огромного круглого отверстия, обрамлённого древесиной из тикового дерева. За ним стояла частичная стена, покрытая грубым золотым шёлком и украшенная двурогими, крылатыми львами. Там их ждал евнух с раскрашенным в белый цвет лицом и стекавшими по спине длинными чёрными волосами. Его глаза были обведены чёрной краской. Он был великолепно облачён в бирюзово-синие, красные и бледно-жёлтые халаты.

Парахан поклонился евнуху:

— Мастер Представлений, я привёл тебе этих почтеннейших гостей нашего всеобщего имперского господина.

Он тщательно представил каждого из них в порядке убывания возраста и экспертизы в магии, начиная с Розторн. Затем он представил евнуха как Мастера Представлений перед императором, первого среди имперских евнухов. Когда с этим было покончено, Парахан сказал им:

— На этом моя роль заканчивается. Мы ещё увидимся. Не волнуйтесь. Мастер Презентаций хорошо о вас позаботится.

Он весело улыбнулся им всем, и пошёл прочь, звеня цепями.

Эвви хотелось заскулить. Потеря Парахана ощущалась так, будто она потеряла особо тёплое и комфортное одеяло. Но она не заскулила, только не здесь, перед этим гордым стариком, на котором было больше туши для глаз, чем у неё и Розторн вместе взятых.

Мастер Презентаций оглядел каждого из них, будто ожидая, что на их одежде сыщутся пятна или прорехи. Затем он хмыкнул:

— Я полагаю, леди из вашего павильона объяснили, что вам делать во время представления?

У него был высокий, похожий на звук флейты голос.

— Конечно объяснили, — сказала ему Розторн.

Её манера вдруг стала такой же надменной, как у любой дворянки.

— И принц тоже объяснил. Ты собираешься ещё больше нас задержать?

«Я буду ею, когда вырасту», — радостно подумала Эвви, когда евнух вздрогнул, и просеменил мимо них, через круглый проём. «Я знаю, что для этого придётся потрудиться, но я буду точно такой же, как она».

* * *

Они последовали за Мастером Презентаций в обход золотой стены. Перед ними простиралось широкое прямоугольное помещение, гораздо более великолепное, чем всё виденное ими прежде. Заполненные живыми цветами огромные фарфоровые вазы наполняли зал своим благоуханием. Крышу поддерживали толстые колонны из драгоценных пород дерева, покрытые ярко-красной эмалью. Их вычурные основания и капители были покрыты позолоченной изображавшей рыб резьбой. Наверху потолок густого синего цвета также был покрыт позолоченными звёздами, на фоне которых изображались боги и богини, игравшие или сражавшиеся среди драконов, львов и других существ. С вершин колонн свисали богато украшенные золотые фонари, давая свет. На возвышении у края помещения музыканты играли на инструментах империи, в число которых входили барабаны, флейты, похожие на лютню инструменты под названием *nípa*, и лютню с очень длинным грифом, называемую *эрху*. Браяру янджингская музыка начинала нравиться — особенно он пристрастился к мелодичным, печальным звукам *эрху*. Эвви эту музыку обожала, даже пение, поскольку это были звуки её детства, а Розторн лишь молча сидела, скрипя зубами. Теперь, увидев семенящего мимо Мастера Презентаций, музыканты отложили свои инструменты.

Кишевшие в помещении придворные расступились перед Мастером Презентаций, слегка кланяясь, когда он проходил мимо. Он направлялся к позолоченному возвышению в сердце зала. Взор Браяра приковал император. Как и они, он уже переделался, сбросив с себя жёлтые халаты, которые носил ранее.

Император Уэй-шу Мао-рин Гуан-гонг Жи-ан из Династии Лонг был пятидесяти лет от роду. Это проявлялось лишь в отдельных седых волосках у него на висках, и в неожиданном седом пятне на коротко остриженной бороде. Его усы были такими же чёрными, как и остальные его волосы. У него были янджингские тёмно-карие глаза, и бронзовая кожа янджингского воина, проводящего много времени на солнце. У него были широкие скулы и длинный нос. «Кровь кочевников-коневодов в роду», — подумал Браяр, — «но его мать была пленной наложницей, так ведь? Значит, наверное она и была кочевницей».

Халат Уэй-шу был из ярко-жёлтого шёлка, украшенного густой золотой вышивкой. Он застёгивался на шее и плече петельками из всё того же золотого шёлка. Ноги императора, скромно укрытые простыми чёрными туфлями, покоились на табуретке. На коленях он

держал сложенный синий веер, хотя по обе стороны от него стояли слуги, державшие в руках гораздо большие по размеру опахала, чтобы отгонять от него жару. На голове у него была прихотливо сложенная шапка из накрахмаленного чёрного шёлка.

— Узрите могучего императора, шестого в своей династии, возлюбленного всеми богами, — начал декламировать Мастер Презентаций, остановившись перед возвышением.

Их маленькая группа остановилась у него за спиной. Это было частью их представления. Евнух должен был перечислить все титулы императора, что должно было занять какое-то время.

Браяр бросил короткий взгляд направо от трона. Там, у подножья возвышения, стоял Парахан, на коленях. В его гардеробе произошло пополнение, и Браяру оно не нравилось. К золотому ошейнику рослого мужчины была прикреплена ещё одна цепь. Она тянулась к трону, где была обмотана вокруг левого запястья императора. Браяр опустил взгляд, пока никто не увидел бешенство в его глазах. К своему удивлению, Парахан ему начал нравиться. Он считал, что обращаться с пленником как с неукротённым зверем — жестоко. За два года, пока он, Розторн и Эвви ехали на восток, Браяр встречался со многими людьми. Он кое-что узнал о воинах. Парахан заработал свои старые шрамы отнюдь не играя со своим любимым псом; он получил их в бою. Возможно, император слишком привык к тому, как ему кланялись его воины и рабы. Может быть, однажды он на своём собственном горьком опыте узнает, что заковывание человека в кандалы не означало, что он укротён.

Мастер Презентаций наконец докудахтал до конца. Розторн поклонилась, не более низко, чем кланялась Богу-Королю. Посвящённые Живого Круга не признавали никаких земных владык. Браяр поклонился ниже. Он предпочитал заставлять могущественных людей думать, что он — милый, почтительный парень. Эвви, всё ещё остававшаяся порядочной дочерью империи, не смотря на то, что покинула её со своей семьёй в возрасте четырёх лет, опустилась на колени, и девять раз коснулась лбом пола.

— Посвящённая Розторн.

Голос у императора был глубоким и приятным, квинтэссенцией доброты. Его *тийон* был идеален. Браяр цинично задумался, звучал ли его голос так приятно из-за магии, потом сказала себе, что не следует быть таким мелочным.

— Мы очень рады приветствовать тебя при нашем дворе, — продолжил император. — Твоя репутация уже давно достигла нас, принесённая Торговцами, привёзшими нам лекарства и саженцы, полученные от тебя великой ценой и с великим трудом.

Розторн снова поклонилась:

— Полагаю, что лекарства и растения были удовлетворительны, Ваше Имперское Величество, — сказала она.

— Они многому научили нас о твоей великой силе, — с улыбкой ответил Уэй-шу. — Мы надеемся почтить тебя, проведя тебя в наши сады, и выслушав твоё мнение. Любой совет, который ты нам дашь, будет даром, надежды отблагодарить за который у нас не будет.

— Я весьма тронута, — спокойно сказала Розторн. — Я не думала, что удостоюсь такой чести, когда мы покинули Гьонг-ши, чтобы явиться сюда. Об имперских садах наслышан весь мир.

— Мы не представляли, что ты намеревалась этим летом посетить другие, менее значительные сады, — сказал император. — У тебя здесь семья, или дела?

Он бросил взгляд на Эвви.

— Дела только те, какими занимаются садовники, когда отправляются в далёкий путь, в

новые земли, — объяснила Розторн. — Я давно обещала себе путешествие на восток, чтобы увидеть, что растёт климате, отличным от моего. Я неоднократно была вынуждена отложить такое путешествие. Когда *Нанишур* Мосс получил свой аттестат в магии, мне это показалось хорошим моментом для того, чтобы вместе пуститься в путь.

— Мы определённо рады воспользоваться визитом столь великой садовницы, — заверил её император. — Экскурсию начнём завтра же. Мы должны тебя предупредить, что начинаем наш день с восходом солнца.

«А она валяется в кровати до полудня», — иронически подумал Браяр.

— Мы привыкли рано вставать, будучи жителями храма и путешественниками, — ответила Розторн с не уступавшей любому придворному любезностью.

«У неё очень хорошо получается, даром что она всё это терпеть не может», — с гордостью подумал Браяр.

— В таком случае мы пошлём наших слуг, чтобы они провели тебя к нам, — сказал ей император. — Мы с нетерпением ждём беседы с тобой в менее формальной обстановке.

Император обратил своё внимание на Браяра, в ответ на что тот поклонился, и уставился на императора с застывшим в своём самом невинном выражении лицом. От Парахана донеслось что-то очень похожее на сдавленное фырканье.

— Что ты думаешь о сегодняшнем смотре наших войск? Жаждешь ли ты теперь отложить совок и лейку, чтобы взять в руки щит и меч?

Браяр улыбнулся:

— Если Вашему Имперскому Величеству будет угодно, я и с растениями порядочно влипаю в неприятности. Я содрогаюсь от мысли о том, что я могу натворить с традиционным оружием.

— Интересно видеть молодого человека, лишённого стремления к битве.

Император поднял палец. Из тени за тронном появился слуга с подносом. Он встал на колени, протягивая поднос Императору Уэй-шу. Другой слуга, стоявший у императора под боком, шагнул вперёд, и протянул ему одну из маленьких фарфоровых чашек, стоявших на подносе. Император выпил её содержимое. Возвращая чашку стоявшему рядом с ним слуге, он спросил Браяра:

— Истории правдивы? Ты — уже полный *нанишур*, в таком юном возрасте?

Браяр подавил вздох. Ему задавали этот вопрос от Эмелана до Янджинга, и ему это уже порядком наскучило. Он медленно запустил руку за пазуху.

Люди у императора за спиной пришли в движение. Четверо магов шагнули вперёд, встав слева от трона Уэй-шу. Двое мужчин в чёрных мантиях и шапках учёных, женщина в мантии учёной, и четвёртый — мимэндэр из пустынь к западу от Гьонг-ши, с ног до головы закутанный в серый покров, который носили поклонявшиеся богу Мохуну маги. Его — или её — глаза закрывала вязаная ширма. Все они были имперскими магами-стражами и воинами, входившими в число самых близких советников Уэй-шу. Справа от него стояли воины и слуги-рабы, первые — единственные, кому позволялось носить оружие в помещении, вторые — чтобы прислуживать своему господину.

— Мы должны быть осторожны, — объяснил императора. — Только убийца-*нанишур* способен подобраться к нам так близко.

— Это понятно, Ваше Имперское Величество, но мы пережили наш долгий путь от дома отнюдь не потому, что совершали глупости, — сказала Розторн.

На миг, Браяр знал, их положение полностью зависело от чувства юмора императора.

Затем то засмеялся, и все люди в обширном зале расслабились. Кроме Парахана, заметил Браяр. Тот не напряглся с самого начала.

Браяр вынул из-за пазухи свой медальон. На его лицевой части, по краю были начертаны их с Розторн имена. В середине — изображение дерева, символизировавшего его магию. На обратной стороне была спираль, означавшая, что он учился в храме Спирального Круга.

По ступеням сошёл именно мохунит, пройдя между тронем и Параханом. Пленник дёрнул за свой поводок достаточно сильно, чтобы заставить его зазвенеть, намекая, что думает о том, чтобы подсечь магу ноги. Мохунит его проигнорировал, и остановился перед Браяром, протянув к нему руку облачённой в перчатку ладонью вверх.

«Любезно с его стороны — попросить, учитывая обстоятельства», — подумал Браяр. Он вытянул медальон на его шёлковом шнуре, и положил в раскрытую ладонь мага. Мохунит молча стал вертеть медальон в ладони.

Иногда Браяр жалел, что вообще получил эту штуку. Их наставники дали медальоны Браяру и его трём названным сёстрам два года тому назад, перед тем, как он, Трис и Даджа отправились в свои путешествия. Для столь юных магов было редкостью получить медальоны — они были доказательством того, что они являются аккредитованными магами, которым позволено практиковать магию без надзора, и учить. Им четверым запретили носить медальоны на виду до восемнадцатилетия, чтобы не было неприятностей. Сейчас Браяр не был уверен, что будет открыто носить медальон даже в восемнадцать. Более старые маги часто гневались, видя его медальон, хотя Посвящённому Докьи похоже было всё равно. Большинство магов получали свои медальоны только после двадцати. Браяру ни к чему было их раздражать.

Мохунит осторожно опустил медальон обратно Браяру на грудь, коротко поклонился, и взобрался на возвышение. Поднимаясь, он слегка поднял своё облачение. Достигнув привязи Парахана, он твёрдо наступил на неё, глядя вниз, на пленника.

Рослый мужчина осклабился в ответ. Он сложил свои ладони вместе, и поклонился. Мохунит слегка покачал головой, и вернулся на своё место среди остальных магов.

— Воистину впечатляет, — сказал императора. — Мне следовало этого ожидать от ученика великого мага Розторн.

Браяр поклонился, гадая, как скоро его позвоночник начнёт выгибаться дугой от всех этих поклонов:

— Мне никогда с ней не сравниться, Ваше Имперское Величество.

В глазах императора мелькнуло веселье, когда он сказал:

— И скромный! Ты уверен, что тебе лишь шестнадцать?

По прислушивавшимся к беседе придворным прокатилась волна смеха, хотя выражение на лицах магов не изменилось, насколько Браяру было видно. Сам он решил улыбнуться — и поклониться — опять.

— Она меня **очень** хорошо натаскала, Ваше Имперское Величество, — объяснил он. — Манерам я учился под действием угроз, от которых кровь застывала в жилах.

Император тихо засмеялся. Двор снова отозвался смехом.

— Мне она не кажется такой уж устрашающей, *Нанишур* Браяр.

Браяр весело улыбнулся:

— Она многих так вводит в заблуждение.

Император снова тихо засмеялся, и двор последовал его примеру. Ему похоже на самом

деле было весело. Браяру он из-за этого стал нравиться немного больше.

— Посыльный, что привёл вас сюда, говорит мне, что с вами путешествует одна из моих бывших подданных, — сказал Уэй-шу. — Эвумэймэй Дингзай, можешь встать и выйти вперёд.

Эвви сделала как было сказано. Браяру было видно, как дрожали украшения в её волосах. Он знал, что это наверное было нарушением протокола, но всё же шагнул ближе, и успокаивающе приобнял её.

Император наклонился вперёд, перенеся свой вес на локти. Он являл бы собой самолицетворение снисходительного дядюшки, если бы не всё это золото, подумалось Браяру. Уэй-шу тепло произнёс:

— Нам донесли, что у тебя тоже в венах течёт магия, в отличие от моих несчастных слуг, вынужденных черпать её в заклинаниях и зельях.

Эвви низко поклонилась, и почти потеряла равновесие. Лишь рука Браяра удержала её от падения на пол. Он мягко помог ей снова выпрямиться.

— Всё хорошо, — прошептал он.

— Я получаю мою магию от камней, а не из вен, — Ваше Имперское Величество, — сказала Эвви, уставившись в пол.

Император улыбнулся:

— И как же ты научилась черпать магию в безжизненных камнях? — спросил он. — Или ты используешь те, что уже были заколдованы?

Эвви на миг подняла на него поражённый взгляд, затем снова опустила глаза:

— Во всех камнях есть магия, Ваше Имперское Величество, — сказала она чуть более уверенным голосом. — Я её чувствую — или чувствовала, даже до того, как начала учиться. Теперь я её ещё и вижу. Так же, как Браяр и Розторн видят магию в растениях.

— Нас учат знанию *чи*, силы, что связывает всё сущее.

Заговорил старший из двух магов-мужчин, высокий, стройный человек с серебром в волосах и длинными серебряными усами. Его лицо представляло из себя лабиринт морщин. Как и двое других янджингских магов, он носил разнообразные бусы, намотанные в несколько оборотов вокруг шеи, а также несколько браслетов, скрытых под длинными рукавами. Браяр на миг прикрыл глаза, приспособив часть себя. Когда он снова открыл их, то увидел повсюду свет магии, достаточно сильный, чтобы не желать использовать это заклинание слишком долго. Но он всё же удержал заклинание, пока не увидел полыхание силы в каждой из бусинок, сделанных из дерева. Даже другие маги в помещении не являли такой силы, как у двух мужчин и женщины в чёрных мантиях. Самый старший из магов, стоявших рядом с императором, продолжил:

— Похоже, что эта юная ученица узнала о *чи* больше, чем многие из нас успели забыть.

Эвви, к удивлению Браяра, поклонилась старику:

— Уверена, что это не может быть правдой, Мастер, — вежливо сказала она. — Это большая честь для меня, но я также могу распознать глубину мудрости в лице, глубину, достичь которой для меня самой было бы когда-нибудь большой удачей.

— Такое уважительное отношение, а ведь нам говорили, что жители запада — грубые варвары, — сказал император, тихо аплодируя.

Император протянул руку к Эвви. Та была унижена кольцами, на которых блестели гагаты, рубины, сапфиры и жемчужины.

— Поведай мне, о чём говорят камни в моих кольцах, — подтолкнул он её.

Когда его вооружённая охрана и маги зашевелились, он остановил их жестом другой руки:

— Я думаю, что это вполне безопасно. Действуй, Эвумэймэй.

Браяр мягко подтолкнул Эвви вперёд. Она медленно взошла на возвышение, и встала на колени перед императором, зная, что её голова никогда не должна находиться выше головы Уэй-шу. Затем, нервничая, она взяла ладонь императора в свои собственные. Вдруг она ему улыбнулась:

— Они любят вас, — объяснила Эвви. — Не жемчужины. Ну, жемчужины, может, тоже любят, я не знаю. Я не понимаю жемчужины, потому что они — на самом деле не камни, а просто попавшая в устрицу грязь. Вы знали об этом?

С весельем во взгляде, Уэй-шу кивнул.

— Но остальные, они вас любят. Они просто светятся изнутри. Они были с вами очень долго, и некоторые из них очень старые.

Император захохотал. Эвви поспешно отпустила его руку:

— Простите! — воскликнула она. — Я не пыталась вас оскорбить... я не имела ввиду...

Она в панике посмотрела на Розторн, затем на Браяра.

— Я не это имела ввиду!

— Успокойся, — пробормотал Браяр своей ученице. — Видишь? Он смеётся.

Он поклонился императору:

— Она вся взвинчена. Она большую часть жизни слышала рассказы об имперском дворе, и до смерти боялась сюда являться.

— Ей нечего страшиться, — заверил Эвви Уэй-шу, улыбаясь ей. — Камни, которые, как я думаю, ты имела ввиду, перешли ко мне от моих имперских предков. Ты права — они очень старые. И многое можно простить столь талантливой девочке в столь ошеломляющем месте. Так скажи мне, *Нанишур* Браяр Мосс, как ты можешь учить Эвумэймэй, если её сила — от камней, а твоя — от растений?

Браяр не пожал плечами. Это было бы невежливо.

— Я могу обучить её основам, Ваше Имперское Величество — медитации, чтению, письму, математике. Названия повседневных камней, и то, для чего они традиционно используются. Остальное Эвви делает сама.

— Первый Посвящённый Докьи очень помог мне за зиму, — сказала Эвви. — Он — глава Первого Храма Круга в Гармашинг, и он — маг Земли. И пока это не слишком сложно, как только я прочитаю заклинания, когда мне объяснят трудные места. Многие камни хотят, чтобы им придали форму, даже нефрит, если знать, как ему правильно это объяснить.

Её лицо оживилось и просветлело. Браяр подумал, что сейчас может просто распухнуть от гордости за неё.

— Камень сильно скучает, когда сохраняет всё время одну и ту же форму, — объяснила Эвви. — Даже его добыча не помогает, потому что никому не нравится, когда по тебе стучат молотком. Но точно выверенная *лесть*, и рассказ о том, как ему понравится быть гладким и блестящим, и ощущать волны магии вдоль своих внутренних граней — всё, что можно сделать, чтобы удержать его в нужной форме. Иногда я просто позволяю камню самому придавать себе форму, для развлечения.

— И этот Докьи помог тебе это делать?

Император внезапно снова скрылся за своей официальной, лишённой эмоций маской.

— Он показал тебе, как раскалывать камни?

Эвви наморщила лоб, и пожала плечами. Браяр ткнул её, чтобы напомнить, где она находится.

— О, нет, Ваше Имперское Величество, — сказала она, поспешно кланяясь. — Нет, он сказал, что никогда сам так не пробовал. Он использует заклинания, и накладывает заклинания на камни. Я не вижу, зачем так делать. Он наверное мог бы делать так, как я, но он думает, что камень мёртв.

Император засмеялся, и те, кто слышали их беседу, последовали его примеру. Эвви оказывала такой эффект на людей.

— Ты приятно провела время в Гармашинг? — спросил Уэй-шу у Эвви. — Это очень старое и мистическое место, как мне дали понять, со множеством необычайного храмового искусства.

Эвви поклонилась:

— Там очень холодно, Ваше Имперское Величество, — сказала она, выпрямившись. — И там труднее дышать, чем здесь. Горы были **великолепны**.

Её лицо просветлело:

— Гранит и другие камни, царапающие небо. Вы их видели, Ваше Имперское Величество?

— Увы, нет, — с серьёзным видом поведал ей император.

— Когда моя семья отправилась на запад, мы ехали по северной караванной дороге, поэтому я их не видела, — объяснила Эвви. — В Гармашинг мы приехали так же. Был такой снегопад, что никто не подпускал меня к горам ближе, чем скалы вдоль Реки Том Шо, но в ясные дни я видела их мельком. Теперь я верю книгам, которые называли их высочайшими горами на свете.

Эвви покачала головой:

— Жаль, что я не увидела по дороге сюда Дримбаканг Шарлог, но ваш посыльный так спешил, и там были бури, которые удерживали от нас ваши погодные маги. Я не видела **ничего** кроме бурь над головой. Но мне показалось, что я слышала горы!

Император восторженно хлопнул в ладоши:

— Посвящённая Адепт Розторн, это так **чудесно**, что ты привезла к нам Эвумэймэй и Браяра. Я должен позаботиться о том, чтобы у Эвумэймэй был подходящий спутник, пока мы поглощены чудесами дворцовых садов.

Пульсирующий гул маленького гонга прервал все разговоры в помещении. Император взглянул в сторону входа, нахмурившись. Все остальные тоже с интересом посмотрели в ту сторону, кроме Розторн. Браяр увидел, что она оглядывала комнату, уделяя особое внимание растениям.

У входа, держа в руках маленький гонг, стоял облачённый в изумрудного цвета халат евнух с таким же окрашенным в белый лицом, как у Мастера Презентаций.

— Его Великолепнейшее Превосходительство, Боевое Лев Империи, Меч Императора, Защитник Трона Лонг, Гроза Инородцев, Командующий Имперских Армий, Великий Маг-Генерал Ф'эн-ки Хэнг-кай!

Не уделив никого из придворных даже взглядом, через зал прошагал низкорослый, коренастый мужчина в доспехах из кожи с металлическими пластинами и накинутом сверху алом халате. Его квадратное лицо с тупым носом было отмечено шрамами и бессердечием. Он носил остроконечный металлический шлем, но оружия при себе не имел. Достигнув подножия возвышения, рядом с Эвви, он отложил свой шлем в сторону, опустил на ладони

и колени, и коснулся лбом пола.

Император встал. Все янджингские придворные опустили на ладони и колени, то же самое сделали Парахан и те, кто делил вершину возвышения с Уэй-шу. Иностранцы, в том числе Розторн, Браяр и Эвви, низко поклонились.

— Вы же знакомы с моим пленником Параханом, так, Посвящённая Адепт Розторн, Наншур Браяр, Ученица Эвумэймэй? Пока что принимать вас будет он, — сказал император, делая Парахану жест.

Тот поднялся на колени, звезя цепями.

— Он мог бы однажды стать королём Комбанпуре, в Королевствах Солнца — если бы его дядя не продал его мне.

Он посмотрел на магов.

— Привязь можно снять.

Обращаясь к Розторн, Браяру и Эвви, он радостно сказал:

— Как только его дядя поймает сестру-близнеца Парахана, у меня будет весь набор. Итак, Маг-Генерал?

Император щёлкнул пальцами, и повёл своих магов вниз на другом краю возвышения. Его генерал обошёл возвышение стороной, чтобы встретиться с ним на той стороне, а все придворные поспешно попятнулись. Рядом с тронем остались лишь Парахан, Розторн, Эвви и Браяр. В пределах слышимости больше никого не было. Браяру хотелось бы познакомиться с другими придворными и послушать местные сплетни, но такой возможности ему не выдалось. Все потянулись прочь от Парахана и его иностранных спутников. Если Браяр попытался бы отойти в сторону, это всякому стало бы заметно, и, несомненно, об этом доложили бы имперским сыщикам. Браяр терпеть не мог быть не информированным, будучи в незнакомом месте, но пока что ему придётся просто улыбаться и играть роль ошарашенного имперского гостя.

Привязь Парахана подобно змее поползла прочь, свернувшись у основания трона. Эвви зыркнула на неё, затем спросила у Парахана:

— Он всё время держит тебя на цепи?

— Эвви! — рявкнула Розторн.

Парахан положил ладонь Эвви на плечо:

— Ничего, — сказал он. — Эвумэймэй...

— Эвви, — перебила она.

— Эвви, — поправился Парахан, широко улыбнувшись, — **очень** напоминает мне мою сестру Судамини. Та тоже полна вопросов. Нет, ночью меня возвращают в мою клетку, — сказал он Эвви.

У Эвви вытянулось лицо:

— Это не шутка? Они правда посадили тебя в одну из этих штуковин?

— Я не шучу о множестве мук, которые за века измыслил Янджинг, — ответил Парахан, и по его лицу пробежала тень.

Вдруг он улыбнулся:

— Моя участь улучшилась по сравнению с моими первыми днями в качестве имперского пленника. Сейчас, если император принимает гостей или прогуливается, то берёт меня с собой. Думаю, вы меня часто будете видеть во время вашего визита, особенно если кому-то наскучат сады.

Он подмигнул Эвви.

Снова послышался удар гонга. Объявивший генерала евнух выступил вперёд, чтобы сообщить о явлении имперского курьера. Вошедший человек подбежал трусцой к дальней стороне возвышения, где император вёл совещание со своим генералом.

Парахан рассказывал им троим о различных дворцовых сокровищницах, когда их нашёл Мастер Презентаций.

— Сын Богов, Свет Небес, Слава Своей Династии, Его Имперское Величество попроси меня сообщить, что он вынужден окончить вашу аудиенцию. Дела империи зовут его. Это честь для вас — то, что он поделился этим с вами. Он далеко не всем объясняет свои действия. А теперь, идите со мной.

Мастер пошёл прочь, не оставив им времени на то, чтобы вежливо попрощаться с Параханом.

Браяр знал, что Розторн, как и он сам, в курсе того, что их вели подальше от остального имперского двора и любых присутствовавших иностранцев. Браяр надеялся уловить для Бога-Короля хоть какие-нибудь сведения о планах императора на Гьонг-ши, если они вообще были, но это будет невозможным, если люди императора всё время их визита будут держать их под колпаком. Он также хотел бы осмотреть множество находившихся в помещении цветущих растений. Вместо этого Мастер Презентаций поспешно направил их в боковой выход, ранее не замеченный Браяром. Они вышли наружу; паланкины ждали их у боковой дорожки. «Никакого медленного хождения через коридор, для поражения посетителей!» — цинично подумал Браяр. «Теперь они просто хотят поскорее убрать нас обратно в наш павильон, прежде чем нам удастся с кем-нибудь поговорить. Но почему?»

Мастер Презентаций даже не остался их провожать.

Эвви постепенно сместилась в хвост процессии, следовавшей за Императором Уэй-шу, Розторн и Браяром через сады, в которые они вошли тем утром вскоре после рассвета. Ей хотелось есть. В своей спешке посмотреть на то, как всё цветёт, или ещё по какой-то причине, избранной ими для вставания в такую рань, они не задержались для завтрака. А ещё ей было скучно. Слуги не позволяли ей касаться резных камней по краям дорожки и странных украшений в садах. А других камней Эвви нигде не было видно. Трудно было поверить, что их всех выкопали и увезли прочь, но помимо бордюра она не ощущала никаких камней ближе, чем в двух футах под землёй. Так **куда же** они делись?

Она так увлечённо дулась, что не осознавала, что кто-то шёл следом за ней, пока её плеча не коснулась рука. Она вздрогнула и с писком подскочила.

— Полегче, полегче, — сказал Парахан. — Я не хотел тебя пугать!

Как и прошлым вечером, он носил только что-то вроде очень свободной набедренной повязки, бывшей, судя по всему, единственным, что император позволял ему носить. Цепи на нём тоже были. Ходил он босяком. В его коротких волосах и на покрытых шрамами плечах блестели капли воды.

— Они все от боёв? — спросила она, указывая на его шрамы.

— Нет, плечи у меня от мамы, — сказал он. — Глупышка, если они похожи на порезы, то конечно же они от боёв. Я с четырнадцати лет вёл солдат в бой. Готов поспорить, ты голодная.

Они не дали нам утром время поесть, — пожаловалась Эвви.

— Идём. Я тоже есть хочу.

Парахан приложил палец к губам, и повёл Эвви по боковой тропинке. Двое охранников отделились от окружения императора, чтобы последовать за ними.

Эвви развернулась, и зыркнула на них. Парахан развернул её обратно:

— Не вини их. Я должен быть под охраной, когда не сижу на цепи, — сказал он ей. — Я слишком нравлюсь Уэй-шу, чтобы позволить мне сбежать, хотя я представить себе не могу, как далеко я смогу уйти в этих цепях. Я сомневаюсь, что найдётся много кузнецов, согласных снять их или взломать замки. И дворцовые сады может и обширны, но окружающая их стена весьма высокая, и хорошо охраняется магией и солдатами.

Эвви взгрустнулось:

— Если бы ты ему правда был по душе, он бы дал тебе армию, чтобы ты мог поехать домой и пинками прогнать твоего дядю до самого Наморна, — ответила Эвви.

— Вот **теперь** ты говоришь как моя сестра. Уэй-шу нравится дразнить мною моего дядю, — объяснил Парахан. — Сейчас мой отец жив. Одна весть от императора — и мой дядя умрёт. Пока мой дядя посылает золото, опиум и самоцветы императору, он в безопасности. Когда мой отец умрёт, если дядя не продолжит выплачивать дань императору, он знает, что император отправит меня домой, с армией. Так что я — весьма выгодная для императора игрушка.

— Меня бы это разозлило, — уведомила Парахана Эвви.

— Ты свободна, — ответил он. — Ты можешь позволить себе злиться. К тому же, у ног императора я слышу много интересного. Мой отец всегда жаловался, что я всё время в школе валял дурака. Он был бы очень доволен, если бы знал, сколькому я сейчас учусь.

Выбранный им путь провёл их через бамбуковую рощу на берега журчащего ручья. Они пересекли его по высокому, выгнутому мосту, покрытому резьбой и украшениями, как и все янджингские мосты, и пошли дальше по тропе, в рощу древних дубов. Они остановились у подножья древнего дерева с чёрной корой, чьи ветви были настолько тяжёлыми, что некоторые из них опускались до самой земли, прежде чем снова начать расти вверх.

— О, так-то лучше! — сказала Эвви.

Упав на колени, она приложила ладони к двум кускам красного и жёлтого песчаника, сжатыми в обнажённых корнях дерева.

— И вообще, что местные садовники имеют против камней?

— Не вини их.

Парахан вытянулся на мшистой земле, где не было камней и корней. Охранники присели на корточки в двух футах от них. Один вытащил коробку с костями, и они начали играть.

— Дело не в садовниках, а в имперской воле. Если только сад не подразумевается как маленькая картина какого-то места, с мостами, ручьём, маленькими деревьями, камнями и так далее, император хочет, чтобы каждый сад был абсолютно чистым. Ничто не должно отвлекать от цветов. Ни сорняки, ни насекомые, ни камни. Плохо придётся садовнику, который не уберёт всё, кроме надлежащего растения.

— Сады без камней мне не могут нравиться, — пробормотала Эвви, обнаруживая разницу между местным песчаником и песчаником из Гьонг-ши. — Это как лишать человека рёбер.

— А что ты можешь делать с камнями, позволь спросить? — спросил Парахан. — Ты можешь изменить траекторию полёта пущенного катапультной камня?

Эвви поморщилась. Некоторые из людей, дававших им кров во время их путешествия на запад, задавали такие вопросы. Что странно, она была не против, когда такие вопросы исходили от Парахана. Он просто смотрел в небо и поддерживал беседу.

— Нет. Камни из катапульт слишком большие. Я могу лишь помочь им долететь до цели быстрее. Смотри. Я могу вот так.

Она протянулась в песчаник у себя под ладонями, и влила свет в тысячи песчинок кварца, апатита и гагата, которые в него входили. Услышав, как Парахан втянул в себя воздух, она осознала, что закрыла глаза. Ей не нужно было зрение, чтобы сказать, что песчаники под её пальцами ярко сияли. Охранники лопотали что-то друг другу на языке имперского двора. Игнорируя их, она открыла глаза, и широко улыбнулась Парахану:

— Я могу делать то же самое с жаром, но в песчанике или известняке жар долго не удержится. Мне нужен чистый хрусталь или драгоценный камень, чтобы очень долго удерживать свет или тепло. Лампы у меня очень хорошо получаются. Мы сэкономили кучу денег в пути, потому что не приходилось покупать факелы или масло для ламп.

Парахан опустил на колени и, стараясь не споткнуться о свои цепи, подполз ближе, пока не смог протянуть ладонь над светящимся камнем.

— Он жжётся?

— О, нет, — сказала ему Эвви. — Розторн грозилась отправить меня спать без ужина, если бы я не научилась делать холодный свет и горячий жар каждый раз.

Парахан ослабился, касаясь камней:

— Совсем не тёплые. Она тебе только **грозилась?**

— Я слишком мало ела, до того, как они с Браяром взяли меня к себе. Я не думаю, что ей нравится отбирать у меня еду, даже в воспитательных целях.

— Кстати, насчёт еды...

Парахан поднял свой похожий на клюв нос, приняхавшись.

— Я чую жареное печенье с имбирём!

Он посмотрел на светящиеся камни:

— Мы не можем их взять. У садовников будут неприятности, если что-то пропадёт.

Эвви нахмурилась:

— Камни в лесу должны быть свободны идти куда пожелают, если уж они оторвались от почвы. Хотя я, конечно, этих двух красавцев не буду вытаскивать. Они и так счастливы быть с этим со своим деревом.

— Камни в лесу, который не принадлежит императору — возможно, — пробормотал Парахан.

Он встал, и помог подняться Эвви, в свете постепенно гаснущих камней.

— Пойдём посмотрим, что мы сможем украсть у поваров.

Охранники тоже встали:

— Вы не можете украсть завтрак императора! — сказал темнокожий охранник на *тийон*.

— Мы не будем красть, — с совершенно невинным видом сказала им Эвви. — Мы позаимствуем... с краю. Из того, что дают не-имперцам.

Рука об руку, Парахан и Эвви потопали дальше по тропе.

* * *

Розторн сердилась в течение всего их визита в Зимний Дворец, и гадала, было ли это карой от её богов. Во-первых, когда император сказал, что они посетят его сады, он имел в виду то, что он, Розторн и Браяр, а также стадо магов и придворных — все они будут наблюдать за тем, как садовники обращаются с растениями. Если она хоть пальцем касалась чего-то, садовники топтались рядом так, будто боялись, что она может сломать растение. Во-вторых, их с Браяром снова заставили одеться в шелка, потому что они находились в присутствии императора. Ей следовало понять, что им не позволят запачкаться, когда служанки тем утром разложили перед ними шёлковую одежду.

В-третьих, она была очень не рада магам, следовавшим за ними по пятам. Маги заглушали голоса ветра в листьях и цветах сада, постоянно щёлкая своими бусами. Она слышала, что восточные маги предпочитали бусины с вложенными в них заклинаниями, нанизанные на нить, чтобы их можно было носить на шее или на запястье. Во время их пути по Перевалу Ледяного Льва, она видела, как местные маги вертели короткими нитками заклинательных бусин. Но у придворных магов их были целые верёвки. Судя по всему, Розторн и Браяр в саду считались более опасными, чем Розторн и Браяр в тронной зале.

«Как будто я не могла использовать в качестве оружия те растения в кадках», — подумала Розторн, когда бриз принёс в её уши очередную серию глухих щелчков. Она развернулась к магам лицом:

— Я ничего не слышу от растений из-за этого непрекращающегося шума, — уведомила их она.

Вокруг неё драгоценные императорские розы, с большими затратами привезённые из далёкого Шарэна и выращенные с большей заботой, чем большинство детей, задрожали и потянулись к ней через каменные бордюры. Уэй-шу наблюдал за ними с каменным лицом.

Браяр поднял ладони, направив их по обе стороны тропинки. Розы перестали двигаться и замерли, подрагивая.

Розторн не сводила глаз с магов:

— Что вы делаете с этими штуками? — потребовала она. — Я не творю магию. А если бы творила, то вы не смогли бы меня отвлечь шумелками.

— Это не шумелки, — сказала самая молодая из магов. — Наша магия начертана в метках на каждой бусине. Чем более велик маг, тем больше начертаний — больше заклинаний — на бусине. И больше бусин.

Розторн прищурилась, глядя на обвивавшие пальцы женщины бусы. Маленькие белые бусины, составлявшие большую часть бус у неё на запястьях и на шее, как и у остальных её коллег, были выгравированы мельчайшими идеограммами. Между этими бусинами были другие, из какого-то коричневого стекла, с выгравированными янджингскими символами, несколько бусин из белого фарфора с небесно-голубыми символами и рисунками, и несколько бусин из сердолика с гравировкой на поверхности.

— Как я уже говорила, я не использую магию. Не могли бы вы оказать мне услугу, и вести себя потише? — спросила она так терпеливо, как только умела. — Растения рассказывают мне, как им живётся — **когда я могу их слышать**.

«Даже если бы я творила магию, я весьма сомневаюсь, что ты бы её уловила, ты, академическая зазнайка», — подумала она. Как и большинство окружающих магов, Розторн не особо церемонилась с теми, кто черпал силу из своего собственного тела и управлял ею с помощью заклинаний, хотя сама в молодости изучала академическую магию.

— А *Наниур* Браяр тоже не использует магию? — спросил маг постарше.

У него были не только две длинные нитки с бусами, но и на ладонях и запястьях были вытатуированы заклинательные фигуры. В отличие от татуировок Браяра, эти не двигались.

Браяр опустил руки:

— Я попросил их оставить попытки помочь Розторн.

Розторн позволила своей силе протечь в кусты, успокаивая розы. Как она и подозревала, ни один из янджингских магов даже не шелохнулся. Окружающая магия здесь была не просто редкой; она была вообще неизвестна. Она призвала свою силу обратно к себе, и посмотрела на Уэй-шу:

— Если вы хотите услышать от меня, в хорошем ли состоянии растения, то я должна иметь возможность сосредоточиться, Ваше Имперское Величество, — объяснила она. — Я вижу, что вы считаете, что я заблуждаюсь, утверждая о том, что слышу голоса растений. Разве ваши жрецы не слышат голоса призраков и гор?

— Призраки прежде были людьми, а наши горы — древние, — сказал Уэй-шу. — Бутоны живут лишь один сезон, а растения — в лучшем случае несколько лет. Возможно, у некоторых из наших наиболее старых деревьев есть голоса, или у духов, которые в них живут, но у растений уходят века на то, чтобы набраться такой же мудрости, как у людей.

Все вокруг них, кроме Браяра, согласно забормотали. Розторн прикусила губу, чтобы на обзвать их всех глупцами. Правители, их ручные маги, и их ручные дворяне похоже думали,

что им было ведомо всё. Маги, иметь дело с которыми привыкла она, полагали, что лишь немного углубились в познание мира.

«А что ты сама?» — спросила она себя, следуя за императором по главной дорожке сада. «Разве ты не начала думать, что у тебя есть все ответы, пока Нико не привёл в Спиральный Круг Браяра и девочек? Пока их магии не начали соединяться? Мы все усвоили, что их сила могла выразить себя непредсказуемым образом. Мы и подумать не могли, что четверо одиннадцатилетних детей смогут придать форму силе землетрясения, или что металлический цветок одной девочки укоренится и расцветёт на жиле медной руды, или что эти дети вытащат меня с того света. Я и вообразить не могла некоторые из способов придания магии формы, которым научились Браяр или Эвви. Мне требовалась встряска. Нам всем требовалась».

Она почувствовала болезненный розовый куст до того, как увидела его. Они с Браяром сразу же сошли с дорожки. Они как раз добрались до него — только на одной ветке были увядшие, коричневые бутоны — когда услышали громогласный возглас Уэй-шу:

— Это ещё что?

Они уставились на него, в то время как придворные и маги упали на колени и склонялись, упираясь лбами в каменные плиты, которыми была вымощена дорожка. Шестеро садовников, прежде державшихся поодаль среди роз, выбежали вперёд, упав на землю перед Уэй-шу, и тоже опустили головы. Браяр посмотрел на Розторн, ожидая указаний. Она сжала руки и глядела на императора, всё это время позволяя своей силе мягко струиться в больное растение. Она чувствовала касание тропического грибка, напавшего на корни и поедавшего растение.

— Как же вы заботитесь о наших розах? — потребовал император. — Почему мы находим несовершенный куст именно в тот день, когда мы привели для их осмотра важных *нанишур*, великих *нанишур*, много знающих о растениях? Вас будут сечь, пока ваши спины не зальются красным! Главный садовник!

Один из них поднял взгляд от земли. Он дрожал.

— Выкорчуй этот отвратительный куст, и сожги его. Замени его другим, более приятным нашему взгляду, — приказал Уэй-шу.

Розторн услышала достаточно. Когда несчастный главный садовник снова уткнулся лбом в землю, она слегка поклонилась:

— Если вы позволите, Ваше Имперское Величество? — спросила она.

Император кивнул, и она сказала:

— Нет необходимости выкорчёвывать этот куст. На него напала плесень, обычная в этих землях, быстрорастущая. Я могу сказать, что этот ущерб был нанесён за ночь, и что мы явились сюда в весьма ранний час. Откуда садовникам было знать?

Уэй-шу высокомерно посмотрел на неё:

— Это их долг — знать.

Розторн спрятала руки в рукавах своего халата, чтобы он не видел, как она сжала кулаки. «Вот ведь глупость какая!»

— Ваше Имперское Величество, как садовник, вы знаете, какими хрупкими могут быть розы, особенно вне своего родного климата. Эта область — плодородная и зелёная в течение большей части года, как мне говорили, и очень влажная. Розы родом из южных и восточных краёв Моря Камней — из сухих земель. И, как и многие другие пересаженные сюда растения, они ужасно быстро растут. Вырастая так быстро, эта роза помогла расти и грибку.

— Куст уже в полном порядке, Ваше Имперское Величество, — ловко вставил слово Браяр.

Розторн знала, что он наверняка увидел, как она пыталась удержать себя в руках. Она не должна была испытывать необходимости в объяснениях таких вещей императору, утверждавшему, что знает толк в садовом деле.

Браяр театральным жестом указал на куст. Тот был повсюду зелёным и блестящим, с идеально красными бутонами.

— Здоровый как никогда. Даже здоровее, потому что Розторн сделала его устойчивым к местным видам плесени, Ваше Имперское Величество, — объявил Браяр.

Розторн запустила нити своей собственной силы по корням всех растений в саду, чтобы именно так и сделать, а Браяр добавил:

— Бьюсь об заклад, ваши садовники с ног сбиваются, борясь с плесенью.

Садовники поспешно закивали, не поднимая голов.

— Мы с Розторн можем это исправить, пока мы здесь, Ваше Милосерднейшее и Мудрейшее Величество, — сказал Браяр.

Розторн не стала зыркать на него, как обычно делала, когда её мальчик перебарщивал. Никто этого не заметит; именно так тут и обращались к императору. С её точки зрения, Браяр говорил как льстивый, вороватый чертёнок, пять лет тому назад пробравшийся в её сад и мастерскую.

Браяр сообщил императору:

— У нас есть преимущества, которых эти бедолаги лишены. Мы с удовольствием займёмся этим для вас.

«Он выглядит так, будто хлебнул кислого молока», — подумала Розторн, наблюдая за императором. Однако он мигом вернул себе гладкое и нечитаемое выражение лица.

— Вы не можете побороть эти недуги? — спросил он у садовников.

Главный садовник сказал, не поднимая взгляда:

— Нет, Великолепный Сын Богов, Защитник Империи, Имперское Величество. Всё так как они говорят. Жара и влажность этих южных земель, благодаря которым всё так быстро растёт, также дают жизнь многому из того, что вредит корням и листьям.

Император посмотрел на своих магов:

— А вы? Вы не можете это остановить?

Маги встревоженно переглянулись:

— Мы не знаем, Великий Сын Богов, — сказал один из них, имевший множество тонких бусинок зелёного цвета. — Мне придётся изучать это многие месяцы, возможно — года. Моя область знаний, как вы знаете, относится к лекарствам и снадобьям, которые могут быть полезны Вашему Августейшему Величеству. Широко известно, что любое растение в саду, павшее жертвой какой-то болезни, просто уничтожается.

— Ваше Имперское Величество, я не понимаю, — сказала Розторн, усилием воли убирая из своего голоса нотки нетерпеливости. — Здесь, в Янджинге много посвящённых Земли Живого Круга, магов и не-магов, всю жизнь изучавших болезни растений. Вам достаточно лишь призвать их.

Сперва она удивилась, что никто из местных посвящённых не пришёл повидаться с ней, но служанки в их павильоне объяснили, что встречаться с гостями прежде императора считалось грубостью.

Уэй-шу улыбнулся:

— Мы позаботимся о том, чтобы наши люди провели надлежащие изыскания, — ответил он. — Правда в том, что жрецы Живого Круга и жрецы богов Янджинга, нашей государственной религии, не ладят друг с другом. Мы боимся того, что если мы пригласим жрецов Живого Круга в наш дворец, то жрецы нашей государственной религии создадут неприятности. Гораздо лучше, когда наши жрецы мирно ведут наших подданных, поддерживая гармонию в нашем дворце.

Розторн уставилась на нечитаемо гладкое лицо императора. Его объяснение было правдоподобным, но она ему не верила. Она вежливо предложила:

— Тогда, Ваше Имперское Величество, ради ваших садовников и ваших растений, я рекомендую поговорить с местными фермерами. Они всё должны знать о подобных вещах. Скрещивание их с местными растениями может придать сил корням ваших роз, укрепив их против распространённых видов плесени и грибков. Кто угодно может этим заняться, с вашего позволения.

— Мы сами можем это изучить, со временем, — с улыбкой ответил Уэй-шу.

Он посмотрел на садовников:

— Пока Посвящённая Адепт Розторн и Наншур Браяр не найдут время, чтобы вернуться и позаботиться о здоровье моих роз, выкорчуйте это, и сожгите его.

Он указал на исцелённый Розторн куст.

Та заслонила собой растение, когда садовники поспешно встали:

— Имперское Величество, почему? — потребовала она, шокированная. — Растение теперь здоровое — здоровее не бывает! Нет причин его убивать!

— На это есть **все** причины, — сказал он ей. — Оно подвело нас в решающий момент, когда мы пришли показать великолепие нашей работы зарубежным гостям. Всё, что не предстаёт в величии и идеальности, предаёт нас, и должно быть уничтожено.

— Но оно не предало! — возразила Розторн, лихорадочно соображая. Что удовлетворит этого самодержца?

— Мы никогда не видели столь великолепных садов — правда же, Браяр?

Тот покачал головой. Он встал рядом с ней, и поглядывал на садовников. Они пока не заметили маленькие зелёные ростки, проклюнувшиеся в земле у них под ногами. Розторн поспешно бросила взгляд на Браяра, затем на зелёную поросль.

Он прикрыл глаза. Зелёные ростки втянулись в почву, и похоже было, что никто не заметил, что они вообще там были.

— Мы хотели бы получить ваше дозволение зарисовать эти розы, потому что описать их мы будем не в силах, — поспешно сказала Розторн, обращаясь к Уэй-шу. — Король Бихана будет рыдать от зависти, когда мы расскажем ему о ваших садах роз и прудах с лилиями. Этот куст не подвёл вас. Если вы дадите согласие, мы создадим из его бутонов для вас новую расцветку. Она будет сохранять свою чистоту, и будет навсегда лишь вашей.

Император замешкался. Она его искусила.

— Мы действительно высоко оценили бы такой дар, — сказал Уэй-шу, широко улыбнувшись.

Затем его улыбка исчезла. Розторн терпеть не могла то, как эти люди вышколили себя в искусстве сокрытия своих истинных чувств за ничего не выражающим лицом.

— Но растение умрёт, — сказал Уэй-шу. — Изъяны неприемлемы.

Какой-то из садовников Наверное наложил облачённую в перчатку руку на куст, пока Браяр отвлёкся: Розторн услышала вскрик растения, с силой сжатого мужской рукой. Она не

могла это вынести. Она будет чувствовать боль куста роз, уходя прочь. Бросившись на колени, она последовала ритуалу жителей Янджинга, коснувшись лбом земли. Вокруг неё задрожала земля, корни и ростки пытались вырваться на поверхность.

— Смилуйтесь, Имперское Величество! — воскликнула Розторн.

Кусты затряслись, Браяр взъярился. Она на миг окружила его своей силой и легонько сдавила его магию своей, напоминая Браяру, чтобы тот держал себя в руках. Она ощутила, как он расслабился, медленно и нехотя. Вместе с ним успокоились розы, ростки и корни.

Обращаясь к императору, Розторн сказала:

— Он ущербен и стыден для вас, с вашим орлиным взором. Но для скромной посвящённой из далёких земель он будет невероятным даром. Я молю вас, позвольте мне забрать его, в память о моих аудиенций с великим императором всего Янджинга? Это будет для меня несказанной честью.

Казалось, всё замерло, даже воздух. Наконец император сказал:

— Ты правда так думаешь.

— Я правда так думаю, — согласилась Розторн.

Поразмыслив какое-то время, Уэй-шу сказал Розторн:

— Это растение будет в твоём павильоне, в подходящем вместилище, сегодня, когда ты вернёшься туда. Провезёшь ли его с собой до дома все эти мили?

Розторн выпрямилась, не поднимаясь с колен:

— Это будет для меня частью, — ответила она.

Её спина затекла, пока она простиралась на земле; она с трудом пыталась поднять одну ногу, чтобы встать. Браяр бросился помочь ей. К удивлению как парня, так и Розторн, император сам взял её за одну из рук, пока Браяр брал другую. Уэй-шу мягко помог ей встать. Когда она оказалась на ногах, Браяр отпустил её.

Император взял Розторн под руку.

— Ты уже подумала о цвете и форме для нашей розы? — спросил он. — Или ещё слишком рано об этом спрашивать?

Во время устроенного императором в честь Розторн роскошного завтрака Браяр наконец-то смог наесться досыта. Поев, он отправился на поиски своей пропавшей ученицы. Эвви он нашёл среди пировавших групп придворных. Она спряталась под навесом, сидя на скамейке. Парахан сидел рядом с ней на земле, скрестив ноги. Браяр мельком видел его ранее, но успел лишь кивнуть ему, прежде чем император завладел их с Розторн вниманием. На скамейке рядом с Эвви сидела молодой маг, прошлым вечером стоявшая рядом с тронном вместе с остальными.

Парахан широко ему улыбнулся. Браяр воспринял это как приглашение сесть рядом с ним.

— Сколько у тебя кошек? — спрашивала Эвви у молодого мага. — У меня семь...

— Эвви, я не думаю, что *нанишур* хочет знать про твоих кошек, — сказал Браяр.

Он на своём опыте усвоил, что не всем нравилось то, как Эвви болтала на свои любимые темы.

— Но у меня есть мои собственные кошки, — объяснила маг. — Я хотела бы иметь семь, если бы могла, но слуги этого бы не одобрили.

Она мило улыбнулась Браяру:

— Я — Джья Джуи, из числа имперских магов. Для меня честь познакомиться с тобой,

Нанишур Браяр Мосс.

Браяр поклонился в ответ. Она была весьма милой, но он всё ещё нервничал из-за произошедшего в розовом саду. К тому же, она была для него слишком старой, хотя для академического мага она была молодой — лет двадцати с лишнем, наверное. Она носила лишь одну длинную нить с бусинами на шее, и некоторые из них были абсолютно гладкими. Значило ли это, что в них не было заклинаний? Или были, но мерзкие и спрятанные?

— *Нанишур* Мосс, ты глазеешь на мои бусы, — сказала Джья Джуи дразнящим голосом.

Она вытащила из-за пояса веер, и прикрыла им обнажённую часть шеи над воротником.

Браяр, как обычно, за словом в карман не лез:

— Вообще-то, я любовался вышивкой по краям твоего халата. Прошу простить, если это показалось грубым. Вот эти участки — они сделаны узелками? Моя названная сестра творит магию через нити, и я обязан рассказывать ей о всякой красивой вышивке, которую я вижу. Это фениксы?

— Именно они, — с улыбкой сказала Джья Джуи, гордо разглаживая вышивку. — Этот халат я вышивала несколько лет. Так приятно встретить мужчину, интересующегося подобными вещами.

— Я познакомлюсь с его сёстрами, когда мы поедem к нему домой, — сказала Эвви. — Одна из них вплетает погоду себе в волосы.

Джья Джуи мелодично засмеялась:

— Какая жалость, что ты не привёз с собой своих сестёр, — сказала она Браяру. — Они бы многому научились у моих наставников, я знаю, и мы научились бы у вас.

Она подняла взгляд на Браяра, сверкая глазами:

— Я бы с удовольствием посмотрела на твою магию в действии. Я никогда не знала никого, кто получил бы аттестацию в западных школах.

«Она не верит Эвви», — осознал Браяр. «Она не верит, что мой медальон может означать, что я не хуже любого янджингского мага».

Он холодно подумал: «А может, это и к лучшему». Не смотря на дружеский приём, у него было старое неприятное ощущение. Такое, какое бывало прежде, когда он незаконно проникал в чей-то дом, и его инстинкты говорили ему, что его заметили охрана, собаки или магия.

— В действии — но не здесь, конечно, — говорила Джья Джуи. — В присутствии императора это разрешено лишь в особых случаях.

— Конечно нет, — покладисто ответил Браяр. — Кто знает, что может пойти не так, при таком количестве присутствующих магов и таком числе защитных заклинаний вокруг императора.

— Вот именно, — сказала Джья Джуи. — Ты уловил то, что не осознавали многие гости при дворе, *Нанишур* Браяр. А теперь, не буду отвлекать тебя от обеда, и Эвви, ты можешь рассказать мне о своих кошках.

Браяр жестом отослал слугу с едой, но взял кувшин с кокосовой водой и чашку, откуда её пить. Парахан взял воду и чашу с пареными колобками. Они послушали, как Эвви начала на пальцах пересчитывать своих кошек:

— Тайна, Аса, Абрикос, Изюминка, Мячик, Монстр, и Риа. Они жили со мной в Чаммуре, но теперь они — путешественники. А твои кошки?

— У тебя будут неприятности из-за того, что ты так сбежал с Эвви? — спросил Браяр у Парахана.

— Отнюдь, — ответил тот перед тем, как снова набить рот. — Охранники всё время были с нами. И мне наказали помогать в развлечении вас троих. Полагаю, я много времени проведу с Эвви. В садах больше цветов, чем император успеет показать вам за одно утро.

Браяр поморщился:

— Поверь, я бы предпочёл осматривать растения и деревья, а не армии, как вчера.

К ним подошёл евнух, и поклонился Джья Джуи:

— Простите, великая Джья Джуи, но Его Имперское Величество, Слава Востока и Погибель Всего Зла, желает увидеть ученицу Эвумэймэй Дингзай.

Хотя с императором была Розторн, Браяр пошёл вместе с Эвви, для защиты. Пока она трусила вслед за раскрашенным и надушенным евнухом, Эвви широко улыбнулась:

— Это лучше, чем все эти павильоны и тронная зала, верно, Браяр? Ты наверное счастлив среди этих деревьев.

Он улыбнулся:

— Да. И я рад, что тебе весело.

— С Параханом и Джья Джуи легко болтать. Ты можешь поверить, что Парахан хотел знать, что я могу делать с каменной магией?

Она злобно захихикала, когда Браяр застонал. Он слишком хорошо знал, какой изобретательной была его ученица в применении своей силы.

— Просто не забывай вести себя подобающе, — предупредил он её. — Уверен, маги там повсюду следят за магией, которая им не нравится.

«Но узнают ли они нашу магию?» — гадал он. «Смогут ли они вообще обнаружить её присутствие?»

Евнух провёл их мимо остальных столов, стоявших под вековыми дубами. Каждый стол был под навесом, и каждый был обставлен вычурнее предыдущего, и обслуживался собственной группой слуг. Наконец они встали на аккуратно уложенной ковровой дорожке, которая вела к самому длинному столу. Тут евнух упал на колени. Браяр поклонился императору, сидевшему с Розторн по правую руку, и с вчерашним генералом, Хэнг-кай, по левую. Как и все янджингцы, Эвви опустилась на колени, и коснулась лбом ковра.

— Встань, Эвумэймэй, — приказал император.

Она послушалась, проверив, что не помяла свою юбку.

— Как тебе наши сады? — спросил Уэй-шу.

— В них нет камней, Ваше Имперское Величество, — уведомила она его. — Ну, они есть, но не в цветочных садах. Камни не вредят цветам, — сказала она, когда придворные прикрыли свои улыбки рукавами.

— Парахан завтра отведёт тебя в наши сады камней. Тебе это придётся по душе?

— Да, пожалуйста, Ваше Имперское Величество! — с уважением сказала Эвви. — На пути в Гьонг-ши мы видели несколько садов камней, но мне говорили, что самые красивые — в ваших дворцах. Для меня было бы огромной честью увидеть их.

— Значит, ты их увидишь, — с улыбкой ответил Уэй-шу. — Могу я попросить тебя взамен о небольшой услуге?

«Осторожнее», — подумал Браяр, жалея, что она не может слышать у себя в голове его голос, как это могли его сёстры.

Услышала она его, или нет, Эвви сказала:

— Если смогу, Ваше Имперское Величество. Я — всего лишь двенадцатилетняя ученица.

— Мы видели силу Посвящённого Адепта Розторн, и в будущем надеемся увидеть демонстрацию навыков *Наншур* Браяра, — объяснил император. — Но для начала у меня есть небольшая проверка для тебя. Маг-Генерал Хэнг-кай, не мог бы ты позволить Эвумэймэй подержать бусы, которые у тебя на шее?

Маг-генерал ошарашенно уставился на Уэй-шу:

— Но... Сияющий... — начал возражать он.

Уэй-шу поднял брови:

— Маг-Генерал? Ни твоя сила, ни твои ожерелья не помогли тебе победить в последней битве в Кайане. Учитывая это, у тебя не должно быть причин возражать против того, чтобы девочка подержала твои бусы. Отдай их ей.

Хэнг-кай глубоко вдохнул, затем медленно выдохнул. Он осторожно размотал нитки бус, которые были трижды обёрнуты вокруг его бычьей шеи. Сжимая их в узловатой руке, он протянул их над столом.

Розторн наклонилась вперёд. Браяр тоже был наготове, на случай, если что-то пойдёт не так. Бусы должны были иметь защиту, чтобы люди могли их носить каждый день, или чтобы этот генерал мог носить их в бою. Тем не менее, Браяр почувствовал облегчение, когда увидел, как Джья Джуи встала у Уэй-шу и Хэнг-кай за спиной. Она должна предотвратить любые ошибки.

Эвви шагнула вперёд, и взяла ожерелье:

— Благодарю, Маг-Генерал, — сказала она, и низко поклонилась ему.

«Умно», — подумал Браяр. «То, что император может неуважительно говорить с этим Хэнг-кай, не означает, что это и нам позволено».

Эвви попятилась, пока не оказалась рядом с Браяром, где и встала, проводя через пальцы длинные бусы. Бусины мелодично щёлкали, подобно разговорным бусам, которые использовали купцы дома, на Море Камней.

— Эвумэймэй, скажи мне, из чего они сделаны, — тихо сказал император.

Генерал вскочил на ноги:

— Имперское Величество, Корона Янджинга, только я могу использовать на них мою силу! — воскликнул он.

Двое охранников, стоявших за столом императора, мгновенно метнулись вперёд. Они взмахнули своими алебардами, скрестив их перед Хэнг-кай, создав препятствие перед разозлённым магом-генералом. Затем они потащили скрещенные лезвия назад, заставляя его опуститься обратно на своё место. Как только он сел, они подошли ближе, пока он не оказался прижат к оружию к стулу. Хэнг-кай даже не мог поднять руки.

Джэя Джуи сместилась, встав за спиной Уэй-шу и Розторн.

— Покуда ты остаёшься на месте и неподвижным, Маг-Генерал, тебе не причинят вреда, — мягким как масло голосом сказал Уэй-шу. — Действуй, Эвумэймэй.

Эвви сглотнула.

— Всё хорошо, — прошептал ей Браяр на чаммурском, едва шевеля губами. — Я не думаю, что этот урок — для тебя.

Она дважды перебрала все бусины пальцами. На третий раз она выбрала одну секцию наиболее часто встречающихся бус.

— Эти — костяные, — сказала она императору, погрузившись в работу, и забыв о титулах. — Старая кость, **очень** старая, наполовину окаменелая, но всё же кость. Я знаю это по тому, как она ощущается, но в моей магии её нет.

Она прищурилась на буквы, начертанные на некоторых бусинах:

— Тут что-то написано, но я это не узнаю.

— Это идеограммы, которым учатся наши *нанишур*, — ответил Уэй-шу. — Посмотри другую бусину, если ты не против.

Эвви выбрала цилиндрическую бусину, синюю на белом.

— Фарфор, — презрительно произнесла она.

Про другую, более искусно расписанную синюю-на-белом бусину, она также сказала:

— Фарфор.

Ещё две:

— Коричневое стекло с белым, натёртым на выпуклые метки. Генерал, это вы их сделали?

Генерал сплюнул на стоявшую перед ним тарелку.

— Ох, — сказала Эвви.

Браяру было видно, что она размышляет вслух.

— Их делали не вы. У вас есть маги, которые делают для вас бусины. Но вы можете использовать заклинания, заложенные во все эти надписи?

— Да, — сказала Джэя Джуи. — Именно так и учат нашей магии. Разве не в этом суть твоей магии?

— Наши академические маги пишут заклинания на бумаге, или в книгах. Произнесение их, иногда с благовониями, травами, чернилами или другими вспомогательными средствами — именно произнесение помогает им довершить магию, — тихо объяснила Розторн.

Эвви не слушала. Она перебирала пальцами нитку с бусами:

— Дерево. Браяр, какая это порода дерева?

Браяр протянул руку ей через плечо, и вытянул росток своей собственной силы:

— Ива.

Эвви сморщила носик:

— Дерево меня тоже не радует, — объяснила она императору и магу-генералу.

Похоже, что она забыла об озлобленности Хэнг-кай. Браяр знал, что она погрузилась в свою силу, позволяя своей собственной каменной магии растекаться вокруг её рук. Её пальцы побежали дальше по бусам. Она пропустила крупную бусину, но Браяр не привлёк к этому её внимание. Либо это был тот отвратительный фарфор, либо Эвви к ней ещё вернётся.

— Может быть, вы не ту ученицу попросили для этой пров... о!

Эвви остановилась.

— Погодите-ка...

Она перебрала пальцами обратно, мимо плоских прямоугольников из ивы, с вырезанными вокруг отверстий кругами, мимо костяных цилиндров, густо покрытых янджингскими буквами, и мимо трёх цилиндров коричневого стекла. Когда её рука нашла круглую серо-белую бусину, покрытую маленькими красными пятнами, она остановилась.

— Интересно, — сказала она, вертя бусину в руках. — В каждой из красных бусинок заклинания, а сами бусинки сидят в мраморном шарике. Хотя бусинки из стекла, мне это видно, потому что магия впитывается в камень.

Она подняла взгляд на императора:

— Основа бусины — мраморная. Она меняет магию. Поэтому я могу сказать, что находится в стеклянных бусинках.

— Чепуха.

Вперед вышел один из магов, присутствовавших при императора прошлым вечером, встав перед столом рядом с Хэнг-кай. Он был постарше, с серебряными волосами и усами.

— Всем известно, что мрамор удерживает магию, и защищает её.

Эвви не обратила на него внимания:

— Что бы в этих бусинах ни было, оно мерзкое, и в каждой бусинке — разное. В этой — оспа, в другой — холера. Три — с огнём, в одной — с **очень** жарким, в двух — с более обычным. Удушающий дым в двух, и ещё в одной — ледяной ветер. Золотые кольца вокруг каждой красной бусинки не дают магии вытечь на поверхность мрамора, поэтому только генерал знает, что именно он носит. У него их...

Эвви подняла бусы во всю длину, ища глазами бледные шарики.

— Двадцать штук.

Она хмуро взглянула на генерала:

— И вы носите ещё одно подобное ожерелье, и браслеты на руках, все загруженные плохой магией.

— Ты смеешь читать мне нотации о магии войны, крестьянская девка! — закричал маг-генерал, наваливаясь на алебарды. Он зыркнул на стражников, которые не давали ему встать.

— Возможно, Эвумэймэй лишь хочет сказать, что заклинания в каменных бусинах испортились, — подала мысль Джэя Джуи. — Как ученице, это ей гораздо более понятно, чем военная магия, или генеральское ремесло.

Она поклонилась императору, когда Уэй-шу оглянулся на неё.

— В мои первые годы я много времени уделяла перебиранию бус магов в поисках

испортившихся бусин. Это — одно из самых первых видов чутья, которые вырабатываются у молодого мага. Генерал Хэнг-кай недавно был во множестве сражений. Разве не может быть так, что его самые личные инструменты поизносились?

Эвви, теперь действительно заинтересовавшаяся своей проверкой, вернулась к изучению бус:

— Я и говорила, что я — всего лишь ученица каменной магии. Ох, опять кость, и дерево. И стекло. Сердолик! Браяр, это сердолик!

Она поднесла крупный красновато-коричневый камень поближе к нему.

— Я вижу, что это сердолик, — с улыбкой ответил он.

Император, Джья Джуи и Парахан также улыбались энтузиазму его ученицы. Браяр знал, что сердолик был одним из самых любимых камней Эвви, потому что ей так трудно было его заполучить, когда она жила в Чаммуре. Даже здесь, на востоке, где он встречался чаще, он ей по-прежнему не надоедал. Сейчас же она вертела бусину в руках, пристально её разглядывая. Медленно, поначалу настолько медленно, что Браяр подумал, будто ему показалось — но её брови сошлись вместе. К тому времени, как она полностью повернула бусину, чтобы посмотреть на неё под другим углом, всем было видно, что Эвви хмурилась.

— Эвумэймэй, что-то не так? — спросил император.

— Кто поместил сюда заклинания силы и страха? — пылко потребовала она. — Это сердолик. Он для защиты и для думанья!

— Возможно, это и так, согласно полученным тобой невежественным поучениям, ученица.

Старый маг также хмурился, глядя на императора.

— Ваше Имперское Величество, Светоч Мудрости, вы будете потакать этой деревенщине в ущерб истинным магам Янджинга? Она ничего не знает о наших древних символах, о наших учениях, которые передавались веками...

Он умолк, когда император поднял свою ладонь:

— Почтенный Гуан-ши Дьян-льянг, напоминаю тебе, что эта западная ученица в точности знала природу заклинаний на сквозной бусине, — спокойно сказал Уэй-шу. — Она также узнаёт заклинания на этой бусине из сердолика, разве нет, дитя?

— Заклинания страха, и не просто страха подскочи-когда-мышь-пискнет-в-темноте, — воскликнула Эвви. — Это очень скверный страх обгадь-свой-халат, и заклинание подтачивает камень. Если его не снять, камень обратится в пыль в течение года. Вообще, как много таких камней вы расходуете?

Тишина была единственным ответом от генерала и от мага с татуировками.

— Так и думала, — пробормотала она.

Эвви утёрла слезу, и продолжила перебирать бусы в поисках других каменных бусин.

Вскоре старый маг, которого император назвал Гуан-ши Дьян-льянг, снова подал голос:

— Она может сказать нам, что камень полезен для роста фруктовых деревьев, Сын Богов, и мы не заметим подвоха, поскольку она следует учениям варварского запада. Действительно, камни магов не держатся долго, но лишь из-за силы заклинаний в них. Самая невежественная деревенская гадалка знает, что сердолик — камень власти и силы, удачливый благодаря своему цвету, крови драконов.

— Но... — начала Эвви, и замолкла.

Браяр наблюдал за тем, как Розторн, используя свою правую, не видимую императору руку, облокотилась на стол. Кулак она держала рядом с ухом, подавая таким образом Эвви

знак замолчать. Она прочертила мизинцем черту от носа к уголку рта, подобно морщинке. Это был их знак, означавший «старший». В пути им пришлось выработать серию знаков для Эвви, когда её юное отсутствие осторожности начало ввязывать её, и их, в затруднительные положения.

Эвви увидела знак. Она склонила голову, и пробормотала:

— Прошу простить, если я кого-то оскорбила, Ваше Имперское Величество.

Судя по тому, как она смотрела лишь на императора, а не на его генерала или разозлённого мага, Браяру было ясно, что она намеренно не включила в число людей, у которых просила прощения. Она сложила бусы норкой на стол:

— Я лишь говорила то, что знаю от камня.

— Благодарю тебя, Эвумэймэй, — заверил её император. — Я рад и впечатлён. У тебя есть все права — и это твой долг перед твоими наставниками и твоей традицией — говорить то, чему тебя научили. Вообще, для тебя было бы очень неправильно говорить что-то против твоей традиции здесь, в Янджинге. Без уважения к старшим и к предкам мы — ничто. Ты можешь приблизиться к нам.

Эвви бросила нервный взгляд на Браяра.

— Он хочет, чтобы ты подошла ближе к столу, — прошептал Браяр.

Когда она послушалась, император поднял палец. К нему подошёл евнух, встав на колени. После этого Браяру от него были видны только две поднятые руки, протягивавшие что-то, завёрнутое в жёлтый шёлк. Император взял предмет, и евнух удалился прочь от своего господина.

— Вот небольшой знак нашей дружбы, — сказал Уэй-шу, протягивая шёлковый свёрток Эвви.

Она взяла его, и упала на колени для традиционного янджингского поклона. Браяр бросил взгляд на Хэнг-кай и Гуан-ши, но ни тот, ни другой никаких эмоций не показывали. «Возможно, они знают, что на сегодня уже достаточно впали в немилость императору», — решил Браяр.

— Встань, Эвумэймэй, — сказал император. — Разверни.

Он улыбался.

Браяр шагнул вперёд. Он поклонился, затем жестом указал на ожерелье Хэнг-кай, которое тот так и не взял:

— Можно мне, Ваше Имперское Величество?

Император кивнул. Генерал лишь нахмурился и отвёл взгляд. Пока Эвви аккуратно разворачивала свой подарок, Браяр сгрёб бусы со стола. Он бросил взгляд на Розторн, та подняла изящную бровь, глядя на него. Браяр поднял плечо, говоря «я не знаю» в ответ на её немой вопрос «почему?». Он стал перебирать бусы пальцами, наблюдая за Эвви.

Та закинула шёлковую обёртку себе на плечо. Её подарком было что-то, вырезанное из красного камня.

— Это кошка! — воскликнула Эвви. — Кошка, сделанная из киновари!

— Постарайся не касаться киновари голыми руками, — предупредила Джья Джуи.

— Я знаю, — сказала Эвви, с помощью шёлка поворачивая искусно вырезанную кошку у себя в руках. — Она содержит ртуть.

— Сам дар — великая честь, — продолжила Джья Джуи, улыбаясь. — В наших магических учениях киноварь символизирует долгую жизнь.

Эвви снова упала на колени:

— Я так сильно благодарна, Ваше Имперское Величество, — сказала она. — Я всегда буду бережно хранить её, и запомню этот урок о том, что долгая жизнь и кошки — опасные вещи.

Император тихо засмеялся, как и большинство находившихся в пределах слышимости, но только не Браяр. Этот поклон начинал его раздражать. Не должно его ученице ни перед кем так пресмыкаться.

— Как вы узнали, что кошка идеально мне подойдёт? — спросила Эвви, когда Уэй-шу сказал ей встать.

— Я слышал, что ты прибыла из далёкого Чаммура с семьёй кошками, — ответил император. — Расскажешь мне о них?

Эвви едва ли нужно было уговаривать на рассказ о своих возлюбленных кошках. Пока она описывала их самих и их добродетели для императора, Браяр осматривал плоские, вырезанные бусы из дерева с помощью своих пальцев и своей силы. Он хотел убедиться в том, что если ему снова повстречается носящий подобное ожерелье воин, то он будет точно знать, к каким бусинам тянуться. То же самое он сделал с дубовыми бусинами, и с бусинами из гинкго, запоминая ощущение погружённых в их волокна янджингских заклинаний. Потом он посмотрел на Мага-Генерала Хэнг-кай. Тот откинулся на спинку стула, подальше от алебард, чтобы иметь возможность поглаживать пальцами бусы, намотанные на одно из запястий. «Какие там смертоносные тайны?» — гадал Браяр. «Сколько смертей носил генерал на всех этих обмотанных вокруг своих рук нитях? И для кого они предназначались?»

* * *

Курьеры прибыли к императору как раз в тот момент, когда они дошли после завтрака к садам лилий. Гостям не было позволено узнать, что это были за сообщения столь срочные, что он вынужден был их покинуть. Император извинился, и попросил Джэя Джуи провести их по прекрасным водяным садам вместо него. Когда они насмотрелись и налюбовались на водяные лилии, земляные лилии, деревья, цветущие лозы, прекрасных рыб, водоплавающих птиц, и тщательно созданные виды, гости вернулись в свой павильон для столь необходимого им отдыха.

Прежде, чем лечь спать, Розторн и Браяр осмотрели свой новый розовый куст, который принесли этим утром, пока они отсутствовали. Его пересадили в горшок, покрытый тёмно-зелёной эмалью, которая в точности совпадала по цвету с листьями, что оценила даже Эвви. Кроме того, на внутренней стороне кромки горшка были нарисованы янджингские буквы, которые, похоже, были инструкциями для кошек. Даже Монстр, который лишь с очень большими трудностями научился не пользоваться лотками с принадлежавшими Браяру *шакканами* — миниатюрными деревьями, — понюхал горшок, чихнул, и больше не подходил. Браяр и Розторн послали свою силу через куст, обнаруживая следы того, как Розторн ранее исцелила его от плесени. В слух они этого не говорили, но оба хотели убедиться, что садовников всё же не заставили уничтожить тот самый куст.

За ужином к ним присоединились Джэя Джуи, Парахан, и те участники послеобеденной прогулки, которым там, похоже, на самом деле нравилось. Эта компания познакомила иностранцев с янджингскими играми и музыкой, затем повела их на террасу, выходящую на длинный водоём. Там они кормили гигантского карпа, плававшего в этих водах, пока в их

честь не были устроены фейерверки — разноцветные цветы и деревья из *зайао*. К тому времени, как это закончилось, Розторн, Браяр и Эвви были рады вернуться в свой павильон, и в свои кровати.

Розторн снова потратила час на работу с розовым кустом. Закончив, она надеялась написать своей любимой Ларк, в Спиральный Круг, но ей едва удавалось держать глаза открытыми.

Сказывался день, проведённый со скрытым напряжением между Эвви и генералом, Эвви и старым магом, и всем остальным, что происходило между придворными и спутниками Розторн. Император был из тех правителей, кому доставляло удовольствие играть со своими лордами. Она была бы рада оставить имперский двор и его опасности. Розторн уснула сразу же, как только закрыла глаза.

* * *

Кто-то плеснул на неё тяжёлым, вонючим маслом. Она старалась стряхнуть его со своих листьев и цветов, но масло липло к ним. Её сёстры вскрикивали, ощущая вес масла на своих стеблях и листьях, по мере того, как люди, которые за ними ухаживали, шли между ними, обливая их этой ужасной жидкостью. Люди даже не волновались, что ломали ветки и сбивали лепестки с цветов! А обычно они были так осторожны!

А теперь они прошли, разбрасывая между их растениями сухой тростник, пропитанный тем же вонючим маслом. Она не понимала. Никто из них не понимал.

* * *

Кусты роз не понимали, но спящая Розторн — поняла. Вскрикнув, она сбросила одеяло и вскочила с кровати. Она даже не вспомнила о том, чтобы обуться. Ещё не до конца проснувшись, не думая о Браяре или Эвви, она выбежала из павильона через заднюю дверь. Первое касание пламенем тростника повергло её на колени на тропинке, огибавшей пруд с ивами. Она с трудом поднялась, и продолжила бежать, пока небо впереди медленно светлело.

Когда она добралась до сада роз, он уже был весь в огне. Садовники были связаны и оставлены в центре сада. Кричать они уже перестали. Император и его солдаты стояли на главной дороге, верхом, и наблюдали.

Император увидел её, когда повернул своего коня, чтобы уехать:

— Растения скрывали плесень, а садовники им это позволили, — произнёс он со спокойным выражением лица. — Ты же понимаешь, что в одном из моих дворцов несовершенство просто не дозволено. Я ведь говорил.

Он посмотрел Розторн за спину.

— Рабы придут, и проводят вас обратно.

Розторн ощутила, как Браяр обнял её рукой за плечи. Он почувствовал её магию, ослабленную, и последовал за ней, обнаружив то, что было совершено по приказу Уэй-шу.

Когда император и солдаты скрылись из виду, Браяр сплюнул на дорогу.

Вместе они ждали на краю горящего сада, пока к ним не пришли рабы с паланкином. К тому времени розы сгорели до гравия, и новые садовники пришли, чтобы выкопать их корни.

Следующие пять дней прошли так же, как и первый. Они вставали на рассвете, чтобы Розторн и Браяр могли идти притворяться друзьями императора, а его фавориты могли показывать им его драгоценные цветочные сады, медитативные сады, и оранжереи. К Эвви присоединялся Парахан и, иногда, Джья Джуи, не считая охранников Парахана и нескольких молодых придворных и магов. Сначала они немного играли с её кошками, потом шли смотреть императорскую коллекцию диких зверей, его сокровищницы, его мастерские ремесленников, и его сады камней. Все собирались вместе на поздний завтрак или ранний обед.

После полуденного отдыха, столь необходимого в этой части страны, которая уже нагревалась для лета, Джья Джуи забирала Эвви, чтобы показывать ей, как янджингские дети учились магии, или Эвви показывала Джья Джуи, что она может сама. Браяр и Розторн удалялись в оранжерею, где они вместе с садовниками работали над обещанной Уэй-шу розой. Там они произвели на свет цветок с красными и жёлтыми полосами, каких не было ни в каких других садах. Роза Уэй-шу была устойчива ко всем растительным недугам, какие Розторн и Браяр только смогли вспомнить, включая плесень и грибки, известные местным фермерам. Цветы были отравой для любых насекомых, которые решили бы ими перекусить, и они не размножались черенками — только семенами.

Императору они показали его розу и куст с горсткой бутонов на пятое утро, за завтраком. Им было видно по его лицу, что он разрывается между чем-то.

— Простите нас, что мы не можем радоваться больше, — сказал он, вертя в пальцах цветок, который ему дала Розторн (Браяр перед этим аккуратно удалил с него шипы), когда евнух унёс кадку с растением. — Даже запах — совершенство. Наше сердце жаждет побольше узнать о нашей Розе Уэй-шу, но наш долг заставляет нас оставить её позади. Утром мы покидаем Зимний Дворец. Наши домочадцы продолжит заботиться о вас, как если бы мы были здесь, но имперские дела зовут нас прочь. Вы найдёте, что мы оставили вам троим определённые подарки, в благодарность за вашу науку и общество, а также выючных зверей, которые потребуются вам для продолжения вашего пути. Нам дали понять, что вы намереваетесь отплыть из Ханджэн в конце месяца, который вы зовёте Луной Гуся?

Розторн поклонилась:?

— Да, таковы наши намерения, Ваше Имперское Величество.

— Времени у вас будет в достатке, — сказал Уэй-шу. — Мы попросим наших жрецов помолиться за безопасность вашего пути по суше и по морю.

Он встал из-за стола, и они в последний раз поклонились ему. Следующим утром трое магов пошли к Воротам Благословенных Уходов, чтобы попрощаться, но императору больше нечего было им сказать. Однако, Розу Уэй-шу он носил заткнутой между находившимися друг на друга пластинами своей брони. Они наблюдали за тем, как он ехал прочь со своими магами и охраной, и каждый чувствовал огромное облегчение, которое они не осмеливались показывать.

Парахан присоединился к ним, когда за своим господином через ворота последовала

бригада имперской пехоты и стрелков.

— Теперь всё будет менее напряжённым, когда крупные шишки уехали, — заметил он. — Можете спать допоздна.

— А с тобой что будет? — спросила Эвви.

Парахан пожал плечами:

— Буду ждать здесь, пока он не пошлёт за мной. Если бы он уехал в Иншию, как собирался этой зимой, то меня бы отправили с ним, но он передумал. Там, куда он едет, он не будет сидеть на месте. Ему не по нраву брать меня с собой, если он не уверен, что я не смогу сбежать.

— Иншиа? — резко спросил Браяр. — Я думал, он воюет с Иншией и её соседями.

Парахан покачал головой:

— Иншиа и Кайан сдались этой зимой. Полагаю, они не могли вынести ещё одного полного сражений лета, и не могу сказать, что виню их.

— Да смилостивятся над ними их боги, — сказала Розторн. — Парахан, позволишь мне удалиться? Мне нужно разослать сообщения, если мы собираемся скоро уехать.

— Конечно, — сказал он. — Мне принести ужин вам, или сводить вас на ужин куда-то?

— Куда-то, где мы ещё не были, — предложила Розторн.

Парахан поклонился, и лениво пошёл прочь.

— Наперегонки! — крикнула Эвви своим наставникам.

Она побежала по тропинкам через лесопосадки, которые вели обратно в их павильон.

— Если она думает, что я буду бежать, то пусть подумает ещё раз, — сказал Браяр Розторн. — Я буду шагать вместе с моей наичудеснейшей наставницей.

— К тому времени, как мы закончим паковать вещи, ты уже не будешь так говорить, — предупредила она, беря его за руку. — Я не хочу больше терять время, так что не отлынивайте, молодой человек.

— Я и не собираюсь отлынивать. Если мы будем на дальней стороне Королевств Солнца в Луну Снега, то мы скорее всего доберёмся до дома в течение года. Это будет возможно, если мы будем в Ханджэн к концу Луны Гуся. Времени у нас на это будет полно, если поскорее найдём караван.

Браяр улыбнулся Розторн, пока они шагали по дороге:

— Я буду двигаться бойко как кролик. Вот увидишь.

— Х-м-м.

Розторн подняла взгляд на свисавшую вниз ветку ивы. Края листьев были коричневыми. Она только смотрела, но Браяр ощутил, как её магия омыла дерево, и прогнала карабкавшуюся по его ветвям болезнь.

— Мальчик, ты вздрогнул, когда Парахан говорил про Иншию и Кайан. Не думай даже на миг, будто я этого не заметила.

Браяр вздохнул, и направил её по тенистой тропе. Становилось жарковато, и Розторн была без шляпы.

— Бог-Король надеялся, что император всё лето будет бросать свои армии на эти две страны, и на Ййтсаг на северо-востоке, а не на Гьонг-ши. Он не обрадуется вестям о том, что Иншиа и Кайан теперь принадлежат Уэй-шу.

— Ну, если повезёт, император направится в Ййтсаг, а не в Гьонг-ши. В конце концов, Гьонг-ши очень мало соблазна. И Бог-Король сейчас уже должен знать про Иншию и Кайан. Или, по крайней мере, он узнает задолго до того, как нам удастся передать ему весть.

Браяр знал, что она права. Они больше ничего не могли поделать.

На миг, когда они дошли до их павильона, Браяр подумал, Будто Эвви выходила из его спальни. Потом он решил, что она просто гналась за своей непоседливой кошкой Абрикос. Никого из служанок не было, чтобы отругать, если кошки залезали на лакированные шкафы, столы и стулья. Розторн взвалила кошку по имени Изюминка себе на плечо, и сказала «начинай собирать вещи», прежде чем сесть за стол, чтобы писать письма.

Браяр позвонил в висевший снаружи павильона колокольчик, чтобы вызвать посыльную. Девушка заныла, когда узнала, что ей придётся ехать до караван-сарая под Дохан, где остановились Торговцы, но расплылась в улыбке, когда Браяр показал ей серебряную монету. Пока они ждали вестей, они вернулись в свои покои, чтобы дремать, укладывать вещи, или и то, и другое. Их посыльная вернулась до заката с вестями о том, что караван уходит в порт Ханджэн через три дня.

— Ну, я собираюсь перенести наши вещи в караван-сарай сразу же, как только упакуем их, — твёрдо сказала Розторн. — Это даст нам возможность познакомиться с людьми, вместе с которыми мы будем путешествовать.

Тем вечером Парахан отвёл их в маленький павильон у пруда. Там, в прохладе и комфорте, они слушали ночных птиц и наблюдали за плавающими на воде фонарями. К следующему вечеру почти все их пожитки унесли и загрузили на лошадей для их отбытия на рассвете. Парахан приказал службе дворца принести им простую еду, и встал, чтобы покинуть их, сразу же, как только они поели.

— Я знаю, что вы захотите этой ночью хорошенько выспаться, — сказал он, когда слуги ушли. — И я не люблю долгие прощания.

Розторн взяла его ладонь в свои собственные:

— Да благословят тебя Мила и Зелёный Человек, — сказала она ему. — И пусть Шурри Огненный Меч однажды вернёт тебя домой с победой.

Парахан поцеловал её в лоб:

— Ты хорошо играла роль покладистой путешественницы, но дикие цветы здесь долго не живут. Я рад видеть, что ты вырвешься отсюда.

Он пожал руку Браяру, потом Эвви, звеня цепями. Присев перед Эвви, он пощекотал её за нос:

— Хотел бы я, чтобы ты познакомилась с моей сестрой Сúdoй, — с улыбкой сказал он. — Вы с ней так похожи.

Эвви обхватила его руками за шею:

— Это **невыносимо** — что ты его пленник! — прошептала она ему на ухо.

— Мне это тоже не нравится, но что мы можем поделать? Мы — лишь маленькие кошки в этом большом, полном львов доме, — ответил он.

Эвви отпустила его, и сбежала в свою комнату, со стуком задвинув тонкую дверь.

Парахан поклонился им:

— Пусть все наши боги хранят вас в пути домой.

Он неторопливо покинул дом, растаяв в сумерках. Браяр прислушивался, пока звон цепей окончательно не стих.

Вскоре после этого Розторн ушла спать Браяр убедился, что все кошки были загнаны в комнату Эвви, за её заколдованные воротные камни. Потом он и сам лёг спать.

Засыпая, он подумал о Парахане. «Проклятье, мне нужно поспать!» — сердито сказал он себе. «Мы уезжаем на рассвете!». Но отрицать он не мог; трудное положение человека из

Камбанпура его беспокоило. Любой другой господин позволил бы им выкупить у себя Парахана, но только не Уэй-шу. Парахан был для него каким-то призом. Император мог дать им девять полных золотых монет перемётных сум только за Розу Уэй-шу — что он и сделал, — но не продал бы этого одного пленника. Браяр отдал бы всё это золото за Парахана, и он знал, что Розторн и Эвви сделали бы то же самое.

«Рассвет», — напомнил он себе. «Мы встаём до рассвета».

«Умиротворённые мысли. Я снова смогу одеть обычные брюки и куртку. Во всех этих шёлковых халатах я выгляжу здорово, это так, но ничто не сравнится в удобстве с вещами, которые мне сделала Сэндри Великая Мила, я буду так рад надеть мои старые добрые сапоги вместо тапочек, в которых я чувствую каждый камешек на пути!»

На этой приятной мысли он и заснул.

* * *

Что-то заставило его проснуться около полуночи. Он прислушался, но в здании павильона было тихо. Взволнованный, Браяр встал, и проверил комнату Эвви.

Её кровать покрывали кошки. Они перебрались на освобождённое ею место. Кошки посмотрели на Браяра.

— Когда я её поймаю, ей крышка! — одними губами сообщил им Браяр.

Тайна подняла ногу, и начала умываться.

Браяр быстро натянул брюки и куртку, затем закинул на плечо свой малый магический набор. Держа сапоги в руках, Браяр прокрался к двери в комнату Розторн, и заглянул внутрь. Она спала, издавая тот жужжащий храп, который он находил таким забавным.

Браяр прокрался прочь из павильона. Во внешних комнатах не было слуг, а на улице снаружи не было даже охранников. Он положил маленький свёрток сонных трав в карман куртки, на случай если встретит по пути кого-то не очень дружественного, и натянул сапоги. Собравшись, он побежал, находя дорогу в свете полумесяца. У него была очень хорошая идея насчёт того, куда она сбежала. Ему следовало понять, что она не согласится оставить Парахана, только не после того, как провела пять дней почти исключительно в обществе пленника.

На то, чтобы добраться до Павильона Великолепных Презентаций, где держали Парахана, у Браяра ушло больше времени, чем ему бы хотелось. Так было из-за того, что он держался придорожных деревьев и кустов, часто останавливаясь, чтобы поискать глазами и ушами патрули охранников. Патрулей он не видел и не слышал, но это лишь заставляло его нервничать ещё больше.

Наконец он достиг своей цели. Перед тем, как приблизиться к своей беглой ученице, он проверил внешнюю часть длинного холла. По всему периметру большого здания он не нашёл ни следа охраны. Внутри находился ряд висящих золотых клеток, в одной из которых проводил ночь Парахан. Холл с клетками было легко найти снаружи: он находился сбоку от помещения для аудиенций, придавая зданию L-образную форму.

Убедившись, что вокруг павильона не было охраны, Браяр вошёл в рощу деревьев рядом с той стороной павильона Великолепных Презентаций, где были клетки. Там, высоко, были маленькие окна — выше, чем мог бы достать высокий человек, чтобы давать пленникам доступ к свежему воздуху. Там же был и угол, где длинный холл переходил в тронную залу

императора.

«Ну, хорошо, Эвви-всезнайка», — мрачно думал он, пробираясь через маленькую рощу, — «как ты собираешься пробраться внутрь?»

Потом он услышал писклявое, натужное кряхтение.

«Она пытается обрушить стену!» — в панике подумал он. «Она навлечёт на нас всю охрану в пределах слышимости!»

Он вышел из-под сени деревьев у Эвви за спиной. Она стояла на коленях, приложив обе ладони к мраморному блоку в двух футах над землёй. Она пошатывалась, фаркала, но он не видел, чтобы камень двигался. По какой-то причине Эвви — способная направлять тонны камней, падавших со скал — не могла заставить эти блоки сдвинуться с места.

— Эвви, прекрати! — прошептал он.

Она подскочила, но не обернулась:

— Нет! — яростно прошептала она. — Я не оставлю его здесь! Что если император однажды повернётся к нему спиной, и сожжёт его, как те розы?

— Откуда ты узнала об этом?

Браяр схватил её за плечи и попытался рывком поднять на ноги. С тем же успехом он мог бы сдвинуть с места валун, о чём ему и следовало бы вспомнить, учитывая последний раз, когда он пытался сдвинуть её с места против её воли.

— Я слышала, как слуги об этом говорили, — терпеливо сказала она ему. — Почему бы тебе не перестать глупить, и не помочь мне? Я не знаю, почему я не могу сдвинуть эти штуки.

Вид горящих в сердце розового сада тел садовников всё ещё не выходил у него из головы:

— Он не может уехать с нами, — сказал он Эвви. — Они убьют нас, если подумают, что мы помогли ему сбежать.

— Готова поспорить, что он знает, как выбраться с территории дворца, — прямо заявила Эвви. — Его здесь держат только клетка и цепи.

А потом она произнесла то, что заставило Браяра на самом деле ужаснуться:

— Я взяла с собой твои отмычки. Я вскрыю его замки. Но сначала мне нужно пробраться внутрь, а блоки не двигаются.

Браяр пожевал свою губу. Он знал, что сказали бы Сэндри и Трис. Он даже знал, что сказала бы Даджа, бывшая более практичной: «В чём дело, мальчик-вор? Потерял смелость?»

— Смелости у меня предостаточно, — пробормотал он своей сестре-магу-кузнецу.

Она помедлил ещё миг, затем осознал, что Эвви снова начала бросать свою силу на мраморный блок. Она не собиралась ждать его решения.

Тихо ворча, он разбросал вокруг свою магию, чтобы посмотреть, не было ли в земле семян лоз. Садовники обрезали местные лозы, но если ему удастся заставить их семена взрасти, то не было риска, что следователи позже найдут частицы неместных лоз, которые ему, возможно, пришлось бы вырастить из семян, которые он хранил в своём наборе мага. Именно во время разбрасывания магии он ощутил призраки прежде живых растений у себя на уровне лица. Как это было возможно? У него перед лицом не было ничего, кроме мраморной стены.

Он встряхнул кисти рук, как будто стряхивая с них остатки использованной магии — привычка, за которую его дразнила Розторн — и позволил большему количеству своей силы

растечься прямо у себя перед лицом. Теперь вся стена отозвалась тенью жизни, прежде бывшей зелёной.

— Эвви, стой, — прошептал он. — Что в строительном растворе?

— В основном известь, — ответила она таким же тихим голосом. — Там есть ещё что-то, что я не ощущаю. Оно держит мрамор так, будто тот собирается сбежать.

Браяр провёл пальцами по щелям между блоками. Внезапно он осклабился:

— А ты-то думаешь, что растительная магия бесполезна.

Он присел на землю, и открыл свой набор.

— А что, разве нет? — поинтересовалась Эвви, намеренно переча ему.

— Судя по всему, то, что ты не чувствуешь — это рис, — уведомил её Браяр. — И с ним-то я смогу сладить.

— Рис? — возмущённо потребовала она.

— Я узнаю рис у себя в чашке, и я узнаю его в растворе: готов поспорить, именно рис в растворе заставляет его так держаться за мрамор. Скажи, ты собиралась всю стену обрушить?

— Не-а. Я собиралась вытащить лишь столько блоков, чтобы забраться внутрь.

— Тогда именно так мы и сделаем. Но надо убедиться, что отверстие достаточно больше, чтобы мог выбраться Парахан.

— Три на два блока?

— Этого должно хватить. Позволь мне сначала убрать раствор.

Браяр провёл ладонями по щелям между блоками, вливая свою магию в них и в щели вокруг. Он и не подумал бы, что рис останется таким сильным по сравнению с камнем, но было именно так. Когда он позвал, рис вытащил вместе с собой из раствора даже кусочки извести.

— Надо было подстелить ткань, — в смятении сказал он, глядя на маленькие кучки белого порошка на земле.

— Если бы, да кабы, — пробормотала Эвви.

Она протянула руку к блоку, находившемуся в двух футах над землёй. Тот выскользнул из стены, и упал.

— Осторожно! — прошептал Браяр.

Он воззвал к семенам лозы, пока Эвви звала следующий блок. На этот раз, когда она тихо позвала его вперёд, толстые, сильные лозы были уже на месте, чтобы обвить блок и удержать его, пока Браяр и Эвви откладывали его в стороне от отверстия. Лозы отпустили его, и вернулись к отверстию, проскальзывая под следующий блок, прежде, чем Эвви успела обернуться.

Как только отверстие было готово, Эвви сунула голову внутрь. Браяр услышал, как она что-то прошептала. Затем она заползла внутрь здания. Он толкнул вслед за ней свою сумку, ощутив, как она — он надеялся, что это была она — приняла её у него. Затем он сам скользнул в отверстие в стене. К его удивлению, внутри одной из ближайших клеток горела лампа. В клетке прямо перед ним сидел Парахан, скрестив ноги.

— В этом здании кто-нибудь есть? — тихо спросил Браяр.

Эвви обошла клетку с другой стороны. По звяканью металла он предположил, что она вскрывала замок украденными у него отмычками.

— Нет. Обычно они оставляют пленников ночью одних. Кто был бы настолько тупоголовым, чтобы помочь нам сбежать? Почему ты позволяешь ей это делать? —

потребовал Парахан.

— Ты должно быть думаешь, что я всё об этом знал до того, как она на это пошла, — прошептал Браяр. — Они позволяют тебе иметь лампу?

— Мне позволено читать.

Парахан показал свиток. Он бросил взгляд на Эвви:

— Я бы предложил помощь, но я так и не научился вскрывать замки.

Браяр обошёл клетку. Эвви хмуро глядела на висевший внизу клетки замок.

— Я не понимаю.

Браяр забрал у неё отмычки.

— Потому что ты училась всего год.

Он запустил руку в свой набор, и вытащил бутылочку с особо приготовленным маслом. Он трижды капнул им в отверстие замка. Ожидая, пока замок клетки пропитается, он добавил масла на цепи Парахана: на шее, запястьях и лодыжках. Затем он сосредоточился на замке клетки. Замок был хитрым, но Браяр был с замками терпеливее, чем с многими людьми. Как только он вскрыл замок, Парахан выполз из клетки.

— Закрой его, — сказал он. — Он сам замкнётся.

Браяр передал Эвви флягу с водой, которую всегда носил у себя в наборе:

— Налей немного в замок, — сказал он ей. — Я не хочу, чтобы их маги учуяли на нём мою магию.

— Сомневаюсь, что это произойдёт, — сказала Эвви, делая, как было велено. — Я не думаю, что они вообще верят в нашу магию, если не считать Джья Джуи.

Браяр начал работать над ошейником Парахана.

— Я стараюсь никогда не рассчитывать на то, что незнакомцы знают, а чего — нет.

Замок был странным — не таким простым, как замок на клетке. Он не хотел проводить здесь всю оставшуюся ночь. Бормоча себе под нос, он порылся в своём наборе, и нашёл другой набор отмычек, который ему нравился больше, чем тот, на котором он обучал Эвви. Вскоре замок на ошейнике был открыт.

— Ты сможешь сбежать из дворца? — спросила Эвви у Парахана, наливая воду в замок ошейника, чтобы вымыть оттуда зелье Браяра. — Мне казалось...

— Тебе правильно казалось, — заверил он её. — Обо мне не волнуйтесь. Вы и так уже достаточно рискуете.

Он посмотрел, как Браяр открывает замки у него на запястьях.

— Я не знаю, смогу ли я когда-нибудь вас отблагодарить.

— Просто, если тебя поймают, не говори им, что это были мы, — посоветовал Браяр.

— Ты же понимаешь, что человек может выдержать допрос под пытками только до какого-то предела, — сказал Парахан. — Я продержусь как можно дольше, конечно, но я уже бывал в руках допросителей императора.

— Но почему? — прошептала Эвви, случайно выливая больше воды, чем было нужно. — Ты же не был врагом.

— Они хотели посмотреть, какие у моего отца и дяди могли быть секреты, которые стоило бы украсть, конечно. Я пытался сказать им, что я был тунеядцем и семейным дураком, но...

Он пожал плечами:

— Такие люди верят твоим ответам, только если тебе эти ответы стоили боли.

Браяр вспомнил о некоторых шрамах Парахана, и вздрогнул. Несколько мгновений

спустя он открыл замок кандалов на лодыжках. Парахан был свободен. Какое-то время он молчал, потирая запястья, пока Эвви промывала замки. Браяр замкнул обратно все кандалы и ошейник, и оставил их на полу клетки, а потом запер и саму клетку. Утром будет выглядеть так, будто Парахан просто испарился.

Браяр первым вылез через отверстие в стене. Он быстро огляделся среди деревьев, но место было таким же тихим, как во время их прибытия. Когда он вернулся к стене, Парахан похоже разговаривал с Эвви. Потом он кивнул Браяру, развернулся, и взял один из блоков. Он осторожно вставил его на место в стене, его мышцы бугрились от усилия, пока он работал. Он по одному установил блоки в отверстие. Когда он закончил, лишь пристальный осмотр показал бы, что куски камня не были скреплены раствором.

Браяр наблюдал за Эвви, пока Парахан работал. Верзила сказал что-то, заставившее её задуматься, это было ясно. Она методично жевала губу, пока не осознала, что Браяр смотрит на неё. После этого она отвернулась. Он спросит её об этом позже, когда у них будет больше времени.

Браяр попросил свои лозы выдернуть корни из земли. Затем они с Эвви втоптали остатки рисово-известкового раствора в некоторые из рытвин, оставленных лозами, а остальные засыпали грязью. Когда они закончили, Браяр понаблюдал, как лозы уползли в заросли деревьев. Они найдут на территории дворца места, где смогут беспрепятственно расти. Способность находить собственный дом была частью сделки, которую Браяр заключил с ними, когда их создал.

— Потрясающе, — сказал Парахан, когда Браяр обернулся к нему.

Парахан поклонился, сомкнув ладони перед лицом:

— Благодарю вас обоих. Я навсегда у вас в долгу.

— Это — всё, что мы можем сделать, — сказал Браяр. — Даже близко к нам не подходи, пока мы уезжаем. Я не позволю этому отразиться на Розторн.

— Вам не нужно волноваться, — сказал им Парахан. — К рассвету я буду вне территории дворца. Вы сами-то будете в безопасности?

— Мы — да, ты — нет, — сказал Браяр. — Только если у них нет собак, которые смогут выследить тебя по запаху. Подожди чуток.

Он вышел на главную дорогу, украшенную короткими, широколистными пальмами. Браяр беззвучно позвал четыре самых длинных и широких из толстых листьев, поймав их, когда они упали с деревьев. Возвращаясь к своим спутникам, он послал свою магию по стеблю и толстым жилам, придавая им крепости и вытягивая их.

— Это ещё зачем? — прошептала Эвви, когда он вернулся к ним.

— Обувь, — сказал Браяр.

Он объяснил Парахану:

— Ты же не хочешь, чтобы маги тебя выследили.

Он положил листья на землю, две пары по две пары.

— Поставь пятки в двух дюймах от стеблей, — приказал он.

— Они развалятся, — тихо возразил Парахан, хотя и послушался. — И у меня от них будут мозоли.

Браяр осклабился, глядя на мужчину:

— Поверь мне, — сказал он, и подмигнул.

Он сложил длинные концы листьев поверх стоп Парахана, и придержал их там, вызывая древесные жилы с краёв. Они сплелись по его указанию, стягивая края листьев так крепко,

будто они так и выросли, сращивая два толстых листа в один. Другие жилы подтянули заднюю часть и стебли вверх, закрыв ими его пятку.

Парахан пробормотал что-то на своём родном языке.

— Они продержатся, пока ты не выберешься за стены дворца, — сказал Браяр, проверяя швы, и размягчая стебли. — Потом сменишь их на что угодно, кроме собственных босых ног.

— Разве они не смогут отследить твою магию? — спросил Парахан.

Браяр и Эвви закатили глаза. Браяр ответил:

— Судя по тому, что мы здесь выяснили, они не могли бы отследить окружающую магию даже с факелами и гончими. А теперь, пора идти. И да хранят тебя боги.

Парахан кивнул, и исчез в тенях позади Павильона Великолепных Презентаций.

Браяр забросил руку Эвви на плечо, и повёл её по короткой дороге через заросли к задней части их павильона.

— Больше **никогда** не пытайся сделать что-то подобное, не сказав мне.

— Я думала, ты скажешь «нет».

Она утёрла глаза рукавом.

— Может, и сказал бы.

Браяр вздохнул.

— Ты очень сильно рисковала.

— Как и ты.

— Мы рискнули жизнью Розторн, — строго сказал ей Браяр. — Ты же знаешь, что мне не нравится так поступать.

— Она крепче нас обоих.

— Нет, не крепче.

Они уже не в первый раз спорили об этом. Браяр был уверен, что и не в последний.

— Она **умерла**. Я был там. Я не хочу, чтобы она снова умирала. Ей это вредно. Именно поэтому она иногда медленно говорит. И поэтому она так легко заболевает.

— Ты мне всё время это говоришь, — нетерпеливо ответила Эвви.

— И я буду **продолжать** тебе это говорить, пока не удостоверюсь, что ты помнишь. Я не собираюсь рассказывать Ларк о том, что мы потеряли осторожность, и что из-за этого мы не смогли вернуть Розторн домой. Кстати, о потере осторожности, что он тебе сказал такого тайного?

Эвви дёрнулась. Затем она сказала:

— Клянусь, я тебе расскажу, когда мы уедем из дворца. Это важно, но я не хочу говорить об этом, пока мы не будем в пути. Пожалуйста, Браяр?

Она уже давно не умоляла его ни о чём, разве что в шутку. Ему было видно, что она не шутила.

— Не заставляй меня сожалеть о том, что подождал.

— Не заставлю. Клянусь.

Они в тишине пошли обратно спать. По дороге они никого больше не видели и не слышали. Никто не пошевелился, когда они вошли обратно в свой павильон. Наконец, замолчав, они вошли в свои комнаты, и проспали остаток ночи.

Эвви даже не думала, что спала, когда услышала голос Розторн:

— Эвумэймэй Дингзай, мы **уезжаем**.

Она рывком села в кровати. Рядом с ней на коленях стояла служанка, державшая в руках чашку с чаем.

— Спасибо, — сказала Эвви.

Она всегда благодарила слуг. Она знала, что это уязвляло их гордость — прислуживать кому-то, кто был настолько ниже их по рангу. Обращаясь к Розторн, она сказала:

— Умоюсь и оденусь я быстро.

Посвящённая носила своё дорожное шерстяное облачение и широкополую шляпу.

— Уж постарайся. Нам ещё нужно погрузить *шакканы* Браяра и твоих кошек.

Она покинула комнату.

— Я **знаю**, — пробормотала Эвви, и выпила свой чай.

Служанка причесала её волосы, и снова заплела их в косу, пока Эвви чистила зубы. Она позволила Эвви одеться самой, уже успев усвоить, что девочке не нравилось, когда ей помогали без необходимости. В счастливом уединении, Эвви натянула лёгкую хлопковую куртку и леггинсы, которые она приготовила ещё прошлым днём. Затем надела чулки и удобные сапоги для верховой езды. Она уже ощущала себя полностью проснувшейся и готовой. Это не имело никакого отношения к её чаю, и связано было с тем, что она снова носила простую одежду. Она снова была собой, а не какой-то уличной крысой, притворявшейся дворянкой при имперском дворе!

На столе у окна была чаша с рисом и всякой всячиной. Зная, что снова её покормят ещё не скоро, Эвви быстро умяла всё, и рыгнула, доев. Она даже провела пальцами по внутренней стороне чаши, и облизала их, только чтобы убедиться, что съела совсем всё. Позабывшись об этом, она схватила свой рюкзак, и закинула его за спину. Другие находили его тяжёлым, но только не она. Она таскала его уже два года, с тех пор, как Браяр начал учить её, когда она отвергла всех остальных наставников. В рюкзаке находились её набор мага и её каменный алфавит, у которого для каждой буквы в специальных кармашках лежали обычные и драгоценные камни. Во время путешествий она не любила находиться от алфавита дальше, чем на расстоянии вытянутой руки. Только осознание того, что её вещи находились под самыми сильными защитными заклинаниями, которые Розторн и Браяр только могли сплести, успокаивало её достаточно, чтобы не носить их с собой, пока она была на территории дворца.

При входе в гостиную Эвви была встречена разнообразными кошачьими звуками. Браяр освободил кошек из их оградительного заклинания и вновь заманил их в специальные корзины с помощью своего весьма великолепного котовника. Снаружи она увидела Браяра, аккуратно укладывая императорский розовый куст и свои *шакканы* на спины вьючных лошадей. Когда они приехали, он отдал одно из своих миниатюрных деревьев императору в качестве подарка на день рождения, позволив осуществить вручение посыльному, на случай если императору подарок не понравится. Эвви была весьма уверена, что сейчас Браяр сожалел о подарке, поскольку свои *шакканы* он любил больше, чем она — своих кошек. Ему не понравилось то, как Уэй-шу обращался со своими подданными, и ему не нравилось, что у Уэй-шу в руках было одно из его деревьев.

Пара вьючных лошадей Розторн терпеливо ждала снаружи, их ноша уже была упрятана подбитые кожаные сумки. Эвви нашла свою лошадь, фыркнувшую при виде её. Она запрыгнула в седло, и устроилась поудобнее.

— Тебя ждём, Браяр, — сказала Розторн, забираясь в седло.

— Да, Матушка, — ответил он.

К его явному удивлению, и к удивлению Эвви тоже, слуги, обычно поддерживавшие бесстрастные выражения лиц, захихикали над его шуткой, прикрыв рты ладонями. Но они быстро справились с собой, и поклонились, когда их гид и сопровождающие выехали на дорогу к Воротам Имперского Благословения.

Эвви счастливо вздохнула. Они уезжали из дворца.

Эта иллюзия продержалась до самых ворот. Там их ждали две группы. Одну возглавляла Госпожа Протокола. У неё за спиной стояли два конюха. У каждого в руках были поводья цепочки из трёх лошадей, каждая из которых была полностью нагружена тюками, которые несли печать шестипалого дракона Династии Лонг. На недоуздке каждой лошади была такая же эмблема.

Также присутствовал полный отряд дворцовой стражи под предводительством капитана. Солдаты стояли перед воротами, перекрывая их, твёрдо уперев копыта в землю. Эвви вся покрылась гусиной кожей. Они знали! Они знали про Парахана!

Розторн направила свою лошадь мимо их гида:

— Это ещё что? — потребовала она.

— Эвви, выпей чаю.

Браяр подвёл свою лошадь поближе к ней. Он протянул ей фляжку. Обычным, громким голосом он произнёс:

— Готов поспорить, ты даже завтрак не съела.

Более тихим голосом он добавил:

— Выпей чаю, и перестань держаться так, будто ты в чём-то виновата.

Эвви послушалась. Она заставила свою лошадь попятиться, пока она не оказалась рядом с корзиной, где сидел Монстр. Она запустила туда пальцы, и погладила зверя.

Госпожа Протокола поклонилась Розторн:

— Простите меня, уважаемая Розторн, друг императора, — сказала она, избегая гневного взгляда Розторн. — Этот... **офицер** настаивает на том, что вам не позволят проехать, пока каждый из вас не пройдёт досмотр. Пожалуйста, простите это... это неудобство. Примите мои глубочайшие, глубочайшие извинения.

Эвви и подумать не могла, что Госпожа Протокола могла быть такой расстроенной. Сразу после их приезда эта устрашающая леди несколько раз провела с ними утро, наставляя их в придворных обычаях. В те дни Эвви гадала, не высечена ли та из того же белого мрамора, из которого строили столь многие имперские здания.

— Пусть досматривают, — сказала Розторн. — Кроме нас троих и нашего гида, все они — из дворцовой челяди. Гида одобрили дворцовые служащие.

Больше она не сказала ничего, пока каждого из их сопровождающих с ног до головы осматривали вооружённые солдаты. Рылись даже в их багаже, будто солдаты ожидали, что в нём кто-то прячется.

Пока стража осматривала вьючных животных под присмотром Браяра, Розторн подвела своего скакуна к Госпоже. Она тихо спросила:

— Позволено ли человеку осведомиться, почему его подвергают этой унижительной проверке?

Госпожа на миг прикрыла лицо веером, затем опустила веер и наклонилась к Розторн очень близко, чтобы прошептать ей что-то на ухо. Эвви знала, что в обычной ситуации

вытянуть из Госпожи лишнее слово можно было лишь под пытками, но у неё был запущенный артрит. Предоставленная Розторн мазь, вместе с рецептом оной, сделала её жизнь гораздо легче. **Намного** легче, подумала Эвви, если та была согласна поделиться с Розторн любыми сведениями.

Капитан возвращался; женщины отстранились друг от друга.

— Готово, — сказал капитан. — Они могут ехать.

Солдаты отъехали с дороги. Госпожа Протокола, сильно расшатанная, презентовала путникам лошадей и их груз, лично отобранные императором подарки. Розторн произнесла несколько дипломатичных слов благодарности.

Эвви снова залюбовалась ею. Розторн говорила все эти вещи, и действовала так, как могла бы любая благородная леди, но когда она делала глоток чая из своей поясной фляги, Эвви было видно, что рука у Розторн подрагивала. Учитывая природу Розторн, Эвви была весьма уверена, что она не боялась, а была в ярости.

Покусывая внутреннюю сторону своей щеки, Эвви гадала, не искали ли они Парахана? Когда они миновали последние ворота из дворца, и выехали на длинный проспект, который вёл в город, Эвви и Браяр подъехали к Розторн. Их гид также приблизился.

— За все мои дни службы в имперском дворце, я никогда не видел, чтобы имперские гости подвергались обыску при отъезде! — негодуяюще сказал гид. — Многоуважаемая Госпожа Протокола намекнула на причину столь экстраординарного поведения? Император будет в ярости, когда узнает об этом!

— Не думаю, — очень сухим голосом ответила Розторн. — У него пропал гораздо более ценный гость.

Она сжала губы, и произнесла:

— Судя по всему, сбежал его пленник, Парахан из Комбанпура. Как — они не знают. Его цепи — замкнутые — и его клетка — также замкнутая — были обнаружены пустыми этим утром, когда пришли, чтобы отвести его на помывку.

— Ох, это плохо, — заметил Браяр с подобающе серьёзным выражением лица. — Его Имперскому Величеству это не понравится.

Как никогда восхищаясь своим наставником, Эвви решила внести свою лепту. Она вздохнула, осторожно, стараясь не переиграть:

— Далеко ему не уйти, только не когда его ищет весь дворец.

Розторн с подозрением посмотрела на них:

— Действительно. Если ему повезёт, то когда его снова поймают, никто ничего про это не скажет, — заметила она. — Никто не захочет, чтобы император узнал, насколько сильно они оплошали.

Их гид покачал головой:

— Такого рода тайны всегда всплывают, — сказал он. — Но вы правы, его поймают. У них есть свои способы. А теперь, если вы посмотрите вперёд, то увидите Врата Низшего Приветствия. Их так зовут потому, что всякий, кто уезжает из дворца, предположительно менее счастлив, даже въезжая в наш великолепный город. Однако, мы обогнём Дохан стороной, поэтому проезжать через них не будем.

Он заставил свою лошадь порысать вперёд, чтобы поехать вместе с главой их охраны. Розторн какое-то время ехала молча, прежде чем произнесла:

— Мы пробудем в Янджинге ещё две недели, или больше, если развезёт дороги. Имперские шпионы будут постоянно следить за нами, чтобы посмотреть, не попытается ли

Парахан с нами связаться. Ему нет причин так поступать. Однако, вам всё же следует быть готовыми.

«Удачи, Парахан», — подумал Эвви. «Надеюсь, ты поскорее выберешься из Янджинга».

Караван-сарай был самым большим, какие Эвви только видела, с красиво расписанными цветами и рыбами оштукатуренными внутренними стенами, и с большим квадратным колодцем посередине. Комнаты были расположены в два этажа, те, что на первом этаже, были зарезервированы для больших караванов, а те, что на втором — для более мелких групп путешественников. Это было место Торговцев, очень чистое и в хорошем состоянии.

Вожатая их каравана подбежала к ним, когда они въезжали в ворота. Как только она и её люди взяли их группу на себя, имперский эскорт поклонился Розторн и Браяру, и покинул их.

Вожатая, представившаяся как Раджони из Двадцать Восьмого Каравана Дáтта, нахмурилась:

— Странно это. Обычно кто-то из них остаётся на чай, чтобы послушать новости, которые мы решаем передать, но в этом году имперцы были очень... отстранёнными.

Она покачала головой, будто вытряхивая из неё дурные мысли:

— Посвящённая Розторн, вы и ваши спутники благословлены удачей. Я не смогла послать вестника до вашего отбытия из дворца, но случилось так, что мы уезжаем в Ханджэн утром, на день раньше.

Она посмотрела на их животных:

— У вас больше лошадей, чем было сказано в вашей записке.

— Император оказал нам чрезвычайно щедрый приём, — объяснила Розторн.

— Ну, что ж, мы это уладим.

Раджони огляделась. Мальчики и девочки Торговцев, взявшие на себя заботу о вьючных животных, выпрямились, зная, что на них смотрит вожатая. Когда Раджони кивнула, молодняк увёл животных в конюшни. Остались только те, кто держал поводья лошадей с кошками, *шакканами*, и лошадей, на которых указала Розторн, которые несли наборы магов и сменную одежду на следующий день — эти ждали, и пошли следом, когда вожатая показала путникам их комнаты в караван-сараяе. Когда они забрали всё, что хотели держать при себе, Раджони сказала:

— Сейчас подают обед, если хотите есть. Есть столы у фонтана, или вы можете принести свою еду сюда.

— Я могу принести еду сюда, — сказал Браяр. — С остальными членами каравана мы поужинаем вечером.

Эвви вздохнула. Она хотела вздремнуть, но также хотела личного времени, чтобы подумать о том, что ей сказал Парахан. У неё не было ни мига уединения с Браяром и Розторн с тех пор, как они выехали из дворца. Она надеялась поговорить с ними здесь, но что если на стенах были подслушивающие заклятья? Если это были заклятья Торговцев, то это было бы не так уж плохо. Но что, если это были имперские заклинания?

Розторн сказала:

— Раджони, я видела за стенами ручей. Там можно безопасно медитировать?

— Там очень безопасно, — заверила их вожатая. — Мы лишь просим вас быть в

пределах наших стен затемно, когда мы закрываем и запираем ворота на ночь. Выезжаем на рассвете.

Эвви и Розторн зашли внутрь, чтобы осмотреть свои комнаты. С помощью своих оградительных камней Эвви устроила своих кошек в углу главной комнаты, рядом со входом. Она насыпала в плоскую корзину земли, чтобы им было, где справлять нужду, и покормила их из запечатанного горшка варёных свиных потрохов, которые ей оставили дворцовые слуги, и расставила несколько чаш с водой. Проводя всё время в путешествиях, Эвви поневоле стала изобретательной в том, что касалось ухода за её спутниками. Когда она перешла к раскладыванию своей собственной скатки рядом с жилищем кошек, она обнаружила, что Браяр вернулся с едой.

Со съеденного на заре риса прошло уже много времени. Эвви изо всех сил старалась во время еды не размазать себе всё лицо рагу из цыплёнка с лимоном, но ей это едва удалось. Она подумала, что может умереть счастливой, когда увидела принесённую Браяром тарелку с пряными манными кексами.

— **Обожаю** еду Торговцев! — воскликнула она.

— Знаешь, когда я не особо хочу есть, мне достаточно лишь понаблюдать за тем, как ты поглощаешь всё, что оказывается перед тобой — и во мне снова просыпается голод, — заметила Розторн.

Эвви с Браяром отнесли пустые тарелки обратно к посудомоечным корытам Торговцев, и помыли свою долю посуды в качестве благодарности за еду. К тому времени, как они вернулись в свои комнаты, Розторн ушла в поисках своей медитации.

— Я скоро вернусь, — сказала Эвви Браяру и кошкам на чаммурском, когда увидела, что Розторн нет. — Если только ты не хочешь пойти со мной. Вообще-то, тебе следует так и сделать.

Браяр, взявший в руки один из своих *шакканов*, с подозрением посмотрел на неё:

— Куда пойти? Я думал, ты захочешь вздремнуть.

«По крайней мере, он достаточно сметлив, чтобы говорить на чаммурском», — подумала Эвви.

— Мне нужно поговорить с Розторн.

Браяр сжал губы, а его взгляд затвердел:

— Тебе не нужно говорить с ней. Ты же слышала. Она сказала «**медитация**». Ей нужна тишина. Ей нужно расслабиться. Вся эта имперская суэта нелегко ей далась.

Эвви скрестила руки на груди:

— Я знаю это почти так же хорошо, как и ты, Браяр Мосс. Может, я и не гениальный, дерьмоносый *нанишур*, в отличие от некоторых, но я и не пустоголовая тоже. Можно было бы подумать, что я хочу сказать что-то **важное**. Что-то, что ей **следует** знать, даже если у **меня** на шее не висит металлическое колесо со спицами.

Она потопала прочь из здания, направляясь к воротам.

Вскоре камешки на тропе у неё за спиной сообщили ей, что он шёл следом. Она нашла ручей, и входила в лес, когда он наконец сказал:

— Эвви, стой. Посмотри на меня.

Она послушалась.

— Не дуйся, — приказал он. — Я просто не думаю, что ей нужно знать, что мы помогали, знаешь ли.

— Я не об этом собиралась говорить, — огрызнулась Эвви. — А то, о чём я **собираюсь**

сказать? Она откусит мне голову, если я слишком задержусь с этим.

Она снова пошла вдоль берега ручья.

— Ты не веришь, что она мне безразлична почти так же, как тебе.

— Я знаю, что она тебе безразлична, — парировал он, трусая следом, пока не поравнялся с ней. — Иначе я просто столкнул бы тебя в воду.

— А вы могли бы **ещё** громче говорить? — услышали они голос Розторн. — Потому что я вполне уверена, что моя медитация не включала в себя вас двоих, ссорящихся как полное птиц гнездо.

Повернув вместе с изгибом ручья, они увидели Розторн, сидевшую скрестив ноги на большой плоской глыбе.

— Это он начал, — ответила Эвви. — Я не **просила** его следовать за мной. Он сам увязался.

— Я пытался её остановить, — сказал Браяр.

— Какую часть слова «**одна**» вы не расслышали? — осведомилась Розторн.

— Прости, — сказал Эвви, взбираясь на камень, пока не оказалась достаточно близко к Розторн, чтобы говорить шёпотом.

Браяр встал рядом с ней.

— Наклонитесь поближе, пожалуйста? Вчера Парахан сказал мне кое-что. Сейчас — первая возможность, как я думаю, когда можно безопасно вам об этом рассказать.

Розторн нахмурилась, и склонилась ближе. Они втроём стояли так близко, что локоны волос Розторн касались лица Эвви, а Браяру её рукав закрывал лицо, пока тот его не отодвинул. Розторн мягко оперлась на плечо Браяра.

— Он сказал, что император едет в Иншию, чтобы присоединиться к остальной армии, которая собиралась там с тех самых пор, как Иншиа сдалась, — тихо прошептала Эвви на чаммурском. — Как только император туда доберётся, он вторгнется в Гьонг-ши. Они уже у границы. Он больше не доверяет своим генералам. Он возглавит нападение лично.

От такого напряжённого стояния на цыпочках у неё заныли ноги. Она опустила голову, пока снова не коснулась пятками камня. Подняв взгляд, она осознала, что Розторн прикрыла свой открытый рот ладонью. Розторн была в шоке, и это было дело рук Эвви.

— Прости, — по-прежнему шёпотом сказала Эвви. — Я знаю, что плохо поступила. Я рассказала тебе сразу же, как только подумала, что это не опасно. Браяр не знал. Я боялась что-то говорить во дворце, поскольку не знала, где там могли быть заклинания!

Розторн уставилась в даль. Эвви очень сильно хотела спросить, о чём она думала, но иногда лучше было предоставить Розторн своим мыслям. Наконец женщина слезла с камней.

— Вот и помедитировала в тишине, — пробормотала она. — Придётся какое-то время об этом поразмышлять. Вы двое будете следить за языком и вести себя хорошо, поняли?

— Да, Розторн, — хором ответили они.

Она поспешно пошла по тропинке обратно к караван-сараяю. Браяр попридержал Эвви, пока Розторн не отошла за пределы слышимости. После этого он тихо потребовал:

— Ты не могла **мне** это раньше сказать?

— Я не осмеливалась, — сказала Эвви, пока они шли следом за Розторн, но медленнее. — Это было прошлой ночью. Мы провожали его. Потом мы шли обратно, и я была такой усталой. Мы же всё равно ничего не можем поделать.

Браяр с усталым видом потёр себе макушку:

— Я просто надеюсь, что она того же мнения.

— Я буду рада покинуть Янджинг, — сказала ему Эвви. — Я боюсь, что мы обо что-то очень сильно споткнёмся. Пока этого не случилось, но я постоянно этого жду.

— По всей внутренней стороне стен караван-сарая есть святилища богов, — сказал Браяр. — Когда вернёмся за ворота, первым делом соверши подношение этому твоему богу удачи, Хэйбэй. Только **хорошее** подношение, учти. И попроси его вытащить нас отсюда в целости!

Эвви просияла:

— Замечательная идея.

У неё был кусок нефрита, который идеально подойдёт, и кусок лазурита для Канзан Милосердной. Даже боги не смогут устоять перед такими хорошими камнями. Она почувствует себя лучше после того, как заручится их помощью. Хэйбэю она должна была нравиться больше, чем император, создававший для столь многих людей неудачу, и как могла Канзан любить того, кто чинил боль и смерть столь многим людям?

Она ощутила у себя в подсознании тёмный всплеск страха — а что насчёт богов Гьонгши, и богов Парахана, которые тоже имели теперь ко всему этому интерес? Она топтала этот всплеск, пока он не перестал её беспокоить. Молитвы и дары двум её самым любимым богам всё исправят, так же, как сообщение новостей Парахана Розторн означало передачу ненавистной ноши кому-то, кто мог её вынести. Она могла сосредоточиться на путешествии, и только на путешествии.

* * *

Позже, в тот же день, они втроем нарезали овощи в суп, которым собирались поделиться с некоторыми из своих спутников, когда услышали приближавшийся к воротам грохот лошадиных копыт. Они подошли ближе друг к другу, бросив ножи в чаши с овощами.

Охранники караван-сарая побежали к воротам, неся в руках обитые железом посохи. Стрелок на стене обернулся и резко свистнул три раза, заставив людей убраться с дороги, когда внутрь въехал отряд имперских солдат в сопровождении трёх магов. Десятеро из них пронеслись галопом через караван-сарай в направлении задних ворот.

Эвви почувствовала, как у неё заколотилось сердце в груди.

— Расслабься, — тихо пробормотала Розторн.

Раджони и Чэнг-дао, управляющий караван-сарая, подошли к надменному человеку, который, похоже, был за главного. Чэнг-дао и Раджони низко поклонились.

Дворянин не раскрывал рта. Это сделал более молодой человек, нёсший его знамя. Старый маг, ехавший рядом с ним, сделал руками несколько жестов, заставив Браяра отвести взгляд. Эвви знала, что он мог видеть творимую магию. Когда знаменосец заговорил, его голос был громким, гораздо громче, чем был бы без магической помощи. Она была уверена, что его слышали повсюду в стенах караван-сарая.

— Путники и те, кто держит это место, прислушайтесь. Ценный раб кров южных Королевств сбежал с территории Зимнего Дворца! — объявил знаменосец. — Оставайтесь на своих местах, пока имперские воины ищут. Никакого ущерба причинено не будет, если только вы не укрываете этого беглеца. Любой, кто укрывает этого Парахана из Комбанпура, испытает крайнее неудовольствие императора — эти лица, их отцы, матери, деды и бабки, семьи, двоюродные родственники до третьего колена, старые и молодые, будут наказаны, и

никто не будет помилован.

— Мила, сохрани нас, — прошептала Розторн.

— Те, кто даст нам полезные сведения, получают великие награды и продвижение от рук нашего великолепного повелителя, Носителя Меча Дракона, Держателя Сферы Мудрости, Императора Уэй-шу из Династии Лонг, — продолжил знаменосец. — Продолжайте заниматься вашими делами, если только нашим воинам не требуется ваша помощь.

Солдаты спешили, оставив лошадей с несколькими из своих, и рассыпались по конюшням, хозяйственным пристройкам и жилищам. Лишь капитан, его знаменосец и маг, усиливавший его голос, остались на своих местах. Чэнг-дао остался с ними, хотя они с ним вообще не говорили. Раджони потрусил прочь в направлении ярко раскрашенных фургонов Торговцев, предположительно для того, чтобы служить посредником между солдатами и караваном.

— За работу, — сказала Розторн. — Не ты, Эвви, по крайней мере резать ты ничего не будешь.

Эвви посмотрела на свои руки, и вынуждена была согласиться. Они слишком тряслись, чтобы она могла рисковать обращением с ножом.

Браяр послал её за ведром воды. Она набрала его, глядя в землю, а не на воинов. Она чуть не уронила ведро на него, когда увидела, как трое солдат входят в их комнаты.

— Кошки! — воскликнула она. — Они опрокинут затворные камни!

Она поставила ведро, и побежала к их комнатам прежде, чем Браяр или Розторн успели её схватить. Из спальни осматривали двое солдат. Ещё один стоял на коленях за линией запорных камней и почёсывал Мячик под подбородком.

— Простите, — сказала Эвви.

Трудно было думать плохое про любого, кто гладил её кошек, пусть даже это была Мячик, которой все нравились.

— Я просто хотела предупредить вас — камни заколдованы так, чтобы кошки держались по одну сторону от них.

— Ловко придумано, — восхищённо сказал солдат. — Удобно в пути, готов поспорить. Но... они бегут следом, или как они не отстают?

Эвви показала ему корзины для переноски, и корзину, в которой кошки справляли нужду. Он рассказал ей о своих собственных кошках, и дошло до того, что она почти забыла, что напугана до ужаса. Она вышла прочь вместе с ними троими и, когда обыск караван-сарая был окончен, помахала им на прощание, пока они уезжали.

Розторн и Браяр подошли к ней сзади, пока остальные обитатели караван-сарая делали глубокие вдохи и говорили немного громковато от облегчения.

— Они пытались забраться в наши магские вещи? — спросил Браяр.

Эвви покачала головой:

— Даже недостаточно, чтобы почувствовать на себе действие защитных заклинаний, — сказала она, — в отличие от вчерашних *юджинон*, которые обшаривали наши сумки так, будто мы в одну из них упаковали крупного мужика.

— Опять очарованы кошками? — спросила Розторн.

Эвви кивнула.

— Который уже раз мы используем присмотр за этими существами как повод для того, чтобы не спускать глаз с обыскивающих наши вещи солдат?

Браяр приобнял Эвви за плечи:

— Они отрабатывают своё содержание, эти кошки.

Розторн легонько щёлкнула Эвви по уху:

— Действительно, отрабатывают.

Когда Эвви обернулась, чтобы возразить против незаслуженного щелчка по уху, Розторн щёлкнула сама себя по уху, затем расположила указательный палец у себя вдоль носа. Это был знак, которому Браяр научил их обеих, один из воровских знаков из его юности, означавший сверхъестественные события, или работу мага. Щелчок по своему уху говорил обоим её молодым спутникам о подозрениях Розторн насчёт того, что солдаты установили в караван-сарая следящие заклятья.

Эвви зарычала.

— Ты проголодалась, — мудро сказал Браяр.

Будучи объектом слезки, он не возмущался так, как это делали Розторн и Эвви; слезку он ожидал. Те мне менее, он вздохнул, когда Розторн покачала пальцем, безмолвно приказывая ему не пытаться найти и обезвредить следящие заклятья. Эвви захихикала, не смотря на своё возмущение.

— Давайте закончим готовить этот суп.

После того, как солдаты уехали, Торговцы вернулись в свои фургоны. Эвви их не винила. Слишком часто, когда во время народных волнений искали виноватых, внимание падало на Торговцев. Взамен, у Торговцев были строгие правила насчёт общения с посторонними. Если бы названная сестра Браяра, Даджа, и, если уж на то пошло, сам Браяр и все три его названных сестры — если бы они не оказывали Торговцам в прошлом значительные услуги, то эти восточные Торговцы не помогали бы им сейчас столь охотно.

Когда группа путников собралась на ужин, они все были притихшими. Все чем-то поделились: хлебом, который испекли на плоских камнях, различными сортами чая, маринованными овощами, варёными яйцами и жареной рыбой. Остальные за трапезой достаточно громко возмущались о том, что люди нарушили мирные обычаи караван-сарая, поэтому молчание Розторн и её спутников осталось незамеченным.

— Я вам это бесплатно скажу, — сказал купец из Наморна, также направлявшийся к Морю Камней.

Розторн помогла ему с порезом у него на руке, и он к ней хорошо относился.

— Отсюда до Ханджэн вы никого из храма Живого Круга не увидите. Магистраты Бдительного Глаза императора объявили ещё в Луну Семени, что раскрыли ужасный заговор против веры Живого Круга. Для защиты храмов и их служителей, их всех поместили под охрану из солдат. Никому из посвящённых, или послушников, или даже верующих не позволяют входить или выходить.

Розторн уставилась на него:

— Но я ничего про это не слышала там, где мы были!

— Народ Янджинга не говорит о делах Бдительного Глаза, — ответил купец. — Считается, что это приносит неудачу.

— И не только Живой Круг, — сказала ещё одна из их сотрапезников.

Это была одна из погонщиков мулов наморнского купца.

— Многие зарубежные храмы закрыты или под стражей. Открыты только храмы богов Янджинга, а если кто поклоняется другим — очень жаль. Можно только надеяться, что они слышат нас, так далеко от дома.

— Жаль, что вы не могли поехать в Гьонг-ши, — сказала женщина из другой группы

путников. — Говорят, что даже если у твоего бога нет храма, то всё равно есть возможность оттуда дозваться его своей молитвой.

— О? — спросил наморнец. — Это как?

— Это Гьонг-ши, — сказала женщина, будто это всё объясняло.

Когда наморнцы уставились на неё, она тихо засмеялась, и пожала плечами:

— Именно поэтому столь многие строят там свои храмы, даже если у их веры дом в другом месте. Поэтому текущие оттуда реки священны. Ближе, чем Гьонг-ши, ты при жизни к богам не приблизишься. Все это знают. Дримбаканг, все три гряды, они — колонны, подпирающие небеса.

— Ха! — сказала Эвви, тыкая Браяра. — Я же **говорила**, что эти горы были важными! А теперь я **никогда** не увижу их вблизи!

— Ай, — возразил Браяр, зыря на неё. — Разве ты не насмотрелась уже на горы?

Девушка, которая занималась мулами, подтянула Браяра к себе:

— Я защищу тебя от тощих девчонок, которым нравятся горы, — заверила она его.

— Думаю, пора убирать со стола и идти спать, — объявила Розторн, вставая. — Мне жаль слышать ваши новости, — сказала она наморнцу. — Мы были в Гьонг-ши перед тем, как приехать сюда, и они там об этом ничего не слышали.

— Возможно, он снова потеплеет к зарубежным религиям так же быстро, как и охладел к ним, — ответил купец. — Мы все можем об этом молиться.

Зевая, Эвви принялась собирать чаши и столовые приборы, но Браяр её остановил.

— Мы этим займёмся, — сказал он, забирая их у неё. — Ты, иди спать.

Судя по взгляду, которым он одарил погонщицу мулов, Эвви не была уверена, сколько именно времени они уделят мытью посуды, но то было не её крысячье дело, как говорил Браяр. Она поспешила внутрь, передвинула заградительные камни, чтобы кошки могли спать со своими излюбленными людьми, затем приготовилась ко сну. Прежде, чем закрыть глаза, она вознесла ещё одну молитву Хэйбэю, за Парахана.

Она спала, и ей снилось, что Парахан бежал впереди неё. Она неслась так быстро, как только могла, но догнать его не получалось, как бы она ни старалась.

* * *

Ещё долго после того, как услышала размеренное, сонное дыхание Браяра и Эвви, Розторн лежала без сна, рассеянно поглаживая тощую Абрикос, лежавшую у неё под боком. Она завидовала кошке. События и откровения дня не выходили у неё из головы. Долг и желание терзали её сердце.

«Мила Зерна, что мне делать?» — в отчаянии гадала она. «Я просто хотела поехать в места, о которых мне всё время рассказывала Ларк, пока я ещё не слишком состарилась для таких путешествий. Я хотела увидеть растения, деревья и цветы, чьи имена я не знала наперечёт — и увидела. Я везу домой семена и заколдованные саженцы, которые займут меня на годы, если я смогу их довести!»

«Если я смогу их довести. Когда Эвви рассказала мне о вторжении, вынуждена признаться — я струсила. Я думала, что местные храмы как-то пошлют весть в Гьонг-ши. Кто-то из них должен иметь какие-то способности к дальней связи. Но если их уже несколько месяцев держат под замком, под стражей, то я не могу быть уверена, знают ли о

том, что император тайно помирился с Иншей, заполучил открытый путь в Гьонг-ши. Я не могу быть уверена, что храмы к северу от Дохан видели собиравшиеся армии и поймали слухи о том, что их новой целью был Гьонг-ши. И если я не уверена...»

«Мила, богиня моя, я хочу **домой**. Я хочу увидеть мою возлюбленную. Я хочу свою еду, и воздух, которым мне не трудно дышать. Я хочу увидеть Крэйна, и Нико, и девочек. Я хочу мой сад».

«Но есть и долг. Я должна как-то покинуть караван и убедиться, что Гьонг-ши знает. Что наш Первый Храм Круга готов. Я им понадобится и тогда, когда придёт война. Я пошлю детей с караваном. Браяр поедет, если я скажу ему, что он должен присматривать за Эвви. Я думаю».

Она ещё долго так лежала, уставившись в темноту.

* * *

Когда караванщики пришли будить их в серый предрассветный час, они обнаружили, что Розторн, Браяр и Эвви уже встали, оделись и сложили вещи. Большая часть их вещей, включая *шакканы* Браяра и кошек Эвви, уже были в фургоне, использование которого они оплатили. Остальное они быстро погрузили на вьючных лошадей, с выработанной от долгой практики лёгкостью. Затем они оседлали ездовых лошадей. Браяр вызвался править фургоном тем утром, поскольку ни Розторн, ни Эвви не проснулись достаточно для того, чтобы это делать. Караванщики принесли всем горячий чай и пареные булки, фаршированные свининой или овощами, пока путники заканчивали с приготовлениями.

Солнце только оторвалось от горизонта, когда Раджони, вожатая каравана, подняла свой посох. Её голос взвился в заливиستم кличе, сигнализируя отправку. Всё больше и больше голосов Торговцев послышалось из их собственных фургонов, и от ехавших верхом охранников, когда караван выехал через открытые ворота.

Розторн с таким облегчением оказалась за городом, получив возможность время от времени покидать караван, чтобы исследовать новое растение, что миновали два дня пути и три обыска имперскими солдатами, прежде чем она осознала, что её молодые спутники странно себя ведут. Ей пришлось подождать и остаться с караваном, чтобы убедиться, что инстинкты её не подвели. Большую часть времени Эвви и Браяр вели себя так, как было для них обычно во время путешествия. Они бродили вдоль каравана, знакомясь с Торговцами и купцами. Они помогали с лошадьми, едой и уборкой. Свободное время Браяр проводил в фургоне, готовя семенные бомбы. Это были смеси смертоносных растений с длинными шипами, которые они с Розторн создали так, чтобы они росли очень быстро, когда содержащая их ткань падала на землю. Эвви работала над своим собственным магическим оружием, скалывая круглые куски кремня, чтобы обнажить острые края. Всё это было вполне нормальным.

Во время второго обыска имперскими солдатами, искавшими Парахана, Розторн показалось, что дети выглядели слишком уж бледными. Пока солдаты допрашивали остальных путников, Браяр приобнял Эвви, хотя ни он, ни она не любили выказывать привязанность в присутствии незнакомцев. На вопросы солдат они отвечали довольно радостно, но что-то было не так. Потом Розторн заметила янджингский вариант травы, с помощью которой она очищала раны, и ушла с дороги, чтобы её собрать. К тому времени, как она вернулась, солдатам оставалось допросить только её саму.

«Нет», — говорила она, гораздо более вежливо, чем говорила бы в дружественной стране. «Я не видела никаких беглых рабов или пленников. У меня и так руки полны вон теми двумя детьми». Она указывала на Эвви и Браяра, наблюдавшими за ней с сидения фургона. Обычно, вместе с ними наблюдал большой кот Монстр, сонно щурясь на солнце. «Нет, я не получала никаких посланий ни от кого, кто хотел, чтобы я его спрятала в моём фургоне. К тому же, Торговцы такого не одобряют. Мы закончили? Мне нужно завернуть эти растения во влажную ткань, пока они не завяли».

Это не было правдой — её магия могла сохранить растения столько, сколько ей хотелось, — но допросы её утомляли.

Солдаты отпускали её.

На третью ночь, после ещё двух обысков, Розторн договорилась, что они поужинают у своего собственного костра, укрывшись за своим фургоном. Браяр и Эвви взяли свои порции ужина, а она привязала их лошадей цепочкой рядом с их фургоном. Если кто-то думал, что может их подслушать, то лошади их предупредят.

Поев и помыв посуду, они устроились у костра, чтобы немного поработать перед сном, Розторн отпила своего чая, и сказала на чаммурском:

— Знаете, чего мне не хватает?

Браяр поднял взгляд от своего нынешнего набора семенных бомб, слегка озадаченный. Эвви, которая тёрла ушки Тайне, покачала головой.

Розторн продолжила:

— Всё время, пока мы были во дворце, я не думаю, что проходило хотя бы пол дня без «Парахан сказал то» или «Парахан рассказал мне это».

Эвви вздёрнула голову. Розторн сказала, будто не заметив этого:

— Я слышала это в основном от Эвви, но ты с ним тоже вёл интересные беседы, Браяр.

— Нам его не хватает, вот и всё, — сказал Браяр, но смотрел на неё слишком уж пристально.

Она хорошо знала этот взгляд. Он ждал, чтобы посмотреть, насколько много она знает. Дело могло быть в украденном винограде или в пропавшем принце; но её мальчик увяз в этом по уши.

— Когда мы покинули Гьонг-ши, вы оба так говорили про Докьи и про Бога-Короля, что мне подумалось, будто вы хотели, чтобы я их усыновила. Сейчас же мы уже четыре дня как уехали из дворца. Ваш добрый друг — наш добрый друг — на самом деле сумел сбежать. Ясно, что его не нашли. Но вы двое не вымолвили и слова. Разве вы не беспокоитесь? Разве вы не гадаете о том, как он сумел выбраться из цепей и из клетки?

Эвви бросила взгляд на Браяра, который оставался абсолютно неподвижным. Всё больше гневаясь, потому что внезапно отчётливо прояснились несколько вещей, Розторн прошептала:

— Это действительно чудесно, не так ли? Можно подумать, только магия могла бы помочь ему сбежать, но если бы это было так, то солдаты не продолжали бы его искать до сих пор. Маги бы его нашли. Так что это не магия помогла ему выбраться из оков.

— Пожалуйста, не злись, — выпалила Эвви. — Я украла отмычки, и я отнесла их Парахану, и я передвинула блоки, чтобы он мог выбраться. И я вскрыла замки.

Розторн посмотрела на Эвви:

— Ты, Эвумэймэй Дингзай, украла отмычки Браяра, и открыла кандалы и клетку Парахана.

— Она знает, что я это сделал, Эвви, — сказал Браяр. — Даже если ты украла мои отмычки, замки были сложными. Ты пока к ним не готова.

— Но я правда сдвинула камни, — пробормотала Эвви. — Мы вернули их на место. Там больше нигде нет нашей магии, поэтому они не узнают, что мы ею воспользовались.

Розторн подтянула ноги к себе, и уронила лицо себе на колени. Наконец она посмотрела на своих спутников:

— Идите спать, — приказала она им. — Нет, постойте. Он рассказал вам о своих планах?

Они покачали головами.

— Великолепно. Идите спать, оба.

Её хотелось бы, чтобы они пошли к своим постелям под фургоном совершенно напуганные её гневом. Вместо этого она, пока тушила костёр, услышала, как Эвви тихо сказала Браяру:

— Это прошло лучше, чем я думала.

Розторн повернула руки ладонями вверх, и посмотрела на небо. «Милостивая Мила, помоги мне объяснить, как близко они подошли к ужаснейшей гибели», — взмолилась она своей богине. «Дай им знание мира прежде, чем мир их убьёт. Дай мне терпение, пока я не купила две бочки, и не отправила их домой этим способом. Молю тебя, моя богиня, укажи мне путь, пока я не совершила что-то ужасное, и не надрала им уши».

Розторн отлично знала, что не по этим причинам она не дала им длинный список

наказаний и строгий выговор. Она смилостивилась потому, что через два дня ей придётся сказать им, что в Ханджэн они поедут без неё.

* * *

На заре появились признаки грядущего дождя. Пока Эвви бегала за чаем и пареными колобками, Браяр и Розторн установили на фургоне каркас, и набросили на него толстый чехол, чтобы защитить их самые уязвимые пожитки. Они едва успели проехать по дороге две мили, когда небеса дали обещанное. Кошки, любившие по утрам первым делом пробежаться, вернулись, возмущённо мяуча, и забрались под чехол. Вскоре после того, как Эвви убедилась, что все были на месте, движение на южной дороге остановилось. Впереди были солдаты, обыскивавшие и допрашивавшие путников. Браяр привязал поводья своей лошади к фургону, и вскарабкался на сидение к Розторн. Он мягко забрал у неё поводья их упряжки.

Розторн решила, что ждать больше нечего. Она полу-обернулась, чтобы оба её спутника могли видеть её лицо под широкополой соломенной шляпой.

— Завтра мы доберёмся до большого базарного города под названием Куши. Возможно, вы его вспомните по карте, которую я вам показывала. После этого в наших планах будет небольшое изменение. Оттуда караван повернёт на юго-восток, направляясь в Ханджэн. Вы двое возьмёте наши вещи и останетесь с караваном, поняли? Браяр, ты возьмёшь Эвви, кошек, твои *шакканы*...

— Нет.

Браяр настолько крепко сжал поводья, что костяшки на его кулаках побелели, но не слишком натягивал удила. Она об этом позаботилась.

— Не спорь со мной, мальчик, — предупредила она.

— Нет, — сказала Эвви.

Она протёрла глаз кулаком, прежде чем из него выкатилась слезинка.

— Мне жаль. Мне жаль, но я не могла оставить его в клетке. Пожалуйста, не отсылай меня прочь.

Она уползла обратно к своим кошкам.

— Я не уйду, ты не можешь меня заставить.

Розторн повернулась к Браяру:

— Ты должен отвезти её обратно, в Эмелан, — сказала она, пытаясь поймать его взгляд.

Он отказывался смотреть на неё, глядя на тянущую их фургон упряжку.

— Браяр, ты слышал, что они сказали, Уэй-шу заключил верующих местных храмов под стражу. Если только не произошло какое-то чудо, никто из них не смог передать весть в Гьонг-ши. Я не знаю, успею ли я туда раньше имперской армии, но я должна попытаться.

— Это же очень далеко, — возразила Эвви. — Будет опасно, будут бандиты, и оползни, и пограничники. Мы нужны тебе.

— Будь разумной, — сказал Браяр. — Даже при том, что они под замком, и всё такое, ты едешь по обходному пути. К тому времени они скорее всего уже узнают. И что ты сделаешь, развернёшься, и покинешь страну?

Розторн уставилась на уши лошади:

— Я должна помочь. Ты не поймёшь. Если Первый Храм Круга падёт... Он священен для всех из Живого Круга. Это моя вера, моё служение. Мои клятвы.

— Вот и приплыли, — уныло сказал Браяр.

Розторн зыркнула на него:

— **Мои** клятвы. Но я не буду рисковать вашими жизнями только потому, что поклялась защищать мою веру и тех, кто её принял. Вы верующими не являетесь. Я не потащу никого из вас в войну, и это — моё последнее слово на эту тему!

* * *

Розторн с восхищением оглядела внутреннюю часть фургона *гилава*. Дом главы каравана и его семьи был красивым, и таким же эффективным, как и сам караван. Каждый дюйм пространства был к чему-то приспособлен, и ни на одной поверхности не было беспорядка. Розторн всегда искала идеи для расположенной у неё дома маленькой мастерской.

Они обменялись приветствиями с Раджони и её матерью, Ниша — *гилав* лично занял место водителя каравана, пока Ниша и его дочь обедали с Розторн и говорили о делах. Женщины пригласили Розторн сесть на откидную скамейку, пока она изучала еду, расставленную на столе между ними троими.

Поскольку этот клан Торговцев происходил из Королевств Солнца, Розторн приготовилась к острому рагу из овощей с рыбой, зелёными чили и маринованными с семенами горчицы огурцами. Она безмолвно возблагодарила Милу Зерна за рис, который смягчал остроту чили и горчицы. Она даже умудрилась правдоподобно поблагодарить хозяев фургона за великолепие трапезы.

Она всегда думала о Ларк, когда ела такую еду. Ларк могла есть острую пищу вёдрами — чем острее, тем лучше. Она пристрастилась к такой еде, будучи бродячей артисткой на дорогах между Морем Камней и Океаном Штормовых Драконов. Именно благодаря Ларк Розторн была по крайней мере немного готова к некоторым из наиболее смертоносных блюд кухонь юга и востока.

Когда они вымыли руки, Раджони принялась наливать последнюю чашку чая, а Ниша спросила:

— Ты сказала, что у тебя есть к нам дело?

Розторн взяла маленький тряпочный свёрток, который положила рядом с собой, когда села. Она аккуратно поставила его между ними, выровняв его своими ладонями. Она знала, что полностью приковала к себе внимание двух Торговцев. Деловые переговоры с Торговцами были церемонией, которую Розторн, Браяр и Эвви ценили. Она включала в себя подарки, показывающие уважение, и деньги, показывающие благодарность за дополнительные время и заботы, которые будут возложены на ведущих караван.

— К нашему сожалению, мы осознали, что должны изменить наши планы, — сказала им Розторн. — По причинам, которые мы не можем обсуждать, мы должна покинуть караван в Куши, но наши вещи, включая миниатюрные деревья Браяра, должны быть довезены до Ханджэн, и помещены на борт следующего корабля Торговцев, направляющегося в Саммерси, в Эмелане, на берегу Моря Камней. Также нам понадобится купить у вас вьючных и ездовых лошадей.

Она не упомянула, что в Куши продаст или обменяет их лошадей на других. Чем меньше кто-то знал об их планах, пусть это были даже умеющие держать язык за зубами Торговцы,

тем лучше.

— А кошки? — спросила Ниша, нахмурившись. — Мне кажется, что твоя Эвви имеет на кошек влияние, недоступное незнакомцам. Их будет трудно везти. Но возможно, если правильно всё обдумать, конечно.

— Конечно, — сказала Розторн.

Она вздохнула:

— Нет, кошки поедут с нами.

Вообще-то, битва за кошек была почти такой же неприятной, как битва за то, чтобы Браяр и Эвви остались с Розторн. Согласиться Розторн заставила угроза от Эвви, что та не поедет с ними, а поедет вслед за ними, **вместе** с кошками.

— Все эти требования необычны, и их трудно выполнить, — сказала Ниша.

Она сложила руки на столе. Пришло время начинать торговаться по-настоящему.

Розторн развернула верхние сладки ткани своего свёртка, открыв взгляду два рубина размером с голубиные яйца. Эвви могла вызывать магию, являющуюся частью любого камня, поэтому другие люди высоко платили за те, что она обрабатывала. Она принимала в обмен драгоценные камни, что оказалось полезным в их пути на восток. Глубоко в вещах девочки на случай чрезвычайных обстоятельств был спрятан запас самоцветов, собранных ими втроём по ходу своих путешествий в обмен на их магическую работу.

Раджони и Ниша заинтересовались рубинами. Их лица ничего не выражали, но Розторн распознала признаки в том, как дёрнулись плечи Раджони, и как сбилось дыхание Ниша. Теперь Розторн открыла ещё одну складку своей ноши, показав флакон и маленький узелок ткани.

— Капля вот этого, — Розторн коснулась пальцем флакона, — на губы того, кого вы подозреваете во лжи, заставит человека говорить правду. Щепотка вот этого, — она коснулась узелка с травами, — в чашку чая для рожаящей матери полностью облегчит роды. Это — наши подарки, чтобы заранее отблагодарить вас за проблемы, которые мы создадим.

— Нам понадобится список ваших требований, — сказала Ниша. — Письменные инструкции по перевозу ваших вещей в Ханджэн, и ещё один набор инструкций — для корабля, который отвезёт их вам домой.

Розторн запустила руку в карман своего одеяния, и вытащила сложенные бумаги. Утром было полно времени, чтобы всё записать, пока они ждали окончания поисков Парахана имперцами.

— Инструкции для капитана корабля я составлю сегодня, после полудня, — сказала она, передавая бумаги.

Раджони оглядела её:

— **Тебе** понадобится магия на лицо, — прямо заявила она. — Браяр и Эвви в этой стране незаметны, но ты — выделяешься.

— Я могу нацепить вуаль, — предложила Розторн.

— Наш *мимэндэр* может наложить заклинание, которое другим магам трудно будет заметить, — ответила Ниша. — Нам уже случалось его применять. Оно продержится неделю, и те, кто на тебя посмотрит, будут полагать, что ты — из их страны.

Розторн нахмурилась:

— Я думала, *мимэндэры* могут обращаться только с магией одного типа.

Раджони пожала плечами:

— Ты же можешь сотворить заклинание от другого мага, если оно готовое, и требует от

тебя лишь слова, да? Тут то же самое.

Розторн поморщилась:

— Понимаю. Есть ещё один момент.

Женщины в одинаковом выражении подняли брови. До этого момента Розторн могла бы сказать, что Раджони пошла в отца, *гилава*. Она постаралась не улыбнуться, потому что сейчас стало ясно, что дочь и в мать тоже пошла. Розторн сделала глоток чая, и раскрыла ещё одну складку своего свёртка. Там лежала часть прощального подарка императора, десять кусков золота, каждый из которых был длиной и шириной с ладонь Розторн, и в два раза толще стенки её чашки.

— Мне нужна карта местности между Куши и концом Перевала Снежного Змея в Гьонг-ши, — тихо сказала она. — И мне нужна карта Гьонг-ши. Кто-то из нас с Браярмом их копирует, но они нам нужны.

Ниша посмотрела на Розторн, затем на Раджони. Карты Торговцев были священными документами, которые Торговцы держали в тайне. Розторн увидела отказ в глазах женщины.

Она открыла последнюю складку. Один маг в Лаэнпа обменял Эвви три комбанпурских алмаза на горсть камней, которые Эвви приготовила для магического использования. Эвви в свою очередь потратила месяц своего свободного времени той зимой в одних только мыслях об этих камнях, когда она не носила их в карманах, или купалась с ними, или даже с ними спала. В следующем месяце она превратила один из алмазов в десять осколков, которые один из местных торговцев камнями с радостью обменял на два алмаза поменьше. В следующем месяце, ещё поразмыслив, она снова попыталась придать форму большому алмазу, аккуратно проводя своей силой по избранным линиям скола в камне. Результат лежал на ткани перед ними: чистый, многогранный камень, подобный огранённому рубину, сапфиру или изумруду, с ярким белым огнём внутри. Огранка и камень были неидеальны, но Розторн было ясно, что женщинам это нисколько не волновало. Она протянула руку, начав:

— Я понимаю, что карты явл...

Ниша опередила её, схватив бриллиант первой:

— Мы копируем карты. Они будут у тебя к моменту вечерней остановки. Не сомневайся, они будут верны во всех необходимых тебе отношениях.

Раджони взяла стоявшую неподалёку корзинку, и поместила туда подарки.

— Так это правда? Император собирается воевать с Гьонг-ши?

Розторн промолчала.

Ниша вертела бриллиант в ладони. Когда Розторн не ответила, она подняла взгляд на неё. Видя, что Розторн колеблется, она указала на висевшую над столом незажжённую лампу:

— Сказанное под этой лампой повторяется лишь доверенным людям, — заверила она Розторн.

Розторн кивнула:

— Он собирается вторгнуться через Иншию.

Торговцы переглянулись:

— Мы должны были пересечься путями с Третьим Караваном Гёрзи в пятидесяти милях к северу от Дохан, — почти шёпотом произнесла Раджони. — Но лишь двое из их людей явились, скрыто, чтобы предупредить нас. Караван захватили имперские войска. Сейчас они держат всех под стражей, но двоим удалось сбежать. Наши люди потихоньку покидают Янджинг. Наше имперское соглашение ясно говорит, что нам позволено торговать без

препятствий. Либо император думает, что мы не знаем своих собственных соглашений, либо он полагает, что мы слишком его боимся, чтобы наказать его, отказавшись торговать.

Холодок пробежал у Розторн по спине:

— Я буду молиться, чтобы вы выбрались из Янджинга раньше, чем он увидит, что именно вы делаете, — ответила она. — Вашим людям плохо придётся, если он поймёт, что вы все бежите.

Раджони выпрямила два пальца в виде буквы «V», и ткнула ими в сторону пола. Так Торговцы обозначали плевков, когда не хотели марать свои ковры.

— Хоть ты и не одна из нас, мы с благодарностью принимаем твои молитвы, — сказала Ниша. — А теперь, позволь нам начать с твоими приготовлениями. И не беспокойся о том, что другие путники расскажут имперским солдатам о том, как вы неожиданно покинули нас в Куши. Мы убедимся в том, чтобы они поняли, что говорить об этом — не в их интересах.

Розторн поблагодарила их за еду, и за отличный раунд торгов. Привязав широкополую соломенную шляпу к голове, она прошла обратно в свой фургон к своим двум непослушным ученикам. Нужно было ещё многое сделать, даже если Торговцы взяли копирование карт на себя. Розторн подумала, что Браяр и Эвви должны были уже начать укладывать вещи, пока её не было. Она всё ещё была недовольна тем, что они так упёрлись насчёт продолжения пути в Эмелан. Она знала, что сказали бы Мунстрим и другие посвящённые дома, узнав, что она потащила на войну ребёнка в возрасте Эвви.

Эти два невозможных ученика никогда не услышат, что она втайне была рада тому, что они ехали с ней. Больше, чем въезд в земли, которые вскоре должны были подвергнуться вторжению, её пугала мысль о том, чтобы отпустить их в путешествие обратно в Эмелан без неё. Она доверяла Торговцам: узы, связывавшие Браяра, его названных сестёр и их наставников с Торговцами были многочисленными и сильными, слишком многочисленными и слишком сильными, чтобы их могли стереть чужие деньги и магия. Но они не были Розторн, и они не знали об особых опасностях, следовавших за теми, кто владел окружающей магией.

* * *

Был уже почти рассвет, когда все трое наконец отчаялись выспаться, и закончили последние приготовления. Браяр и Розторн перед сном работали с их дорожной одеждой. Сэндри сделала её из необычной ткани — шерсти, которую носило большинство людей, и льна, спрядённого вместе с шерстью. Именно лён имел значение в щекотливых ситуациях, когда Розторн или Браяр могли взывать к нему, чтобы он выглядел более старым, потёртым и изношенным, чем был на самом деле. Их аккуратные, чистые дорожные куртки и штаны превратились в разношенную одежду, которую день за днём носили бедные фермеры, работавшие от рассвета до заката. Плетёная кайма снималась и убиралась в сумки. Деревянные пуговицы теряли блеск, и на них появлялись трещины и сколы. Браяр планировал послать Эвви, чтобы та купила им соломенные сандалии, пока он и Розторн обменяют своих лошадей на таких, что более подходили бедным фермерам.

Они оделись в свете камней-светильников Эвви, затем быстро приготовили лошадей и кошек. Два года практики в быстром покидании некоторых мест очень хорошо научили их действовать тихо.

Они пили приготовленный на горячих камнях Эвви чай, когда Розторн снова подняла вопрос о колках:

— Эвви, они нас узнают по кошкам. Ты не могла бы...

Эвви уставилась на неё:

— Тогда я поеду следом сама. Ты не знаешь. Все эти годы в Высотах Принца в Чаммуре — у меня никого больше не было, кроме кошек. Ты никогда не проводила целые дни с незнакомцами, которые хотели тебя избить просто за то, что ты живёшь. Кошки были моим одеялом, когда у меня больше ничего не было. Когда мне приходилось есть крыс, они со мной делились. Я не брошу их в чужой стране с незнакомыми людьми.

Два горячих камня пошли трещинами, и распались на части.

— Простите.

Эвви отошла прочь, к фургону.

— Мы вырастим растения из корзин, — успокаивающе сказал Браяр Розторн. — Если кто-то спросит, мы скажем, что купили растения на рынке, и попытаемся посадить их в саду. Никто не заметит, что внутри есть кошки.

Шаги — тихие шаги — заставили их повернуться. Приблизилась Раджони, неся в руках чрезвычайно маленькую лампу. С ней была старая Торговка. Когда они подошли к Браяру и Розторн, Раджони сказала:

— Когда Бабка узнала, что происходит — она должна была записать вашу плату, вы же понимаете, — она сказала нам, что мы сглупили.

— Мои дети продают наговор, маскирующий женщину, но не думают о семи кошках, — заметила старуха, и покачала головой. — Солдаты вас ловят из-за кошек, потом видят наговор, маскирующий женщину, и наказывают Торговцев. Нет.

— Она пришла предложить свою помощь, — объяснила Раджони, когда поняла, что Розторн решила, будто старуха хотела создать им помехи.

— За плату, — тихо сказал Браяр.

Обе женщина подняли брови, как бы говоря «А как иначе?». Во враждебных землях, где они трудились, Торговцы оставались свободными и живыми в основном благодаря деньгам.

— Разве со всеми заклинаниями, даже купленными, управляется не *мимэндэр*? — спросила Розторн.

Он приходил прошлым вечером, и наложил маскирующие заклятье перед тем, как она легла спать. Оно изменило её видимую и ощущаемую внешность с ног до головы, всё — кроме того, как она говорила.

— *Мимэндэр* всё ещё храпит в своей кровати, — бодро ответила бабка. — И у нас нет на продажу наговоров, которые замаскируют корзины с кошками под ящики с кудахтающими курами. Эту работу нужно проделать и над корзинами, и над кошками.

— Но вы же можете это сделать, — сказала Эвви.

Она сжала руки в кулаки.

— Даже их звуки?

Старуха посмотрела на неё:

— Что ты предлагаешь, девочка, изменившая природу алмазов?

— Но я не меняла, — сказала Эвви. — Я просто разломила их так, как они хотели быть разломаны. То, что люди зовут изъянами — это на самом деле лишь возможности, знаете ли.

— Алмазные возможности недоступны другим *лугшай*, — сказала старуха, используя слово, означавшее ремесленников не-Торговцев.

Эвви широко улыбнулась:

— Тогда, у меня есть несколько возможностей.

Она пошла к сумке, где лежал её набор мага, и порылась в нём. Вскоре она вернулась с куском ткани. Когда она развернула его, на свет явились четыре длинных куса алмаза, искрившиеся в свете лампы Раджони.

— Это — осколки алмаза. Ваши *лугшай*, или кто-то ещё, должны прочно закрепить их к металлическому держателю, а потом использовать их как долото на изъёме в алмазе. Алмаз режет алмаз. Он и поверхность тоже будет резать, поэтому им нужно крепко держать камень в каких-нибудь тисках, и он может и расколоть алмаз, поэтому слишком сильно бить нельзя, ясно? Мы договорились?

— Покажи мне кошек. Тогда сможешь сказать мне, договорились ли мы, — сказала ей женщина.

Браяр и Розторн остались с Раджони.

— Я не понимаю, — пробормотала Розторн, обращаясь к той. — Нам всегда говорили про *мимэндэров* и их узкой специализации.

— Но они не держат всю магию в клане, не больше, чем один маг держит всю магию в деревне, — ответила вожатая каравана. — Некоторые из нас имеют больше или меньше талантов к разным видам магии, и некоторые не хотят ограничивать себя на всю жизнь чем-то одним. Бабка обнаружила, что может прятать что-то, когда были погромы против Торговцев, и она скрыла всю свою семью. Ей было всего лишь пять лет. Она может вернуть свежесть прокисшему молоку, определить, испортился ли колодец, очистить источник, если он испортился. И она может заставить мою мать отступить со скоростью муссона, для **меня** это — магия. Ваши лошади готовы?

К тому времени, как кошки стали выглядеть и звучать как куры — и их корзины стали напоминать клетки, — Эвви и бабка Раджони успели поладить. Эвви даже было позволено поцеловать старуху в щёку, перед тем как Раджони отвела её обратно к фургонам Торговцев. Потом путникам пришлось садиться верхом на своих лошадей, самых усталых, потрёпанных животных, каких Торговцы только могли позволить им себе оставить, и повели своих четырёх вьючных лошадей за ворота базара.

Всё складывалось из мелочей. Когда они выехали из города вскоре после полудня, они уже успели продать взятых из каравана лошадей в одной конюшне, купить мохнатых, крепких пони для езды и четырёх ясноглазых, настороженных мулов для поклажи — в другой. Это были мулы с фермы, привыкшие как к людям, так и к животным, и они едва реагировали на мнимых кур, которых им пришлось везти. Пони, как заверил Розторн продавец, разводились в горах, и привыкли дышать горным воздухом.

После визита к продавцам ношенной одежды Эвви снова заполучила яркие головные платки, которые она так любила. Розторн выбрала более умеренные цвета замужней женщины. Обе надели длинные лоскутные юбки, но под ними по-прежнему носили штаны, на всякий случай.

Их сумки могли содержать припасы для фермы, или вещи, которые им были нужны для продолжительного визита к родственникам. Покидая город, они являли собой олицетворение привыкшей к дорогам семьи. У каждого на груди висела тканевая перевязь. Другие путники хранили в них еду, бутылки воды, платки для утирания пота, или кошельки. Розторн и Браяр носили в них шарики семян, которые при попадании в цель взрывались шипастыми лианами-душителями. Эвви носила свой каменный алфавит, метательные диски

с острыми краями, и медовые сладости. Она всегда боялась остаться голодной.

Больше книг на сайте — Knigolub.net

Проехав мимо стражников у южных ворот на пути из Куши, Браяр позволил Розторн и Эвви ехать впереди. Он купил пареные сливовые булки, кексы из прессованного риса, и окорок у придорожных продавцов еды. Именно там он и увидел, как через ворота хромал старый нищий, или безумец, опирающийся на длинный посох. Сумка у него на спине заставляла его сгибаться в три погибели. Он был совершенно грязным, босым и без шапки, у него не хватало зубов, и он был слеп на один глаз. Его спутанные чёрные-с-серым волосы были всклокочены и слиплись от жирной грязи. Он протянул одному из солдат у ворот свою чашу для подаяния, но тот просто оттолкнул его прочь, и приказал несчастной твари пошевеливаться. Нищий поковылял дальше, протягивая свою чашу проходившим мимо него путникам. Некоторые из них морщили носы и притворялись, что не замечают его присутствия. Другие держались от него подальше.

Браяр покачал головой. Люди полагали, что всегда будут сыты и хорошо одеты. Нищий направился в его сторону, принеся с собой вонь мочи и другие запахи. Браяр стал дышать через рот, и поманил человека к себе так, чтобы тот это увидел своим зрячим глазом. Нищий приблизился, спотыкаясь и постукивая посохом по камням дороги. Его стопы, как и его ладони, были обмотаны испачканным, грязными тряпками.

— Доброго тебе дня, — сказал Браяр. — Вот, держи.

Он сначала положил мужчине в чашу несколько монет, затем накрыл их сверху одним из множества своих чистых носовых платков. На платок он положил две сливовые булки и три рисовых кекса. Их мужик сможет прожевать даже будучи лишённым нескольких передних зубов.

— Благодарю тебя, юный господин, — сказал нищий, шепелявя через проёмы в зубах. — Да улыбнётся тебе на все дни Канзан Милосердная.

Браяр сложил ладони вместе и поклонился:

— Да улыбнётся она всем нам, друг, — вежливо сказал он.

Нищий остановился, чтобы спрятать еду в разные места у себя на одежде. Монеты исчезли в кармане его штанов. Затем он заковылял дальше, жуя рисовый кекс.

Браяр обернулся, чтобы забрать остальную еду, которую он купил своим спутникам.

— Подавать таким, как он — только деньги зря тратить, — сказал повар. — Он просто потратит эти монеты на вино.

Браяр пожал плечами:

— Если это согреет и порадует его на пару часов, то не мне судить.

Он поклонился повару, и спрятал свёрток в перевязь у себя на груди. Прося прощения перед теми, на кого натёкался, он стал лавировать между прохожими, фургонами и всадниками в поисках Розторн и Эвви. Он думал, что обгонит нищего уже через несколько ярдов, но нагнал он мужчину очень нескоро. Нищий умудрился сесть на попутную фермерскую телегу, и дремал, не смотря на лёгкую морось.

Браяр ослабилась, проходя мимо телеги. От каждого шага прочь от Куши и их последних связей с караваном и дворцом у него становилось легче на душе. Торговцы были порядочными людьми — всегда такими были, — и остальные путники в караване были довольно приятными в общении, но трудно было приглядывать за Розторн и Эвви среди такого количества людей. Здесь это тоже будет нелегко, но солдаты не будут из дворца, боящимися за свои жизни, когда императору знает о побеге Парахана. Здесь солдаты

скучают и ничем не интересуются.

Скоро он нагнал Розторн и Эвви. Они поели верхом, не спуская глаз с вьючных животных. Говорить им было особо не о чем. Телега со спящим нищим проехала мимо, но его самого они вскоре опять нагнали. Он снова шёл пешком. Телега свернула на боковую дорогу, которая шла прочь от основной. Нищий, казалось, хотел двигаться на юг, в отличие от фермера, который его подвёз.

С течением дня всё больше и больше людей сворачивали с основной дороги. Тем не менее, на ней осталось достаточно путников, чтобы ближе к закату войти в караван-сарай. Здесь группа Розторн оказалась недалеко от берегов Реки Дробящего Кулака и высокого моста, который они должны были пересечь утром. Гром течение реки, падавшей с Дримбаканг Шарлог, был устрашающим, но Браяр бы скорее откусил себе язык, чем сознался бы в этом.

Браяр и Розторн сказали другим путникам, проявившим интерес, что они не могли позволить себе остановиться в караван-сараях, и разбили свой маленький лагерь недалеко от ворот. Здесь Браяр не волновался насчёт бандитов или диких зверей. Другие путники не могли себе позволить караван-сарай или решили сэкономить деньги, поэтому лагерь за воротами был приличных размеров. Стражники на стенах караван-сарая могли их видеть, и прийти на помощь в случае неприятностей.

Розторн послала Эвви к ближайшему ручью, чтобы наполнить их чайник и котелок для супа. Девочка вернулась, и сказала Браяру:

— Знаешь того нищего? Он отмачивает ноги в ручье. От него воняет. Я набрала воды выше по течению от него.

Браяр и Розторн переглянулись.

— Ты могла бы посадить его с подветренной стороны, — предложил Браяр.

— Иди, приведи его, — проворчала она. — И держи его подальше от наших кур.

— О, нет, нет, молодой человек, спасибо, нет, — сказал нищий, когда Браяр предложил ему присоединиться к ним. — Тут я никого не потревожу.

— Нас ты не потревожишь. Тут будет нелегко в темноте, и ты сам по себе. Мы делаем суп.

Браяр использовал голос, который он называл «лучший угодник». С этим голосом он мог выпросить что-то даже у Розторн.

— Моя мать очень хорошие вещи делает с супом. Там будет окорок.

Нищий, похоже, был слеплен из более крепкого теста:

— Я знаю, как от меня пахнет.

Его шепелявящий, слегка сиплый голос звучал мягко в наступающих сумерках.

— Я буду в порядке. Да осыпет Канзан благодатью тебя и этих добрых женщин, с которыми ты едешь.

Браяр вернулся к Розторн, качая головой.

Ночь прошла тихо. Когда они проснулись, Браяр вернулся к ручью за водой для утреннего чая. Нищего не было. Под его деревом лежала недавно вымытая миска, в точности такая, какие были у них. Браяр отнёс её обратно, вместе с наполненным водой котелком.

— Я отнесла ему немного супа после того, как вы легли спать, — сказала Розторн. — Вот и всё.

Тем утром вместе с остальными путниками караван-сарай покинули стражники в имперских цветах. Те, кто ночевал в лагере за стенами, уже выстроились у моста, ожидая,

когда стражники отпрут высокие ворота. Браяр, Розторн и Эвви были рядом с концом этой очереди, за ними стоял нахальный купец. Они ждали, пока стражники просматривали телеги, прежде чем наконец открыть ворота, через которые сразу потекли люди.

— Что вы ищете? — спросил Браяр у одного из стражников перед тем, как выехать на мост.

— Беглого пленника, — сказал тот, и зевнул. — Будто он сунулся бы в этом направлении.

— Да сжалются над ним боги, если до него доберутся имперские палачи, — с горечью сказал купец, ехавший впереди Розторн.

Все остальные согласно забормотали. Потом они выехали на мост, где гром протекавшей внизу реки заглушил шум пересекавших его людей.

Их ряды продолжали редеть по мере того, как люди расходились по другим дорогам. Рельеф местности стал крутым и холмистым, с фермами по уступам на склонах холмов. За ними лежали горы. Браяр увидел по карте, что они были в своего рода воронке, которая вела их в Перевал Снежной Змеи. После этого Эвви больше не смогла бы жаловаться. Они проедут по ущелью через Дримбаканг Лбу, самых высоких гор в мире.

Браяр поглядывал на людей вокруг них, зная, что Эвви была слишком занята рассматриванием камней у дороги. Другие путники были в основном простолюдинами: редкий жрец на осле, купцы на мулах или лошадях, вместе со слугами, коробейники, фермеры, и редкие нищие. Через два дня после пересечения моста Браяр снова увидел мужчину, которого теперь считал их нищим. Они обогнали его в середине утра, когда с дороги съехал большой свадебный кортеж, чтобы пересечь реку. Нищий сидел у дороги, выковыривая камень из повязок у себя на стопе. Справившись с этим, он встал, и заковылял прочь, опираясь на свой длинный посох.

— Для человека с больной спиной, он двигается быстро, — пробормотала Розторн.

— Может, он к ней привык, — предположил Браяр.

Вдруг он напрягся:

— Взгляни на его шею.

Тряпки, которые нищий носил в качестве шарфов, размотались. Крепкий утренний бриз сдул их вверх по склону холма. Нищий пытался вскарабкаться за ними, когда Эвви галопом взлетела на холм, и схватила улетевшее тряпьё. За два года их путешествий она научилась кое-каким наездническим уловкам, и любила их демонстрировать.

Как и Розторн, Браяр не отрывал взгляда от нищего. Его шея была такой же грязной, как и всё остальное его тело. Но что грязь не могла скрыть, так это след от ошейника у него на шее, такой, который можно заработать только нося металлический ошейник несколько лет.

Когда Эвви подъехала к нищему с его шарфами, Розторн пробормотала:

— Без мешка, который он таскает...

Браяр ответил:

— Длинные волосы могут быть париком? Хороший парик.

— Тряпки на его ногах и руках могут быть не только для тепла, но и для того, чтобы скрыть шрамы от цепей, — добавила Розторн. — Но слепой глаз?

— О, это как раз легко, — сказал ей Браяр. — Мы знали одного нищего, когда я ещё был с Вором-Повелителем, так он брал белую внутреннюю мембрану с яичной скорлупы, вырезал куски нужного размера, потом протыкал в них булавкой дырку, чтобы видеть. Я весь гусиной кожей покрывался, когда смотрел, как он надевает их на глаза, но зато он зарабатывал. Именно увечные попрошайки получают больше всего подаяний.

— Давай пригласим этого на ужин, — предложила Розторн.

— Давай. Я хотел бы знать, что он тут делает.

Браяр весь день не спускал глаз с нищего, пока они двигались дальше по дороге. Проверок больше не было. Похоже, что те, кто охотился на беглого пленника императора, не

думали, что тот направится на запад.

Они снова разбили лагерь снаружи караван-сарая. Кроме них, только нищий воспользовался колодцем и очагами, устроенными под прикрытием стены. Браяр начал готовить ужин, а Эвви позаботилась о животных, в то время как Розторн пошла искать нищего. К тому времени, как у Браяра над огнём кипел густой, наваристый суп, триумфально вернулась, и следом за ней пришёл нищий.

Браяр посмотрел на них:

— Как, ты не тащишь его за ухо?

Эвви нахмурилась:

— Почему ты с нами всегда так делаешь, а с ним — нет?

Парахан смущённо глянул на Браяра и Эвви, и помахал рукой. Его большой мешок лишился прикрывавших его тряпок, превратившись в пару сумок. Их он поставил у костра, вместе со своим посохом, а потом с пустым ведром пошёл к колодцу. Наполнив ведро, он начал мыться. Он снял парик; вытащил накладку из глаза. Розторн послала к нему Эвви с полотенцем и банкой мыла. К тому времени, как Парахан снова вернулся к ним, от персоны нищего в нём остался лишь халат. Он сел с подветренной стороны от них, чтобы не мешать им запахом своей одежды.

— Я не понимаю, — пожаловалась Эвви, когда они съели достаточно горячей еды, чтобы подобреть друг к другу. — Почему ты двигаешься в том же направлении, что и мы?

— Это довольно просто, — сказал им Парахан. — Человеку нужно есть. У меня за душой нет ни медяка, и если я попробую пойти домой, то я вряд ли туда доберусь. Полагаю, дядя либо уже приказал своим шпионам искать меня, либо скоро это сделает. На этот раз Уэй-шу заплатит ему за моё возвращение, чтобы показать янджингским дворянам, что никто не смеет невозбранно противиться императору.

Эвви содрогнулась:

— Если всё будет идти к тому, что император тебя поймает, лучше убей себя сам.

Парахан кивнул:

— Я видел, что он делал с другими. Поверь мне, если я пойму, что сбежать не удастся, я не позволю себе во второй раз попасть в руки Уэй-шу.

— А что с едой? — напомнил ему Браяр.

Парахан пожал плечами:

— Гьонг-ши скоро будет нанимать воинов. У храмов есть достаточно денег и полученных от паломников сокровищ. Я видел список драгоценностей, которые моя семья послала в храмы, чтобы жрецы в Гьонг-ши помолились за моих предков. Я им по карману. Я, может, и проржавел, но раньше я считался хорошим воином. Будет ещё лучше, если я получу войска в своё командование, но я не привередливый. Откуда им знать, что раньше я был генералом.

Он улыбнулся Розторн:

— Может, вы замолвите за меня словечко, если я не доберусь до храмов, посвящённых моим собственным богам?

Уже менее весёлым тоном он добавил:

— Полагаю, я смогу продемонстрировать вам мои навыки на границе.

— Что ты имеешь в виду?

Эвви собиралась налить себе ещё супа. Вместо этого она села обратно.

— Что там с границей?

— Он планирует войну с Гьонг-ши, — ответил Парахан. — Ты же не думаешь, что он оставил границу с оставшимся восточным перевалом нараспашку?

Он посмотрел на Розторн:

— Чего я не понимаю, так это того, что вы тут делаете. Почему вы просто не послали в Гьонг-ши какое-нибудь магическое послание, и не поехали домой, как собирались?

— То, что у нас есть магия, не означает, что мы можем летать, — пренебрежительно сказала ему Эвви. — И даже если бы мы могли говорить через растения или камни, в Гьонг-ши некому нас услышать!

Розторн наставительно подняла палец:

— Из тех, кого мы знаем.

Эвви закатила глаза:

— Да, наставница. Я должна быть точной, наставница. Из тех, кого мы знаем. И даже если бы мы могли, Розторн дала клятвы, поэтому она должна поехать на помощь, а мы были бы помётом *юджинон*, если бы позволили ей ехать без нас.

— Мне следует знать, что такое *юджинон*? — спросил Парахан, посмеиваясь.

— Нет, — заверил его Браяр. — Потому что сейчас темно, и всё такое.

Здоровяк посмотрел на Розторн:

— Тебе не следовало брать их с собой.

Она потёрла себе висок пальцами:

— Разрешаю тебе отправить их обратно.

Парахан посмотрел на Браяра и Эвви, набрав в грудь воздуха, чтобы заговорить. Он замешкался, когда увидел вспыхнувший в их глазах свет и упрямо сжатые губы.

— Вы видели лишь одну из армий Уэй-шу.

— Бог-Король — наш друг, — сказала Эвви. — Докьи — наш друг. Розторн едет — значит и мы едем.

Парахан вздохнул:

— Тогда нам следует поспать. На войну всегда легче идти выспавшимся.

* * *

Утром они предложили перераспределить вещи, чтобы Парахан мог ехать верхом, но он был слишком высоким для пони, и он возражал, что чувство собственного достоинства не позволяло ему въезжать в Гьонг-ши верхом на муле. Поскольку его сумки были нагружены на мулов, его шаг был достаточно широким, чтобы они могли двигаться в одном темпе, не теряя слишком много времени. Они выехали до рассвета, чтобы никто из видевших их прошлым днём не заподозрил в шагавшем рядом с Розторн высоким мужчине того самого нищего, которого они видели по дороге.

Все четверо также стали продвигаться быстрее просто потому, что других путников становилось всё меньше. К тому времени, как солнце опустилось за высившиеся впереди горы, и наступил прохладный вечер, они шли по дороге одни.

Когда они решили остановиться, караван-сарая поблизости не было, лишь участки земли, вытопанные теми, кто останавливался в этих же местах прежде них. Заботливые путники оставили сложенные дрова и кучки сушёного навоза для костров. Розторн выбрала место рядом с ручьём, у скалы, защищавшей их от ветра. Не смотря на вступавшее в свои

права лето, ночью в Дримбаканг Лоу было холодно.

Парахан избавился от своих вонючих тряпок. Он вытащил из одной из своих сумок куртку и штаны, похожие на те, что носили остальные. Он не смог раздобыть подходящие ему сапоги, как он сказал, поэтому надел длинные чулки и крепкие кожаные туфли из той же сумки. Эвви установила запорные камни, и выпустила «кур». Покинув свои «клетки», кошки приняли свой обычный облик. Парахан, занимавшийся пони и мулами после смены одежды и помывки холодной водой, поражённо покачал головой:

— И это — заклинания **Торговцев?** — спросил он.

Эвви хмуро посмотрела на него:

— Они тебя зажарят и съедят, если проговоришься, — сказала она, повторяя старую ложь насчёт обычаев Торговцев.

— Я старый и жилистый, — ответил тот. — Не сердись, Эвви. Я думал, я тебе нравлюсь.

— Это было до того, как ты втянул нас в этот бардак, — проворчала она.

— Боги наши бы для нас другой способ ввязаться в этот бардак, — сказала Розторн, помешивая содержимое котелка. — Разве вы не узнаете провидение, когда оно у вас перед носом?

— Нет, — хором сказали Эвви и Парахан.

— Она обязана так говорить, — сказал Браяр.

Он смешивал и пёк лепёшки на нагретом камне.

— Она принесла религиозные клятвы, и всё такое.

Когда они сели ужинать, Парахан вздохнул:

— Тёплые ноги. Я уже забыл это чувство — когда ноги в тепле. Теперь мне нужно спросить: как у вас троих обстоят дела, если дойдёт до драки?

Все трое посмотрели на него.

— Эвви, оставайся с животными, Розторн...

— Какая часть слова «маг» тебе не понятна?

Браяр запустил руку в лежавшую рядом на земле перевязь. Вытащив шарик с семенами, он метнул его на границу освещённой костром области, ближе к дороге. Шарик вскрылся, мгновенно впившись корнями в землю. Из него выстрелили лозы, по мере роста выпускавшие длинные шипы и расползавшиеся по земле вокруг точки падения. К тому времени, как они прекратили расти, они были три фута в высоту, и покрывали собой область диаметром около трёх футов. Не найдя цели, толстые стебли завились друг с другом. Шипы были видно даже в неверном свете костра. Некоторые из них были длиной в четыре дюйма. Другие были длиной в два дюйма, и шириной у основания в два дюйма — загнутые, а не прямые, в отличие от других, более длинных.

Парахан, потрясённый, встал, и начал идти в сторону растения.

— Не стоит, — сказала Розторн, когда лозы зашуршали. — Они ещё не уснули.

Парахан остановился. Лозы присмирели.

— Такими можно и человека убить, — охрипшим голосом произнёс он.

— Мы их не для игр носим, — ответил Браяр. — Не огорчайся ты так. Я позволил прорасти только парочке семян.

— Хочешь посмотреть, что есть у меня? — с готовностью спросила Эвви.

— Нет, — внезапно сказала Парахан. — Нет, думаю, что не хочу.

— Но ты думаешь, что я — пацанка! — начала возражать Эвви, используя жаргонное слово Браяра, означавшее «ребёнок». — Ты не думаешь, что я могу помочь защищаться!

Камни поднялись с земли, и начали кружиться вокруг головы Парахана.

— Эвумэймэй, — опасным тоном произнесла Розторн.

— Прости, Парахан, — попросила прощения Эвви.

Камни упали на землю.

— Но... ты ведь **знал**, что мы — маги.

— Не уверен, что я думал о том, что вы трое делаете в военном плане, — признался он.

Сев на корточки у огня, он ослабил:

— Возможно, перебраться через границу нам будет проще, чем я думал.

Розторн подала чай:

— Что ты ожидаешь, на границе? — спросила она, грея ладони о чашку.

— Это маленький пограничный пост, судя по тому, что я выяснил, — объяснил Парахан. — Если бы ситуация была нормальной, мы могли бы ожидать караваны из южного Гьонг-ши через месяц, но сейчас для них было бы слишком рано. Я думаю, со стороны Гьонг-ши сейчас никто не едет. На стороне Янджинга есть деревня, которая поддерживает пограничный пост. На посту одновременно наверное по пять стражников. Придётся пробиваться с боем, если они получили приказ остановить всякого, кто попытается пересечь границу. Если они получили весть о том, что вы покинули караван, или обо мне, то нам точно **придётся** драться.

— Может, удастся обратить их в бегство, — весело сказала Эвви, почёсывая Риа за ухом.

Парахан хрюкнул:

— Может, и удастся, хотя, если они — из регулярных войск империи, а не местные, которых наняли для того, чтобы стоять на месте и выглядеть крутыми, то они не испугаются.

Он посмотрел посох, лежавший на земле рядом с ним:

— Если бы у меня к этой штуке ещё был меч.

Розторн в ужасе посмотрела на него:

— Ты собираешься нападать на вооружённых стражников с **посохом**?

Он собрал остатки еды в своей миске куском приготовленного Браяром хлеба:

— Но у меня же есть поддержка трёх магов.

Парахан встал и потянулся, пока они глазели на него. Затем он нагнулся вперёд, и ухватился за щиколотки, немного покачавшись, не сгибая колени. Наполовину повернувшись, он выставил правую ногу вперёд, будто собирался прыгнуть вперёд, и продолжал вытягивать правую ногу до тех пор, пока та не оказалась вытянутой под прямым углом, а левая — полностью вытянута наружу. Прodelав это несколько раз, он стал вытягивать вперёд левую ногу. Розторн и Эвви начали мыть посуду, а Браяр попробовал сделать такую же растяжку.

Наконец Парахан взял свой посох, и стянул один из его концов, обнажив длинный, тонкий клинок с двусторонней заточкой.

— Для метания особо не годится, — сказал он Браяру, начав вращать посох обеими руками, — но когда я шёл на юг по лесу без еды, мне удавалось ловить остриём рыбу. Я пытался держаться подальше от дорог, по крайней мере до того, как добрался до Куши. Когда я наконец устал от рыбы, я попробовал замаскироваться под нищего. Это и помогло, и помешало.

— Я всё думала, как ты это сделал, — сказала Эвви, направляясь за новой порцией навоза для костра. — Как-то раз мне пришлось идти по туннелю, который был для меня недостаточно высоким, в Высотах Принца, где я раньше жила. Он был очень длинным. Когда

я вышла, у меня жутко ныли спина и шея.

— До сих пор ноют, — признался Парахан.

Он принялся вертеть копьё над головой. Отойдя от Браяра, он начал быстро крутить копьё сбоку от себя, затем сверху, и снова с другого бока. В отбрасываемом на лезвие свете костра казалось, что у него появились крылья.

Он упражнялся, пока Розторн и Браяр готовили шарики с шипами, а Эвви — диски из кремня и кварца. Они время от времени поднимали взгляд, видя, как он наносит удары руками и ногами по воздуху, наносит удар ногой вбок с разворота, или выполняет такой быстрый удар рукой, что сливался в размытый силуэт. Наконец он подошёл к костру с одной из своих сумок, и принялся затачивать свой поясной нож.

Розторн дала ему чашку чая, который заваривался рядом с ней:

— Это должно снять боль в ноющих мышцах, — объяснила она.

Когда стемнело, Браяр подвёл цепочку пони и мулов ближе к их лагерю. Эвви взяла свой рюкзак с дополнительными запорными камнями, и создала загон, где они могли спать все вместе. Сначала Парахан воспротивился мысли о том, чтобы спать вместе с остальными в одной куче.

Браяр подождал, пока Розторн ушла в темноту, чтобы объяснить про её лёгкие, и как теперь, когда они были в более холодных землях, ей нужно было всё тепло, которое они могли дать.

— На пути в Гьонг-ши мы иногда так поступали, когда спать по одному было слишком холодно. Иначе она начнёт кашлять, — объяснил он.

Когда она вернулась, а Парахан и Эвви разошлись в разные стороны, чтобы делать свои последние дела перед сном, Браяру пришлось уговаривать Розторн спать в середине кучи, в которую входили Эвви, кошки, Парахан и он сам. Сперва Розторн настаивала на том, чтобы спать с внешней стороны, вместе с Параханом.

Возвращавшийся здоровяк, услышав их, прямо заявил:

— Нам нужно, чтобы каждый из нас был утром на высоте, женщина. Если завтра мы будем живы и свободны, то следующей ночью можешь спать снаружи и замёрзнуть.

Розторн как-то тревожно долго смотрела на Парахана, затем разложила на земле свою скатку. Парахан прикрыл огонь в костре. Браяр подумал, не следует ли ему сказать, что он будет молиться за Парахана в грядущем бою, или что-то такое. В конце концов он просто развернул свою скатку рядом с постелью Розторн, и заполз в неё. Эвви выбрала свободное место сбоку от Розторн, а Парахан — сбоку от Браяра. Розторн пошла насыпать круг из трав, включив в него пони и мулов. Она так делала несколько раз по пути на восток: создавала своего рода магическую завесу, скрывавшую их от любых хищников, людских или животных, которые могли случиться рядом. Закончив круг, она пробормотала над ним заклинание, и вернулась, чтобы забраться в постель. Только после этого кошки расположились во всех удобных местах, какие они только нашли.

Браяр засыпал, когда Парахан произнёс:

— А почему бы нам не пересечь границу ночью? Если заглушим всё, что у нас звякает, то можно даже тайком пробраться. Они будут нас ждать в дневное время. Можно будет совсем избежать схватки.

Браяр зевнул:

— Не получится.

Когда Парахан ответил, его голос звучал обиженно:

— Я может быть только лишь простой солдат, а не образованный *нанишур*, но я уверен, что если будешь использовать простые слова, то сможешь объяснить мне так, чтобы я понял. Почему нам нельзя попробовать ход, который стратегически более разумный — пересечь границу ночью?

Браяр зарычал. Он был уставшим, и беспокоился о границе так же, как и все остальные.

— Мы — **растительные маги**, о стратег.

— Прекратите уже, — пожаловалась Эвви.

— Растениям нужен солнечный свет. Даже простому солдату это должно быть известно, — продолжил Браяр, игнорируя Эвви.

Парахан, может, и был принцем, и воином, но ему не было позволено заставлять их что-то пробовать, когда Розторн была не на высоте. И ему не нужно было знать тайны Розторн.

Но, конечно, именно Розторн и испортился всё, раскрыв правду:

— Но только наполовину лжёт, Парахан, — сказала она. — Я вижу в темноте не так хорошо, как раньше. Я... болела шесть лет назад. Поэтому я и говорю так, как говорю, и почему мне трудно дышать в горах, и почему у меня ограничено ночное зрение.

— Она умерла, — со вкусом произнесла Эвви. — Браяр и его сёстры отправились за ней в Земли Мёртвых, и вернули её, только она оставила там часть своей речи, дыхания и зрения, как зарок Нефритовому Богу, что она вернётся.

Когда Парахан снова заговорил, его голос слегка дрожал:

— Это ведь просто байка, так?

— Нет, не байка, — сказала Розторн. — Я чуть не умерла от Синей Сыпи. Мь выступаем утром. А сейчас — спите.

На этом ночной разговор и закончился. Они устроились между прикрытым костром и линией мулов и пони, согреваясь за счёт одеял, кошек и друг друга. Ночь прошла так тихо, что утром Парахан лишь пожаловался на храп Монстра.

Дорога была пуста. Это никого из них не радовало, хотя никаких других признаков неприятностей они не нашли. В небе в поисках завтрака парили орлы и сарычи. Вдалеке был видел двигавшееся по крутому склону холма стадо коз.

Текли часы, и ландшафт, лежавший впереди на их стороне реки, начал становиться более пологим. Ближе к полудню они заметили поля далеко справа, и одиноко стоявшие сараи, где укрывали стада и хранили сено.

Был почти полдень, когда они пересекли подъём дороги. Перед ними речушка пересекала небольшую, плоскую долину к северу, спеша влиться в Реку Снежного Змея слева от них. В четверти мили к северу на пологих холмах, составлявших западную сторону долины, стоял обнесённый стеной город. Рядом с городом лежали пшеничные поля, и паслись стада крупных, мохнатых животных, известных как яки.

Там, где дорогу пересекала речушка, стоял пограничный пост. Он был построен так же, как местные дома — два этажа, и стены, изгибавшиеся внутрь от земли до плоской крыши. Ставни на узких окнах были открыты, поскольку день был погожий. Каждая щель в стенах была закрыта белой штукатуркой. Пост был побольше большинства домов, и на крыше была сторожевая вышка. На огороженном поле у здания паслась пара лошадей. Если это место было таким же, как остальные в округе, решил Браяр, то конюшни располагались на первом этаже.

У заслона на дороге стоял солдат в имперской форме. Ещё четверо развалились на скамейках сбоку от поста. Браяр прищурился, стараясь что-то рассмотреть через бившее в

глаза солнце. На вышке был флаг, бившийся на ветру. Браяр смог разглядеть только цвет — ярко-жёлтый цвет империи.

— Граница? — предположил он.

Двое из сидевших воинов встали, и взяли алебарды, прислонённые к зданию поста. Двое других подняли колчаны и арбалеты, лежавшие у них под ногами, закинув колчаны за спину, прежде чем встать, чтобы зарядить свои арбалеты.

— Похоже на то, — ответил Парахан.

Розторн и Браяр повторно проверили перевязи у себя на груди. Семенные бомбы были готовы. Их наборы магов были открыты и надёжно закреплены на сёдлах перед ними, на случай, если они понадобятся. Эвви вела выючных мулов. У неё была готова собственная перевязь, с готовыми к использованию дисками кварца и кремня.

— Может быть, это не по наши души, — предупредила Розторн.

Больше они ничего не говорили, пока не оказались в пределах слышимости охранника у заслона. Он был мускулистым мужчиной постарше, и всё внимание сосредоточил на их небольшом отряде.

— Привет! — весело крикнул Парахан. — Вам тут должно быть скучно, ребята, никого же на дороге нет!

— Остановитесь для досмотра! — крикнул тот в ответ. — Именем нашего великолепного императора!

— С радостью, — отозвался Парахан, не замедляя шага. — Только, не мог бы ты попросить своих товарищей опустить арбалеты? Моя жена в интересном положении, и они её заставляют нервничать.

— Негодник, — пробормотала Розторн.

— Твои нежные слова заставляют меня тосковать по проведённым вместе ночам, моя милая, — прошептал Парахан.

Браяр закашлялся, стараясь не засмеяться, когда Розторн покраснела.

— Как ты можешь шутить в такое время? — потребовала она.

— Если не в такое время, то когда ещё? — спросил Парахан.

Браяр пощупал тряпичные шарики у себя в перевязи, перейдя с шипов-убийц на веревочные. Он решил, что Розторн захочет, чтобы он использовал верёвки, хотя шипы позаботились бы о том, чтобы никто не последовал за ними в Гьонг-ши. Если император всё же объявлял войну, то какая им разница, нарушат они законы на границе, или нет?

Но если бы Браяр убил кого-то без веской причины, то Розторн это бы не одобрила. Он подумал, обсуждала ли она этот вопрос с Параханом.

— Стой! — снова крикнул командир. — Спешите и поднимите руки.

— Какая-то проблема, господа? Как я и говорил, моя жена находится в неудобном положении, — отозвался Парахан.

Они уже пересекали мост через речушку.

— Приготовьтесь, — сказал он своим спутникам, когда они достигли противоположного берега. — Остановитесь здесь. Если мы ещё приблизимся, то они победят в сражении.

Он быстро опустил конец своего посоха, и снял верхушку, убрав деревянную трубку за пазуху.

— Вы похожи на описание преступников, которых разыскивает император! — крикнул командир. — Бросьте оружие, спешите, и опуститесь на колени!

Арбалетчики навели своё оружие на их группу. Эвви метнула в воздух два куска кварца. Они полетели прямо в стрелков, которые вскинули руки, чтобы защитить глаза. Их оружие упало на землю. Болты начали выпускать листья.

Командир выкрикнул приказ. Арбалетчики схватили своё оружие, и потащили из колчанов новые болты для перезарядки. Люди с алебардами побежали к Розторн и Эвви, сместившимся вправо, чтобы разбираться с любым, кто появится из здания. Розторн прошептала что-то тканевому шарiku у себя на ладони, и метнула его в алебардщиков. Шарик разорвался, упав на землю, и выпустил в воздух семена. Разнообразной толщины лозы вылетели из земли у них под ногами. Лозы оплели алебардщикам стопы, и поползли вверх по их ногам.

Браяр заставил своего пони порысать вперёд. Прилетевший в него арбалетный болт упал на землю, и пустил корни. Второй болт на лету ударился в кварцевый диск, и упал на землю. Диск вернулся к Эвви. Браяр её не поблагодарил. Он подобрался достаточно близко, чтобы кинуть свой собственный шарик семян туда, куда хотел. Шарик упал между двумя стрелками, и взорвался быстрорастущими шипами.

Старый солдат, командовавший постом, обнажил меч и побежал вперёд сразу же, как только стрелки сделали второй залп. Он скрестил свой меч с копьём Парахана, обнажив зубы и зарывав.

На миг Браяр глазел на то, как Парахан бросился в схватку. Верзила перевернул копьё. Он ткнул тупым концом командиру под челюсть так сильно, чтобы сломать её, затем махнул вниз, воткнув оружие в правое колено солдата. Нога янджингца подкосилась. Он нанёс Парахану боковой удар, но тот не прекращал своё движение, врезав деревянной частью копья солдату по затылку. Янджингец упал на землю, и откатился от Парахана.

Браяр больше не мог смотреть. Из здания поста донеслись ещё крики. Из него выбежали четверо солдат, вытирая губы рукавами или возясь с оружием. Эвви покатила к ним шар, как если бы играла в кегли. Шар был из кварца, размером с два её кулака, и по плоской земле он быстро докатился до новых солдат. Они не заметили его, пока он не докатился до них, и не взорвался горстью острых каменных игл.

Четыре человека разорвали строй. Двое упали на землю, крича. Они пытались на ощупь вытащить каменные занозы из своих лиц. Третий побежал к Парахану, и ещё один — к Розторн, оба на ходу обнажали мечи. Розторн указала пальцами на некоторые из лоз, уже полностью закрывших собой двух алебардщиков у скамейки. Зелёные верёвки дотянулись до подбежавшего к ней мечника, и схватили его за горло.

Браяр поискал взглядом мулов. Эвви держала их на длинной привязи, один из концов которой она обвязала себе вокруг пояса. «Она что, не знает, что они могут вытащить её из седла?» — в панике подумал он. Браяр спешил, и побежал обратно к животным, которые были на пороге паники. Запустив руку в карман, он нашёл горсть успокаивающих трав, которые там хранил. Он осторожно подул небольшое количество травы в нос каждому животному, пока у них не перестали от страха сужаться зрачки. Он снова проверил Эвви. Она твёрдо стояла рядом с Розторн. Они ждали следующей атаки врага, Эвви — со вторым каменным шаром в руке, Розторн — с ещё одним шаром шипастых лоз в своей.

Парахан схватил меч и кинжал командира, и повернулся, чтобы встретить бросившегося к нему с мечом наперевес солдата. Здоровяк ослабился, его зубы контрастировали с его коричневой кожей. Нападавший на него солдат остановился вне его зоны досягаемости, приготовив меч. Парахан обозначил движение вбок. Солдат оказался достаточно глупым,

чтобы повернуться в том направлении, подняв своё оружие для защиты. Он так и не увидел, как Парахан срубил ему голову.

Эвви бросила взгляд на движение в окнах на втором этаже поста. Из пары окон высывались стрелки. Она запустила руку в свою перевязь, и вытащила два круга из кремня, осторожно держа их в руках. У Браяра был лишь миг, чтобы распознать их цвет, прежде чем она послала сначала один, а потом и второй, в полёт так же, как делала с кругами из кварца. Они полетели прямо к стрелкам. Один из них воткнулся стрелку в грудь. Тот пропал из виду. Другой круг попал во второго стрелка, опускавшего свой арбалет после выстрела. Его болт прошёл над головой Розторн, и едва не попал в мирно пасшегося мула. Тёмный кругляш, брошенный девочкой, попал стрелку в горло. Он повалился вперёд, через окно, и застыл на земле.

Наконец наступила тишина, если не считать тихого рёва реки и далёкого крика ястреба.

Парахан вытер рот запястьем, и стал щупать у себя на поясе в поисках фляги с водой. К вящей неожиданности его самого и его спутников, они увидели, что его пояс слетел, разрубленный надвое командиром. В какой-то момент его фляга оказалась затоптанной. Он в замешательстве посмотрел на женщин и Браяра.

— Постой, — крикнул Браяр.

Он отнёс здоровяку свою флягу.

— Спасибо, — сказал Парахан.

Он положил отобранный меч на землю, выдул половину воды, а остальное вылил себе на голову.

— Они нас поджидали? — спросила Розторн.

Парахан пожал плечами.

Браяр увидел, как рядом с тем местом, где изначально стоял командир солдат, ветер шевелит лежащей под камнем бумагой. Он подошёл ближе, и вытащил листы из-под камня. Янджингские надписи под изображениями он прочитать не мог, но сами изображения были предельно ясны: на одном — Парахан; на другой — Эвви, Розторн и Браяр. Он отдал листы Розторн, потом пошёл удостовериться, что мулы не пострадали.

Розторн осталась в седле, наблюдая за пограничным постом. Посмотрев на бумаги, она запихнула их в перевязь у себя на груди, и вытащила ещё шарики с шипами, на всякий случай.

Эвви слезла со своего пони. Она оставила поводья волочиться по земле, чтобы животное не убрело далеко, затем потащилась к пограничному посту.

— Не думаю, что это — хорошая идея, — крикнула Розторн.

Эвви оглянулась на неё:

— Ты шутишь? Ты вообще знаешь, как много времени у меня уходит на то, чтобы сколоть края этих кусков кремня так, чтобы я могла их бросать как надо? И я не думаю, что смогу найти здесь ещё кремня.

Она посмотрела на упавшего стрелка, сглотнула, и нагнулась, чтобы вытащить тёмный каменный кругляш у него из горла.

Парахан последовал за ней, и забрал кремень у неё из рук, чтобы сначала вытереть его об одежду мертвеца.

— Вот ведь. **Действительно** — кремень, — сказал он. — Я достану второй, Эвумэймэй. Жди здесь.

— Я пойду с ним, — сказал Браяр, обращаясь к Розторн. — Эвви, подойди,

присмотришь за мулами.

Он подождал, пока Эвви взяла поводья, а потом забежал внутрь пограничного поста вслед за Параханом.

Внизу животных не было, если не считать кур в гнёздах. Наверху было основное жилое помещение. На длинном столе стоял полусъеденный обед охранников. Спальные принадлежности были скатаны и сложены в углу. Упавший внутрь стрелок бесформенной кучей лежал на полу, царапая руками застрявший в его груди круг из кремня.

Парахан убил его ударом меча.

— Нельзя, чтобы они доложили о том, кто это сделал, — сказал он Браяру.

Он достал второй кремневый круг Эвви, и вытер его.

— Тебе, однако, возможно не стоит говорить Розторн.

Браяр поморщился. Розторн не понравится услышать об убийстве раненного, но Парахан был прав.

— Тогда нам лучше убираться отсюда, пока не явились жители городка.

— Да, ты прав. Ай!

Браяр увидел, что здоровяк засовывает в рот кончик пальца с проступившей на нём кровью.

— О, прости. Эти штуки зело острые.

Он вытащил из кармана свой платок, и осторожно забрал у Парахана кругляш. Он аккуратно завернул кремень и положил в свою перевязь, но даже так ему было видно, как тот разрезает льняную ткань его носового платка. С Эвви причитался новый платок.

Когда они спускались вниз по лестнице, Парахан сказал:

— Если честно, то даже с их магией, я... впечатлён тем, как крепки сердцем были наши леди в бою. Им понадобится время, чтобы успокоиться? Мы не можем задерживаться — пастухи доложат в город о неприятностях на границе.

Когда они вышли наружу, то обнаружили, что Розторн привязала своего пони. Ей удалось поймать одного из коней, оседлать и взнуздать его. Судя по длине стремян, мерин предназначался для Парахана.

— Вы закончили? — спросила она у них. — Потому что я хотела бы оказаться отсюда подальше, и немедленно.

— Да, Мама, — сказал Браяр.

Обращаясь к Парахану, он сказал:

— Видишь? Она спокойна.

Он увернулся, когда Розторн на него замахнулась. Улыбаясь, Браяр дал Эвви диск из кремня, который достал Парахан. Та засунула его в карман к другому диску, после того, как стёрла с него последние следы крови. Браяр ничего не сказал про рвоту, которая была ему видна на земле в нескольких ярдах от них. Эвви никогда не колебалась в драке, но кровь иногда выводила её из равновесия.

Двигаясь быстро, но без суеты, Парахан обобрал мёртвых солдат, пока не стал владельцем двух мечей, пояса, обшитой железом кожаной куртки, и пришедшихся ему впору кожаных сапог. Проверив пару копий, которые использовали янджингские пограничники, он соорудил колчан для них и для своего собственного копья, и закинул его за спину. Эвви нашла ему новую бутылку для воды. Они с Браяром наскоро обыскали пайки, собрав что-то вроде обеда, прежде чем взобраться в свои сёдла.

Они вчетвером поделились друг с другом холодными рисовыми колобками,

завёрнутыми в листья, и холодными пирожками с красной фасолью. Когда они собирались уехать, Розторн подвела своего пони к открытым окнам, и забросила внутрь два шарика с шипами. Через двери и окна начали прорастать лозы, пока она присоединялась к остальным на дороге. С их стороны здания выбежали куры, тревожно клохча.

Пока они ехали, Браяр кинул свой собственный шарик с шипами на дорогу у них на спине. Между тем в здании из окон верхнего этажа потянулись шипастые лозы. Те лозы, что выросли на погибших людях, поползли по земле подобно змеям, стараясь соединиться со своими друзьями из здания пограничного поста. Тел уже было не видно. Лозы разрослись, и полностью скрыли их.

— Они поймут, что мы были здесь, — сказал Парахан.

— Ну и пусть, — одновременно сказали Браяр и Розторн.

— Я всё равно уже устал пробираться тайком, — добавил Браяр. — Научим Уэй-шу держать свои загибающиеся руки подальше.

Они рысили вперёд под жалобы мулов.

— Я не вижу, с чего вы ноете, — сказала им Эвви. — Вы просто стояли стоймя, пока мы делали всю работу.

Она положила полусъеденный рисовый шарик и нетронутый пирожок обратно в перевязь у себя на груди. Хотя ранее она не дрогнув внесла свою лепту, воспоминание о человеке, чьё горло она перерезала, продолжало пробиваться сквозь любые другие мысли или образы в её голове. Тот человек присоединился к её ярким воспоминаниям о горстке людей, которых она убила, пока пыталась выжить, до её встречи с Браяром и Розторн, и которых она убила во время нападений разбойников по дороге в Гьонг-ши. Убивать было по-прежнему трудно.

Когда дорога стала огибать край холма, она оглянулась. Всё от бурлящей реки до стоявшего за постом частокола было покрыто толстыми, зелёными, шипастыми лозами. Куры и пасшиеся в пределах ограды лошади сбежали, куры — чтобы спрятаться под мостом, лошади — чтобы бегать галопом по полям.

Кто-то рано или поздно заметит это, но к тому времени, как кто-то придёт посмотреть, шипы дорастут до края реки, полностью перекрыв дорогу. Эвви подумала, что кто-то может попробовать обойти пограничный пост, чтобы добраться до дороги. Она не была уверена, когда именно шипы перестанут расти. Розторн и Браяр сотворили очень упорную магию.

Она снова посмотрела вперёд. По крайней мере, мертвецы не валялись как есть. Хоть какое-то утешение, поскольку у них не было времени на правильное погребение или молитвы.

Они рысили где-то мило, прежде чем тряска и не шедший из головы образ доконали Эвви. Она крикнула остановку. Эвви метнулась за валун на склоне холма, и её вывернуло наизнанку. Убрав за собой, она услышала голос Розторн:

— Я поднимаюсь. Не смотрите.

Поскольку это означало, что Розторн тоже нужно сделать свои дела, Эвви подумала, что ей, пожалуй, стоит заняться тем же. Сухая трава подходила плохо, но больше ничего не было. Она затягивала завязки на своих штанах, когда Розторн тихо спросила:

— Ты в порядке?

— Просто... мне не нравится убивать людей, — прошептала Эвви, стыдясь своей слабости.

— Никому из нас это не **нравится**. С тобой — с нами — было бы что-то не так, если бы тебе это нравилось. Ты же знаешь, что иногда Браяр это скрывает за шутками. Ты также знаешь, что ему снятся кошмары.

— Ох, — выдохнула Эвви.

Она так застряла на образе мёртвого человека, что забыла о всех тех случаях, когда её ночью будили вскрики спящего Браяра — и Розторн.

— Парахан будет другим. Он — солдат. Мы сегодня это видели. Для него это было не просто хвастовством. Его это, возможно, не будет беспокоить так, как беспокоит нас. Но ты

не слаба только потому, что тебя вырвала, девочка. Ты — человек.

— Спасибо, — прошептала Эвви.

Немного перестав чувствовать себя грязью, она спустилась вниз по склону холма, чтобы помыть руки. Её пальцы онемели сразу же, как только она опустила их в ледяной коричневый поток. Она встала, и засунула пальцы себе под мышки, чтобы их согреть, зыряка на Браяра и Парахана, направляясь обратно к мулам. Это было нечестно, что мужчинам не нужно было погибаться узлами просто чтобы пописать!

Розторн посмотрела вверх по ущелью, прищурившись.

— Мой мальчик спокоен. Не ты, Браяр, а мой мул. Я не думаю, что ему нравится принесённый ветром запах.

Эвви сглотнула. Их долгое путешествие из Чаммура научило их уважать животных, работавших по купеческим трактам. Она подошла к своему рюкзаку, и поискала мешок, где хранились её взрывающиеся кварцевые шары.

— Выбора нет, надо ехать дальше, — ответил Парахан. — Ждите здесь.

Не остановившись, чтобы послушать ничей ответ, он повесил свою перевязь с копьями на луку седла, взяв только одно, и начал карабкаться по углублению между двумя холмами справа от них. Эвви видела его ещё долго после того, как перестала его слышать. Её уважение к здоровяку выросло ещё на несколько делений. Бесшумное перемещение в длинной траве и по россыпям гравия требовало хорошей подготовки.

Она, Браяр и Розторн продолжили нагружать своих пони магическим оружием, которое могло им понадобится для следующей, возможно более масштабной, битвы. У её и Браяра также были их кинжалы. Эвви носила два ножа за поясом, и два — на поясе, не считая того, что был у неё в куртке за воротником, под затылком. Она не знала, где были все ножи Браяра, кроме тех, что были очевидны.

Насколько Эвви знала, у Розторн никакого дополнительного оружия не было. У неё на поясе был набор с ножами, но они были для растений. Своим поясным ножом Розторн, помимо использования его для растений, лишь резала мясо. Конечно, Розторн могла превратить большинство растений в что-то опасное. Эвви надеялась, что этого хватит.

Но она боялась, что этого может оказаться недостаточно. Здесь, в этом крутом ущелье с одной дорогой, она не могла забыть, что всю жизнь у неё была только одна постоянная мысль: император Янджинга по могуществу не уступал богам, и некоторых из них даже превосходил. В Зимнем Дворце она не увидела ничего, что этому бы противоречило. Когда они уничтожили пограничный пост, они объявили свою собственную войну против империи Янджинга. Всё, что она могла делать — это молиться о том, чтобы Гьонг-ши сделал то, что пока не удалось ни одной другой стране, на которую шли маршем имперские армии: победить их.

По склону холма со стуком покатились несколько камней, отвлекая её от мрачных мыслей. Возвращался Парахан.

— Я не знаю, что на дороге впереди, — сказал он им, когда добрался до их группы. — Я лишь видел вперёд где-то на милю. Но там есть звериная тропа, — он указал вверх по холму, — которая скроет нас, при этом позволяя по-прежнему двигаться вдоль реки. Возможно, мы сумеем избежать кого угодно на самой дороге.

— Подвяжите всё, что может шуметь, — приказала Розторн. — Приглушите уздечки, если что-то звенит. Эвви, боюсь, что твоим курам нужно вздремнуть.

Эвви поморщилась, но вытащила свёрток с сонными травами для кошек, и посыпала его

в клетки. Она использовала лишь щепотку для каждой клетки: заклинание было сильнодействующим. Заклинания Торговцев, скрывавшего кошек, хватало, чтобы люди думали, будто слышат кур, но Розторн не хотела рисковать никаким шумом, пока они перебирались на более высокую позицию.

Розторн продолжила:

— Пойдём пешком. Проверьте своё снаряжение. Ничто не должно стучать. Парахан, оберни чем-нибудь эти копыя.

Когда они были готовы, Розторн сказала Парахану:

— Эвви идёт первой.

Его глаза расширились от удивления:

— Эвви! Но...

— Увидишь, — сказала ему Розторн. — Дава, девочка.

Эвви ничего не сказала. Она уже призывала свою магию. Они двинулись вперёд, она — впереди, Розторн — позади, каждый вёл за собой пару животных. Эвви натянула поводья себе вверх до локтей, чтобы получить возможность вытянуть руки. Она мягко дёргала и шевелила пальцами, слегка тряся их то в одну, то в другую сторону, одновременно посылая свою силу во множество кусочков камня вверх по холму. В своей голове она чувствовала, как камни в разрезе между двух холмов хихикали, смещаясь и соскальзывая, камни всех размеров, принаравливаясь друг к другу. У них никогда прежде не было такой энергии, но это было гораздо интереснее, чем просто скатываться вниз под давлением потоков талой воды, или дождя, или копыт животных. Им это нравилось. Камни не издавали никаких звуков, кроме тихих щелчков, когда смещались в нужную позицию, каждый из них проскальзывал в нужное место рядом с другим камнем. Эвви оставляла после себя гладкий каменный путь для копыт лошадей и мулов. И что лучше, камни слегка подавались под их копытами, заглушая их стук.

Они взбирались всё выше и выше. Наконец она услышала тихую птичью трель. Она оглянулась назад, увидев, что Парахан показывает влево от неё. Там, в углублении на дальней стороне западного холма, была звериная тропа.

Она повернула туда, всё ещё шевеля руками. Сам путь был из утоптанной земли. На этот раз она подталкивала камни в стороны, побуждая их скатываться глубже в траву.

Ландшафт снова начал подниматься. Справа от них, на северо-востоке, один за другим поднимались скалистые холмы, вонзаясь в небо. За ними были горы Дримбаканг Шарлог. Эвви слышала, как трудно было дышать Розторн. Ей нужен был её особый чай, чтобы справиться с высокогорьем. Эвви или Браяр приготовят его, когда они остановятся на обед.

Они должно быть находились выше, чем Эвви осознавала, если Розторн задыхалась. Это были горы, хотя вблизи они все и были похожи на холмы. Горы гудели у Эвви в костях. Что она будет делать, когда дойдёт до больших гор, со скалистыми склонами, откуда ветер сдул почти всё, кроме камня и снега? Те горы будут петь голосом, который наверняка снесёт её несчастную голову с плеч.

Незадолго до того, как они поднялись на вершину четвёртого холма, она остановилась после ещё одного тихого свиста от Парахана. На этот раз он оставил своего гоня и мула, и начал красться вперёд всех остальных. Эвви села в траву, и даже немного поела, после того, как выбила затёкшие мышцы у себя на бёдрах. Работа со своей магией и уговаривание тех камней загнали ужасы глубоко вниз, где ей не нужно было о них думать. Браяр заварил в холодной воде дыхательный чай Розторн, и наливал его ей. Именно сейчас возможность

передохнуть им пришлось как раз кстати.

Парахан вернулся, и поманил их к себе.

— На дороге половина роты, — сказал он почти неслышным шёпотом. — Пятьдесят солдат. Профессиональные янджингцы, проклятье! Не местные.

— Если будем двигаться тихо, то они даже не узнают, что мы тут были, — ответил таким же тихим голосом Браяр. — Звериная тропа оставит тот следующий кряж между ними и нами. Они нас не увидят, даже если посмотрят вверх. Мы **должны** передать Богу-Королю весть о планах Уэй-шу. Гарантирую — он не знает и про то, что эти *каки* здесь.

Парахан ослабилась, услышав от Браяра сленг Торговцев; Розторн кивнула, соглашаясь с его мыслями. Они снова двинулись вперёд, Парахан шёл впереди. Эвви распространила свою силу дальше вперёд, отгоняя камни прочь. Даже животные похоже поняли, что альтернатива тишине — смерть, если враг их поймает.

Они пошли дальше, между холмов, чьи зелёные склоны круто поднимались по обе стороны от их группы. Самый волнующий момент наступил тогда, когда они достигли ручья. Он тёк у подножья высокого кряжа справа от них. Они не могли избежать плеска, когда ручей переходили животные. Когда они остановились на другой стороне, никаких звуков движения до них не донеслось. Парахан заполз на склон холма слева от них, чтобы посмотреть, сможет ли он увидеть дорогу и врага. Спустившись, он сказал, что солдат внизу они уже миновали. Если их тропа продолжит идти параллельно дороге на запад, то они могут вообще избежать янджингских солдат.

Розторн и Браяр его не слушали. Вместе с пони, мулами и даже конём Парахана они направили свои носы против ветра, дувшего с севера и над ручьём.

— Бамбук, — прошептала Розторн. — Морская водоросль. Уксус.

Браяр нахмурился:

— Пион? И уж точно гранат.

Они повернули головы, и уставились на кряж холма.

Парахан что-то произнёс на своём собственном наречии, и обнажил меч.

— Пойдите, — сказала им Эвви.

Она кинула свою магию вверх по склону, и позволила ей разлиться. Когда она растеклась по всей верхушке кряжа, Эвви ощутила вес на расположенных там камнях, движущийся вес, говоривший ей о присутствии людей. Она сместила камни, напрягаясь, чтобы более крупные потянулись к краю. Наверху кто-то закричал.

Браяр сбил Эвви на землю. Всё ещё шевеля руками, своей силой, и камнями, она огляделась. В грязи валялись наконечники стрел, в то время как длинные деревянные щепки, остатки их болтов, выпускали отростки и цветы. Розторн мрачно улыбнулась, и пробормотала:

— Это вы **меня** хотите врасплох застать?

Встав рядом с Эвви на колени, Браяр зыркнул на кряж. Когда на склоне с дикой скоростью начали прорастать сорняки и травы, через хребет холма выглянули пять человек. Два из них носили чёрные халаты учёных с золотыми кушаками магов. У них на руках и шее висели нитки с бусами. Двое других были стрелками; пятый был вооружён алебардой. Все пятеро силились удержаться на ногах. Стрелки старались перезарядить свои арбалеты.

Эвви дёрнула руками вверх. Камни взлетели вверх на вершине холма. Стрелки побросали свои арбалеты, закрывая глаза руками. Эвви дёрнула руками вперёд. Маги защитились от летевших в них камней, но совсем другое дело — когда земля уходит из-под

ног. Они покачнулись, пытаясь не упасть. Что-то не то происходило с длинными нитями бус у них в руках. Нити сплетались вместе вокруг запястий магов, связывая их подобно верёвкам. Петли бус на шеях магов стремительно закружились, завиваясь всё туже и туже, удушая носивших их людей. Маги силились оттянуть предавшие их ожерелья от своих шей, но безуспешно. Их лица всё больше багровели по мере того, как они боролись за каждый вдох.

Эвви дала всем камням на вершине холма последний, резкий толчок. На этот раз именно пони и мулы спасли её и её спутников, потащив их с помощью намотанных на их руки поводьев прочь от оползня, когда обрушился весь кряж. Они вместе с животными поспешили убраться прочь от обваливавшейся земли и камней. Камень кряжа проревел мимо них через углубление между холмами, утянув за собой янджингских магов. Когда всё успокоилось, кроме поднятой пыли, от сопровождавших магов воинов не осталось и следа. Двое магов лежали на куче обвалившегося камня там, где оползень остановился. Они явно были мертвы.

Эвви заползла на вершину холма к югу, чтобы посмотреть на дорогу. Врага не было видно. Она начала широко улыбаться от облегчения, когда увидела движение на вершине западного холма. Она поспешила назад к Парахану, и показала на запад.

Через вершину холма галопом переваливали Янджингские воины в куполообразных шлемах и латах. Эвви догадалась, что они услышали оползень. Теперь она стала стараться устроить им собственный оползень, пытаясь найти и сдвинуть средние и больше камни у них на пути. Она слишком устала, чтобы двигать на расстоянии маленькие камни. Эвви дёрнулась, когда стрелки вскинули арбалеты, будто болты уже поразили её.

Парахан подхватил пару округлых, твёрдых камней, и кинул сначала один, а потом и второй, с жестокой точностью. Оба камня попали в лицо двум стрелкам, выбив их из седла под копыта других лошадей. Парахан схватил ещё два камня.

Вдруг Эвви увидела, как арбалеты вырвались из рук оставшихся стрелков. Оружие разваливалось на части прямо в воздухе, осыпая других всадников дождём из прикладов, реек, наконечников и расщеплённых древков. Она не смогла удержать от смеха, когда рейки и древки начали расти и распускать листья, а потом обхватили солдат за руки и шеи. Приклады упали на землю, и из них выросли деревья. Лошади стали пятиться и скользить, пытаясь не влететь головой в мигом появившиеся перед ними деревья. Браяр и Розторн трудились не покладая рук. Парахан ослабил, взглянув на Эвви, а потом сбил камнями ещё двух солдат, попадая им в головы со смертоносной точностью. Солдаты упали.

Лошади, которым удалось избежать растущих деревьев, поскользнулись, теряя равновесие надвигающихся камнях и гальке. Они опрокинулись; те, что скакали следом, навалились сверху. Эвви заскрипела зубами, поддерживая движение камней на склоне под всадниками.

Люди кричали. Она открыла глаза. Браяр пробежал вперёд, чтобы метнуть шарики с семенами так далеко и высоко в воздух над атакующими солдатами, как только было возможно. Тканевые шарики распались по его команде, прямо в воздухе прорастая смертоносными лозами с острыми как мечи шипами. Падающая смертоносная сеть поймала оставшихся солдат и их коней, вместе с верёвками, которые выросли из кусков арбалетов, и быстрорастущими деревьями.

Эвви завизжала, когда с дальней стороны вершины холма взвились в воздух новые стрелы.

Парахан, стоявший рядом с ней, положил ладонь ей на плечо:

— Эвви, смотри. Чего ты визжишь?

Ей показалось, что это были огненные стрелы. На самом деле, это были арбалетные болты, покрашенные в ярко-оранжевый цвет. Они не долетели до неё и её спутников, попав в ряды янджингских солдат. За первым залпом последовал ещё один, снова попав в сеть и пойманного в неё врага.

Вслед за болтами через вершину холма перевалили новые стрелки, эти — в островерхих шлемах. Они проворно разделились, чтобы избежать павших врагов и ловушки из шипастых лоз. Кожаную броню новоприбывшие носили поверх огненного цвета шёлка. Прикреплённые аккуратными рядами к коже металлические пластины были из бронзы, а не железа, и были изогнутыми, а не плоскими, как у янджингских солдат. Их лошади были ниже ростом, проворны, и менее озабочены скользящими камнями. Где ей уже доводилось видеть их? Гармашинг! Это были гьонг-шийские солдаты!

Половина их союзников отделилась, и поскакала вниз по холму, к дороге. Парахан вскочил в седло своего собственного коня, и поехал следом.

Эвви опустила свои камни, и осела на землю. Она без всякого выражения наблюдала за тем, как оставшиеся гьонг-шийские солдаты убили всех выживших янджингских солдат. Двое гьонг-шийских воинов подъехали к Розторн и Браяру.

Теперь, когда у неё появилась возможность отдышаться, Эвви посмотрела на ручейки крови, сочившейся из-под кучи шипов, и почувствовала себя грязной. Она потёрла ладони о свои штаны. «Мы **должны** были убить их», — сказала она себе. «Солдаты императора собирались убить **нас**, они, и их маги. Чтобы не дать нам доставить в Гьонг-ши весть о наступлении императора. Чтобы император смог запытать Парахана до смерти».

«Зачем мы вообще стараемся?» — гадала она, плавая в ненависти к себе. Она дрожала с головы до ног. «Всё это ничего не значит. Эти мёртвые лошади и мёртвые люди, всё это — верблужий плевок в ураганный ветер, потому что **император** наступает. Королевство Гьонг-ши такое маленькое. У Гьонг-ши нет против Янджинга никаких шансов».

Двое воинов спешили перед Розторн и Браяром. Они сложили ладони у себя перед лицами, и низко поклонились Розторн.

— Посвящённая, — сказал тот из них, что был повыше. — Я имел честь видеть вас в Гьонг-ши этой зимой. Я — Капитан Рана, посланный Богом-Королём и Первым Посвящённым Живого Круга Джанг-бу Докьи, чтобы убедиться в вашем безопасном приезде в Гьонг-ши. Это — мой сержант, Кэнбаб. Прошу простить наше опоздание. Мы не знали, что эти звери янджингцы пробрались вверх по ущелью, чтобы устроить засаду. Прошу прощения.

Он повернулся, и поднял руку. К нему подбежал воин.

— Отправляйся к Генералу Сэрүго. Скажи ей, что враг уже здесь. Мы застали отряд врасплох, и разбираемся с ними. Здесь могут быть и другие, направляющиеся на северо-запад над дорогой. Езжай со всей быстротой, я знаю, ты можешь.

Солдат поклонился, и побежал за своей лошадьёю. Обращаясь к Сержанту Кэнбаб, капитан сказал:

— Возьми половину наших людей. Помоги Сержанту Йён-тэн в зачистке на дороге. Мы должны как можно скорее отвести посвящённую и её спутников к генералу.

Розторн отпила из фляги у себя на поясе.

— Простите, Капитан Рана, но мы направляемся в Гармашинг. У нас важные новости для Бога-Короля и Первого Посвящённого Докьи.

Капитан улыбнулся:

— Первый посвящённый предвидел ваше появление, — сказал он. — Он ждёт в Крепости Сámбачу, в конце этого ущелья — там мы базируемся.

— Крепость? Не храм в Гармашинг? — сказала Розторн.

— Я уверен, что Первый Посвящённый объяснит, когда вы увидите, — сказал Рана. — Если вы позволите удалиться, я должен позаботиться о моих раненных.

Розторн и Браяр не спеша подошли к Эвви, потянув следом мулов и своих пони. Когда животные были привязаны, они оба молча сели рядом с ней. Эвви вскоре прислонилась к плечу Браяра. Бросив взгляд на Розторн, она увидела, что та растянулась на траве, положив голову Браяру на колено.

— Хочешь прилечь? — спросила Эвви у Браяра. — Я не против.

— Я просто прислонюсь к тебе, — сказал он. — Будем друг друга подпирать.

— Хорошо, — прошептала Эвви.

Она позволила своим глазам закрыться. Будь на то её воля, она никогда бы больше не сражалась.

* * *

В какой-то момент Эвви соскользнула с его плеча. Браяр очнулся вовремя, чтобы поймать её, и опустил её на траву. Розторн откатилась в сторону от него, и свернулась в комок. Проснувшись, он чувствовал себя слишком беспокойным для отдыха. Один из гьонгшских солдат предложил ему флягу с чаем. Браяр попил, и посмотрел вокруг на бардак, который они сотворили — они, и имперские солдаты — из прекрасном горном проходе.

Теперь, когда у него было время подумать и вспомнить, кое-что озадачивало его. Он вернулся к оползню, который Эвви устроила на кряже. Сначала у него просто ушла почва из-под ног, когда он попытался добраться до двух мёртвых янджингских магов. Внезапно скользившие камни застыли. Он обернулся, чтобы увидеть, как Эвви смотрит на него. Он улыбнулся ей, и стал дальше карабкаться к трупам.

Он не ошибался. Их ожерелья из бус задушили их, пока он взял им руки с помощью деревянных бусинок на их браслетах. Браяр встал на колени, и коснулся лишённого бусин места на обёрнутом вокруг горла мага шнуре. Хлопок. Бусы были нанизаны на хлопковый шнур. И не только — от шнура шло покалывание остатков магии, которую он очень хорошо знал.

Он спустился на твёрдую землю, и подошёл к своей наставнице. Она села, и говорила с Капитаном Рана. Когда они остановились и посмотрели на него, Браяр сказал:

— Хлопок.

Розторн подняла бровь, глядя на него.

— Ты задушила их хлопковыми шнурами их собственных магскими ожерелий. Она что, даже не пыталась тебя остановить?

— Они даже не могли определить, что я была там, — спокойно ответила Розторн. — Браяр, они правда не понимают окружающую магию. Мы здесь будем очень полезны.

Её голос звучал очень рассудительно.

— Ты легко мог бы проделать то же самое.

Она посмотрела на Капитана Рана:

— Не мог бы кто-нибудь развести нам маленький костёр? Нужно собрать эти бусины, и

сжечь их, пока они не попали в чьи-то ещё руки.

Они с Браяром пошли собирать бусы, пока капитан отдавал приказы.

Потребовалось потратить часть их запасов трав, не дававших магии распространиться, но они удостоверились в том, что все бусы янджингских магов были уничтожены в миллом, жарком костре. Они даже смогли уничтожить наборы магов врага. Какая-то часть Браяра хотела порыться в них, просто из любопытства. Розторн указала на то, что как они сами оставили сюрпризы в своих наборах мага для любителей совать нос в чужие вещи, так и от янджингских магов можно было ожидать чего-то похожего. Браяр и Эвви вздохнули о упущенных возможностях, и позволили наборам сгореть.

К тому времени, как они закончили, вернулись Парахан и другие гьонг-шийские войны, доложив успех на дороге. Не осталось ни одного янджингского солдата, который смог бы доложить о гьонг-шийских солдатах на перевале. И гьонг-шийцы, получившие повреждения, были лишь легко ранены, что с точки зрения Браяра было не менее хорошо. Розторн, Браяр, и лекари Капитана Раны смогли их быстро подлатать перед тем, как все они пустились в путь.

Они недолго ехали, прежде чем Браяр заметил, что Эвви качается в седле. Рана позволил ему пересесть на одну из выживших лошадей, чтобы он мог посадить Эвви перед собой в седло: пони Браяра не оценил бы дополнительную нагрузку. Эвви была вымотана. В последнее время работа не выжимала её так, как в этот день, но она прежде никогда не меняла пути такого количества камней столь разными способами.

Браяр спросил Рану, смогут ли они остановиться на достаточно долгий срок, чтобы приготовить горячий чай или суп, но тот отказал в остановке. Браяр понимал — если в этих холмах был один отряд врага, то их могло быть и больше, — но отчаянно беспокоился о своих спутницах. Наконец Парахан подхватил Розторн, пока она начала соскальзывать со своего мула, и затянул её к себе, чтобы она тоже ехала с ним. По крайней мере капитан послал всадников вперёд в свой лагерь, чтобы приготовить горячие напитки и еду к их прибытию.

В лагере Парахан и Браяр завернули Розторн и Эвви в одеяла, и посадили их перед капитанским костром, где к ним присоединились Капитан Рана и Сержант Кэнбаб. Браяр был ошарашен, когда Кэнбаб снял свой шлем, высвободив свисавшую до пояса косу чёрных волос. Она улыбнулась, видя его явное удивление.

— Сержант Кэнбаб — моя правая рука, — сказала капитан. — Без неё мне было бы трудно. Немало гьонг-шийских женщин служит в армии до замужества. Некоторые из них остаются и после брака, как сержант и Генерал Сэруго.

Кэнбаб поклонилась Розторн:

— Люди хотят узнать, могут ли они съесть кур посвящённой.

— Мои кошки! — устало воскликнула Эвви, пытаясь выкарабкаться из одеял. — Они на самом деле кошки. Вы не можете их есть!

— Я сниму заклинание, — сказал ей Браяр. — Допей этот чай, и сделай себе ещё чашку.

Он встал, пытаясь не застонать. Он тоже сотворил много магии, не имея возможность почерпнуть ещё у своего лучшего *шаккана*, который сейчас находился на пути в Ханджэн. У него ныл каждый мускул в его теле.

Клетки поставили рядом с маленькими круглыми палатками, в которых должны были спать Розторн, Эвви, Браяр и Парахан. Подойдя к ним, Браяр покачал головой, глядя на стоявших рядом солдат.

— Простите, ребята, — сказал он на *тийон*, надеясь, что они поймут. — Они не такие

вкусные, как вы думаете.

Встав рядом с кудахтавшими клетками на колени, он пробормотал слова, которым его научил *мимэндэр*.

Внезапно клетки, куры и куриные звуки исчезли. Судя по выражению морд Асы и Мячика, Браяр понял, что они собирались заставить людей заплатить за особо долгий сон, в который они впали после дозы сонных трав.

Монстр высунул свою голову через отверстие в боку его корзины, и пискнул. У него был очень тонкий голос, для такого большого кота. Браяр осклабился:

— Ты ведь не в обиде, а, старик?

Эвви подошла к нему, покачиваясь, с опухшими от усталости глазами.

— Я не могу установить запорные камни, чтобы помешать им разбежаться, — заныла она. — Я слишком устала!

— Я управлюсь с травами, — сказал Браяр. — Не волнуйся. Та палатка — для вас с Розторн. Иди спать.

Эвви сумела заползти в маленькую палатку. Когда он чуть позже заглянул внутрь, Браяр обнаружил, что она повалилась на свою открытую скатку, даже не накрывшись. Он выдернул одеяло из-под неё, и накрыл Эвви, молча поблагодарив того, кто установил палатки.

Проведя круг из трав вокруг палатки женщин, чтобы кошки могли бродить в его пределах, он выпустил их из корзины, и покормил их размоченным в воде сушёным мясом. Потом он отправился искать еду для себя самого.

Солдаты пригласили его поесть с ними: чашка чая с маслом, и миска мучная масса, смешанная с сыром и чаем — судя по всему, это был обычный паёк. Браяру доводилось есть и более необычные, и менее приятные, блюда. Он умял свою порцию, и поблагодарил солдат.

Они засмеялись:

— Обычно иностранцы это просто выплёвывают, — объяснил ему повар на *тийон*.

Браяр не собирался говорить ему, что не выплюнул и более странные блюда, подававшиеся при императоре. Во-первых, они сообща решили молчать о проведённом в Дохан времени. Во-вторых, он не хотел, чтобы эти люди посчитали его снобом.

— Вы никогда меня не поймаете на разбрасывании хорошей еды, — искренне сказал он.

Браяр поклонился, и вернулся к капитанскому костру.

Розторн там не было.

— Она пошла спать, — сказал ему Парахан.

Он затачивал свои мечи.

— Капитан Рана мне тут говорит, что императорские войска нанесли мощный удар через Перевал Ледяного Льва, Зелёный Перевал, и вдоль северной равнины неделю назад Генерал Сэруго узнала об этом лишь два дня назад. До сегодняшнего дня она не была убеждена, что Янджинг мог послать войска по Перевалу Снежного Змея. Большинство людей оставляли его в покое во время прошлых нападений. Он слишком узкий для переброски в Гьонг-ши нормальное число войск.

— До сегодняшнего дня мы никаких солдат не видели, так что они точно двигались впереди нас. Если они попробуют послать ещё солдат, им будет весело, — сказал Браяр. — Мы заткнули пограничный пост шипами. Там им не пробраться без помощи действительно хорошего мага. Мы сделали растения устойчивыми к топорам, огню и куче магии, мы с Розторн.

— Император не послал в этом направлении армию, — ответил капитан. — Тем не менее, он может пустить нам немного крови, и удержать наши войска здесь, на юге, используя лишь мельчайшую часть одной из своих армий, если пожелает. Он может себе позволить терять здесь солдат; мы — нет.

Он встал.

— Мы выедем перед рассветом, и будем скакать без устали весь день. Пospите.

* * *

К тому времени, как их поездка вглубь Гьонг-ши закончилась, Браяр больше никогда не хотел слышать слова «скакать без устали». Его зад и бёдра, привыкшие к неторопливому темпу езды каравана, так натёрлись и покрылись волдырями, будто он только что в первый раз сел в седло. Розторн и Эвви было не лучше, а Парахану, который провёл несколько лет во дворцах Уэй-шу пешком, было ещё хуже. Каждый вечер все четверо накладывали за свои мозоли мазь, и старались не жаловаться. Было слишком важно добраться до людей, которые были их друзьями в течение тех долгих зимних месяцев.

Розторн и Браяр также латали раны их спутников. Во время проезда вверх по перевалу их дважды отрезали янджингские солдаты, и им приходилось прорываться с боем. Рана с невольным уважением сказал, что эти янджингские воины были достойными противниками. Они видели Рана и его отряд во время их пути на восток, и ничего не сделали. Покинуте укрытие и напасть их заставили именно Розторн с её спутниками.

С каждым днём холмы вокруг них поднимались всё выше. Деревья росли прямо вверх, пытаясь урвать каждый луч солнца. Стало меньше широколистных деревьев, и больше сосен. Кустарник и трава цеплялись за более низкие склоны, где между рёбер нагого известняка, сланца и гранита паслись дикие козы и яки.

Душевному спокойствию Браяра в этой земле камня не способствовало то, что Эвви дважды обрушивала на атаковавших их янджингцев кучи камней. У себя в голове Браяр знал, что даже если скалы и кряжи, вздымавшиеся над дорогой, были нестабильны, Эвви перенаправит обвалившиеся камни, если те упадут. В сердце же своём он всё ждал, что на него упадёт тонна валунов. Если бы ему удавалось делать это без ведома Эвви, он отправлял завесу крепкого плюща ползти по любому месту, которое выглядело готовым обвалиться — просто на всякий случай.

В последний вечер их пути к базе Рана, Крепости Самбачу, после ужина Эвви вышла за пределы линии караульных. Сержант Кэнбаб побежала за Браяром.

— Люди преследовали её, пытаясь заставить её вернуться. Они не смели звать её, и постоянно спотыкались в темноте, — объяснила она, ведя Браяра к месту, где в последний раз видели его ученицу.

— О камни, — сказал он.

Ему не требовалось спрашивать.

— О камни, — согласилась Сержант Кэнбаб.

Она оставила его, когда он увидел бледный отблеск куртки из кожи яка, которую носила Эвви. Браяр следовал за Эвви, пока та не остановилась на берегу реки. Он попросил немного травы проклюнуться там, на случай если Эвви поскользнётся и свалится в ледяную воду. Она могла управлять камнями, но не землёй.

Когда он подошёл к ней, ему пришлось кричать ей в ухо. Она выбрала место прямо над несколькими речными порогами. Они грохотали в ночи.

— Что ты **делаешь?** — крикнул он. — Враг может быть рядом! И ты напугала часовых!

— Горы поют.

Как ни странно, её голос звучал идеально ясно.

— Не так, как поют янджингские певцы, или гьонг-шийские воины. Пение у меня в костях. Они поют о пещерах, и снеге, и стервятниках.

— Нет, спасибо! — крикнул Браяр. — Я уверен, это мило, ты, тупоголовый каменный маг, но сейчас мы идём обратно в лагерь! Готов поспорить, твои карманные камни будут тебе петь, если ты любезно их попросишь!

— Ладно, — сказала она, будто он попросил её покормить кошек.

Она взяла его под руку, и мирно пошла с ним обратно к походным кострам. Она даже попросила прощения у Кэнбаб и часовых. К тому времени, как они сели греться, Браяр дрожал. Эти горы были не такими, как те, что они видели прежде. Ей нравились пики и редкие ледники, но она не вела себя странно с самими горами. Он вспомнил о скелетах, не так давно шагнувших из скалы, и о знании того, что в Гьонг-ши такие вещи происходили постоянно. Эвви всю зиму дружила с камнями Гьонг-ши. Что если они переживут эту войну, а Эвви будет слишком спутанной с камнем и горами Гьонг-ши, чтобы уехать? Что он мог сказать ей такого, что сравнится с высочайшими горами в мире?

На следующий день рассвет едва коснулся реки, когда холмы на востоке закончились взмывающими ввысь скалами. Отряд покинул ущелье. Полмили спустя они нашли широкий мост, пересекавший Реку Снежного Змея. Они повернули на юг, и проехали по мосту, свернув с главного тракта. Более узкая дорога, следовавшая вдоль глубокого ручья, провела их к низкому, неровному холму, где у подножья гор Дримбаканг Лоу была построена Крепость Самбачу. К тому времени Браяр вёл пони Эвви на поводу. Её глаза не отрывались от взмывавших в небо пиков впереди. В ущелье холмы загораживали лежавшие за ними горы. Здесь Эвви увидела колоссальные снежные вершины, находившиеся между Гьонг-ши и Королевствами Солнца.

— Видишь эти три? — спросила у Эвви Кэнбаб, указывая на три самых близких горы. — Согласно поклоняющимся Ла Ни Ма, нашей богине солнца, эти горы — её мужа. Восточная — Ганас Ригьял По, Снежный Король. Западная — Ганас Газиг Ригьял По, Король Снежного Леопарда. А та, что посередине — Кангри Скард По, Говорящий Король Снежной Горы.

— Что это значит, «Говорящий Король Снежной Горы?» — спросил Браяр.

Он не был уверен, услышала ли Эвви это вообще.

Кэнбаб посмотрела на Браяра:

— Я думаю, что последователи посчитали, что он — самый общительный из мужей Королевы Солнца.

— В Живом Круге солнце — не королева, — пробормотала Эвви.

Кэнбаб улыбнулась ей:

— Но это — Гьонг-ши, дом многих верований. Тебе же говорили об этом, пока ты была здесь зимой. Говорят, что в одном только Гармашинг храмов больше, чем даже Бог-Король может сосчитать. Люди приезжают сюда, чтобы построить хотя бы один храм для своей веры, потому что наша страна ближе всего к небесам, и наши горы небеса подпирают.

— И почему люди хотя бы быть ближе к богам? — захотела узнать Эвви. — У меня Дома Шайхун творит с людьми ужасные вещи.

Кэнбаб бросила странный взгляд на Браяра.

— Шайхун — бог глубокой пустыни, — объяснил Браяр. — Это Крепость Самбачу, или храм?

— Это крепость, — подтвердила Кэнбаб. — Пусть эти нижнеземельные пресмыкающиеся нападут на нас там, и увидят, что получают!

Браяр вынужден был признать, что крепость выглядела многообещающе. Её холм и её башни давали обзор перевала, дорога и покрытой травой равнины на хорошее расстояние. Внутренние стены имели наклон внутрь, и выстраивались вверх по холму в виде ступеней, что позволяло стрелкам на более высоком уровне стрелять поверх голов тех, кто находился ниже. Вокруг внешних стен разбила лагерь армия пяти сотен или более палаток, демонстрируя знамена из алого, бирюзового и изумрудного шёлка.

Эвви взвизгнула, и натянула поводья, чуть не заставив свою лошадь встать на дыбы. Браяр мгновенно схватил уздечку её лошади, хотя при этом старался не слишком натягивать

поводья своего собственного животного.

— Пойдите! Пойдите! — крикнул Капитан Рана, подняв руку. — Всё в порядке! Это союзники, притом весьма желанные!

Кэнбаб положила ладонь на локоть Эвви:

— Если ты такая нервная сейчас, то что будешь делать, когда окажешься на войне? — спросила она. — Мы пока только готовимся. Настоящую опасность ты найдёшь в Гармашинг!

Парахан подъехал к Эвви:

— Это... это же флаги Комбанпура, но не моего дяди или отца. Что здесь происходит?

Он спешился, и вошёл в палаточный городок.

— Он нас догонит, — сказал Рана. — Идёмте. Генерал ждёт вас.

* * *

Оказавшись в крепости, они едва успели умыться и выпустить кошек в комнату, которую должны были делить Розторн и Эвви. Рана погнал троих путников по коридорам крепости к помещению для аудиенций Генерала Сэруго. Там вдоль одной из сторон длинного, потёртого стола сидели видные люди, с вездесущим чаем и чашками. Розторн, Браяр и Эвви наблюдали, как Рана подошёл к импозантной бронзово-кожей женщине в огненно-оранжевом пиджаке. Он передал ей отчёты, которые писал в пути каждый вечер.

А потом они увидели мужчину постарше, стоявшего справа от генерала, и полностью забыли про неё и про Рана. Эвви пискнула, и бегом обогнула угол стола, чтобы обнять Первого Посвящённого Докьи. Розторн и Браяр держали себя в руках лучше, но и они были столь же рады видеть старого мага.

— Эвумэймэй, где твоё чувство собственного достоинства? — спросил её последний наставник, похлопывая её по спине.

— У меня его нет, — сказала Эвви голосом, приглушённым тканью его одеяния.

Докьи поднял взгляд на Розторн и Браяра:

— Генерал Сэруго была достаточно любезна, чтобы позволить мне прочитать отчёты, полученные от Капитана Рана, — сказал он. — Я так понимаю, вам пришлось нелегко. Эвумэймэй, ты привезла своих кошек?

Она выпрямилась, негодуя:

— Конечно привезла!

Потом она увидела его улыбку, и осознала, что он её дразнит.

— Простите, Почтенный Посвящённый. Вы можете посетить их в любое время.

— Чуть позже, возможно. Я очень хотел бы снова услышать мурчание Монстра. Итак.

Докьи посмотрел на Розторн:

— Капитан Рана писал, что ты приехала нас предупредить, но как он уже говорил тебе, твоё предупреждение нам не потребовалось. Уэй-шу заключил тайные договора с Иншией и Кайаном, что освободило его армии, чтобы он мог вторгнуться сюда. Жадный он, не правда ли?

Розторн криво улыбнулась, и сказала Докьи:

— Можно и так посмотреть, Почтенный Посвящённый.

— Значит, это правда, что вы твёрдо намерены сражаться здесь? — поинтересовался

старик.

Розторн кивнула:

— После нашего пребывания в Зимнем Дворце — как никогда, — сказала она.

У неё свело живот. Её сердце тосковало по Ларк, но её ответ должен был быть тем, который она дала Докьи, и поэтому она взяла двух детей, и привезла их обратно в Гьонг-ши. После того, что им показали Уэй-шу и его двор, она обязана была сделать всё, чтобы их остановить. Император Янджинга был чудовищем в человеческом облике.

— Хорошо, — сказал Докьи. — У меня есть чрезвычайно важное поручение. Ты — лучший кандидат нашей веры из всех, кого я знаю, и кто способен его выполнить.

Он вышел из-за стола, и мягко взял Розторн за плечо:

— Прости меня. Я не намеревался позволять тебе идти навстречу опасности. Я не знал о том, что война вошла в наши границы, пока не узнал Бог-Король, и я не откладывал это поручение до тех пор, пока ты осталась единственной, кто мог его выполнить. Сначала я сам попытался с ним справиться. Неделю назад я вышел из Гармашинг. На каждый шаг, который я пытался сделать в южном направлении для этой задачи, появлялись янджингские войска, тесня меня на юго-восток. Прямо сюда, вообще-то, где я и нашёл тебя.

Он повернулся к Браяру:

— Для вас с Эвви уже несут еду, если вы присядете вон там.

Он кивнул на скамейку у стены.

— Я должен поговорить с Розторн наедине. А потом мы все сможем надлежащим образом пообедать.

— Она устала, — заявил Браяр. — Её дыхание...

— Я понимаю, — ответил Докьи. — Она будет сидеть, и я распоряжусь принести чай.

Розторн поймала взгляд Браяра. Когда она была уверена, что завладела его вниманием, Розторн подняла бровь. Это было предупреждением, и её мальчик это знал. Ему не следовало настаивать дальше. Он пристально посмотрел на неё, а потом повёл Эвви к скамейке, на которую указал Докьи.

— Он — верный сын, — сказал Первый Посвящённый, ведя её к боковой двери из генеральской комнаты для совещания. — Ты не жалела своей любви, поэтому он и сам не жалеет своей любви для тебя.

Она опустила голову и понадеялась, что он не заметил, как она покраснела. Они с Браяром редко говорили о своей привязанности. Они оба ещё в детстве на собственном опыте усвоили, что многие люди могли взять любую выказанную привязанность, и использовать её, чтобы забрать у них всё.

Докьи привёл её в комнату по соседству, которая похоже также была обставлена для совещаний. Он сел на скамейку у ближней стороны стола, и показал, что ей следует сесть рядом с ним. Здесь не было окон, и только две двери. На столе не было ничего, кроме кожаного рюкзака.

Докьи сделал жест, оставляя пальцами след из густого чёрного пламени. Они с Розторн мгновенно оказались заключены в сферу из теней, почти касавшуюся потолка комнаты. Внезапно Розторн, которая мёрзла всё время с тех пор, как покинула Куши, ощутила тепло. Она втянула свою собственную силу себе под кожу, чтобы не смешивать своё чувство растений с каменной магией этого великого человека.

— Твои дети не такие безмятежные, какими были до вашего отъезда в Янджинг, — сказал Докьи.

Розторн вздохнула:

— Нет, Почтенный Посвящённый. Император оказался более ошеломляющим, чем нам бы хотелось. Ты предупреждал нас об этом.

— Но мне всё же жаль, что я оказался прав.

Он помедлил, затем спросил:

— Розторн, ты всё ещё искренна в своих клятвах?

— Конечно, Почтенный Посвящённый!

— Как я уже говорил, я пытался сам справиться с этим, но как сильно бы я ни старался, я не мог ступить на дорогу к моей цели. Я не испытывал такого сопротивления моим делам с тех пор, как был посвящённым с десятилетним стажем.

Он очень аккуратно открыл рюкзак на столе, и опустил его кожаные края вокруг его содержимого. Внутри была большая коробка из древесины груши, в которой было четыре выдвижных ящика. На сторонах и на верхней части коробки были вырезаны символы.

Розторн сжалась от волн силы, которые, казалось, текли от коробки.

— Что это? — спросила она.

— Эта коробка содержит величайшие сокровища нашей религии, — тихо сказал он. — Живой Круг без них распадётся на части.

Розторн покрылась гусиной кожей.

Докьи коснулся маленькой золотой кнопки на самом нижнем ящике. Он аккуратно потянул, и три верхних ящика отделились. Ящики не были вставлены в коробку, они были сцеплены вместе.

— Посмотри, — тихо сказал он Розторн.

Содержимое самого нижнего ящика, или коробочки без верха, было завернуто в некрашенный шёлк. Робко, используя лишь кончики пальцев, Розторн развернула слои ткани сверху. Под ними лежала чаша. По безмолвному призыву Докьи, она взяла чашу, ахнув, когда магия потекла вверх по её рукам и через её вены.

Чаша была размером с её ладонь, и была сделана из обожжённой красноватой глины безо всякой глазури. Казалось, что из круглого, плоского основания чаши растут четыре извивающихся ветви, вырезанные из белого тополя. Само основание было прикреплено к тонкому гранитному кругу. Внешняя сторона глины была покрыта ещё какими-то незнакомыми ей вырезанными знаками, но внутренняя сторона была гладкой. Предмет был чрезвычайно простым, но у неё дрожали кости от скрытой внутри него силы. Ей как-то удалось осторожно поставить чашу обратно в ящик, и снова накрыть её.

— Почтенный Посвящённый? — прошептала она.

— Чаша Воды, — сказал он ей.

Он стал двигать три ящика на их место поверх чаши, пока Розторн не услышала тихий щелчок. Теперь он коснулся золотой кнопки на третьем ящике, и стянул два верхних ящика в сторону. Он жестом предложил Розторн убрать шёлк, скрывавший содержимое ящика.

— Нет, — сказала она.

Розторн всё ещё тряслась после прикосновения к чаше.

Хмурясь, Докьи повторил свой жест.

Розторн запустила дрожащую руку внутрь, и открыла содержимое ящика. Там лежал шар из прозрачного камня или хрусталя, внутри которого горело пламя, казалось бы без воздуха и без топлива.

— Возьми, — приказал Докьи.

Чувствуя, что она собирается отказаться, он приказал:

— Каждый хранитель должен держать их в руках. Возьми его!

Розторн закрыла глаза, и обхватила шар пальцами. Он был тёплым.

А потом ей стало невыносимо жарко, она горела в своей собственной коже. Она поспешно положила шар обратно, и выдула остатки своего чая. Это не остудило жар внутри неё. Она боялась говорить, ожидая, что выдохнет огонь изо рта.

— Пламя Огня.

Докьи накрыл шар шёлком, и сдвинул оставшиеся два ящика поверх него. Он указал на кнопку на третьем ящике.

Розторн посмотрела на него, и ахнула, прикрыв рот руками. Она увидела Докьи таким, какие она узнала его той зимой. Она также увидела возвышающееся дерево, взмывающий огонь и струю воды, терзаемые порывом ветра. Она не осмелилась возражать. Ей пришло в голову, что он был всем этим с самого начала, и она, посвящённый адепт Спирального Круга, даже не подозревала. Устыдившись своего неведения, она ткнула золотую кнопку пальцем, и позволила Докьи обнажить третий ящик.

Он содержал чашу из зелёного нефрита. В чаше лежали разнородные семена, большие и маленькие, и многие из них принадлежали растениям, которые Розторн никогда прежде не видела. Она почувствовала магию в каждом из них, когда пробежалась по ним пальцами, но боли не было. Либо она притерпелась, либо эта сила Земли относилась к ней более дружелюбно. Розторн подняла чашу, и осторожно вдохнула сухой запах семян, гадая, сколько им лет. Что бы она только не отдала, чтобы посадить некоторые из них!

Она аккуратно поставила чашу в её ящик, и накрыла её шёлком.

— Семена Земли.

Докьи вернул последний ящик на место над чашей, и кивнул Розторн. Она глубоко вдохнула, и коснулась золотой кнопки для сокровища Воздуха. Деревянная крышка ящика откинулась вверх.

Под своим шёлковым покровом лежало перо сразу всех цветов — и без цвета. Каждый раз, когда глаза Розторн двигались, она видела, как по поверхности пера пробежали разные оттенки разных цветов. Даже форма пера менялась, когда она подняла его пальцами. На неё навалился великий ветер. Вдалеке прогремел гром; рядом ударила молния. По коже всего её тела пробежала волна.

— Перо Воздуха.

Голос Докьи прозвучал успокаивающим рыком, когда Розторн накрыла перо, и вернула на место крышку.

— Теперь эти ящики откроются только для тебя. Это — четыре священных Сокровища Живого Круга. Другой подобной им красоты не существует. Это — воплощение всего, что мы ценим. Каждый храм, что мы строим, получает их касание, и они находятся в каждом храме. Пока они у нас, наша вера не падёт. Пока мы трудимся над нашим делом сохранения красоты мира, над поклонением ей всей в жизни и в смерти, эти Сокровища и другие благословения будут нашими. Но если они попадут в руки разрушителя — такого, как Уэй-шу, — наши храмы потеряют свою силу. Наша работа и наши люди будут осквернены. Сокровища должны быть спрятаны за пределами храма Живого Круга.

Розторн устало моргнула, глядя на него.

— Почему нет? — прошептала она.

Приливы тянули кровь в её венах и в её чреве. Другого рода прилив, горячий и

расплавленный, накатил на мозг в её костях и на её глаза. Она ощущала его долгое, медленное течение в бесчисленных милях у себя под ногами, под до смешного тонкой кожей, которая покрывала поверхность земли.

— Почему не... в другой храм Живого Круга?

— Первый Храм Круга в Гармашинг — единственный из наших домов, построенный для хранения Сокровищ, не выдавая их присутствие, — сказал ей Докьи. — Если бы я пробыл здесь, или в твоём Спиральном Круге, с этими ящиками дольше недели, то все ощутили бы их близость в воздухе, которым дышат, в огне, которым греются, в воде, которую пьют, и в земле у себя под ногами. Каждая частица магии в них будет стараться найти Сокровища и коснуться их. Они появятся во снах, в лужах воды, на поверхности металлов. Неделя или больше — и придут другие. Нет, здесь, в Гьонг-ши, для них есть только одно более безопасное место.

Розторн закрыла лицо ладонями. По её венам текла наполненная льдом вода. Под ней стаи птиц летели на юг, пока она скользила с одного ветра на другой.

Она не заметила, когда Докьи покинул комнату и вернулся с подносом, на котором были чай и пирожки. Она немного пришла в себя, когда он обернул её пальцы вокруг тёплой чашки.

— Выпей. Ты понимаешь, девочка? Ты отнесёшь их в Храм Запечатанного Глаза в Дримбаканг Лоу, на западе отсюда. Их жрецы — единственные, кто может прятать такие вещи так, чтобы никто другой их не почувствовал. На них не влияет власть, которую великие магии имеют над другими. Лишь посвящённый исключительной воли и силы может нести такую ногу. Лишь посвящённый с вескими причинами для возвращения может отнести Сокровища туда — и вернуться.

Розторн медленно подняла на него взгляд. Она готова была поклясться, что услышала, как Ларк попросила кого-то отозвать Комаса домой от ткацких станков.

— А если бы у меня не было таких причин?

— Выпей.

Докьи помог ей поднести чашку к её губам. После нескольких глотков она начала ещё больше приходить в себя.

— Ты стала бы жрецом Запечатанного Глаза. Как я тебе уже говорил, я пытался сам взять на себя эту ношу. Благодаря богам, полагаю, я потерпел неудачу. Ты же обязана добиться успеха.

Розторн осушила чашку, и поставила её на поднос.

— А что, если что-то случится со мной? — прошептала она. — Солдаты императора...

Она повернула голову. Вот — это был голос Нико. Он говорил о Трис, и о Лайтсбриджском Университете.

Докьи взял её за подбородок, и заставил посмотреть себе в глаза:

— Скоро ты перестанешь слышать звуки. К тебе их приносит ветер. Или, возможно, это живительная кровь всех растений, которые цепляются друг за друга корнями под поверхностью этого мира. Звуки утихнут. Слушай.

Его голос заставил её моргнуть.

— Я не ошибся в тебе, — с великим удовлетворением произнёс он. — Сперва они могут отвлекать. Но я знал, что принятие Сокровищ не сведёт тебя с ума.

— Но ведь кто-то из Гармашинг мог бы... — начала Розторн.

Затем она увидела сложность текстуры древесины стола. Она ощутила волокна в

волоконнах, и узоры внутри них. Она мягко провела кончиками пальцев вдоль завитков дерева. Если бы она достаточно сильно сконцентрировалась, то смогла бы проследовать вдоль них до дерева, у которого была взята древесина для стола.

— Ты не слушаешь. Один из моих посвящённых погиб, попытавшись взять коробку, второй потерял рассудок. Больше нет других посвящённых, имеющих одновременно силу для пути, и необходимость вернуться, Розторн.

Докьи говорил ей на ухо, чтобы она больше не слышала ничего другого.

— Только очень сильный маг может пережить **сразу** и Сокровища, и храм Запечатанного Глаза. Но **ты** — половина тебя идёт под солнцем, а вторая половина идёт в тени. В Храме Запечатанного Глаза тебе нужна будет тень.

— Что! — взвизгнула Розторн. — Это неправда! Я — растительный маг! Мне **нужен** солнечный свет, я под ним **процветаю**...

— Тогда **как ты смогла умереть и вернуться?**

Она открыла рот, вдохнула, и передумала говорить то, что собиралась. Вместо этого она выдохнула, и потёрла виски:

— Это долгая и трудная история.

— Значит я переживу бои, потому что хочу эту историю услышать. А пока, я — Первый Посвящённый веры Живого Круга, Первый Посвящённый **всех** храмов Живого круга, и твои клятвы покорности — клятвы **мне**. Мне нужно, чтобы ты это сделала, потому что если император, если любой злой человек заполучит эти Сокровища, они первым делом отравят наши храмы, а потом — весь мир. И не спорь больше!

Она склонила голову:

— Нет, Почтенный Посвящённый.

— Поешь чего-нибудь.

— Да, Почтенный Посвящённый.

Она взяла пирожок, и куснула его. Красная фасоль. Она терпеть не могла красную фасоль. Но всё равно съела пирожок.

Пока она жевала, Докьи объяснил:

— Через день или два Генерал Сэруго пошлёт войска на зачистку деревень между этой крепостью и Дримбаканг Зугу. Люди, живущие здесь, на юге, должны быть перемещены в безопасное место, если имперские армии доберутся сюда. Ты поедешь с солдатами до ответвления на дорогу к Запечатанному Глазу. Они будут тебя охранять.

— У нас с детьми будет проводник? — спросила Розторн.

Она откусила от другого пирожка. Этот был с густо приправленным мясом. Она стала вяло его есть.

Докьи покачал головой:

— Нет. Чем меньше людей об этом знают, тем лучше. Браяр и Эвумэймэй должны остаться позади.

Это пробилось через туман в её голове. Она выпрямилась:

— Докьи, нет. Я за них отвечаю.

— Браяр — мужчина, по местным меркам. О них с Эвумэймэй позаботятся другие. Ты не можешь взять их с собой.

Она вспомнила их беспокойные ночи на пути через перевал, когда она будила их обоих от страшных снов. Докьи вообще понимал, какой странный эффект горы оказывали на Эвви? Браяр был бдителен, но он не потратил годы своей жизни на возвращение юных магов.

— Ты забыл, какие они. Браяр кажется крепким, но он волнуется за меня до изнеможения. Эвви — всё ещё ребёнок. И горы тянут её. За ней надо внимательно наблюдать.

— Они не смогут тебя сопровождать. Я клянусь в этом. Нет, я не помешаю им, — сказал Докьи в ответ на её гневный взгляд. — Магия Запечатанного Глаза сама это сделает. Как только ты ступишь на путь к их храму, твои молодые люди потеряют тебя из виду на открытом месте. Этот их друг, этот Парахан, он будет их беречь. Или они могут остаться здесь, но ты должна отнести эти Сокровища в укрытое место!

Розторн склонила голову, чувствуя себя очень усталой:

— Я — действительно единственная, кто мог бы это сделать?

— Я — один из магов, защищающих Гармашинг, — ответил тот. — Я потратил драгоценное время, чтобы попытаться сделать это лично, и потерпел неудачу. Сейчас я нужен в столице.

— Ох. Прости меня, Почтенный Посвящённый, — прошептала Розторн.

У неё сжалось сердце. Браяр этого не поймёт. К несчастью, Эвви поймёт это даже слишком хорошо. Эвви ожидала, что все рано или поздно её бросят.

«Всё, что ты можешь — это доставить эту штуку, и поспешить обратно к ней», — сказала себе Розторн. «Возьми себя в руки, Нива!»

Она посмотрела на Докьи.

— Смотри, — сказал он, понимая, что она была готова слушать. — Этот рюкзак скроет Сокровища где-то на десять дней. Любой, кто заглянет внутрь, решит, что в нём лежит одежда. Положи Сокровища внутрь.

Он взял кожаный рюкзак, держа его раскрытым для Розторн. Сперва она не спешила их трогать, опасаясь того, что могут с ней сделать все Сокровища вместе, пусть и закрытые в своих ящиках и шёлковых обёртках. Когда она увидела гневный взгляд Докьи, Розторн ответила ему взаимностью, вытерла пальцы платком, который держала у себя в рукаве, и схватила коробку с боков. Ощущения были такие же, как от любой другой деревянной коробки, она была прохладной и гладкой. Розторн поместила её в рюкзак.

Докьи сноровисто завязал завязки и застегнул ремни, закрывавшие рюкзак. Закончив с этим, он поставил рюкзак на стол.

— Теперь ты должна взять из моего разума карту дороги к храму. Поэтому тебе не понадобится проводник. Если карта у тебя в голове, никто не может её украсть.

Розторн кивнула. Она уже творила подобные заклинания дважды, хотя они ей не нравились. Она закрыла глаза и нашла ядро своей силы, ту часть, которая чистой магией. Магия потекла в её руки и пальцы яростнее, чем когда-либо прежде. Она осторожно прижала свои пальцы к вискам Докьи.

Его магия Земли отозвалась. Она снова увидела ландшафт. Она знала, что это южный Гьонг-ши, чётко детализированный. Река Снежного Змея текла через скалы и низины, ныряя в ущелье. Крепость находилась прямо под ней, с армией, разбившей лагерь вокруг укреплений. Теперь она повернулась на запад, следуя за Рекой Снежного Змея в глубину страны. По обе стороны реки лежали деревни и храмы, посвящённые богам, которых она не узнавала. Она лишь однажды заметила храм Круга на севере долины. Его она узнала по четырёхцветному знамени на колокольне.

Когда Снежный Змей встретился с Рекой Том Шо, заклинание карты потянуло её на юг, в холмы, которые были лишь предгорьями массивных гор Дримбаканг Лоу. За первой линией

пиков магия потянула её сначала вдоль одного ущелья, потом вдоль другого. Наконец она нашла укрытое в тени место, куда должна была попасть, Храм Запечатанного Глаза.

Она убрала руки с головы Докьи.

— Мне нужно что-то сказать Браяру и Эвви, — пробормотала Розторн.

Она чувствовала себе странно, слегка дезориентированной.

— Где рюкзак?

Докьи дал его ей:

— Ты должна отдохнуть и плотно поесть. Судамини желает встретиться с тобой и поблагодарить тебя за спасение её брата.

Розторн моргнула:

— Суда-кто?

— Сестра-близнец Парахана стоит лагерем под нашими стенами вместе с войсками, которые она к нам привела. Её зовут Судамини.

— А...

Голову Розторн заполняли горы. Она встала, и покачнулась.

Докьи встал, и поддержал её за руку:

— Прости меня. Карта сложная. Учитывая ещё и Сокровища, ты слишком много взвалила на себя одновременно.

Он щёлкнул пальцами. Тёмная сфера вокруг них исчезла.

— Я могу лишь сказать в свою защиту, что мы все в отчаянии. Император застал Бога-Короля врасплох.

— Как плохо всё выглядит? — спросила Розторн, опираясь на Докьи, когда они вышли в коридор.

— Воины Судамини показали, что сильны не только числом. К нам приходили восточные и западные племена со своими шаманами, чтобы присоединиться к нашим армиям. Я не думаю, что они входили в планы императора, — объяснил Докьи. — И мы всё ещё ждём армии с северо-запада.

Он привёл её в какое-то место в крепости; Розторн не была уверена, куда именно. Закрывая глаза, она видела Бесконечный Океан и неизведанные земли далеко на западе от Эмелана. Она старалась не закрывать глаза.

Докьи отдал её двум женщинам-посвящённым, которые бережно взяли её за руки.

— Дайте ей поспать и поесть. Сделайте ей горячую ванну. Обращайтесь к ней со всем возможным почтением, — наставил их он. — И положите вот это среди её вещей.

К вялому удивлению Розторн, он небрежно передал рюкзак с Сокровищами самой молодой из двух посвящённых.

— Отдыхай, — сказал он, и поцеловал Розторн в лоб. — Увидимся позже.

Другая посвящённая повела Розторн в большую комнату. Розторн заметила там лишь кровать, устланную кошками Эвви. Пообещав себе, что впредь позволит Докьи уговорить себя разве что на рыбалку, и не более того, она повалилась в кровать.

* * *

Браяр и Эвви закончили перекусывать, и гадали, что же случится дальше, когда открылась главная дверь. Вошёл Парахан, обнимая одной рукой кого-то более низкого роста

и одетого в плащ и сапоги из кожи яка. Они болтали на языке, который Парахан часто использовал для сквернословия. Пока его спутник ждал приёма у генерала, Парахан подошёл повидать Браяра и Розторн, и стянуть у них парочку оставшихся колобков.

— Это кто? — потребовала Эвви, слегка ревнуя. Она видела, что друг Парахана был женщиной. Она имела носила свои чёрные волосы в виде длинной косы, закреплённой у неё на затылке, а вдоль её бровей каким-то образом шёл ряд маленьких рубинов. У неё также были большие золото-карие глаза, идеальный нос и полные губы. Глядя на неё, Эвви почувствовала себя замарашкой ещё сильнее, чем прежде.

— Это — моя сестра, — восторженно сказал Парахан. — Это Суда — Судамини! Она — ярая, а я — просто бездельник. Пошли слухи, что император может вторгнуться в Гьонг-ши в этом году, или в следующем, поэтому она прибыла из Комбанпура, чтобы предложить Богу-Королю свои услуги, и услуги её двух сотен воинов. Она услышала о том, что со мной произошло. Поэтому теперь у меня есть моя собственная одежда и оружие, потому что она готовилась ко всему, и мы идём воевать с Уэй-шу, если Бог-Король меня примет.

Действительно, Парахан был одет в свою собственную одежду: в куртку из красного шёлка, с вышитым на ней множеством птиц, штаны из синего шёлка, и хорошие сапоги для верховой езды. Он спросил:

— Где Розторн?

— Первый Посвящённый Докьи увёл её для разговора наедине, — сказал Браяр прислонившись к стене. — В ту комнату.

Он указал на дверь.

— Там происходит какая-то магия, но она за стеной, — добавила Эвви. — Мы даже одним глазком подсмотреть не можем.

— Я бы не стал подглядывать за магами, — сказал Парахан.

Затем он нахмурился:

— Она в порядке?

— Докьи — наш друг, — сказала ему Эвви. — Он её не обидит.

— Он — её, я не знаю, он — Первый Посвящённый Первого Храма Круга, — объяснил Браяр. — Это значит, что он как бы возглавляет все храмы Живого Круга в мире. А Розторн — посвящённая Живого Круга.

Парахан кивнул:

— Я понимаю.

— Может, он рассказывает ей, что ей на самом деле не нужно сражаться с императором, — предложила Эвви.

Она вздохнула:

— Хотелось бы.

— Принц Парахан, — позвала Генерал Сэруго.

— Прошу прощения, — сказал им Парахан.

Он подошёл к столу, и поклонился:

— Пожалуйста, Генерал, здесь я — лишь Парахан, солдат.

Сэруго оглядела его:

— Ну, лишь Парахан, возглавляющий сотню воинов Судамини, Бог-Король послал мне насчёт тебя сообщение.

— Но Бог-Король меня не знает, — с опаской сказал Парахан.

— За все мои годы службы Гьонг-ши я научилась никогда не пытаться угадать, чего Бог-

Король знает, а чего — нет, — ответила генерал. — Он говорит, что ответ на твой вопрос — «да», работу ты получишь. Ты можешь начать здесь, на юге. Вы с Судамини направитесь на запад с двумя из моих капитанов. Уведите как можно больше жителей деревень в крепости между этим местом и Храмом Змей на Реке Том Шо.

Эвви увидела, что Генерал Сэруго показывает Парахану дорогу по лежавшей на столе карте.

— С этими же самыми войсками ты можешь потом направиться на север. У тебя есть моё разрешение рубить каждый безбожный кусок янджингского корма для червей, который встанет между тобой и столицей.

— А куда мы денемся? — шёпотом спросила у Браяра Эвви.

— Туда, куда скажет Розторн, — уверенно ответил он.

Эвви не была так уверена. У Докьи были планы на Розторн. А что, если они не включали в себя её или Браяра? И теперь, когда они были в помещении, с толстыми стенами между ней и опасностью, она вдруг почувствовала себя слишком усталой, чтобы вставать. Она ощущала себя так, будто долгие месяцы вытягивала камни убийцам из-под ног. Она годами мёрзла ночью от холода. Она снова была голодной, напуганной. Здесь, в этом месте, было комфортно. Горы пели ей даже сквозь стены. Зачем им было уезжать? Пусть с императором разбираются солдаты.

* * *

Они проспали большую часть того дня, потом помылись и переоделись в чистое. Эвви познакомилась с кошкой Судамини. Парахан познакомил свою хриплоголосую сестру-близнеца с людьми, бывшими его спутниками на дороге в Гьонг-ши. Когда Суда узнала, что Эвви и Браяр освободили его от оков, она настояла на том, чтобы прижаться лбом к их ладоням, что заставило Эвви и Браяра заволноваться, хотя и по разным причинам. Её заморозил рассказ об их путешествии и их сражениях вдоль Реки Снежного Змея.

Серьёзный разговор случился в ту ночь за ужином с Докьи, близнецами и Генералом Сэруго. Обсуждение имперских солдат на Перевале Снежного Змея прошло гладко, как и обсуждение планов по перемещению жителей деревень в безопасности вдоль Реки Снежного Змея. А потом Розторн начала объяснять свои планы.

— Нет! — воскликнул Браяр. — Это самая тупоголовая идея, которая **когда-либо** приходила тебе в голову! Ты не можешь!

Он зыркнул на Докьи:

— Найди кого-нибудь другого. Посмотри на неё! Она вымотана! Я не позволю тебе на это пойти!

— Такой непослушный ребёнок, — заметила Сэруго, с подозрением поглядывая на свои пакоры — колобки в форме шариков.

Камбанпурские повара, прибывшие с Судой и её войсками, готовили ужин в честь возвращения Парахана.

— Я не ребёнок! — огрызнулся Браяр.

Докьи попытался, без особого успеха, прикрыть свою улыбку пальцем:

— Значит, такой непослушный ученик.

— Я и не ученик! Точно! Я — самостоятельный, сертифицированный, и она не может

мне больше говорить, идти мне или оставаться. Ей тут даже дышать трудно!

— Вообще-то, я чувствую себя лучше, — сказала Розторн.

Она сделала глубокий вдох, и подняла брови:

— **Гораздо** лучше.

Она съела всё, что перед ней поставили, и брала добавки.

— Ноша, которую я тебе передал, даёт некоторые преимущества, — сказал Докьи, но взгляда от Браяра не отрывал. — Я не буду сообщать тебе мой возраст, потому что я тщеславен. Однако я старше, чем кажусь, и сильнее благодаря её влиянию. Розторн достаточно здорова для любых испытаний, которые земля ей может устроить, молодой человек. И ты не в том положении, чтобы ставить под вопрос долг, который ей вменяют её клятвы.

— Хватит, — сказала Розторн, когда Браяр снова раскрыл рот. — Больше **ни слова**, понял?

Какое-то время все молча пили чай. Потом Эвви сказала:

— Мои кошки больше не вынесут переездов. После сонных трав и бега вслед за нами, они не очень хорошо выглядят. Я и сама подустала.

Она потёрла край стола подушечкой большого пальца.

— Может, мы тут останемся? Я могла бы помочь защищать эту крепость, и кошки будут в порядке. Это горная крепость. Тут есть камни, которые я могу использовать, большие камни. Может быть, Розторн и Браяр смогут сделать ещё шипов, и перекрыть дорогу к перевалу.

— Это — **замечательная** идея, — неожиданно произнесла генерал.

Все в шоке посмотрели на неё:

— Неужели? — спросила Розторн.

Сэруго улыбнулась:

— Я поведу войска на северо-восток вдоль Дримбаканг Шарлог, — объяснила она. — Парахан и Суда получают два отряда моих людей помимо их собственных двух сотен, чтобы поехать вдоль Дороги Снежного Змея на запад. Нам всем нужно увести жителей в безопасное место и сразаться с любыми имперцами, которые заберутся так далеко на юг. Но отряд Капитана Рана останется командовать здесь, чтобы защищать перевал и местных жителей. Преграда из шипов облегчит Рана эту задачу. Тогда тем путём янджингские солдаты больше не пройдут.

Розторн нахмурилась.

Браяр криво улыбнулся:

— Я не думаю, что вдоль Снежного Змея в ближайшее время будет идти хоть какая-нибудь торговля, Розторн, если ты из-за этого хмуришься. Перекрытие перевала никому не повредит.

Она медленно кивнула:

— Значит, шипы мы сделать сможем. Я поеду с Параханом и Судамини до Реки Том Шо, если только они не замедлятся слишком сильно, когда будут предупреждать деревни и храмы.

— А я поеду с тобой, поскольку Эвви будет тут уютно как вше в подмышке, — радостно заявил Браяр.

Судамини подавилась своим приправленным карри рисом.

— Браяр! — воскликнула Розторн. — Где твои **манеры**?

— В той же поганой дыре, где ты оставила свои долбаные мозги, когда сказала, что уедешь без меня! — крикнул в ответ Браяр, вскакивая на ноги.

— Мальчик, ты не можешь поехать с ней в Храм Запечатанного Глаза, — сказал Докьи. — Это не дозволено.

Браяр уставился на Докьи, раскалившись добела от ярости, гадая, следует ли ему сказать старом рукомашцу, куда он может засунуть своё дозволение.

Бокьи встал, и подобно камню положил Браяру на плечи свою руку.

— Давай-ка обсудим это снаружи, — покладисто сказал он.

«Я даже не из числа его драгоценных посвящённых!» — негодуя подумал Браяр. Он не стал спорить. В тот момент пребывание в такой близости от старика было сравнимо с пребыванием рядом с Розторн, когда она была в глубинах своей магии — но мощнее, как камень.

Снаружи, закрыв дверь, Первый Посвящённый отпустил его. Он тихо сказал:

— Я знаю, что ты находился под большим давлением с тех пор, как приехал в Янджинг.

— И? — потребовал Браяр.

Свой голос он тоже не повышал. Он тоже не хотел, чтобы Розторн услышала.

Докьи скрестил руки на груди:

— Я отдаю должное твоей заботе о ней, Браяр, но сейчас это — то, что может сделать лишь она, и речь идёт о выживании очень многих. Она хотела, чтобы ты поехал с ней, но это на самом деле совершенно невозможно. Если любишь её — помоги ей, а не мешай.

— Неужели больше никого нет? — прошептал Браяр.

Докьи покачал головой:

— Эта задача требует исключительного исполнителя. Она — такая. Не делай исполнение её долга ещё более болезненным.

Он зашёл обратно в комнату для ужина, оставив Браяра думать и пинать стену в одиночестве. Когда он вернулся на своё место, Эвви говорила:

— У императора полно сокровищ. Ему не нужен Гьонг-ши. Земледелие здесь идёт не очень хорошо. Что ему вообще могло здесь понадобиться?

Докьи покачал головой, улыбаясь:

— Но он **не является** сердцем мира. Он слышит, что Гьонг-ши — ось, вокруг которой вращается мир, но не понимает этого. Он думает, что если завоюет Гьонг-ши, то люди будут говорить, что ось — это он.

— Он думает, что Гьонг-ши означает богатство, и магию, — объяснила Генерал Сэруго. — Он думает, что люди строят здесь храмы для того, чтобы быть ближе к магии. На самом деле, они приходят сюда, чтобы быть ближе к небу, где живут боги. Когда наш посол напомнил ему о том, что пять священных рек, кормящие сотни тысяч, начинаются здесь, он лишь заметил, что это интересно.

— Нельзя позволять ему взять контроль над нашими храмами, или трогать дары наших богов, — сказал Докьи. — Он сделает то, что сделал с каждой страной, которую покорил. Он заберёт её сокровища, и уничтожит все следы её истории. Вот, как император поступает со своими покорёнными народами.

Эвви уставилась на него, широко раскрыв глаза. Браяр зыркнул на него за то, что он её напугал, и приобнял Эвви рукой.

Какое-то время они молча ковырялись в тарелках, пока наконец Парахан не сказал:

— Знаете, я бы хотел взять Браяра с нами.

Обращаясь к Судамини, он сказал:

— Тебе надо увидеть, что вот этот товарищ может сделать с горсткой семян, Суда.

— Правда? — спросила она.

Эвви кивнула:

— Многие солдаты императора не будут погребены со своими предками благодаря тому, что может делать Браяр.

Суда озорно улыбнулась Браяру:

— Впечатляет.

Браяр посмотрел на неё. Сестра-близнец Парахана была на пару дюймов ниже Браяра, и имела приятную фигуру. Сейчас она носила свои иссиня-чёрные волосы в виде сложным образом завитых косичек, закреплённых золотыми булавками. Озорные ямочки на щеках подчёркивали её губы. Браяр первым готов был признать, что всегда западал на ямочки.

— Поезжай с нами, и найди янджингских псов, с которыми можно было бы сразиться, — предложила Суда. — Покажи мне эти твои навыки. *Прэбу* всегда рады.

Браяр посмотрел на Парахана, сбитый с толку незнакомым словом.

— *Нанишур*, — объяснил Парахан на тийон.

— Мы замечательно проведём время, решая, на каком языке говорить, — пробормотала Суда.

Браяр засунул руки в карманы, чтобы дать себе секунду на размышление. Если он поедет с близнецами, то по крайней мере сможет присматривать за Розторн на первой части её пути. Ему было видно, что Эвви была вымотана. Ещё была эта её неэввиевская прострация, когда она глазела на громадные горы. Возможно, если она останется здесь на какое-то время, чтобы кормить своих кошек и отдыхать, то она привыкнет к высоким пикам, и снова станет собой. При перекрытом перевале и бродящим в двух направлениях армиях Гьонг-ши крепость должна была быть ей надёжным убежищем.

Ему не нравилось об этом думать, но возможно, что Докьи тоже был прав. Присмотр за Розторн до тех пор, пока она не покинет близнецов, отправившись в этот странный храм — скорее всего это весь апельсин, который ему удастся заполучить. Половина фрукта — лучше, чем вообще ничего. Если повезёт, он найдёт её, когда она вернётся после выполнения своего странного поручения. Он сможет почувствовать её, когда она спустится с гор: сами травы под её ногами ему сообщат.

Он бросил взгляд на неё. Она на самом деле съела всё, что было у неё на тарелке. Цвет её лица был лучше, чем был с того времени, как они покинули Торговцев.

— Тебе нужно идти спать, если мы скоро снова отправимся в путь, — угрюмо сказал он.

Браяр посмотрел на Докьи, Парахана и Судамини:

— Мы не можем подождать ещё день?

— Вы подождать можете, — сказал Докьи. — Я же уезжаю в полночь.

— Один?

— Одному лучше, — сказал Докьи. — Суда, я ведь **являюсь** Первым Посвящённым храма Земли Первого Храма Круга. Полночь и тьма — мои начала. Я буду в порядке.

Он встал, и подошёл к Розторн:

— Не жди дольше одного дня. Новая магия придаст тебе сил по дороге, и император уже выдвинулся. Удачи и благословения богов тебе, дочь моя.

Он поцеловал Розторн в лоб, и посмотрел на Браяра:

— Если всё пойдёт хорошо, то скоро мы снова встретимся.

Когда он вышел из комнаты, Парахан, Судамини и генерал пошли следом, чтобы задать свои собственные вопросы. Как только дверь за ними закрылась, Розторн разразилась тирадой, от которой у Браяра увяли уши.

На следующий день Браяр встал на рассвете, проведя ночь в кошмарах, где Розторн и Эвви были в руках имперских палачей. Вместо того, чтобы возвращаться ко сну с риском увидеть ещё сны, он позаимствовал с разрешения девушки-конюха кобылу, и выехал из крепости.

Он думал поехать вверх по холму, но вид трёх высившихся над ним гор-мужей Королевы Солнца вызывал у него неприятное ощущение замкнутого пространства. Вместо этого он поехал вниз, мимо палаточного городка, где размещалась большая часть армии, по мосту через Реку Снежного Змея, и выехал на покрытую травой и кустарником Гнам Рунга. Свет на небесах имел жемчужный оттенок, и исходил будто бы отовсюду на востоке. Солнцу понадобится ещё какое-то время, чтобы подняться над вершинами холмов и гор в том направлении.

Его лошадь испугала пару фазанов, которые отогнали лошадь и её седока от того, что на проверку оказалось парадом пищащих птенцов. Снежные вьюрки, трясогузки и жаворонки также высказали своё мнение о всаднике и его лошади, когда распорядок их дня был нарушен. Браяр не был уверен, но эти мнения звучали очень похоже на птичьи оскорбления. Он поискал в небе знаменитых гьонг-шийских сарычей и степных орлов, но их не было видно.

— Слишком холодно, — сказал он кобыле.

Он мрачно добавил:

— Или они там, где идут бои. Там им будет полно еды, хватит на всех падальщиков в Гьонг-ши.

Обычно он не возражал, если кто-то что-то ел, поскольку сам часто голодал первые одиннадцать лет своей жизни, но было трудно желать сарычу удачи на поле боя.

Когда он больше не смог видеть деревню на восточных холмах или крепость на южных, Браяр спешился, и отпустил поводья кобылы. Лошадь, крепкой породы, выведенной для разряжённого горного воздуха, начала пастись. Браяр пошёл вперёд, пока из звуков вокруг него не остались лишь свист ветра в траве и оскорбления маленьких птиц.

Кто-то как-то сказал ему, что Гнам Рунга означало «Небесный Барабан». Это была обширная равнина между Дримбаканг Лоу и Дримбаканг Зугу, длинной горной грядой, выходящей из южных гор и огибавшей столицу, Гармашинг. Враг нацеливался на эту широкую равнину, где его генералы могли хорошо воспользоваться своими катапультами. Сначала им придётся сражаться с армией императора на севере, и с племенами Дримбаканг Шарлог — у восточных перевалов. Никто не хотел, чтобы имперские армии собрались на Гнам Рунга.

Браяр бы предпочёл сражаться в каньонах, где он мог воспользоваться деревьями, но ему достанется только равнина — сначала, когда он поедет на запад с Параханом и Судой, и позже — когда они поедут к Гармашинг. Трава была перевитой и крепкой. Она сопротивлялась его вторжению так же, как сопротивлялась смерти зимних морозов.

— Я друг, — сказал он ей. — Я просто хочу познакомиться с землёй. Пропустите меня

немного вниз.

Он распустил свою магию по растительности. Там и тут были участки голой земли, но он чувствовал проходившие под ней корни растений, питаемые сочащейся из далёкой реки влагой.

Травы задрожали, и подались в стороны.

— Благодарю, — серьёзно сказал им Браяр. — Вы очень сильные. У этих трав из нижних земель не было бы против вас никаких шансов.

Эти травы презирали жирные, напитанные водой растения из-за гор. Только здесь, рядом с небом, они могли дотянуться до бесконечности.

Браяр покачал головой, и огляделся. Неподалёку лежал ряд валунов. На них яркими цветами в белых контурах были нарисованы изображения: многоглавый бог, обвившаяся вокруг самой себя в виде причудливого круга змея, богиня верхом на звере с увенчанными звёздами рогами, носящий корону паук. Он уже не первый раз видел такие изображения на камнях. Тогда, как и сейчас, он задумывался, кто вообще озаботился их рисованием, и зачем. На Перевале Снежного Змея их не было. Теперь, когда он об этом задумался, Браяр вспомнил, что на Перевале Ледяного Льва, через который они проехали на пути в Дохан, тоже не было этих изображений. Рисовавшие их люди будто бы не желали делиться ими с иностранцами.

Покачав головой на эту мысль, вероятно бывшей остатком его кошмаров, он зачерпнул горсть земли. Трава сомкнулась на пространстве, которое она ему прежде освободила. Браяр поблагодарил её, перетирая землю между ладонями, чтобы прочувствовать её. Если он собирался сражаться на этих равнинах, то ему нужно было понять своё поле боя. Поездку обратно в Крепость Самбачу он провёл, вдыхая запах этой земли, катая её в пальцах, и осыпая ею свои щёки. Наконец он смыл её с себя в речушке, протекавшей мимо лагеря. К тому времени он понял землю Гнам Рунга и то, что росло на ней, хотя камни с их изображениями остались загадкой.

Земля была очень молодой и энергичной, вытолкнутой вверх той же силой, которая создала сами Дримбаканги. Та же молодость наполняла корни и стебли всего, что росло на ней, делая растительность более склонной выполнять то, что он — или Розторн — могли попросить.

По возвращении в крепость он как раз обдумывал открывавшиеся ему возможности, когда солдат в броне Королевств Солнца привлёк его внимание, и сообщил ему о том, что Их Высочества Парахан и Судамини желали его общества за завтраком. К тому времени, как Браяр покинул Парахана и Суду, они оснастили его для любого боя, в который они могли ввязаться по ходу эскортирования жителей деревень под защиту храмовых крепостей. Теперь ему были отведены три лошади, дополнительные рюкзаки, палатка, бронированный камзол, перчатки для верховой езды, кожаные штаны для верховой езды, и бронированная шапка, украшенная бронзовыми орлиными перьями. У него также был низкорослый, пузатый всадник по имени Джимут, которому наказали заботиться о лошадях и палатке Браяра, и даже о самом Браяре.

Они с Джимутом только успели сложить всё это в комнате Браяра, когда в дверь постучала Розторн. Браяр едва мог поверить в то, что увидел, когда открыл дверь. Розторн выглядела свежее и ярче, чем была последние пару лет. На её коротко стриженных волосах появился дополнительный блеск. Даже естественный алый цвет её губ приобрёл давно потерянную яркость.

— Ты на что уставился, мальчик?

Её голос стал громче и чётче, как если бы у неё было больше дыхания в лёгких. Браяр забылся, и обнял её. Она его оттолкнула:

— Да что на тебя нашло? Не думай, что я простила тебя и твою грубость по отношению к Первому Посвящённому Докьи прошлым вечером!

Браяр осклабился:

— Мне это даже в голову не приходило, — заверил он её.

Розторн посмотрела на Джимута:

— А это кто?

— Джимут, это моя наставницы, *нанишур* Розторн, — сказал Браяр.

Ему повезло, что Суда нашла человека, говорившего на *тийон*, поскольку на банпурском он знал лишь несколько слов.

— Она поедет с нами.

Джимут сложил ладони перед лицом, и низко поклонился Розторн. Пока они шли в крепость, Браяр попытался объяснить ему, что было важно вести себя с ней вежливо.

— Что бы он тебе ни рассказал, я — гораздо хуже, — сказала Розторн.

Джимут поклонился, не разнимая ладоней.

Розторн хмыкнула, и посмотрела на Браяра:

— Бери шарик с семенами и зелье для сильного роста, — приказала она. — Капитан Рана уже подготовил лошадей и охрану. Мы перекроем перевал.

— Могу я присоединиться? — спросил Джимут. — Если я должен прислуживать *Нанишур* Браяру...

Браяр вздохнул:

— Просто «Браяр».

Он уже дважды говорил это Джимуту.

— То мне следует использовать каждую возможность, чтобы привыкнуть к такого рода магии, — вежливо продолжил Джимут.

— Против этого я не возражаю, — сказала Розторн. — Только Браяр, ты не мог бы поторопиться? Нам нужно их укоренить глубже, чем обычно, и я хочу поскорее с этим закончить.

— Эвви? — спросил Браяр.

— Она говорит, что предпочитает принять ванну. Она уже видела, как мы это делаем.

Они вышли вместе с Розторн за дверь до того, как она начала брюзжать. Она ничего не сказала, приняв удалённое, задумчивое настроение, когда они присоединились в конюшнях к Сержанту Кэнбаб и отряду из десяти солдат.

Проезжая мимо лагеря, они увидели, что все уже встали, и занимались полировкой брони, заточкой оружия, связыванием арбалетных болтов и укладкой рюкзаков. На открытом пространстве между палатками и рекой стрелки упражнялись в стрельбе, а копейщики и мечники бились парами под присмотром своих командиров. На равнине кавалеристы заставляли своих скакунов прыгать через препятствия в унисон. Начали прибывать беженцы: они несли с собой детей и скарб, или тащили их в повозках и на спинах мулов и яков, поднимаясь вверх, к крепости.

Когда они достигли узкого места на перевале, где дорога входила в речное ущелье, Розторн вышла из своего глубокого молчания:

— Сержант, отведи своих людей за ту скалу, — крикнула она поверх рёва бегущей

реки. — Не могли бы вы поддержать наших лошадей, пока мы не закончим?

Кэнбаб кивнула, и жестом приказала своим людям взять животных, пока Браяр, Джимут и Розторн спешили. Джимут остался позади, когда маги пошли в узкое место, где холмы были ближе всего к дороге.

Задача была легко выполнима. Браяр окропил зельем сильного роста шарики семян в руках у них обоих, но семена уже подрагивали до того, как их коснулась жидкость. Они впитали бодрость и быстрый рост других семян, которые Браяр и Розторн использовали, пробиваясь к крепости. Теперь Розторн потребовалось лишь шепнуть, чтобы они прыгнули на землю. Ткань разорвалась, разбрасывая повсюду семена. Растения вломили корни в землю, и уже начали расти, когда Розторн и Браяр пошли вперёд со своими флягами с водой. К тому времени, как они опустошили фляги над разбросанными семенами, лозы выросли им по щиколотки. Зелёные плети не пытались схватить двух магов, но они были единственными людьми, которых лозы оставляли в покое. По мере того, как лозы росли и выбрасывали новые ветви, на нижней части их стеблей прорастали шипы длиной в дюйм. Их разнообразные бутоны раскрывались и цвели, потом взрывались, разбрасывая вокруг ещё больше семян.

К тому времени, как показались первые цветы, Розторн и Браяр отступили на чистое пространство рядом с Джимутом. Всем было видно, что зелёные стебли ползали по всему пространству между взбиравшимися на холм камнями и рекой. Было слышно, как лепестки и листья раскрываются, и как толстые стебли сплетаются со своими соседями.

Кэнбаб, которая по крайней мере видела что-то подобное раньше, протянула Розторн свою флягу. Та отхлебнула чая с маслом, поморщилась, и передала флягу Браяру. Он сделал два больших глотка, поскольку уже приновился ко вкусу этого местного напитка, и вернул флягу Кэнбаб вместе с тихими словами благодарности. Он не отрывал взгляда от барьера, прощупывая его своей силой на предмет любых слабостей. Розторн оставила это на него, как незамысловатую работу, которой следовало заниматься молодому магу.

— Враг сможет прорубиться через лозы? — поинтересовалась Кэнбаб.

— Да, с помощью достаточно острого меча или алебарды, — рассеянно сказала Розторн.

Браяр осклабился:

— А потом стебли отрастут обратно в три раза быстрее. И они будут искать того, кто их рубил, и прорастут прямо сквозь него.

— Или вокруг, — пробормотала Розторн.

— Или вокруг, — согласился Браяр. — И снова вокруг, и ещё раз вокруг.

— И император поймёт, что это сделали вы, — сказала Кэнбаб.

Розторн и Браяр переглянулись.

— Пусть, — сказала Розторн.

Барьер достиг толщины в два фута, и высоты — в три. Шипы карабкались по склону холма, и тянули стебли за собой. Корни выстреливали из стеблей, впиваясь глубоко в каменистую землю. Новые цветы рассеивали семена, падавшие на землю рядом с густо переплетёнными стеблями.

Браяр хотел поговорить с Розторн. Она наблюдала за барьером, пока тот не вырос на дороге в четыре фута высотой и пять футов шириной, и вскарабкался на десять футов вверх по склону холма. Никакая лошадь, никакой мул, верблюд, як или человек не сможет пройти между барьером и рекой, не потеряв кожу, или между рекой и скалами, шедшими вдоль

дальней её стороны. Они оба знали, что шипы будут продолжать расти несколько дней, сделав боковые склоны холмов на северной стороне дороги непроходимыми пешком или верхом. Никто не въедет и не выедет из Гьонг-ши, пока Докьи, Сэруго, или те, кому доверили открывающее заклетье, не придут, чтобы снова расчистить перевал.

Браяр бросил взгляд на Джимута, чья тёмно-коричневая кожа посерела:

— Джимут, в седло, — сказал он всаднику. — И глотни чего-нибудь, пока не упал в обморок.

— Я никогда не падаю в обморок, — сказал Джимут, но к своей лошади шёл покачиваясь.

Один из солдат подержал поводья скакуна. Джимуту потребовалось сделать две попытки, прежде чем он взобрался в седло.

— Пойдёт, я думаю, — сказала Розторн, отворачиваясь от того, начало чему они положили.

— Хорошо, — сказал Браяр. — Я хочу завтракать.

* * *

К полудню Генерал Сэруго и две сотни её воинов уехали, направляясь на северо-восток, чтобы предупредить деревни, и увести людей под защиту в храмовых крепостях. Браяр, Розторн и Эвви провели послеполуденную часть дня с Параханом и Судамини, играя с кошками, наблюдая за упражняющимися войсками, читая карты бассейна Гьонг-ши и отказываясь говорить о любых мрачных вещах. На ужин устроили грандиозный пир в стиле Королевств Солнца. Капитан Рана и его отряд были приглашены в качестве благодарности за то, что привезли Парахана в Гьонг-ши к его сестре. На пиру были жонглёры, танцоры с мечами и огнём, и музыка из Королевств и Гьонг-ши. Под конец Парахан отнёс Эвви обратно в её комнату в крепости. Она заснула, сидя у огня. Кошки, привычные к таким вещам, последовали за ними.

Эвви проснулась, когда Парахан опустил её на пол, чтобы открыть её дверь. Поскольку она уезжала на рассвете, Розторн перенесла свои вещи вниз, в лагерь. Теперь комната была в полном распоряжении Эвви. Парахан завёл её внутрь, придерживая её одной рукой.

— Ты придёшь утром, чтобы попрощаться с нами? — спросил он, пока она возилась с едой для мяукающих кошек.

Эвви покачала головой:

— Не люблю прощания. Они приносят неудачу. Мне и так уже достаточно стыдно из-за того, что я не буду сражаться.

Она села на свою кровать, скрестив ноги.

— Ты помогла в боях на пути сюда, — сказал ей Парахан. — И ты можешь понадобится Рана для защиты этого места. Просто береги себя и своих кошек, чтобы у меня были друзья, к которым я мог бы вернуться. Обещаешь?

— Ладно. Обещаю.

Эвви схватила Парахана за рукав:

— А ты, присмотри за Браяром и Розторн? Настолько, насколько они тебе позволят.

Она почувствовала, как сильно дрожат её веки и губа.

Эвви отвернулась, и зарылась лицом в подушки. Она подняла голову и вытерла

увлажнившиеся глаза рукавом, когда услышала звук закрывшейся двери.

В тот день, после полудня, она поместила в находившееся в комнате святилище свою статуэтку Хэйбэя, янджингского бога удачи. Теперь же она использовала один из углей из очага, чтобы зажечь палочку благовония. С помощью неё она зажгла ещё две палочки в уже стоявшем в святилище сосуде, и оставила свою там же. Сложив ладони, она поклонилась, и молча помолилась пухлому, улыбчивому богу. Она знала, что Парахан, Суда, Докьи и Розторн не молились Хэйбэю, но не думала, что бог будет против, и Браяр всегда говорил, что он готов был принять помощь откуда угодно. Эвви не была уверена насчёт богов Генерала Сэруго, но упомянула и её тоже. Она слышала от воинов Капитана Рана, что солдатам никогда не мешает внимание дружественного бога.

Помолившись Хэйбэю, Эвви повернулась в сторону мужей Королевы Солнца. Она точно знала, где за крепостью высился каждый из горных пиков. Теперь, в тишине своей комнаты, когда кошки без суеты устроились на кровати, ей даже показалось, что она слышит голоса гор. У одной из них был особо добрый и мелодичный голос — низкое, раскатистое гудение. Она попыталась скопировать его у себя в груди, потянувшись к этому магическому звуку. Она всё гудела и гудела, делая из этого что-то вроде молитвы, молитвы к мужьям Королевы Солнца, чтобы они присмотрели за её друзьями.

Джимут поднял Браяра в до боли ранний час, чтобы помочь ему надеть его новый полудоспех. Браяр самостоятельно нацепил перевязь со своими семенными шариками и другие аксессуары, не желая, чтобы его помощник привыкал к обращению с его экипировкой мага. На завтрак был горячий хлеб, фаршированный пряным мясом и рисом — его можно было есть, пока солдаты разбирали и упаковывали его палатку. Он пил горячий чай с Розторн, Параханом и Судамини, никто из которых похоже не верил в разговоры до рассвета. Он был уже на второй чашке чая, когда Розторн нагнулась, и подняла странный рюкзак, который получила двумя днями раньше от Докьи: та штука, которую она должна была отнести куда-то, куда Браяру ходу не было. Розторн закинула его себе на грудь, взамен своей собственной перевязи со смертоносными растительными магиями, и с задумчивым видом провела по нему пальцами.

Браяр нахмурился.

— Не начинай снова суетиться.

Она посмотрела ему в глаза:

— Я заботилась о себе задолго до того, как мы с тобой познакомились.

— И носила что-то вроде этого?

Он постучал пальцем по рюкзаку.

В следующий миг он обнаружил, что лежит, растянувшись на земле. У него звенело в ушах и в голове. На его лбу лежало что-то холодное и мокрое. Небо над ним было цвета серого шёлка.

Розторн нагнулась над ним, грустно глядя своими карими глазами:

— Я понятия не имела, что оно тебя так оттолкнёт, — сказала она. — Я бы предупредила, честно.

Парахан встал рядом с ним на колени:

— Ты в порядке? — спросил он. — Была вспышка, и ты пролетел по воздуху.

Он посмотрел на Розторн:

— Мы предупредим войска, чтобы они держались подальше от тебя и твоей ноши.

Она кивнула.

Браяр вдохнул, и кашлянул. Розторн помогла ему сесть. Джимут встал рядом с ним на колени, протягивая ему флягу. Браяр помедлил, затем отпил. Это была холодная вода.

— Спасибо, Джимут. Я верю, что ты бы мне сказала, — обратился он к Розторн. — И ты думаешь, что ты с этой штукой в безопасности?

— По сравнению с тобой — да, — сказала она.

Парахан и Джимут подняли его на ноги.

Суда ждала поблизости с людьми, державшими их осёдланных лошадей. Их маленькая армия была готова к маршу.

В седле Браяр почувствовал себя лучше. Он не стал жаловаться, когда Джимут подъехал поближе к нему, чтобы взять поводья в свои руки и вести лошадь Браяра на поводу. Браяру это тоже показалось хорошей идеей.

Ему было трудно сосредоточиться на словах других людей, или на чём угодно, кроме образов, которые рябили в его мозгу: львы, будто вырезанные изо льда и снега, маленькие металлические змеи с черепами вместо голов, и боги с оранжевыми клыками и огненными волосами. Синие богини танцевали на вершинах гор, и в каждой из шести рук у них было разное оружие. Як, у которого голова была такая же большая, как сам Браяр, сопел ему в ухо. Раньше Браяр хотел знать, что за ночь Докьи всучил Розторн — что это была за секретность, и что за риск. Теперь он решил, что неведение было не таким уж плохим состоянием. По крайней мере в том, что касалось того рюкзака. Розторн явно могла носить его без проблем, но сам Браяр подумал, что оставит его в покое.

* * *

Когда Браяр открыл глаза, было совсем светло. Он обнаружил, что находится в замыкающей части их группы, с вьючными животными и вооружёнными арбалетами охранниками. Остальные ехали рысью впереди. Браяр завертел головой, ища Розторн. Тогда-то он и обнаружил, что кто-то привязал его к седлу.

— Ты вернулся к нам, — радостно сказал Джимут.

Он ехал между Браяром и служащим, который вёл цепочку мулов с припасами. Поводья лошади Браяра были у него в руке.

— Ты ведь **правда** вернулся?

Его мохнатые брови поползли вверх по лбу.

— Я никуда не уходил! — парировал Браяр, раздражённый этим вопросом.

Потом он посмотрел на солнце. Был уже почти полдень.

— Я ведь не уходил?

— Твои глаза были закрыты. Ты не двигался. Прости меня, — сказал Джимут, кланяясь, пока Браяр дёргал за длинный шарф, которым он был привязан к седлу. — Я не хотел, чтобы *Нанишур* Розторн разозлилась, если ты выпадешь из седла.

Он подвёл своего скакуна ближе к Браяру, и обменял поводья лошади Браяра на шарф, когда Браяр развязал узел.

— Я... был в магическом трансе, — объявил Браяр, пытаясь вернуть себе достоинство. — Разве ваши *нанишур* не впадают в трансы?

— Ну-у-у, да, — протянул тот. — Но обычно они сначала долго трясут трещотками, и мычат, и поют, чтобы предупредить нас.

— Мой транс застал меня врасплох, — ответил Браяр, стремительно соображая. — У меня не было времени никого предупредить.

Он посмотрел вперёд:

— А разве мы не должны ехать там, чтобы я мог помогать в охране воинов?

Джимут посмотрел на своего друга, пожал плечами, и первым поехал вперёд, когда Браяр пустил свою лошадь рысью. Они ускорились до галопа. Несколько воинов, мимо которых они проезжали, кричали Джимуту шутки, намекая на то, что с его стороны было мило присоединиться к ним. Джимут лишь задирал вверх свой похожий на клюв нос.

— Прости, — крикнул Браяр. — Тебе следовало меня растолкать.

— Я пытался! — ответил Джимут. — Не получилось!

— Обычно я так не сплю, — сказал Браяр, когда они замедлились. — Я правда так не

сплю.

— Что бы *Нанишур* Розторн ни несла, оно должно быть сильным как великая река Канпóджа — Громовая Вода, — объяснил Джимут. — В Комбанпуре её можно слышать за много миль. Она течёт к нам отсюда, из Гьонг-ши. Герой Ажít Робí сражался с демонами Дримбаканг, чтобы освободить Канподжа. Он прорубил для богини путь через горы, и она прыгнула из Гьонг-ши в Комбанпур. Все наши великие реки рождаются из неё.

Браяр посмотрел на рычащую ленту Снежного Змея:

— Эта река — и есть Канподжа?

Джимут покачал головой:

— Дальше на запад. Вдоль Дримбаканг Зугу и через Дримбаканг Лоу. Возможно, мы увидим её там, где стоит храм богини.

Он вздохнул:

— Я всегда хотел её увидеть.

Они с Джимутом как раз нагнали Розторн, Парахана и остальных, когда они достигли моста через Снежного Змея. Здесь Розторн, Браяр, Джимут, Суда, гьонг-шийский Капитан Ланго и два отряда воинов свернули с дороги и пересекли мост. Нужно было эвакуировать большую деревню в нескольких милях вверх по этой дороге. Парахан поехал дальше, чтобы собрать людей на южной стороне дороги, и убедиться в том, что они благополучно доберутся до убежища, в то время как другой гьонг-шийский капитан, Джа, покинул их, чтобы заняться тем же самым на северной стороне дороги.

В деревне местные власти не впечатлило предупреждение, которое принесли Суда и Капитан Ланго. Им не нравилось, что под их ворота прибыло двести с лишним солдат, половина из которых — иностранцы с юга. Они не поверили, что янджингский император объявил войну Гьонг-ши. Да, сказал староста, из крепостей на востоке прибывали посыльные, но посыльные очень возбудимые. Они могут утверждать, что караван — это вражеская армия. Староста сказал, что стена его деревни сдержит любую невидимую армию.

Наконец, Розторн услышала достаточно. Она выехала вперёд, встав рядом с Судой:

— Простите меня, Ваше Высочество, — сказала она Суде доносившимся и до жителей деревни голосом, — но если они не хотят покидать это место, то они не обязаны это делать. Если они хотят доверять свою безопасность изъеденным насекомыми брёвнам — пусть. Уверена, в этих местах есть и другие люди, которые будут благодарны за предупреждение.

Браяр не думал, что жуки так уж сильно изъели частокол, но они с Розторн всегда поддерживали слова друг друга. Он спешил, и подошёл к стене рядом с воротами. Он потянулся одной рукой к бревну, которое по его мнению не разрушит ворота — и толкнул. Никому не обязательно было знать, что он попросил ослабленную древесину в основании бревна податься под его давлением. Бревно застонало, и упало наружу. Браяр покачал головой, цокая языком.

— Когда вы в последний раз заменяли эти брёвна? — поинтересовалась Розторн.

— Магия! — заорал староста, его лицо приобрело красно-бронзовый оттенок от ярости. — Вы использовали магию!

Браяр повернулся, и посмотрел на него:

— Я не могу создать магией такие повреждения от жуков, какие были в этом бревне, — сказал он. — Розторн тоже не может. Мы — растительные маги, а не насекомые маги. Сам посмотри на эту древесину.

— Мы только что проехали вверх по Перевалу Снежного Змея, и воины императора

преследовали нас по пятам, — огрызнулась Розторн. — У нас не было времени колдовать над вашими брёвнами. Верьте или нет, но спросите своих жён и детей, собираются ли они ждать здесь, с вами, за вашими прогнившими стенами.

— Мы прибыли по велению Бога-Короля, — наконец сказал Капитан Ланго. — Какими глупцами мы должны были бы быть, чтобы лгать от его имени?

Наконец деревенские лидеры согласились, и солдаты встали лагерем за стеной. Розторн куда-то делась. Браяр мог сказать, что она вышла за стену, наверное, чтобы послушать песни, которые ей пел её ноша.

Он занялся делом, помогая какой-то женщине с детьми укладывать вещи. Джимут, видя, чем он занят, добыл мула, на котором лишённая отца семья могла везти свои ноши. Пока Джимут помогал нагружать мула, Браяр собрал кучки палок и любой доступной бечёвки, и сделал клетки для птиц и домашних животных жителей деревни. Если не хватало бечёвки, он просто уговаривал палки прорасти друг через друга, соединяясь там, где ему было нужно.

Прошла четверть дня, когда он услышал грохот из одной из хижин, и детские крики. Он побежал посмотреть, что стряслось.

В хижине две женщины стояли, склонившись над воющим ребёнком, лежавшим между несколькими деревянными ящиками. Маленький мальчик сжимал обеими руками свою левую голень, и вопил. Между его сомкнутыми пальцами сочилась кровь.

Браяр стянул перевязь, которую носил на спине.

— Простите, — громко крикнул он женщинам. — Пожалуйста, я могу помочь. Я — *нанишур*. Я использую лекарства.

Женщины отодвинулись в сторону. Браяр нащупал в перевязи моток льняных бинтов и зелье, которое он держал для обработки кровоточащих ран. Он наклонился близко к лицу ребёнка, и крикнул:

— **Ха!**

Мальчик вскинул обе руки, чтобы защитить своё лицо. Браяр мгновенно схватил его ногу. Он мягко прощупал на наличие переломов — их, похоже, не было. Он использовал толику своей силы, чтобы оторвать кусок от смотанного бинта. Он осторожно прижал ткань к ране. Подождав чуть-чуть, он убрал ткань, чтобы быстро взглянуть на рану. У мальчика был порез от колена вниз, наполовину не доходя до щиколотки, но рана была неглубокой. Браяр поспешил снова прижать к ней ткань.

Старшая из женщин, уверившись, что он знает, что делает, взяла влажную тряпку, и стала очищать покрытые кровью руки ребёнка. Другая стала выносить упавшие ящики наружу.

Услышав приближающиеся шаги, Браяр поднял взгляд от своего пациента. К нему подошла гораздо более старая женщина с маленьким котелком исходящей паром воды, и чашей.

— Я думаю, тебе это понадобится для твоей работы? — спросила она. — С твоей стороны очень хорошо придти незнакомцам на помощь.

— Я сам тоже так кричал, — сказал Браяр, широко улыбаясь ребёнку. — Когда порез выглядит так плохо, то думаешь, что лекарь отрежет тебе ногу, и ты пугаешься. Но это просто очень плохая царапина.

— Нам следовало лучше за ним присматривать, — сказала женщина, очищавшая ребёнку руки.

Теперь она дала ему какую-то сладость. Ребёнок сосал её, и следил за каждым

движением Браяра.

— На повозки нужно так много погрузить, что мы забыли.

Имея в качестве помощниц двух женщин, Браяр очистил рану, нанёс на неё своё снадобье, и забинтовал. В качестве благодарности он принял лишь два очень хороших колобка, которыми он поделился с Джимутом. После этого он устроился у колодца, и продолжил мастерить клетки.

Солдаты и жители деревни объединили свои припасы, устроив после заката большой ужин. Хотя все за едой были друг с другом довольно дружелюбны, на лицах жителей деревни читались их заботы. Лихорадочные решения о том, что брать, а что оставлять, продолжались ещё долго той ночью. Браяр дремал над наполовину законченной клеткой, когда кто-то разбудил его тычком обутой в сапог ноги. Он поднял взгляд на Суду.

— Спать, — приказала она ему, приветливо улыбаясь. — В лагере. Идём. Я тоже ложусь.

Самым грустным было то, что он был так вымотан, что не мог придумать никакой остроуты, чтобы впечатлить её, пока они шли из деревни в лагерь. Джимут ждал его там. Он поклонился Суде, и отвёл Браяра к его скатке.

* * *

Они выехали рано утром. Капитан Ланго отрядил две бригады воинов, чтобы помочь передвижению жителей деревни. Остальная часть его отряда, и все воины Суды, вместо с Розторн и Браяром, вернулись на главный тракт. В тот день они остановились лишь для того, чтобы дать отдых лошадям.

Храма Мужей Королевы Солнца они достигли только в сумерках. По сравнению с ним Крепость Самбачу, как укреплённое сооружение, казалась набором ящиков. Его стены, расписанные синими и зелёными многорукими мужчинами, были толстыми, и на их вершине выстроились мужчины и женщины с луками. Стены были выстроены в виде ступеней, как в Самбачу; сам храм также был построен этим образом, переходя в башню, с которой было видно дорогу и равнину. Тяжёлые створки ворот, на каждой из которых был нарисован, как предположил Браяр, один из мужей, сжимавший в каждой из восьми рук по оружию, стояли широко раскрытыми, чтобы пропустить жителей деревень внутрь.

Когда Розторн приблизилась к воротам, её ноша издала такой высокий визг, от которого сводило зубы, что Браяр закрыл уши, чуть не упав со своей лошади. Всегда бдительный Джимут вовремя поймал поводья. Звук прекратился лишь тогда, когда Розторн повернула своего коня прочь от ворот.

Она коротко посоветовалась с Судой и Капитаном Ланго, объяснив, что магии стен и ворот храма не по нраву магия, которую она несла. В конце концов лишь Капитан Ланго и его воины сопроводили на ночь беженцев внутрь.

— Не по нраву, — пробормотал Браяр Джимуту, потирая свои ноющие челюсти. — «Не по нраву», говорит. Я слышал как друг о друга корабли тёрлись, но не издавали таких звуков.

— Дело не в том, что магии борются, или что храм злой, — объяснила Розторн Браяру и их друзьям за ужином из жареной козлятины, лепёшек и сыра. — Магия сама по себе не злая, злыми могут быть лишь цели, с которыми она используется, как кинжал. Но форма, которую принимает их магия, не соответствует моей.

Она имела ввиду отнюдь не свою собственную зелёную магию. Браяр знал, что он мог бы пройти через те ворота, если бы хотел. Источником беспокойства была именно ноша Розторн.

— Нет, — произнёс чей-то голос за пределами круга света, отбрасываемого их костром.

Человек возраста Розторн, в длинной алой куртке, которую носили жрецы храма, подошёл ближе к их группе.

— Наши магии окружают нас, чтобы защитить нас, и лишь проёмы ворот позволяют другим магиям войти, если они небольшие.

Он посмотрел на Розторн, затем оглядел весь круг, пока не нашёл Браяра:

— Мы были бы вынуждены попросить вас обоих остаться снаружи. Я пришёл передать вам извинения нашего главного жреца. Обычно это не является такой уж проблемой, но твоя ноша, — он кивнул Розторн, — это больше, чем наши заклинательные стены могут выдержать за раз. Но теперь тут так много маленьких магий. У нас здесь уже есть две деревни с их шаманами, и всегда находятся повитухи и лекари.

Розторн встала, и поклонилась. Браяр сделал то же самое, хотя его усталые мышцы негодовали.

— Мы понимаем, — сказала жрецу Розторн. — Такое бывает в беспорядочные времена.

Он поклонился; она поклонилась, а это значило, что и Браяр должен был поклониться. Потом она пошла вместе со жрецом прочь, чтобы поговорить о магии. Остальные начали разговаривать о сражениях, в которых успели поучаствовать. Браяр слушал, пока не заскучал настолько, что решил прогуляться. Это поможет ему размять ноги и наконец даст отдых его ушам.

Он неспешно пошёл к реке, махая часовым, которых миновал по дороге. Добравшись до реки, он нашёл берег, вдоль которого лежали крупные валуны. Он вроде их не видел, когда подъезжал к храму, но это не было удивительным, учитывая то, каким усталым он был. Браяр скользнул между валунов, и уселся на каменном крае, слушая звук стремительно бегущей воды, и какое-то время больше ни о чём другом не думал. Было облегчением немного побыть самому по себе.

Когда он повернулся, чтобы начать подниматься вверх по холму, к лагерю, он увидел на сторонах валунов, обращённых к воде и равнине, изображения, сделанные мягко светящейся краской. На каждом камне были изображены разные фигуры: дракон, як, многорукий бог или богиня, ирбис.

А потом он увидел движение. Сначала нарисованные глаза стали следовать за ним, потом — нарисованные лица.

Он остановился перед самым большим камнем. На нём был изображена кобра с девятью головами. Это была очень большая девятиголовая кобра, выше Браяра по крайней мере на двенадцать дюймов. Краска светилась бледно-лунным белым светом. Браяру эта штука не понравилась бы, даже пока она была неподвижной. А потом средняя из девяти голов, носившая вычурную корону, покинула безопасную поверхность камня, и вытянулась вперёд, пока её мелькающий змеиный язык не коснулся носа Браяра. Он подумал, что может завывать как овчарка. Но он был слишком напуган, чтобы двигаться.

— Пожалуйста, уйди, — сказал он.

У него надломился голос.

— Браяр?

Это был Джимут.

— С кем ты разговариваешь?

— Тут поблизости не ползают после заката никакие девятиголовые змеи? — отозвался

Браяр. — У них ещё одна из голов — женская?

— Нага, — прошептал Джимут.

Он должен был быть близко, чтобы Браяр мог слышать его шёпот. Вообще, Браяр был уверен, что Джимут стоял по другую, нерасписанную сторону валунов.

— Но это просто истории. И те, что рассказывают здесь, отличаются от тех, что я слышал дома.

Браяр дёрнулся, когда все девять голов ослабли, глядя на него:

— Что ты имеешь ввиду?

— В Королевствах Солнца они — злые.

К ужасу Браяра, Джимут взобрался на вершину валуна рядом с нага. Трёхголовая богиня, которая была нарисована на камне Джимута, посмотрела вверх, будто могла его видеть. Она протянула ладонь по изгибам камня, дотянувшись до стопы Джимута.

— Здесь нага может быть человеческой головой, окружённой змеиными головами, или с венцом из змей. Они — боги всего горного хребта, — объяснил Джимут, — или несколько рек, сливающихся в одну, или...

Ноги Браяра подкосились, и он упал на колени, не в силах больше стоять. Нага погрузилась обратно в свой валун, снова став плоской. Трёхголовая богиня развела свои руки в стороны, в какой-то позе она и была изображена изначально, и устала в даль.

— Ты устал, — сказал Джимут, спрыгивая со своего камня. — Тебе нужно идти спать.

Браяр так и поступил. Его сны о наступавших на Спиральный Круг имперских армиях смешивались со снами о женщинах-нага, танцевавших среди полей мёртвых солдат. Она проснулся, когда заря была лишь розовым проблеском в небе, и спустился обратно вниз, к камням у реки.

В жемчужном свете раннего рассвета королева нага была синей, с частично чешуйчатой кожей и очень красными губами. Её головы-спутницы были жёлтыми змеями, их языки были такими же красными, как её рот. Её корона была из оранжевого пламени.

— Простите меня, пожалуйста, — вежливо сказал Браяр, — но я должен спросить, вы вчера шутили надо мной? Это немного затуманило мне голову. Ну, более чем немного, поскольку вот он я, тут, когда мог бы спать, говорю с нарисованной змеёдамой. Очень красивой змеёдамой, — поспешно добавил он. — Самой красивой, какую я когда-либо видел.

Он подождал, но от изображения ответа не последовало.

— Затуманило, — сказал он наконец, поворачиваясь, чтобы посмотреть на реку. — Именно так и было. Та розторнская штука просто взболтала мою бедн...

Что-то постучало ему по плечу. Он посмотрел. Это была одна из змей. Браяр медленно обернулся. Королева нага наклонилась вперёд из своего валуна, и поцеловала его в лоб.

— Настоящая, — прошептал Браяр.

Королева вместе со всеми своими змеями кивнула.

— Доброго дня, — сказал он, совсем не будучи уверенным в том, что ещё ей сказать.

Она улыбнулась, и они все вернулись обратно в своё плоское, нарисованное бытие. Окончательно сбитый с толку, Браяр потащился вверх по холму, в лагерь. Он даже не мог Розторн сказать. У неё слишком много было на уме, и он не мог её ещё больше беспокоить.

Когда они отправились в путь, Браяр старался не смотреть на камни, пока они не

пересекли реку. Лишь после этого он обратил к ним свой взор. Несколько цветастых, нарисованных фигур оранжево-красных, ярко-зелёных и густо-синих оттенков сидели на камнях и махали ему. На самом высоком камне качалась нага, опираясь на свой мускулистый хвост, и восемь её голов смотрели на её соседей, или в воздух. Увенчанная короной голова отправила Браяру воздушный поцелуй. Браяр робко, пытаясь скрыть это от остальных, помахал ей.

Ему по рёбрам заехала твёрдая ладонь.

— Да что у тебя сегодня со слухом? — потребовала Розторн. — Я три раза назвала твоё имя! Капитан Ланго говорит, что мы должны достичь слияния Том Шо и Снежного Змея где-то завтра. Там я вас покину.

Браяр нахмурился:

— Ты не видела...

— У меня были видения до рези в глазах. И что?

Он посмотрел на носок своего сапога. На коже лежало несколько сверкающих змеиных чешуек. Они будут служить ему напоминанием о том, что увиденное им ни в коем случае не являлось видениями.

— Мне следует поехать с тобой, — сказал он, собравшись с мыслями. — Там странные существа, Розторн...

— Нет, — перебила она. — Я больше не буду об этом спорить.

Она развернула своего скакуна прочь, и поскакала к голове колонны.

Суда заняла её место рядом с ним:

— Уверена, что ей станет лучше, как только она разберётся с этим её поручением, — мягко сказала она Браяру.

«Станет ли?» — задумался он. «Станет ли хоть кому-то из нас?»

Они проехали три мили, когда увидели сарычей, круживших недалеко от дороги. В неглубоком овраге, где пробежал впадавший в Снежного Змея ручей, они нашли останки группы селян, одного из отрядов Капитана Ланго, и нескольких янджингских воинов. Ланго спешил, и прошёлся среди мёртвых вместе с несколькими своими людьми. Гьонг-шийские солдаты немного постояли вдоль края дороги, сложив ладони вместе, молясь. Потом капитан и те, кто спускался с ним, вылезли из оврага.

Розторн и Браяр подошли к нему:

— Мы знаем, что у вас нет времени на погребение, — сказала Розторн, — но мы можем вырастить над ними растения, над всеми, пока они не станут частью земли.

Ланго покачал головой:

— У нас есть небесное погребение. Они достанутся сарычам, и другим тварям. Так они станут частью наших святейших земель, и останутся близкими ко всем богам.

— Это небесное погребение — ваша традиция?

Браяр позавидовал вежливому любопытству в голосе Розторн. Сам он сжимал кулаки, чтобы не выкрикнуть от отвращения. Он видел, как сарычи спускались в ущелье, когда они бежали в Гьонг-ши, но он не думал, что птицы следовали за пищей, которую им оставлял Капитан Рана. Или он и его спутники. Он знал, что у янджингских солдат были свои замысловатые погребальные обряды, которые не включали в себя бросание мёртвых гнить на открытом воздухе. У него дома погибших закатывали, чтобы вернуть в землю.

— Небесное погребение практикуется уже тысячи лет, — ответил Ланго. — Обычно у нас для мёртвых больше церемоний, но война оставляет нам мало времени на празднование

мира. Конец всё равно один. Животные поглощают нас, и возвращают нас в Гьонг-ши.

Он кивнул Суде и её капитану. Они подошли ближе, чтобы послушать, что он говорил.

— Вы же видите опасность. Здесь у нас янджингские солдаты, которые забрались так далеко в равнину. Нужно двигаться дальше.

Тем вечером они были вынуждены разбить лагерь на открытом месте, вместе с беженцами из двух деревень. Браяр в первый раз увидел Судамини как командира, когда она выбирала место для разбития лагеря, и выбирала часовых — обычных людей и магов. Маги среди солдат и жителей деревень наложили свои защитные заклинания, а Розторн с Браяром насыпали линии семян шиповника по внешнему периметру лагеря, чтобы те можно было пробудить на случай сражения. Они дежурили посменно вместе с остальными магами, наблюдая и прислушиваясь в ночи, чтобы обнаружить врага.

Но никто не появился.

* * *

К полудню они догнали роту Парахана. Те сопровождали длинный караван беженцев в Храм Тигров, массивную крепость, сторожившую слияние рек Том Шо и Снежного Змея.

— Мы видели разведчиков вдалеке, — сказал им Парахан, когда им выпала возможность поговорить. — Они сбежали от нас. Капитан Джа прошлым вечером послал разведчиков мне. Он нашёл на северо-востоке две сожжённых деревни с установленными в них флагами императора.

— Когда Джа собирается к нам вернуться? — спросил Ланго, заволновавшись. — Если враг в этой местности, то мне не нравится, что он там совсем один.

— В его послании было сказано, что он встретится с нами в Храме Тигров, — заверил его Парахан.

Браяр поотстал, пока не получил возможность ехать так, чтобы ни с кем не разговаривать. У него сводило живот; его руки дрожали. Ночью ему снилось празднование имперского дня рождения, и казалось, что полю солдат Уэй-шу нет конца. Он уже не в первый раз видел их во сне с тех пор, как они покинули дворец. Но сегодня у сна был более зловещий смысл.

Капитан Джа был где-то там, с сотней воинов. Раньше это казалось большим числом, когда они все были сбиты в кучу по дороге на запад. Теперь, представляя его против императорских тысяч, он осознал, насколько жалкой была их численность.

«Прекрати панику», — приказал он себе, когда ему показалось, что его может стошнить. «У императора его тысячи в столице, а не тут, в такой дали. Основные силы он оставил сторожить свою собственную шёлковую персону, а не сжигать кучку окружённых деревянными частоколами деревень!»

«А что случится, если Уэй-шу поймает тебя?» — поинтересовался гадкий голосок в его голове. «Ты был его гостем, и ты помог его ручному пленнику сбежать. Потом ты принёс весть о нападении в Гьонг-ши, и теперь ты сражаешься против него. Ты ведь не просто стащил вазу из гостевого павильона. Уэй-шу захочет сотворить с тобой очень плохие вещи. И с Розторн. И с Эвви».

Что бы он ни отдал, чтобы несколько этих нага и многоруких богов послали Уэй-шу обратно в Янджинг!

Небо посерело, и они проскакали ещё где-то три мили, когда Браяр увидел, как что-то качается на речных волнах. Сперва он подумал, что это была лодка. Он съехал к краю воды, чтобы посмотреть поближе. Привлекший его внимание объект был коричневым и грязным. Бревно или ветка? Следом плыли несколько таких же, переворачиваясь на речных порогах. Один подплыл ближе к краю, и повернулся, показав ему опухшее, безглазое лицо. У двух трупов отсутствовали головы. Каждый насчитывал либо страшные резаные раны, либо торчавшие арбалетные болты, послужившие причиной смерти. Следом поплыла туша яка с торчащими вверх копытами.

— Не говори ничего, — пробормотала Розторн.

Браяр вздрогнул.

— Нашим солдатам приказано держать жителей деревень подальше от реки, иначе они запаникуют. До храма осталась лишь одна миля.

— А что, если на храм уже напали? — спросил Браяр. — Что если имперские солдаты уже там?

Розторн покачала головой:

— Разведчики возвратились, и сказали, что всё безопасно. Мертвецы плывут с запада. На южной стороне реки никого не видно.

— Но ты же не поедешь дальше одна!

— Я буду в порядке, — сказала Розторн. — Ты оставайся с Параханом и Судой, и делай то, что велено, понял? Они о войне знают больше твоего.

Браяр зыркнул на неё.

— Когда мы приедем домой, я обниму и поцелую Ведриса, — заметила Розторн. — До этого нашего путешествия я никогда не ценила то, насколько он хороший правитель.

— Я тоже, — согласился Браяр. — В лишённом жадности короле есть свои преимущества.

Они молча поехали вместе, пытаясь не смотреть на плывшие вниз по реке тела. Наконец они достигли двух мостов на пересечении рек Том Шо и Снежного Змея. Храм возвышался на каменистом холме высоко над обеими реками. Их люди ждать не стали. Солдаты и жители деревень повалили через Мост Том Шо вверх по холму.

Розторн наклонилась через разделявшее их лошадей расстояние, и поцеловала Браяра в щёку:

— Доброго пути, береги себя, — сказала она ему. — Мы скоро снова увидимся. Чтобы разделить меня и моего мальчика, нужно что-то сильнее, чем Уэй-шу и ему подобные.

Парахан подъехал, чтобы подождать с Браяром, пока Розторн в одиночку пересекала Снежного Мост Змея. Она выглядела маленькой и одинокой, следуя прочь по боковой дороге.

— Мне следует поехать с ней, — сказал Браяр, берясь за поводья. — Кто-то увидит её вот так, совсем одну...

Парахан схватил его за руку. Медленно, начиная с краёв, Розторн и её конь пропали из виду. Осталась лишь пустая дорога.

Эвви скоро усвоила, что одно дело — быть спутником Розторн и Браяра, западных *нанишур*, и совсем другое — быть *нанишур* ученицей восточной крови, которая осталась позади, без них. В первый день после отъезда её друзей она спала, ела, исследовала окрестности, спала, и ещё ела. Даже кошки были счастливы лениво валяться и набивать пузо. На второй день она бродила среди беженцев, приехавших из деревень на восточных холмах и равнине. В отличие от Браяра или Розторн, она могла это делать, не внушая трепета или страха. Здесь, рядом с границей, её янджингское лицо было достаточно заурядным, чтобы не вызывать особого интереса. Она любовалась младенцами, помогала семьям устроиться в пустующих комнатах и сараях крепости и — когда никто не смотрел — укрепляла осыпающиеся стены в комнатах, заталкивая потерянные ими куски обратно в трещины. На третий день она празднично бродила между зданиями, посылая гравий и камни побольше заполнять трещины.

Волноваться она начала, когда посмотрела на стены крепости. Они были не такими надёжными, какими им следовало быть. Она начала с ворот. Между деревянной рамой и окружавшей её стеной были промежутки. Будучи так близко к горам, строители использовали в стенах камень вместо кирпича, предпочитаемого строителями домов, и Эвви это весьма одобряла. Если уж она будет чинить стены, то с камнем она сможет добиться большего. Ей придётся много поработать, чтобы возместить все эти запущение и старость.

Качая головой, она взобралась на стену, чтобы посмотреть. Там дела обстояли не лучше. В штукатурке галереи были дыры, о которые бегущие люди могли споткнуться. Кирпичная обкладка амбразур отвалилась: солдаты, высовывавшиеся наружу, чтобы посмотреть вниз, могли поскользнуться на гравии или осыпавшейся штукатурке, вывалиться, и погибнуть. Забеспокоившись, она начала подталкивать рассыпанные вокруг камни в дыры в галерее, пока её не поймал на этом один из магов Капитана Рана.

— Ты ученица! — крикнул он. — Ученики не занимаются магией без надзора своих наставников!

— Мои наставники позволяют мне заниматься магией, которая у меня получается лучше всего! — крикнула в ответ Эвви. — Мне не нужен наставник для заполнения брешей!

Маг отконвоировал её прямо в кабинет Капитана Рана. Им пришлось подождать, пока капитан выслушивал жалобы беженцев, бывших в очереди впереди них. Наконец он обратился к ним всё своё внимание.

Маг надменно выпрямился:

— Я поймал эту **ученицу** на занятии магией, без надзора, без разрешения, на стене. Она что-то делала с галереей. Она могла всё уничтожить!

— Уверен, что не уничтожила. Я знаком с её навыками. Можешь идти, — сказал капитан.

— Но сэр...

— Уходи, — твёрдо сказал капитан.

Маг зашагал прочь, а капитан вздохнул:

— Эвви, ты не можешь продолжать вести себя так же, как вела себя при поддержке Браяра и Розторн.

— Но ты знал, что я не причинила никакого вреда! И стены **нуждаются** в починке! — воскликнула Эвви. — Я могу так плотно набить дыры камнями, что они будут как новые!

— Несколько дыр в штукатурке не означают, что крепость развалится, — терпеливо сказал капитан. — Я видел твою работу. Она впечатляет, но я не готов сражаться с моими магами каждый раз, когда ты хочешь с чем-то повозиться. Эта крепость стоит уже не первый век.

— И это **видно**.

Рана поднял ладонь:

— Нам бы не помешали те светящиеся камни, которые ты делала в пути, — мягко сказал он. — Почему бы тебе не заняться ими? Это поможет нам сэкономить на факелах, и ты будешь при деле.

После чего он твёрдо добавил:

— На этом всё, Эвви. Постарайся не путаться под ногами.

Как и маг, она поняла, что ей приказано удалиться. Она потопала обратно в свою комнату, где дулась весь оставшийся день. Она заставила несколько горстей своих лишних кусков хрустала светиться, а потом погасила их, просто из вредности. Наконец, зная, что Браяр и Розторн подняли бы брови, если бы знали, как она себя ведёт, она снова заставила камни светиться. Их она положила в корзину, и вынесла к воротам, где можно было найти сержанта, командовавшего караулом.

— Вот эти камни нужны Капитану Рана, — объявила она, и оставила корзину у ног удивлённого человека.

Не сказав больше ни слова, она взобралась на южную стену. Некоторые из стражников её увидели, но они были из роты Рана, и знали её. Они кивнули, и оставили её в покое. Остаток ночи она слушала пение гор.

Некоторые из интонаций были почти осмысленными, думала она, слушая. Одна была водой, текущей по скале. Другая — водой, перетекающей через скалу, и ещё одна — ревущая через скалу вода. Та интонация была дождём, падавшем на камень. Ей показалось, что одна из них была снегом, падавшем на гранит, но ей понадобится быть ближе к граниту во время снегопада, чтобы убедиться в этом. Был щелчок, который должен был означать козла, ставящего копыто на известняк, и долгое, мягкое шуршание, которое, как она готова была поспорить, было хвостом ибриса, шедшего по гравию. Но что это был за скрип металла по граниту, с вибрирующей интонацией? Звенящий стук, как подковы в пещере, но не совсем?

Наконец один из охранников отправил Эвви обратно в её комнату. Её кошки свернулись вокруг неё, и на ней. Взволнованно пищащий храп Монстра вторгался в её мысли, и она погладила кота, чтобы тот успокоился. Мячик устроилась у неё между плечом и ухом, и громко мурчала, будто пытаясь заглушить пение гор. Но ей это было не под силу; Эвви слышала горы даже сейчас, в своей комнате. Абрикос и Изюминка улеглись ей на ноги, Тайна — на живот, а Рис свернулась под мышкой её свободной руки. Аса устроилась у неё на макушке. Их совместное мурчание усыпило Эвви. Ей снились мужья Королевы Солнца. Кошки лезли на горы, и смеялись над ней, потому что она не лезла с ними.

Возможно именно поэтому, покормив их утром и выпустив их на территорию крепости по делам, она взяла рюкзачок, положила туда колобки и бутылку воды из крепостной столовой, и вышла из задних ворот.

— Не уходи далеко, — предупредил её охранник. — И если услышишь звук трубы, бегом обратно.

Она кивнула, и лениво пошла дальше. Пастухи уже ушли с козами, овцами и яками жителей деревень. Все чувствовали себя в безопасности, имея южные горы позади, и перегораживавшую Перевал Снежного Змея массивную стену шипастых лоз — на востоке. Она слышала, как солдаты говорили, что к тому времени, как янджингские воины выберутся на равнину, все уже будут в крепости, за закрытыми и запертыми на засов воротами.

Эвви собиралась дойти лишь до гребня холмов, который было видно с южной галереи. Там был водопад, питавший тёкшую рядом с крепостью речушку. Она там пообедала, немного послушает горы, и вернётся.

День был великолепным. Пока она шла, солнце нагрело все каменные поверхности вокруг неё. Эвви набрала в грудь воздуха, и ощутила запах гранита, известняка и кварцита. Горный хор звенел у неё в ушах, громче орлиного клёкота и пения птиц помельче, даже громче водопада, к которому она приближалась.

Деревья у подножья водопада скрывали каньон по ту сторону речушки. О его обследовании и речи идти не могло бы, если бы большая сосна не лежала поперёк воды, создавая идеальный мост. Эвви посмотрела вверх на вершину холма, где она планировала пообедать, потом вниз, на крепость и равнину. Не было видно ни следа всадников или неприятностей. Она перебралась по сосне через реку.

Каньон повёл её глубже в каменные предгорья. Он создавал эхокамеру для птиц и пения. Эвви чувствовала себя так, будто она находилась внутри магии. Наконец она остановилась пообедать у ручья, бежавшего по дну каньона, проголодавшись после своих утренних исследований. Она была готова поклясться, что горы-мужья и сама Королева Солнца пели ей, пока она легла подремать.

А потом кто-то выдернул её из приятных снов. Солдаты в янджингской униформе схватили её, и крепко связали руки у неё за спиной. Когда Эвви закричала, ей дали пощёчину.

— Тут есть ещё ваши? — потребовал один из них. — Говори! Тут ваши ещё есть?

Эвви лягнула его, попав в бедро. Она извернулась, и свирепо укусила одно из державших её солдат. Тот врезал ей так сильно, что она увидела вспышки света у себя в голове. Мужчина, которого она лягнула, схватил её за ноги, и связал их.

— Кто ещё с тобой? — потребовал он.

Эвви прибегла к чаммурскому, рассказав ему, что его мать ела на завтрак. Он поднял её, и закинул себе на облачённое в доспехи плечо. Когда она закричала, он сильно ущипнул её за ногу, и сказал на *тийон*:

— Молчи, иначе пожалеешь, что не умерла, в отличие от моей матери.

Эвви воззвала к скалам каньона. Они начали обрушиваться. Люди завопили, попав под каменный дождь.

— Что ж, — сказал кто-то вне поля её зрения, — вот, куда она забралась. Ты рано или поздно заговоришь, Эвумэймэй Дингзай, но в более комфортной обстановке.

Чья-то рука сунула бутылку с чем-то пахучим ей под нос. Эвви попыталась повернуть лицо прочь, но бутылка была слишком близко. Пары попали ей в нос, и добрались до мозга.

Когда Эвви очнулась, над ней стоял, согнувшись, какой-то мужчина. Она дёрнулась прочь, но обнаружила, что может двигать лишь головой. У неё забрали одежду, и она была привязана к столу. Её ноги были подняты на доске над её бёдрами, и привязаны за лодыжки так, чтобы её голые пальцы ног торчали обратно, в направлении её головы. Она не могла двигать ногами.

У Эвви пересохло во рту. Ей хотелось кричать; ей хотелось рыдать, но она не собиралась делать ради этих соплежув ни то, ни другое.

Солдат, склонявшийся над ней, был одет в бронзового цвета куртку и штаны, какие носили пехотинцы в янджингской армии.

— Вот вода.

Он поддержал её голову, поднеся к её губам чашку. Эвви жадно выпила жидкость.

— Могу дать совет, девочка: отвечай на все вопросы, которые тебе зададут. Иначе тебя будут пытаться. Сломать можно любого.

— Чего ты с ней нянчишься?

На стуле у ног Эвви сидел другой солдат. Он встал. Как и первый мужчина, он носил униформу бронзового цвета. У этого были неухоженные усы, а в руке он держал кожаный ремень.

— Рано или поздно она получит сполна.

Он занёс руку, и резко ударил ремнём по стопам Эвви.

Боль пронзила её огнём. Она ахнула, затем прикусила губу.

— Пожалуйста, послушайся моего совета, — прошептал солдат у её головы. — Скажи ему то, что он хочет знать.

Он посмотрел на другого мужчину:

— Она же просто девочка! Задавай вопросы — тебе не нужно её бить!

— Ты идиот, Му-шанг. Зачем мы здесь, если не учим их уважать императора? Она прибыла в эту страну для того, чтобы передать информацию против него и сражаться за его врагов, так ведь, Эвумэймэй Дингзай?

Он снова ударил стопы Эвви ремнём. Она закричала, и попыталась вообразить камень, в котором она могла хранить свои тайны. Она уже делала так раньше. Ещё удар, или два, могут заставить её выдать что-то важное, например — то, куда ушли остальные, или ту штуку, которую несла Розторн. Это было одной из проблем обладания острым языком. Иногда она говорила не думая. Сейчас она не могла себе этого позволить.

Солдат Му-шанг взял Эвви за руку, и крепко сжал.

— Да-уэй, она могла бы быть твоей дочерью!

Он посмотрел на Эвви:

— Пожалуйста, дитя. Ты приехала сюда с тремя спутниками, Браяром, Розторн, и опасным рабом, Параханом. Скажи нам, где они. Мы вызовем мага, чтобы он посмотрел твои ног...

— Пусть заживают так же, как пришлось заживать моей руке, когда северяне окатили её кипящим маслом! — огрызнулся Да-уэй.

О легонько провёл ремнём по пылающим, кровоточащим стопам Эвви, заставив её дёрнуться.

— Маг позаботится о твоих ранах, — сказал Му-шанг, зыркнув на Да-уэя. — Но мой капитан не позволит этого, пока ты не скажешь нам то, что мы хотим знать. Эти люди бросили тебя здесь, когда поняли, что грядут неприятности, так ведь? Ты ничего им не

должна.

Эвви не слушала. У неё в сознании был камень. Внутри него она спрятала своих кошек, и своих друзей, и то, куда они уехали: Розторн и ту штуку, которую она несла, Браяра и солдат, уводящих местных жителей в убежища, Докьи и его долгий путь в Гармашинг. Суда тоже исчезла в камне. Может, эти *зэрнамус* ещё не знали, что она прибыла в Гьонг-ши с двумя сотнями солдат. Наконец, она посмотрела на Му-шанга, моргнув:

— Какие люди?

Да-уэй фыркнул:

— Вот, что ты получаешь за твою доброту! Дерзость! Эта сточная крыса из Жанжи лжёт тебе об информации, которая у тебя уже есть, о чём она прекрасно знает!

Он дважды ударил её стопы, посильнее, ослабившись в ответ на её крики.

— Скажи ему имена твоих спутников, и попроси прощения!

— Я больше не знаю их имена, — сказала она.

Му-шанг вздохнул:

— Почему ты не знаешь их имена, Эвумэймэй?

— Нам сказали, что она — маг-ученица, — сказал Да-уэй. — Она сделала какую-то магию.

— Забывать что-то — это слишком высокая степень магии для ученицы, — сказал Му-шанг. — Я думаю, она нам врёт. Девочка, ты так себе делаешь только хуже.

Эвви не ответила. Она пыталась задумать свои стопы в камень. Она уже делала это раньше. Кто-то — она не помнила, кто именно — сказал ей представить себя камнем, хотя он разбудил её как раз тогда, когда она только сообразила, как это сделать. Эту часть она помнила.

Да-уэй снова хлестнул её. Она потеряла ощущение камня. Боль омыла её ноги кроваво-красными волнами.

— Скажите императору, что я у вас, — прошептала она.

Она помнила императора.

— Я ему нравлюсь. Он дал мне кошку из киновари.

— А как ты думаешь, кто послал нас искать тебя и твоих друзей?

Му-шанг отёр её лицо холодной тряпкой.

— Где они, Эвумэймэй?

— Я хочу одежду, — сказала Эвви.

У неё саднило стопы. Слезы невольно текли из уголков её глаз. Они стекли ей в уши. Как стопы могли так сильно болеть?

— Мне плохо без одежды.

— Тебе не нужна одежда, — сказал ей Да-уэй. — Говори, и одежду тебе вернут.

Он посмотрел на Му-шанга:

— Она уже должна была сказать что-то полезное.

Му-шанг кивнул:

— Давай посмотрим, что думает маг.

Да-уэй нахмурился:

— Полночь уже миновала. Она терпеть не может, когда её будят.

— Она захочет узнать, что девочка не заговорила, поздно сейчас или нет. Буди её.

Да-уэй покинул комнату. Му-шанг прислонился к стене.

— На твоём месте я бы сказал *Нанишур* Джья Джуи то, что она хочет знать, сразу же. В

отличие от Да-уэя, она не терпеливая.

Джъя Джуи — Эвви знала это имя, но не была уверена, откуда она его знала. Она думала, что Джъя Джуи была ещё одной из её подруг, у которой были кошки. Трудно было думать, когда ей было так больно.

— Я не знаю, чего вы хотите, — сказала Эвви. — Если бы знала, то не сказала бы, но я не знаю.

— Они были с тобой в этой крепости, — сказал Му-шанг. — Другие пленники это нам уже рассказали. Они сказали, что Первый Посвящённый храма Живого Круга тоже был здесь. Докьи уехал раньше них. Чего он хотел?

Когда он «Докьи», Эвви увидела камень у себя в сознании.

— Я не знаю, — сказала она, пытаюсь не скулить. — Ты не мог бы полить мне стопы водой?

Было трудно сосредотачиваться на том, ощущении их камнем, когда они так сильно горели.

— Правда, я просто пацанка. С чего бы этим людям, о которых ты говоришь, что-то мне рассказывать?

— Ты — мальчик?

Это сбило её с толку.

— Я... я слышала об этом где-то. Так на уличном наречии называют кого-то юного.

— Пацанка или не пацанка, теперь ты — пленница, — сказал Му-шанг. — Расскажи мне что-то, что *Нанишур* Джъя Джуи сочтёт полезным, и я полю тебе стопы водой. Мне тоже как-то раз хлестали стопы. Я знаю, как это больно.

Он вздохнул, и выпил воды:

— Никто из жителей деревень или солдат, которых мы допросили, не знал, зачем Первый Посвящённый Докьи был здесь, но ты была с Розторн. Он долго с ней разговаривал. Скажи мне, чего он хотел, и я помогу тебе.

— Есть что доложить?

В комнату вошла красивая молодая женщина, Да-уэй шёл вслед за ней. Она была одета в халат из мягкого персикового шёлка, а не в обычные чёрные халат и шапку мага. У неё на шее и запястьях не было магических бус.

— Она очень упрямая, *Нанишур* Джъя Джуи, — ответил Му-шанг, низко кланяясь. — Она не откликнулась ни на ремень, ни на доброту.

Мысли Эвви, вялые из-за боли и усилий, которые ей требовались для поддержания камня вокруг некоторых из её воспоминаний, наконец распознали молодую женщину:

— Джъя Джуи, — пробормотала она. — Где твои кошки?

Джъя Джуи улыбнулась, наклоняясь над Эвви:

— Ты помнишь меня. Это хорошо. К сожалению, мои кошки — дома. Они плохо воспринимают путешествия. Но я так понимаю, ты своих кошек дотащила аж досюда.

Эвви нахмурилась:

— Они привыкли путешествовать. Зачем ты в Гьонг-ши?

Джъя Джуи пожала плечами:

— Император, мой господин, начал завоёвывать эту страну. Должна сказать, Эвви, мне грустно обнаружить здесь **тебя**. Ты не очень хорошо выказываешь признательность Сыну Богов, и показанной им тебе благосклонности, так ведь?

— Я не знаю, что ты имеешь в виду, — сердито ответила Эвви.

То, что сказала Джья Джуи, не соответствовало тому, что помнила Эвви.

— Где Капитан Рана? — потребовала она.

Джья Джуи вздохнула:

— Он сбросился со стены своей крепости, чтобы не позволить себя допросить. Надеюсь, что ты справишься лучше, Эвви, но ты не должна заставлять меня быть жестокой. Отвечай на наши вопросы, пожалуйста, и избавь себя от дальнейшей боли. Скажи мне, куда уехали Розторн и Докьи.

Эвви промолчала, и попыталась заставить свои бедные стопы чувствоваться как камень.

Джья Джуи провела пальцем по щеке Эвви. Это нарушило концентрацию девочки.

— Джья Джуи, я не знаю, о ком ты говоришь! — возразила она.

Молодая женщина нахмурилась:

— Эвви, ты что, сотворила заклинание, пока мои глупые друзья стояли и бездействовали?

Двое мужчин начали отчаянно возражать, рассказывая магу, что у Эвви были связаны руки, поэтому она не могла ими шевелить, и что она произносила лишь обычные слова. Джья Джуи подняла ладонь, и они заткнулись. Эвви содрогнулась от того, как мгновенно двое мужчин умолкли.

Потом Джья Джуи вытянула руку в сторону. Да-уэй вложил в неё что-то — не ремень, а палку. Сохраняя спокойное и задумчивое выражение лица, женщина ударила палкой по стопам Эвви.

По сравнению с этим ремень казался нежным. Каменное заклинание Эвви испарилось. Она поносила Джья Джуи всеми плохими словами, которые знала, на нескольких языках, пока маг не ударила её снова. Эвви завывала от боли.

— Пожалуйста, леди маг, остановитесь! — воскликнул Му-шанг. — Не судите ребёнка так строго!

Джья Джуи опустила палку.

Му-шанг наклонился поближе к Эвви, и прошептал:

— Видишь? Я пытался тебя предупредить. Она не знает жалости. Отвечай как хорошая девочка — ты ведь не хочешь этого, а?

— Где они? — потребовала Джья Джуи.

Му-шанг отпрыгнул от Эвви.

— Докьи, Розторн, Парахан, Браяр, Судамини. Да, мы знаем, что принцесса присоединилась здесь к своему брату. Почему, как ты думаешь, мы вообще озаботились захватом **этого** бесчестного захолустья? Мы даже не можем использовать его для переброски сюда дополнительных войск и припасов, пока не уберём ваше *чэту* заклинание шипов с перевала. Где твои друзья?

Эвви слизнула кровь со своей губы. Должно быть, она её закусилась. Она не знала, где были эти люди; ей было всё равно. Она сказала Джья Джуи сделать кое-что очень плохое с яком.

Маг ударила её стопы палкой ещё три раза. В перерывах Эвви возилась, пока не сумела восстановить своё каменное заклинание, и вцепилась в него, держа его не у себя в сознании, а в потолке у себя над головой, где она могла его видеть. В её стопах и голове пылала раскалённая добела боль. Её горло жгло от криков. Куда подевалось пение гор?

— Давай дальше ты, Му-шанг, — услышала она слова Джья Джуи. — А то скоро рука устанет.

Тогда-то она и узнала, что Му-шанг на самом деле не был её другом.

Какое-то время он бил её. Иногда он останавливался. Джья Джуи задавала вопросы, а Эвви её оскорбляла. После трёх остановок, когда Эвви ничего не изрекла, даже проклятий или оскорблений, Джья Джуи вздохнула:

— Дайте ей подумать, пока я схожу за моими магическими бусами. И вы двое, прикажите кому-нибудь отнести её в её комнату, и возьмите двух её кошек. Лучше всего — большого кота, которого она зовёт Монстром, и другую, самую маленькую.

Два охранника покинули комнату вслед за ней.

Эвви попыталась дышать. Это было трудно. Её нос был полон соплей, а горло обжигал воздух. Кошки. Они будут делать кошкам больно у неё на глазах. Она вспомнила бусы, которые держала в руках, бусы Генерала Хэнг-кай, бусы для убийства и разрушения. У Джья Джуи было ожерелье и браслеты из таких бус. Она использует их на Монстре, и любых остальных, возможно даже на всех.

Она подумала о том, чтобы обрушить эти стены своей силой, но не могла это сделать. Её ноги пульсировали и горели. Сможет ли она когда-нибудь снова ходить? Она плакала, и не могла остановиться, но прикусила свою искусанную губу, чтобы не издавать ни звука.

«**Думай!**», — приказала она себе. «На что ещё ты способна, если не можешь разрушить комнату и не можешь унять боль в стопах? Как ты можешь сбежать? Как ты можешь помешать им сделать твоим кошкам больно?»

Она была Эвумэймэй Дингзай, каменным магом. Если она не могла превратиться в камень сама, то что если она возьмёт себя, свой дух, и поместит в камень **его**? Тогда в её теле не будет никого, кто мог бы испытывать боль или отвечать на вопросы.

«Если бы я была холодной и застывшей, они могут подумать, что я мертва», — подумала она. «Не холодной как камень, тогда они поймут, что это магия, и Джья Джуи разрушит моё заклинание. Но если они подумают, что я **умерла**... У них не будет больше причин делать больно моим кошкам, если они подумают, что я мертва».

По углам комнаты валялись камешки. Эвви нашла тот, который был ей по нраву. Она начала концентрироваться. Её нога дёрнулась; последовавшая волна боли заставила её ахнуть. Она попыталась снова. Она заставила себя сглотнуть, отчего её больное горло стало жечь ещё сильнее. Она попыталась снова. Звук снаружи заставил её дёрнуться от страха: Джья Джуи возвращалась? Мужчины возвращались? Звук затих.

«**Сейчас**», — яростно сказала она себе, — «**сейчас**, или ты потерпишь неудачу, и кошки погибнут!»

Её сила была иглой, метнувшейся через комнату в выбранный ею камень. Её магия понеслась следом. Вместе с ней ушли её мысли, большая часть её дыхания, большая часть её сердцебиения. Её тело застыло и охладело, пока она нашла себе место вокруг каждой крупинки камня в её убежище. Она устроилась там, и уснула.

* * *

Что-то пело ей. Оно было глубоким и успокаивающим, но также оно гудело, вытряхивая Эвви из её укрытия. Её дух и сила потекли к пению, дрожа от глубокого фонового гула песни, и танцуя под неё же. Следуя за песней, она вошла в то место, которое принадлежало ей.

Она медленно начала заполнять его, хотя это было больно. Она знала, и песня знала, что её последнее убежище было лишь временным. Тут же была её надлежащая форма, пусть она и болела.

Ненадолго стало теплее. Тепло вошло в некоторые места, которые болели, расслабляя их. Что-то внутри заставило её подождать. Она не должна спешить, хотя она и не знала, почему не должна. Тепло пропало. Возможно, она его просто вообразила, потому что ей снова стало очень **холодно**.

Она лежала лицом вниз на бугристом холме. Какое-то время она больше ничего не делала, хотя песня взывала к ней. Потребовалось время, чтобы её тело вспомнило, как пользоваться пальцами, руками и ногами. Любая попытка двигаться вызывала неопишемую боль, но Эвви знала, что теперь она **должна** была двигаться.

Она пошарила вокруг себя. Она нащупала ткань, местами заледеневшую. Были там и другие, лишённые боли стопы, застывшие стопы, застывшие головы, все они были холодны как камень. Она лежала на куче трупов.

Тогда-то она и заплакала.

Песни гор заставили её перестать плакать. Они изменились. Самая низкая песня вещала о безопасных пещерах, куда не доберётся ни один солдат, куда не ходили убийцы, где не было боли. Она пела о безопасности, и об исцеляющих камнях, о воде столь холодной, что она унимала боль.

Эвви должна была идти к этой песне. Песня готовила её к тому, что она должна была делать, и скоро, до восхода солнца. Используя тонкий полумесяц для освещения, она начала стягивать одежду с мёртвых тел вокруг себя. Там были и шарфы, чтобы повязать вокруг её бедных ног. Она нашла куртки и штаны, и ещё шарфы для своей головы, пока наконец не начала согреваться. Среди тел столь многих взрослых — она не могла сосчитать, сколько их было — Эвви также нашла тела детей, младенцев, и животных, включая кошек.

Света хватило на то, чтобы узнать среди них всех семерых её кошек. Тогда она чуть не сдалась, рыдая в мех Монстра. Она была у Крепости Самбачу, и янджингские звери всех убили. Они и её убьют, если снова увидят. Может быть, ей следует позволить им это сделать, или, может быть, ей следует навсегда уйти в камень.

Как если бы поющие знали, о чём она думала, песни гор зазвучали громче. Самая низкая из песен была и самой громкой из них. Она требовала, чтобы Эвви поспешила прочь от всей этой смерти. Она должна принести свою песню в каменные выси, к тем, кто живёт внутри. Они заберут к себе Эвви, их сестру гор. Они заберут её домой.

Эвви скатилась с холодной кучи, предпочитая больше не смотреть на неё. Солдаты скинули мёртвых снаружи крепости, за задними воротами. Эвви добралась до речушки, где под деревьями нашла длинную палку. Та стала ей посохом. Попив воды, она смогла обернуть свои подошвы камнем. Больше она ничего не могла для них сделать. Остальная часть её стоп саднила. Не смотря на шарфы, которыми она обернула стопы, ей было больно от каждого шага.

Она сосредоточила мысли на камне в подошвах её стоп, и на песни гор, и продолжила двигаться вперёд.

К восходу солнца она добралась до каньона, где её схватил янджингский отряд. Низкая песня звала её оттуда. Она остановилась, чтобы снова отпить из ручья. Она хотела спать, но песня гор была теперь слишком громкой. Нельзя было спать с таким грохотом у неё голове. Она с трудом выпрямилась у воды, и оглянулась в том направлении, откуда пришла. К

своему ужасу, она увидела оставленные ею кровавые отпечатки ног. В панике, она заковыляла вперёд, стремясь бежать, но не в силах сделать это. Песня была такой громкой, что Эвви не слышала стук лошадиных копыт в каньоне.

Завернув за каменный изгиб, она увидела отверстие в стене каньона: пещеру. Она может зайти туда? Сверху и с боков пещеры было полно каменных обломков. У неё хватит сил закрыть отверстие, как только она окажется внутри, скрыв то, куда она делась?

Эвви остановилась. Низкая песня умолкла. Перед пещерой она увидела наистраннейшую штуку. В грязи сидел отполированный кусок флюорита: из густо-зелёных, густо-пурпурных и прозрачных кристаллов. Он был похож на сидячего восемнадцатидюймового медведя, которого годами полировала текущая вода, пока он не стал округлым со всех сторон. Его морда была лишь мягкой выпуклостью, а не острым носом. Это был самый дружелюбно выглядящий кусок камня, какой она когда-либо видела.

Камень склонил набок свой головной нарост:

— Эвумэймэй Дингзай, добро пожаловать в мой дом, — сказал живой камень.

Он говорил голосом низкой песни, заставляя дрожать каждую кость в теле Эвви.

— Ты войдёшь?

Эвви заковыляла к нему:

— Кто ты такой?

— Моё имя очень длинное, и я тебе его скажу когда-нибудь, но не сейчас. Я — сердце горы, которую здешние мясные существа зовут Кангри Склад По.

Каменное существо повернулось, и неуклюже зашагало глубже в пещеру на своих очень коротких ножках.

Эвви пошла следом, опираясь на свою палку. Светящийся мох на стенах пещеры освещал им путь. По мере того, как они шли, туннель раскрывался. В обычной ситуации она бы ахнула, когда туннель стал шире, но не сегодня. Сегодня она отчаянно держалась за ощущение камня в подошвах её кровоточащих стоп, пока они спускались под землю. Она была так сосредоточена на этом, что не заметила, как вход в пещеру закрылся вслед за ними.

Негромкий рокот наверху она всё же заметила. Упало несколько камней, и пол немного встряхнулся, заставив её споткнуться.

— Что это было? — воскликнула она, восстанавливая равновесие с помощью своего самодельного посоха.

— Да мелочь, — заверил её кристаллический медведь, его потрясаяще низкий голос заставлял её думать о ледяных подземных реках и о скрытых горячих источниках. — Скоро ты отдохнёшь и вылечишься. Тогда ты расскажешь мне, что ты такое. Я никогда не ощущал никого подобного тебе за все мои золотые века^[1].

Обычно Эвви захотела бы узнать, сколько золотых веков было живому камню, и что это такое — «золотой век». Но сейчас она лишь цеплялась за свой посох и ковыляла вперёд, кусая губу, пока та снова не стала кровоточить.

* * *

В мире над корнями гор Джья Джуи завела поисковый отряд в длинный каньон. На стенах Крепости Самбачу висели тела Да-уэя и Му-шанга — предупреждение каждому идиоту в армии, не знавшему разницу между мёртвой девочкой и магом в глубоком трансе.

Она уже оставила крупные приношения нескольким богам, молясь о том, чтобы император никогда не узнал о том, что она тоже осмотрела тело Эвумэймэй и объявила её мёртвой. Она готова была **поклясться**, что девочка была мертва, и если шпионы императора когда-нибудь узнают обратное, то она поплатится за это головой.

Она ещё могла спастись. Кровавые отпечатки ног показывали, что Эвви не могла уйти далеко. Когда девочка снова будет у неё в руках, Джья Джуи собиралась приковать её к своему собственному запястью и лично отвезти Императору Уэй-шу.

Джья Джуи так глубоко ушла в свои замыслы, что не заметила дрожание земли, пока не стало слишком поздно. Следуя указанию живого сердца Кангри Склад По, каньон обрушился на солдат и мага. Больше их никто никогда не увидит.

Как только он свыкся с тем фактом, что Розторн и её конь просто исчезли, Браяр прислушался к мольбам Джимута, и занялся тем, что помогал завести беженцев в Храм Тигров. Он деловито посылал беглых ползунков, коз и то и дело появлявшиеся стайки мальчишек через Мост Том Шо и вверх по неровному холму. Только добравшись до храмовой крепости на вершине холма Браяр увидел, почему это место называлось именно так.

По обе стороны парадных ворот стояли две гигантских статуи тигров. Один из них, раскрашенный в оранжевый цвет с чёрными полосками, реалистично оскаливался на любого, кто ехал в его сторону. Второй, вырезанный из снежно-белого камня с чёрными полосками, выглядел так, будто скульптор поймал его в середине прыжка, с вытянутыми передними ногами и когтями. Браяру был виден каждый волосок резного меха животного. Гьонг-шийские люди Капитана Ланго на статуи внимания не обращали. Люди Парахана и Суды лишь кланялись, проходя мимо: Джимут объяснил, что тигры были обычными, уважаемыми животными в Королевствах Солнца. Местные жители, в отличие от бойцов Ланго, к этим тиграм были привычны, и даже потирали их по боку или по лапе. Браяр расслабился только после того, как оказался под защитой внешней стены. Он наполовину ожидал, что тигры начнут себя вести до неприятности как живые, подобно королеве нага в Храме Мужей Королевы Солнца.

Когда они устроились, они вместе с Параханом пошли оглядеться: План, судя по всему, заключался в том, чтобы солдаты ходили патрулями вокруг этого места, пока они ждали возвращения Розторн. Они также ждали прибытия дополнительных воинов с запада, с южной части гор Дримбаканг Зугу, и из расположенных за ними земель. Зная об этом, Браяр согласился, что им следует лучше познакомиться с их новым временным домом.

Это место было большим, со ступенчатой внешней стеной, обычной для гьонг-шийских крепостей. В нижнем дворе в качестве части храма уже умещалась маленькая деревня, с амбарами, конюшнями, клетками, курятниками, огороженными садами, и бродячими стадами коз и птиц. В верхнем дворе высилось главное религиозное здание с общежитиями, боковыми храмами и кухнями.

Браяр забрёл в храм. Тот был освещён сотнями маленьких ламп. Парахан объяснил, что это был единственный Храм Тигров в Гьонг-ши: все остальные были в Королевствах Солнца, где тигры и обитали. Один из жрецов сказал ему, что здесь трудно было держать тигров. Им не хватало теплоты и простора, который у них имелся в других местах. К тому же, ирбисы возмущались вторжению на свою территорию.

Браяра заворожила роспись внутренних стен храма. Оформление каждой большой картины было сделано из дюжин картин поменьше: изображений пророков, богов, демонов, наставников и тигров, показанные в каждом аспекте, от детства до божественности. Как и основные стены, оформления были нарисованы яркими цветами, и показывали изображения в разных позах. Браяра беспокоило то, что фигуры поменьше двигались, как ему казалось, когда он смотрел на них краем глаза. Они поворачивались, чтобы поболтать со своими

соседями. Что хуже, некоторые наклонялись вперёд, чтобы лучше рассмотреть его самого, Парахана или Суду. Когда он резко разворачивался, чтобы уставиться на картины прямо, они были неподвижны — только маленькие изображения с обрамления были поменяли свои позы. Некоторые из них были достаточно грубыми, чтобы прикрывать хихикающие рты одной из нескольких рук. Один тигр перекатился на спину. Другой мочился в направлении Браяра.

Он просто обязан был спросить. К счастью, поблизости находился какой-то жрец-живописец, обновлявший цвета на большой картине.

— Простите, — пробормотал Браяр, когда мужчина отложил кисть, — но разве фигуры на обрамлении вон там не были расположены раньше по-другому?

Жрец толерантно улыбнулся, и пошёл посмотреть:

— Сэр, тут темно. Из-за света факелов и множества теней наши картины **кажутся** меняющ...

Он уставился на ту часть изображений, которая поменяла для Браяра положение. Один из демонов-воителей с алыми клыками теперь показывал свою голую задницу каждому, кто бросал на него взгляд.

Браяр посмотрел на жреца. Тот моргнул, затем отошёл на шаг. Он наклонился ближе, и осмотрел широкую секцию картин с изменившимися положением обрамлением. Наконец он хмуро взглянул на Браяра и поспешил прочь, говоря своему послушнику убрать его краски.

Браяр повернулся к картинам спиной, и попытался больше не смотреть на них. Своим спутникам он ничего не сказал, так же, как не упоминал им изображения на валунах и королеву нага. Если они и думали, что его дёрганье и вдрагивания были странными, то они были слишком вежливыми, чтобы как-то это комментировать. Странности от магов ожидалось. Он спросит Розторн о том, что происходит, когда она вернётся. Ему пришло в голову, что это было как-то связано с тем, что он коснулся её проклятой ноши.

Браяр также отказался спать внутри, вопреки доводам Парахана, Суды и Джимута. Там было слишком много картин, которые нужно было избегать. В конце концов его друзья дали ему ворох мехов в дополнение к его скатке, чтобы отваживать весенние холода. Браяру было всё равно. На внутренней стороне внешней стены не было изображений, и звёзды двигались только так, как и должны были двигаться. Он заснул, глядя на них, и прося богов Розторн присмотреть за ней.

* * *

Когда утреннее солнце коснулось его глаз, Браяр открыл их, и обнаружил, что рядом с ним сидит на корточках жрица с обритой головой и в толстом халате. Она широко улыбнулась, показывая свой скудный набор зубов:

— Не волнуйся, молодой *эмчи*, — сказала она, и предложила ему чашу чая с маслом. — Когда вернёшься в более плотный воздух в нижних землях, то больше не будешь видеть всякое. Что бы тебя ни коснулось, оно было могущественным. Я вижу его полыхание повсюду вокруг тебя. Его сила взывает к маленьким богам, чьи двери находятся на наших стенах.

Браяр сел, и принял от неё чашу:

— Благодарю. Вы очень добры. Я бы предпочёл, чтобы меня вообще не трогали.

Она захохотала:

— Но тогда они не могли бы веселиться за счёт тебя, маленькие боги, а им ведь так редко выдаётся поиграть! Сила в тебе делает для них возможным на время входить в наш мир. Они уже несколько лет не находили себе места, зная, что надвигается зло. По крайней мере, теперь с ожиданием окончено, и мы все увидим.

Браяр какое-то время попил чай, размышляя. Она была милой старушкой. Возможно, она не будет против ответить на пару вопросов глупого иностранца.

— Могу я спросить — почему даже храмы здесь, в Гьонг-ши, обнесены стенами, будто замки или крупные города? Судя по тому, что я слышал, на вас редко нападают.

Жрица тихо засмеялась:

— На не волнуют враги вне наших границ — это соседи слишком часто доставляют нам неприятности, — объяснила она. — Наши стены и бойцы здесь для того, чтобы племена и воины из других храмов держались подальше. Если воины бога захватят твой храм, то твои жрецы должны стать жрецами их бога, а твой храм станет храмом вражеского бога. И племена постоянно сражаются.

— Но вы не сражались, когда я был в Гармашинг в прошлый раз, и никто не сражается друг с другом сейчас. У нас по меньшей мере пять разных племён, и с нами едут воины из четырёх разных храмов. Я это от Парахана услышал.

Жрица выпрямилась:

— Когда ты был здесь в последний раз?

— Зимой.

Она фыркнула:

— Никто не сражается зимой. Тогда все бы погибли. И никто не сражается сейчас, потому что у нас у всех один и тот же враг. Гьонг-ши принадлежит нам, а не этому императору из нижних земель.

Она кивнула, и сказала:

— Я бы предпочла сражаться с Уэй-шу.

Браяр допил свою чашу чая:

— Благодарю за то, что всё это мне рассказали, — сказал он, с поклоном возвращая ей чашу.

— Пусть маленькие боги тебя не беспокоят, — сказала ему жрица. — Они на нашей стороне. В основном.

Она покинула Браяра. Он оделся под покрывалом в студёном воздухе. Его нервировало то, что она так небрежно говорила о существах, которые двигались на её стенах. Жрец-живописец похоже не был к ним привычным. Что ещё она привыкла видеть?

«И что это за маленькие боги?» — спросил он себя, пытаясь натянуть сапоги. «Если они могут покидать свои стены и валуны, то можно ли убедить их сражаться с Уэй-шу? Они вообще могут как-то повредить ему и его армиям? С тем же успехом можно просить Лакика или Милу Зерна брать оружие и сражаться!»

Он убрал свои меха и скатку, и пошёл завтракать с Джимутом. Они собирались посмотреть, есть ли у Парахана или Суды приказы для них, когда по всему храмовому комплексу пронёсся долгий, низкий зов рога. Все остановили свои дела, и в ожидании обратили взгляды на центральный храм. На самой высокой башне стояли жрецы, державшие в руках рога настолько большие и длинные, что их изогнутые концы стояли на полу.

Самый большой из рогов снова испустил длинный зов, затем три коротких. Длинный, и

три коротких. Это второе повторение подхватили все рога в храме. Браяру не нужно было спрашивать, что эти сигналы означали. Каждый храмовый воин бежал на стены с арбалетом в руках. Воины-спутники Браяра поступили так же.

Жрецы побежали запирать ворота. Другие подпёрли ворота нагруженными камнями телегами, когда ворота были закрыты. Жрицы накрыли большие колодцы во дворах, чтобы стрелы или камни не упали в их драгоценную воду. Послушники повели стада обратно в сараи, когда только начали их выводить на выпас. Другие храмовые работники мягко указали беженцам, вышедшим наружу, вернуться обратно в здания, где им могло быть безопаснее.

Браяр и Джимут взяли своё собственное оружие. Они тоже побежали на стены. Своих командующих они нашли на южной стене, прямо над парадными воротами. Там, вместе с жрецом-воином, командовавшим храмовыми войсками, они наблюдали, как триста янджингских солдат галопом проскакали вверх по дороге, и разошлись в стороны перед ними, как раз за пределами дальности арбалетов. По галерее пробежал послушник, чтобы что-то быстро прошептать жрецу-воину на ухо.

— У северных ворот ещё две сотни, — сказал командующий Суда, Ланго и Парахану. — Численность у нас с ними почти одинаковая, если только у них нет ещё сил, скрытых на дальней стороне кряжа. Я в этом сомневаюсь. Никто из наших дозорных не докладывает о передвижении, и смена караула происходила без происшествий. Последняя смена была сразу после утреннего колокола.

— Они могли использовать магию, чтобы подобраться ближе, — с тревогой сказал Парахан.

Командующий издал низкий, глухой смешок:

— Это должна была быть очень необычная магия, чтобы пробраться мимо наших дозорных, их собак, и сторожевые заклинания в тоннелях, которые дозорные используют для того, чтобы возвращаться сюда, — заверил он Парахана. — В прошлом году в тоннели правда забрался один лазутчик. Но не выбрался. Они так и не узнали, куда он подевался. Капитан Ланго, не мог бы ты подкрепить своими силами моих людей на восточной стене?

Гьонг-шийский капитан кивнул, и побежал вниз по галерее, жестами приказывая своим солдатам на земле следовать за ним.

К воротам подъезжал янджингский солдат. Он нёс белый флаг.

— Они выходят на переговоры, — заметила Суда.

Она закинула руку Браяру на плечи:

— Но ему не нужно пять рот только для переговоров. Может, нам всё же доведётся сразиться с этими собаками, а, Браяр?

«Какая кровожадная девушка!» — восхищённо подумал он.

Янджингский посланник остановил своего скакуна и помахал своим белым флагом перемирия на длинном шесте:

— Многоуважаемые жрецы великого Храма Тигров, я приношу вам приветствия от Генерала Джин Чуана из Имперской Армии Южного Гьонг-ши!

— Да снизойдут на его голову благословения наших тигров, — ответил командующий жрец.

— Я вот не знаю, хорошо или плохо получить такое благословение, — прошептала Браяру Суда.

— Наш великолепный генерал милосерден, и наш могучий император, шестой в своей

династии, любимый всеми богами, Уэй-шу Мао-рин Гуан-гонг Жи-ан из Династии Лонг держит это королевство Гьонг-ши близко к своей августейшей груди, — продолжил посланник.

— Так это какие-то посторонние убили всех тех людей в реке и в ущелье? — пробормотал Суде Браяр.

— Да снизойдут благословения наших богов тигров также на голову вашего императора, — ответил командующий. — В Грядущую Небесную Пору они несомненно вознаградят его самым надлежащим образом.

Если посланник счёл этот, или другие ответы командующего, странными или неоднозначными, то виду не показал:

— Мой господин генерал наказал мне сообщить, что мы надеемся сделать наш визит в ваш великолепный храм коротким и мирным. Дайте нам ничтожнейшие символы вашего почтения по отношению к нашему великодушному и сильномугучему императору. Если вы это сделаете, то мы объявим наше желание мира между нашей великой империей и вашими богами, и удалимся.

— Интересно, — пробормотал командующий. — О каких именно ничтожных символах идёт речь? — крикнул он.

— О четырёх людях, — ответил посланник. — Беглый раб Парахан. Его сестра Судамини. Женщина Розторн. Мальчик Браяр Мосс. Ваш мир, и мир всех, кто находится за вашими стенами, и на ваших обширных землях, в обмен на этих четверых, нанёсших оскорбление имперскому величеству.

— Я не могу дать на это ответ, — сказал командующий. — Лишь глава нашего храма может это сделать. Тебе придётся подождать.

Он пошёл к ступеням. Но вместо того, чтобы спуститься по ним на землю, или послать за главой храма, он просто сел там. Послушник, ожидавший с большим чайником и целой корзинкой чашек, налил чашку чая, и передал ему. Командующий похоже совсем не спешил никому ничего передавать.

Остальная часть их группы на стене отвернулась от посланника, и уселась в галерее, где их не было видно.

— Как по-янджингски.

К удивлению Браяра, разбудившая его старая жрица каким-то образом сумела взобраться к ним. Теперь она сидела скрестив ноги перед ним, Судой и Параханом, и позволила Джимуту передать ей чашку. Рядом с ней был высокий, долговязый молодой тигрёнок на привязи.

— Поскольку они торгуют людьми туда сюда, как безделушками, то они полагают, что и другие будут делать так же.

Она похлопала Браяра по колену:

— Что ты сделал, мальчик? Открутил имперский нос?

— Ничего подобного! — возразил он. — Я был совершенно обходительным! Мы с Розторн даже сделали ему собственную розу, уникальную, только для него!

Старая жрица тихо засмеялась:

— Несомненно, он хочет вас назад, чтобы вы сделали ещё одну. Эта Розторн, она сейчас не с тобой?

— Временно, — ответил Браяр. — У неё было одно поручение.

Женщина посмотрела на него так, будто знала, что поручение Розторн было тайной,

весьма магической тайной. Затем она сказала Парахану и Судамини:

— А вы, двое смутьянов?

— Мы не рабы, — тихо сказал Парахан, сжимая лежавшие на коленях кулаки до побеления костяшек. — Мой дядя продал меня императору, но я сбежал.

— Это не имеет значения, — сказала старая жрица. — Император Уэй-шу полагает, что угрозы заставят нас раскрошиться подобно засохшей грязи. В прошлом году он послал мне прекрасную коробку, на которой были вырезаны змеи. Это был отличный подарок.

Она покачала головой:

— Только благодаря моему другу я выжила после того, как открыла её.

Старуха погладила тигрёнка по спине. Он ткнулся ей в плечо своей большой головой. Она сохранила равновесие с выработавшейся от долгой практики лёгкостью.

— Он съел маленькую гадюку, которую император спрятал в моей прекрасной коробке. Мы всю ночь не спали из-за его больного живота, но теперь он знает, что гадюк есть не стоит.

— Но зачем? — спросила Суда.

Она с тоской посмотрела на тигрёнка.

— Зачем император послал вам гадюку?

— Полагаю, он думал, что мой преемник будет более расположен забыть о благодарности, которой мы обязаны Богам-Королям за том, что они позволили нашему храму здесь находиться. Он думал, что если он убьёт сварливую старуху, то у него будет в Гьонг-ши друг. Вместо этого у него тут по-прежнему сварливая старуха, которая теперь ещё и имеет на него зуб. Мы послали моего преемника ему в нашей собственной коробке.

Она встала, и подошла к краю стены. Тигрёнок встал рядом с ней, положив передние лапы на гребень.

— Посланник! Твой имперский господин знает, кто я такая — он пытался убить меня в прошлом году. Он потерпел неудачу.

Хотя она говорила нормальным тоном, её голос разносился по воздуху. Он ошарашил не только скакуна посланника, но также и лошадей всадников у него за спиной.

— Сообщите ему от меня следующее: скорее его дворец будет кишеть разгневанными кошками, чем я кому-нибудь сдамсья. У Гьонг-ши для вас много сюрпризов. Уходите, пока можете!

Она отошла от края стены, и поманила к себе командующего:

— Вы готовы? — тихо спросила она.

Её голос достигал лишь тех, кто был рядом. Браяр встал на ноги. Суда и Парахан уже стояли.

— Готов, если вы готовы, — ответил гьонг-шийский солдат.

Браяр выглянул наружу. Посланник галопом скакал к своим. Стрелки должно быть взвели арбалеты и наложили болты заблаговременно, потому что сейчас их оружие было поднято и готово к стрельбе.

Один янджингский солдат, крепкий малый в покрашенной золотой краской броне, поднял алое знамя. Несколько человек выкрикнули приказы, когда стрелки нацелились на стену храма. Солдаты пустили своих лошадей рысью.

Тогда жрица — глава храма, как уже понял Браяр — и командующий начали распевать.

Огромная оранжевая статуя тигра, сидевшая у ворот, встряхнулась, и зарычала на скачущих в атаку всадников. Белый тигр, уже находившийся в прыжке, завершил его,

приземлившись посреди атакующих.

Лошади сошли с ума от ужаса. Они вставали на дыбы и били копытами об землю, крича и скидывая своих хозяев на землю. Тигры крутились, и махали своими огромными лапами, разбрасывая в стороны лошадей и людей.

Воины Парахана и Суды замерли, увидев раскрывшуюся перед ними картину, но храмовые стрелки не медлили. Они прицелились и выстрелили. Когда их болты отправились в полёт, Браяр посмотрел на Джимута. Тот уже нацеливал свой арбалет. Браяр повернулся обратно к тиграм, и увидел их уязвимость. Они были каким-то образом привязаны к воротам. Достигнув своего предела, который похоже составлял около трёхсот ярдов, тигры могли сдерживать врагов, но не могли преследовать их дальше. Янджингские солдаты тоже об этом догадались. Они выстроились вне пределов досягаемости тигров, и подождали, пока их собственные маги сделают свой ход. Эти важные шишки всё время держались позади. Хотя Браяр не мог видеть их вблизи, или слышать, он догадался, что они взяли в руки свои бусы, и распевали слова, которые пробудят хранящиеся в них заклинания.

Гьонг-шийские и комбанпурские стрелки выпустили свои снаряды в воздух. Те по какой-то причине не долетели ни до магов, ни даже до солдат. Стрелки на стене попытались снова. Болты всё равно не долетели. Храмовые маги-жрецы вышли вперёд с маленькими котелками и коробками. Послушники шли за ними со ступками, пестиками, тряпичными мешками и пригоршнями благовоний. Они положили свои вещи на стену, и начали смешивать вещества, которые жрецы могли сжигать, напевая. Браяр ощутил давление их силы своей кожей. Когда стрелки на стене сделали следующий залп, болты попали во врага.

Браяр проигнорировал действия своих союзников, и уселся на стене, скрестив ноги.

— Не позволяй никому об меня споткнуться, Джимут, — сказал он.

Браяр погрузился в свою магию, следуя через корни под храм и наружу, под поле битвы. Вон там был вес камня, который должен был быть одним из каменных тигров. Браяр направился дальше, пока не ощутил маленькие магии, сопровождавшие обереги, которые носили солдаты.

Теперь он ощутил наверху иву в форме шарика, с впившейся в её волокна магией: именно то, что он хотел найти. Уэй-шу не предупредил своих магов, чтобы те убрали свои деревянные бусины. Там были и другие бусы из дерева, но пока ивовые годились для его цели.

Браяр окружил эти бусины своей собственной магией. Они были ему рады. Он принёс им память об их жизни в качестве деревьев, до того момента, когда кто-то порезал их на части и впихнул в них чужую магию. Магия ив лечила и объединяла. Это была сила, которая сгибалась, не ломаясь. Вместо текущих потоков и падающего дождя кто-то затолкал в древесину убийство и разрушение, заклинания, которые жгли и кололи.

Ивы эту магию не понимали. Им трудно было нести её в себе. Ощувив себя в Браяре, вспомнив, чем они были, кусочки ивы сбросили с себя чужую силу. Они взяли в себя зелёную магию, которая принадлежала им, когда они были деревьями. Они начали расти. Браяр направил их силу к водным жилам под землёй. Там они нашли свирепую силу рек Снежного Змея и Том Шо. Браяр привязал их магию к своей, утопил обе глубоко в воду, и отпустил.

Из ивовых бусин, которые носили янджингские маги, пробились ростки. Молодые деревья начали стремительно расти. Маги срывали с себя бусы, но недостаточно быстро, чтобы избежать объятий быстрорастущих ив. Молодые деревья следовали своей лечащей

силе, соединив руки магов с их телами, и заставив две человеческие ноги объединиться. Они обняли людей своими стволами.

Чувствуя, что немного отомстил за мертвецов в ущелье и в реке, Браяр сбежал по ступеням во двор. Он хотел посмотреть, что он сможет сделать, если и у северных ворот тоже были маги.

К тому времени, как каменные тигры вернулись к своим застывшим позам, Браяр успокоил свежие ивовые роци, которые он создал к югу и к северу от храма. Он упустил возможность поехать с воинами на ловлю остатков вражеских сил, когда все они обратились в бегство. Никто не хотел, чтобы беглецы добрались до Генерала Джин Чуана.

Поскольку он не мог гоняться за солдатами, Браяр обыскал траву вокруг молодых ив, и собрал остальные бусины магов. Его знобило от одной мысли о том, что кто-нибудь с толикой силы мог наткнуться на них. Также он предпочитал голоса молодых ив шуму деревенских жителей после битвы. Те кичились доблестью гьонг-шийских воинов и их союзников с юга. Браяр не хотел это слушать. Размер этого отряда был ничтожным по сравнению с теми силами, которые должен был послать император, и победу им сегодня принесла магия. В следующий раз магии может не хватить для изменения хода сражения. Образ тысяч имперских солдат никогда не уходил далеко у Браяра из головы. В следующий раз победа может и не даваться им так легко. Или вообще не даваться.

* * *

Покинув Браяра, Розторн поехала не мешкая. «Чем быстрее я доеду», — говорила она себе, — «тем быстрее я вернусь к ним. Кто знает, в какие шалости они ввяжутся, пока я не присматриваю?»

Через десять ярдов она оглянулась, чтобы последний раз увидеть своего мальчика, но из ниоткуда появился густой туман, скрыв северный берег Реки Снежного Змея. Она снова повернулась на юг, и позволила своему терпеливому коньку следовать по тропе. Когда они въехали в каньоны Дримбаканг Лоу, она помолилась Миле Полей И Зерна, Зелёному Человеку, богу роста, упорядоченному и хаотичному, и даже браярскому Лакику Ловкачу, чтобы тот присмотрел за ним и за Эвви.

Что она выяснила, неся Четыре Сокровища, так это то, что её путь всегда был ясен. С того момента, как она покинула крепость, он всегда был ей виден как сияющая бледная лента вдоль главного тракта, через мост, а сейчас — на простой дороге для одного мула. Ей нужно было лишь не отклоняться от пути.

Её ноша была своего рода спутником. Сокровища приносили ей мириады голосов. Большинство из них говорило на языках, которые она никогда не слышала, даже после всех её лет жизни на берегу Моря Камней. Некоторые обрывки разговоров приходили на языках, которые она знала хорошо, и разговоры шли о торговле, об управлении нациями, о погоде, об урожае, или о поведении детей. Голоса так крепко приковывали к себе её внимание, что её конь толкал её, когда ему нужно было отдохнуть, напиться или немного попасться.

После захода солнца Розторн вынула один из светящихся камней Эвви для освещения, не себе, а своему коню. Наконец он упёрся копытами, чтобы дать ей знать, что на сегодня он достаточно наискакался. Она разбила лагерь в роще деревьев и обтёрла своего покладистого зверя, затем накрыла его одеялом, чтобы защитить от горных холодов. Ужинала она вяленным

мясом яка и сыром, хотя не была особо голодна. По крайней мере, её собственный здравый смысл всё ещё работал.

И что лучше всего, она дышала свободно. Может, она и негодовала по поводу заезда в Гьонг-ши и разлуки с её молодыми людьми, но всё же было здорово снова наполнить свои лёгкие.

Рюкзак не был особо тяжёлой ношей, в физическом смысле. Розторн ощущала лёгкое давление у себя на груди, но оно не было сильным. Она спала на боку, не снимая с себя коробки, приобняв Четыре Сокровища одной рукой.

Розторн проснулась на рассвете, покормила себя и коня, и продолжила ехать в горы. Через некоторое время после полудня блестящий путь свернул с дороги на звериную тропу. Дикие горные козы и яки вежливо отходили в сторону, чтобы позволить ей проехать.

Тропа привела Розторн на узкий карниз над глубоким ущельем. Сбоку тянулась вверх на более чем сотню футов скала.

— Надеюсь, ты ловкий, — сказала Розторн коню.

Она сглотнула, посмотрев вниз. Ущелье было глубже, чем она ожидала. По камням на его дне гремела сине-белая лента воды.

Конь спокойно проследовал по тропе вдоль изгиба карниза, и снова вышел на более широкое пространство, глубоко в затенённых местах. Горы поднимались всё выше, и путь поднимался вместе с ними. Розторн расслабилась, и вернулась в своё сонное состояние. Той ночью было достаточно холодно, чтобы вынудить её развести костёр.

На следующий день тропа привела их в тонкий каньон. Он был таким узким, что Розторн могла коснуться обоих его стен, вытянув руки в стороны. Ей было ясно, что коню такая теснота была не по нраву.

— Что поделаешь? — спросила она его, тихо.

Не смотря на это, её голос разнёсся эхом.

— Видишь путь? Туда-то нам и надо.

— Немногие получают у богов благословение на то, чтобы прийти сюда.

Низкий мужской голос прогремел между каменных стен. Розторн натянула поводья, не уверенная, что происходит.

— Тебя ждут, несущая Сокровища Живого Круга. Ты прибыла в Храм Запечатанного Глаза. Двигайся дальше.

Переведя дух, Розторн решила, что больше ей ничего не оставалось. Она пустила своего коня вперёд, цокнув языком. Конь фыркнул, мотнул головой, но всё же тронулся. По мере расширения каньона тропа уходила вниз. До Розторн донёсся шум водопада.

Впереди открылась поляна. На ней был пруд, окружённый мягкой травой. Пруд питался от водопада, обрушивавшегося со скалы высотой в тридцать футов. Рядом с водопадом в скале располагались три входа в пещеры.

— Оставь коня, — приказал голос. — О нём позаботятся. Войди в храм — если выберешь верный вход.

— А если выберу неверный? — спросила Розторн.

«Нет, но это же абсурд», — в нетерпении думала она. «У меня есть Сокровища; я нашла эту дыру в стене — эти дыры в стене. Чего ещё им от меня надо?»

— Храм сам себя защищает, — ответил голос.

— Ты это слышал? — пробормотала Розторн коню, спешиваясь. — Храм сам себя защищает. А все остальные могут наслаждаться нашим миленьким отпуском в горах,

который мы взяли в то время, как в нас нуждаются другие люди.

Она стала снимать седло с конской спины.

— Ворчание тебе не поможет, — сказал ей голос. — За животным присмотрят.

— Ворчание поднимает мне настроение, — парировала она. — Если вам это не нравится, надо было дать Первому Посвящённому указания, или дать ему возможность принести вам эту ношу. И меня учили, что нужно самой заботиться о своём коне.

Что она и сделала, отерев его, накормив его пшеном, и выпустив его на траву. Закончив с этим, она перевесила свой рюкзак себе на грудь, поскольку при уходе за конём он висел у неё за спиной, и посмотрела на три отверстия. Светящийся путь входил прямо в самое маленькое из них, покрытое паутиной.

«Ларк», — подумала Розторн, вызывая перед своим мысленным взором лицо любимой, на случай если дело обернётся худо. Она глубоко вдохнула, подобрала лежавшую на земле палку, и подошла к пещере. Используя палку, она расчистила большую часть паутины, прежде чем вошла внутрь. Светящийся путь повёл её по узкому туннелю — такому узкому, что в некоторых местах она тёрлась плечами о камень. Розторн прикусила губу, и двинулась дальше.

По мере того, как за её спиной мерк дневной свет, Розторн увидела другой источник освещения. Высоко на стенах и потолке туннеля рос неизвестный ей грибок. Чем дальше она уходила от солнечного света, тем ярче грибок светился. Свет от него шёл беловато-зелёный, плохо отражавшийся на её коже. Она поморщилась, увидев свои зелёные как у трупа руки, но утешила себя мыслью о том, что никому здесь нет никакого дела до того, как она выглядит. Как посвящённая религии, она знала, что это слабость — так трястись над своей белой как сливки кожей. Вдвойне — потому что она почти всё время проводила на солнце.

— Беспокойство о внешнем виде — мировая глупость, — произнёс голос, будто прочитав её мысли.

Розторн развернулась. У неё за спиной стоял чернокожий мужчина, бывший столь крупным, что ему приходилось нагибаться, чтобы не биться головой о потолок. Он носил обычную гьонг-шийскую куртку, штаны и сапоги. Посреди его лба была нарисована белая метка в форме глаза.

Розторн крепко сжала Сокровища. Она не хотела, чтобы он заметил, как её трясёт. Ни один мужчина не видел её страха с тех пор, как она сбежала от цепей в сельском доме её отца.

— Я не знаю, как ты прочёл мои мысли, но это грубо, — огрызнулась она. — И мои слабости, как посвящённой — дело только моё, и моих собственных Первых Посвящённых.

— В Храме Запечатанного Глаза всё ведомо, — сказал мужчина. — Продолжай идти вперёд. Держись левой стороны туннеля.

Розторн не нравилось поворачиваться к нему спиной, но единственной альтернативой было стоять на месте. Назад она точно не могла пойти, мимо него. Когда она пошла дальше, Сокровища завладели её разумом. Они показывали ей странные образы: великий город, подвергавшийся нападению; чёрный молодой человек, пытающийся вывести из красивого дома двух девушек, похожих на него; окружившие их солдаты в янджингской броне. Их разлучили и продали, девушек и молодого человека, в янджингском городе. Молодого человека заставили работать на рисовой ферме. Оттуда он отыскал путь через леса, вверх по горным перевалам, голодный и полуголый, пока он наконец не упал без сил. Последним, что увидела Розторн, была гьонг-шийская женщина с нарисованным на лбу белым глазом: она

склонялась над упавшим молодым человеком.

Видение истаяло.

— Это ты? — спросила Розторн, забыв, что верзила скорее всего не мог видеть то же, что и она. — Ты был беглым рабом?

Она оглянулась.

Он вздохнул:

— Твои Сокровища могли бы и оставить мне мои тайны.

Он протянул руку:

— Осторожно!

Розторн стукнулась головой о высокий скальный уступ справа. Что-то на нём зашипело и заскреблось, бросившись на неё. Она сделала шаг назад. Существо отступило, не переставая шипеть. Розторн повернулась к нему лицом, и осторожно попятилась, пока не уткнулась спиной в противоположную стену. На вершине уступа находилось похожее на змею существо с человеческим черепом. Тело его, похоже, состояло исключительно из позвонков. Кожи, плоти и мышц у него не было; у составлявших его тело частей была форма костей, но на вид они состояли из металлов.

— Пещерные змеи — сущность Дримбакангов, — сказал ей мужчина. — Вначале они сделали себя из олова, меди и золота.

— Они **сделали себя**? — спросила Розторн.

— Поначалу, — ответил тот.

Она не знала, была ли она неуверенной или потрясённой. Пещерная змея поднялась на своих кольцах, и снова зашипела, наклоняясь вперёд, пока её лицо не оказалось прямо напротив лица Розторн. Дыхание существа было холодным, влажным, и пахло как земные недра. К своему ужасу, Розторн увидела за маленьким черепом существа движение, когда ещё несколько змееподобных тварей поднялись внутри её колец, тихо шипя.

— Они очень раздражительны, когда высиживают гнездо, — запоздало сообщил спутник Розторн.

Розторн глубоко вздохнула:

— Прошу прощения, что потревожила тебя и твоё гнездо, — сказала она пещерной змее-матери, впившись взглядом в пустые глазницы черепа существа.

Твари нельзя было дать понять, что она напугана.

— Я не имела намерения так поступать. Я не хотела бы, чтобы это переросло в ссору между нами.

— Это было бы печально для обеих сторон, — сказал кто-то ещё, когда пещерная змея снова крепко свернулась вокруг своего гнезда.

Розторн тихо прокляла пещеру, не предупреждавшую её о том, что кто-то подошёл к ним, и посмотрела налево. Здесь туннель открывался в приличного размера полость. Там стоял гьонг-шийский мужчина ростом где-то на дюйм ниже Розторн, одетый так же, как её спутник, в куртку и штаны. Как и у чернокожего, у него на лбу был белый глаз, хотя он не выглядел нарисованным. Пока Розторн смотрела на него, белый глаз ей подмигнул.

«Я хочу домой», — с кружащейся головой подумала она.

Низкорослый жрец произнёс:

— Добро пожаловать в Храм Запечатанного Глаза, Нивалин Гринхау, чьё религиозное имя — Розторн из храма Спирального Круга. Я вижу, почему Джангбу Докьи доверил тебе Четыре Сокровища твоей веры. В чужих руках они были бы могущественными силами зла.

но ты ведь никогда не позволишь им попасть в чужие руки, так ведь?

Розторн хмуро посмотрела на него, прежде чем вернула свой взгляд к пещерным змеям. Она им не доверяла.

— Я не уверена, как я могу остановить чужие руки, после некоего предела, но я буду стараться как могу.

— Твоё «как могу» — весьма значительно, дорогая моя. Идём. Я — Йешь Намка, Верховный Жрец Храма Запечатанного Глаза. Наш страж ворот за твоей спиной — Тэгэни Кэсс.

Розторн посмотрела на здоровяка, тот кивнул в ответ.

— Мы должны вместе пройти глубже в сердце гор, прежде чем ты сможешь сложить свою ношу, — сказал Намка. — О том, что ты увидишь и услышишь после определённой черты, не говори никому — ни дорогим твоему сердцу детям, ни своей любимой, ни Джангбу Докьи.

Она услышала звон в темноте за спиной верховного жреца. Из теней вышли ещё три существа, с головами орлов, телами кошек, ногами-веретенами, и лошадиными копытами. Тёмные цветом, они были покрыты пятнами, сиявшими бледно-золотым светом, таким же, какой исходил от их злых, загнутых клювов. Они остановились рядом с Намка, и склонили головы на бок, поглядывая на Розторн. Пещерные змеи затрещали им.

— Откуда они появились? — спросила Розторн у Намка, когда сочла, что может говорить, не стуча зубами.

— Иногда горам становится скучно, — объяснил Тэгэни Кэсс. — У них есть целая пропасть времени на то, чтобы строить себя и своих детей. Сперва они следовали природе мира, но иногда они желают попробовать что-то другое. Или меньшие боги, входящие в этот мир, считают, что мир нуждается в чём-то необычном, и создают это. Понимаешь?

— Нисколько, — сказала Розторн.

— Ещё поймёшь, — сказал Намка, маня её за собой. — Идём.

Он повернулся, и отогнал странных копытных существ прочь с дороги.

* * *

Браяру нечего было делать. Те несколько воинов, что получили на стене ранения от вражеских стрелков, получили хороший уход от храмовых лекарей. Он собрал все бусы павших магов, какие только нашёл. Он выпросил себе обед, и уселся со своими находками у северных ворот. Поев, он поработал над заклинаниями, которые могли обернуть бусины из дуба и гинкго против своих хозяев. Одно из этих заклинаний зависело от пола дерева гинкго, из которого была сделана бусина. Чтобы проверить заклинание, Браяр бросил две бусины на несколько ярдов вниз по склону холма, и привёл в действие магию, которую он на них наложил. В течение нескольких секунд они лопнули, превратившись в быстрорастущие женские семена, доросшие до размера козлят, созревшие и лопнувшие. Браяр злорадно засмеялся, хотя ему и пришлось закрыть нос локтем и попятиться от рвотного запаха.

Браяр ткнулся во что-то спиной. Он обернулся, чтобы попросить прощения, но слова застряли у него в горле. Он не ожидал, что сидевший оранжевый тигр проснётся, но тот подошёл к Браяру, чтобы поближе посмотреть на его занятия.

— Я так понимаю, нюха у тебя нет, — сказал Браяр.

Тигр помотал головой.

— Везёт тебе, — вяло сказал Браяр.

«Конечно же, они знают, что я говорю», — подумал он. Поскольку поделаться с этим ничего было нельзя, он снова уселся, и стал размышлять о том, что делать с бусинами из древесины мужских гинкго.

Пока громадное существо было рядом, он решил задать вопрос, который уже всё утро не выходил у него из головы:

— Вы двое появились из каньона позади Гармашинг? В Дримбаканг Зугу?

На случай, если тигр не узнавал имена, он вызвал у себя в памяти то утро, когда шаманы вытанцевали к жизни пару гигантских скелетов, на случай если тигр каким-то образом мог видеть образ в его разуме. Он сосредоточился, пытаясь воспроизвести звуки и запахи того морозного мига, когда камень сам придал себе форму, и вышел из скалы.

Открыть глаза его заставил скребущий звук. Используя один из своих когтей, тигр нарисовал две плавные линии, между которыми извивалась третья. Это была карта каньона позади Гармашинг.

— Когда они вас вытанцевали из скал?

Тигр пожал плечами, отчего его тщательно выточенный мех пошёл волнами.

— Но это было давно.

Тигр кивнул, и лёг рядом с Браяром.

— Спасибо, — вежливо сказал Браяр, поражаясь. — Я так и думал.

Он вернулся к своим экспериментам с бусинами из древесины мужского гинкго, но душа к работе у него не лежала. Он подумал, что если не быть осторожным, то он может начать думать, что боги действительно были в Гьонг-ши ближе, чем в любых других частях мира, если они могла дарить местный камень, защищающий храмы из далёких земель.

Браяр может и ушёл глубоко в свои мысли, но всё же заметил оранжево-чёрного тигра, когда тот снова встал на ноги, и подошёл к нему. Прошло несколько мгновений, прежде чем любопытство заело его, и он поднял голову. Обе статуи тигров спустились вниз по холму, чтобы съесть останки вонючих ягод-переростков гинкго.

— Что ж, — сказал Браяр. — Полагаю, им всё равно, мясо это или нет. Может, им просто нравится магия?

Он продолжил работать с другими деревянными бусинами.

Тигры съели все ягоды, и вернулись на свои сторожевые посты, чтобы умыться, когда травы сообщили Браяру, что приближаются лошади. Короткий взгляд на небо показал ему, что день был на исходе. Тигры вернулись в свои замершие позы, но не в те, которые принимали раньше. Белый тигр сидел на задних лапах, умывая одну из передних. Оранжевый тигр вытянулся на боку.

Браяр подождал, пока выезжавшие вслед за врагом солдаты проехали через ворота, затем последовал за ними внутрь. Он немного задержался, чтобы похлопать по каждому из каменных тигров. Он знал, что Эвви бы хотела этого от него. Тигры затвердели.

Близнецы и Капитан Ланго поприветствовали его, спешиваясь, но выглядели чем-то занятыми. Они удалились в палатку Суды, и послали за несколькими из своих людей, в то время как храмовый капитан порысил вверх, в храм. Вскоре после этого он вернулся с храмовым воином-командующим, главной жрицей, и её тигрёнком. Все они вошли в палатку Суды; снаружи была расставлена стража, чтобы никто не мог подобраться достаточно близко для подслушивания.

Возвращавшиеся группы охотников привезли раненных. Браяр сменил свой набор мага на набор лекаря, и предложил храмовым работникам свою помощь. Учитывая ещё и тех, кого ранили во время патрулирования, храмовые лекари были рады помощи Браяра, а также его снадобьям.

— Мы догнали всех, кого преследовали, кроме двоих, — сказала Браяру Атори, одна из стрелков Суды, пока он чистил её стреляную рану. — Эти янджингские *сен* знают, как ездить верхом!

Браяр ослабил на её употребление банпурского ругательства, которое он часто слышал от Парахана. Атори заскрипела зубами, когда налитое им очищающее зелье запузырилось глубоко в её ране. Браяр пробормотал:

— Осталось чуть-чуть. С этой штукой я пока ещё никого не терял из-за инфекции.

— Ну, хоть в этом благословение богини, — ахнула она. — Ай-й-й-й!

— Готово, — сказал Браяр, и начал бинтовать рану. — Когда завтра снимешь повязку, скажем, в полдень, то рука будет выглядеть так, будто в тебя никто не стрелял. Дай ей неделю, и даже ныть перестанет.

— А стрелять с этой руки я смогу? — поинтересовалась Атори.

На её лице отразилось беспокойство:

— Мы нашли большой лагерь. Больше нашего. Признаки присутствия армии в этой местности.

— Ты сможешь стрелять, — заверил её Браяр. — Возьми себе лечебного чая, и пей его постоянно.

Атори всё это время сидела на табурете, чтобы он мог работать над её рукой. Внезапно она встала, схватила его за уши, и крепко поцеловала.

— Ох, если бы я только не была обручена, — скорбно произнесла она. — Спасибо, Браяр!

Какое-то время он просто стоял, широко улыбаясь. Ей было лет двадцать, и она явно была для него старовата, но было приятно получить такой безумный поцелуй от красивой девушки. Более чем приятно!

— Слушай, *эмчи*, — проворчал следующий на очереди пациент, гьонг-шийский воин постарше, — если не хочешь, чтобы я тебя целовал, посмотришь на вот это?

Очнувшись от своего счастливого состояния, Браяр попросил прощения, и поманил солдата к себе.

Больше книг на сайте — Knigolub.net

* * *

Когда Браяр вышел из амбара, который был переделан под лазарет, была уже почти полночь. Он в последний раз проверил своих спящих пациентов, затем позаботился о тех, кто не спал и нуждался в какой-либо помощи. Он только узрел свою скатку и меха, уложенные рядом с сараем, где о него никто не споткнётся, — «Спасибо, Джимут!» — с благодарностью подумал Браяр — когда до его слуха донёсся шум из-за ворот. Это был рог: не большие рога на крыше и стенах храма, а обычный рог, протрубивший несколько тонов. Звук утих, затем снова послышались та же последовательность тонов.

Браяр увидел, как стража спешно открывает одну из створок ворот, расчищенных

после битвы. Внутрь ввалился всадник в гьонг-шийское броне, с лошадьёю на поводу. К его седлу был приторочен длинный бамбуковый жезл с синим шёлковым знаменем. Это был посыльный от одного из генералов Гьонг-ши.

Подбежал храмовый послушник, чтобы забрать у вестника лошадьё. Другой повёл его к тем, с кем ему нужно было увидеться. На миг Браяру захотелось, чтобы тот принёс вести о Розторн или Эвви, но он знал, что это невозможно. От Розторн он ничего не услышит, пока не увидит её снова, настолько тайной было её поручение, и никто бы не послал военного вестника ради мага-ученицы и её кошек. Да и усталость у Браяра сейчас была сильнее любопытства. Он умыл лицо и руки у колодца во дворе, потом стащил сапоги и заполз в свою скатку.

Как уже часто бывало, оказалось, что Браяр слишком устал, чтобы спать. Поглазев какое-то время на звёзды, он сел, и натянул обратно свои сапоги. Возможно, лекари смогут поделиться обычным чаем, и может ещё кой-какой едой. Ужин он не ел. Храмовые кухни несомненно были закрыты. Он пошёл обратно к колодцу, чтобы попить воды и почистить зубы.

Там-то его и нашли Парахан и Судамини. Близнецы выглядели такими же вымотанными, каким он ощущал себя сам. Браяр заметил, что они не поленились расчесать свои блестящие чёрные волосы и переодеться в удобные куртки в стиле Королевств, и в мешковатые штаны. Парахан нёс в руках что-то крупное.

— Почему вы не спите? — спросил Браяр хриловатым от усталости голосом.

— Мы могли бы спросить у тебя то же самое, — ответила Суда.

Она села рядом с ним на краю колодца.

— О, нет, — сказал Браяр, у которого от недосыпа и голода кружилась голова. — Меня сегодня уже целовала красивая девушка. Второго поцелуя я уже не вынесу.

Суда тихо засмеялась, и приобняла его одной рукой:

— Да это было бы как брата целовать, — сказала она. — Слушай, Браяр. У нас новости.

Он посмотрел на неё, затем на Парахана.

— Мы гнались за одними солдатами до лагеря. Они были вовремя предупреждены, и сбежали, но их генерал оставил кой-какие письма и другие вещи.

Браяр с шоком осознал, что Парахан рыдал.

— Браяр, на Крепость Самбачу напали через два дня после нашего отъезда. У янджингцев было достаточно магов, чтобы разнести ворота крепости. Они написали своему генералу, что убили беженцев и животных.

Браяр сжал кулаки:

— Эвви?

Суда продолжила рассказ. Парахан утирал глаза рукавом.

— У них были приказы отослать Эвви в лагерь императора после того, как она скажет им, где мы находимся, и где находитесь вы с Розторн. Но... она умерла во время допроса. С ними был один из лучших магов императора, только для этого.

Браяр услышал голос. Оказалось, что это его голос:

— Ты хочешь сказать «пытали».

Суда склонила голову:

— Пытали.

Парахан показал свой свёрток Браяру:

— Она показала мне это, в один из тех дней, пока вы с Розторн делали цветок. Это было

в палатке генерала, вместе с его письмом. Он собирался отослать это Уэй-шу.

Браяр взял свёрток, и распустил завязки онемевшими пальцами. Это был каменный алфавит Эвви. Не тот, который она сама недавно начала собирать из найденных ею камней. Это был тот, который он для неё сделал, ещё когда осознал, что ему как-то придётся учить каменного мага. В тусклом свете факелов и звёзд камни были неподвижны и мертвы.

— «А» — значит «аметист», — прошептал он, проводя пальцами по камню. Он был не особо качественным; на рынке он бы ушёл за бесценок, но Эвви его обожала. Это был её первый шаг в новую жизнь в качестве мага. Она держала алфавит там, где кошки не могли с ним играть...

— Кошки?

— В письме сказано, что животных они убили. Мы можем надеяться, что кошки сбежали, — надтреснутым голосом ответил Парахан.

Браяр вспомнил, что Парахан провёл какое-то время с Эвви и её кошками.

— Могу я побыть один? — вежливо спросил он. — Я буду в порядке.

— Ты уверен? — поинтересовалась Суда. — Мы можем лишь догадываться, насколько тебе плохо.

— Правда, я буду в порядке, — сказал Браяр. — Лучше всего я справлюсь один.

«Или с Розторн, Ларк и сёстрами», — подумал он, — «но **никого** из них тут нет! Со мной никого из них нет! Они все укатили по своим делам, а меня оставили с этим один на один!»

Это было нечестно. Он знал, что это было нечестно. Но в тот момент он не был настроен для честности. Он взобрался на стену, и шёл по ней, пока не смог смотреть на север. Сейчас он ненавидел всех — Первого Посвящённого и Бога-короля, Ларк — за то, что не заставила Розторн остаться дома, Розторн — за то, что не отказала императору и Первому Посвящённому, Эвви — за то, что не захотела поехать с ним. Себя — за то, что не настоял на том, чтобы она поехала с ним, или за то, что не остался с ней.

Особенно себя. Он ненавидел себя. Он был её первым наставником, и он затащил её поперёк пути огромных имперских армий и легионов имперских магов. Он стоял, и безучастно смотрел, как Уэй-шу улыбался и играл в игры с их жизнями. Браяр оставил свою Эвви умирать под пытками в одиночестве. Она хорошо владела своей силой, но эти люди владели своей мастерски. Ей было всего двенадцать.

Он прижал к себе каменный алфавит, и смотрел на луга за северными воротами. В свете звёзд они были серыми. Где-то на той их стороне находились имперские армии. В том направлении были палачи, убийцы и те, кто готов был украсть у людей их страны. Они заплатят. Он об этом позаботится.

Травы тянулись вверх в темноте, трепеща стеблями от наполнявшей их силы. Их корни распухли и вытянулись. Какое-то время земля тряслась, а потом успокоилась.

Заря застала Браяра с оранжево-чёрным тигром у южных ворот храма. В какой-то момент он сумел уговорить стражников выпустить его; он точно не помнил, когда. В его нынешнем унылом настроении тигр составлял хорошую компанию. Завернувшись в мех от своей скатки, он рассказал тигру про Эвви, какой она могла быть раздражающей, как она защищала своих кошек, и как сильно она любила новую одежду. Тигр свернулся вокруг него клубком, образовав чашу, в которой находился Браяр. Наконец он заснул.

Его разбудила главная жрица. Она мягко говорила с каменным тигром, поблагодарив его за его заботу о Браяре, пока тот потихоньку не развернулся, заняв своё обычное место у ворот.

Пока Браяр сонно смотрел на старуху, та сказала ему:

— Я думаю, после этого мы должны обращаться с привратными тиграми по-другому. В наших книгах сказано, что они — бездумные рабы нашей магии, но, судя по всему, это не так. Возможно, нам следует благодарить за это тебя.

Она коснулась одного из его опухших глаз:

— Ты плакал.

На какой-то драгоценный миг он забыл. Слёзы потекли снова, когда он сказал ей:

— Они убили Эвви. Мою ученицу.

— Ты отомстишь, — сказала старуха. — Прошлой ночью с запада прибыл вестник. Твои люди подождут здесь ещё день, чтобы раненные поправились. К обеду придут воины из западных храмов и племён, чтобы присоединиться к вам. Парахан и Суда хотят отправиться на восток, чтобы поймать врага в Крепости Самбачу. Посмотрим. Генерал Сэруго ближе.

— Я хочу туда, — сказал Браяр, с трудом поднимаясь на ноги. — Я хочу сделать со всеми ими, в крепости, то, что они сделали с Эвви!

Старуха помогла ему встать:

— Когда ты согласишься помочь Парахану и остальным, ты поставил себя под командование Бога-Короля. У тебя может и не быть выбора.

Браяр зыркнул на неё, но был слишком слаб от горя, чтобы спорить. Вместо этого он подумал кое о чём другом:

— Погодите... я не могу ехать. Я должен ждать здесь Розторн. Она скоро вернётся из гор, я надеюсь. Я сказал ей, что встречу её.

— И ты встретишь, — терпеливо сказала жрица. — Когда ты в последний раз ел?

Он покачал головой, не потому, что не хотел есть, а потому, что не мог вспомнить, когда ел в последний раз.

— Я так и думала, — сказала она.

Старуха потащила его в храмовый комплекс.

Там его покормили яичным супом и *момос*, обжигавшим ему пальцы. Когда он поел достаточно, чтобы повара от него отстали, Браяр пошёл в палатку лекарей, и стал помогать там. На обед было карри. Джимут сидел по одну сторону от Браяра, Суда — по другую. Находясь между ними, он ел всё, что перед ним ставили, просто чтобы они не запилили его

до смерти.

Браяр собирался покинуть храм, чтобы вознести молитвы за Эвви в одной из своих новых ивовых рощ, когда по дороге галопом примчался отряд гьонг-шийских воинов, нёсших жёлтое знамя посыльных. Пару из них он знал по Крепости Самбачу.

— Мы едва добрались сюда, — сказала стражам у ворот нёсшая знамя женщина. — на вашей дороге не было деревьев, когда я была тут в последний раз! Как...

Посмотрев стражнику за плечо, она увидела Браяра.

— А. Я думала, Рана придумывал про то, что ты растишь деревья на ровном месте. Ладно, не важно. У меня сообщения для Принца Парахана и Принцессы Судамини, и Капитанов Ланго и Джа!

Стражи открыли ворота лишь после того, как Ланго идентифицировал прибывших как воинов Генерала Сэруго. Вестник и её охрана завели своих лошадей внутрь. Браяру было их немного жаль. Вскоре они узнают о своих собственных потерях: о том, как вырезали Капитана Джа и его отряд. По крайней мере, они были солдатами. Они знали, что на войне их ждала смерть. Эвви не знала. Её сюда притащили Браяр и Розторн. Она не хотела иметь никаких дел с императором. Она всего лишь хотела поглядеть на горы.

* * *

Эвви много спала. Сны ей тоже снились, и они были самыми странными в её жизни. Флюоритовый медведь присутствовал в большинстве из них, переваливаясь рядом с ней от её головы до её ног, наблюдая за тем, как змеи из спинных костей и черепов разматывали её перевязки. Львы изо льда и уплотнённого снега лизали её стопы. Паук, бывший как минимум в два раза больше неё, спрыгнул с невидимого ей потолка, и забинтовал её стопы своей паутиной.

В её снах, когда медведя не было рядом, приходила женщина с нарисованным на лбу белым глазом, и спорила с ней о еде. Обычно Эвви пила суп, который приносила женщина, лишь бы та ушла. Эвви знала, что сны так не работали. Люди не уходили просто потому, что ты делаешь в своих снах то, что они хотели, но эти сны были такими же необычными, как странные вещи, которые она в них видела.

В одном из снов она спросила флюоритового медведя:

— Что страньше — девятиголовая змея или...

Внезапно она оказалась совершенно полностью бодрствующей, и говорила:

— ... огромные пауки, спускающиеся сверху?

Эвви села, и огляделась вокруг. Она **определённо** не спала. Она ощущала на себе свою изорванную одежду. Она чувствовала свой запах. Когда она в последний раз мылась?

— Ты меня чуешь? — спросила она у медведя.

— Нет, — серьёзно ответил тот.

— О, хорошо.

Сплотнув, ужасаясь от того, что она может увидеть, она заставила себя посмотреть на свои ступни. Они были там, и выглядели как её обычные, повседневные ступни. Она пошевелила пальцами. Они были затёкшие, но не болели.

— Мне снилось, что янджингские *юджинон* ободрали мне ступни и убили всех в крепости, но тачасть была такой правдоподобной, — пробормотала она. — Мне снилось,

что они убили моих кошек. А потом я пришла сюда, и большой паук обернул мои ступни своей паутиной. Я **знаю**, что та часть была сном.

— Всё это было на самом деле, Эвумэймэй Дингзай, — сказал ей медведь. — Я позвал тебя, чтобы ты могла найти убежище здесь, в горах. Паутина спала с твоих ног одну зарю назад, когда твои ступни залечились.

Слёзы потекли по её щекам:

— Так мои кошки на самом деле мертвы?

— Когда я понял, почему ты звала их в своих снах, я показал их образы одной из моих ибрисов, — сказал медведь. — Она пошла к груде мёртвых за каменной пещерой. В груде она нашла семь маленьких кошек, которые соответствовали твоим снам.

Эвви перевернулась на мягкой куче тряпья, на которой спала, и зарыдала ещё сильнее.

Когда она наконец высушила глаза и снова села, она обнаружила, что медведь не сдвинулся с места.

— Обычно я так не плачу, — агрессивно сказала она ему. — Так что не начинай думать, будто я какая-то лейка.

— Что такое «лейка»? — спросил он.

— Это кувшин. В него наливаешь воду, и из него выливаешь воду на растения, чтобы они росли.

— А разве дождя недостаточно?

Эвви потёрла высохшую кровь на задней части пятки. Кровь потрескалась и отпала.

— Мы держим растения у нас в домах. И используем лейки, чтобы делать дождь внутри помещений.

Медленно, морщась из-за того, что сильно затекла, Эвви загнула одну из ног на колено другой, чтобы посмотреть на подошву. Та была припухшей от шрамов, исполосовавших её плоть, но когда она потыкала их, они лишь ныли, не так больно, как в о время её бегства из крепости.

— Ты вылечил их.

— Их вылечила паутина вершинного паука, — объяснил медведь. — Прости нас за то, что мы держали тебя в забвении. Мы посчитали, что тебе будет спокойнее, если ты не будешь видеть, как тебя лечат.

— Меня не волнует то, как меня лечили, — горько сказала Эвви. — Меня волнует то, что мне вообще сделали больно. Меня волнует то, что они убили всех жителей крепости. Меня **волнует** то, что они убили моих кошек.

Она разжала и сжала кулаки, вспоминая ощущение холодных как камень мёртвых кошек под её пальцами, когда она ползла по телам в поисках одежды.

— Что те селяне вообще сделали, чтобы заслужить такую смерть, скажи мне! С ними были малыши, младенцы, и эти имперские кус убили их, и сбросили их гнить в кучу!

Она зыркнула на флюоритового медведя, снова склонившего набок свой головной нарост.

— Что!?! Ты думаешь, я сумасшедшая, так ведь?

— Я не знаю, что значит «сумасшедшая», — ответило существо своим медленным, вдумчивым образом. — Я думаю, что мы вылечили боль в твоих ступнях и боль в твоём теле, но твой дух по-прежнему болен. Я хочу вылечить для тебя эту боль, но я не знаю, как это сделать. Я могу лечить мясных существ моей горы, но двуногих мясных существ я оставляю на попечение их собственного рода.

— Ты так всегда говоришь? — потребовала Эвви.

Это было с её стороны ни вежливо, ни благодарно, но если её кошки были мертвы, то почему это создание не могло просто оставить её умирать? «У Браяра есть Розторн, а у Розторн — Браяр», — подумала она. Воспоминание пронзило её подобно молнии. «Браяр и Розторн! Если враг обошёл Генерала Сэруго и её войска, или убил их всех, чтобы добраться до Крепости Самбачу, то они могли и Браяра с Розторн тоже схватить! И как я вообще об этом узнаю?»

Каменное существо сказало:

— Моя трудность заключается в том, что ты — не совсем из рода мясных существ.

— Конечно же я из рода! — парировала Эвви.

— Нет. Если бы так было, то я бы не услышал твоё приближение, когда ты ещё была в низинах Реки Ледяных Нага.

— Чего?

— Реки, которая течёт под моей горой, перед каменным местом, где тебя пытались убить, Эвумэймэй Дингзай.

— Мы зовём её Река Снежного Змея, — сказала ему Эвви. — И ты можешь звать меня Эвви.

— Я не могу даже начать произносить такое имя, как оно уже заканчивается. Ты согласишься на Эвумэймэй?

Она вздохнула:

— Похоже, что придётся. А ты как зовёшься?

Он наклонил назад свой головной нарост, и издал серию звуков, которые она не могла даже попытаться запомнить. Её разум зацепился за два слога, которые она могла проговорить.

— Я буду звать тебя Луво. Прости, я знаю, что это не всё твоё имя, но полностью я его не могу выговорить, или даже запомнить.

Она повесила голову:

— Я не пытаюсь быть грубой или неуважительной. Полагаю, быть горой — это крупное дело, вроде как быть богом. Я не делаю крупные дела.

— Я — лишь сердце этой горы, — мягко сказал Луво. — И часть тебя — из моего рода, горного рода. Хотя я с грустью должен сказать, что ты ограничена. Слишком многое в тебе — от мясного существа. Я не могу понять, как ты вообще появилась.

Эвви вытерла свой нос рукой:

— Розторн и Браяр говорят, что я — окружающий маг. Мы черпаем нашу силу из разных частей мира. Они получают свою магию из растений и всего, что растёт. У Браяра есть названная сестра, которая получает свою от погоды, и ещё одна, которая получает свою из металла и огня, и другая, которая получает магию из создания ткани и работы с ней. Я свою получаю из камней.

— Я не знал, что так бывает, — заворожённо произнёс Луво. — Эта магия отличается от той, которую используют поющий народ, или народ белого глаза.

— Я думаю, это академические маги и шаманы, — сказала Эвви. — Я знаю, что Браяр где-то на западе от крепости с Параханом и Судамини. С ними есть маги, но я думаю, что Браяр — единственный окружающий маг среди них. Если он ещё жив.

Она заломила свои облачённые в рваную рубаху руки:

— Что мне делать? Как я найду его, или Розторн? Они не знают, где я. Я не могу вернуться обратно в крепость — меня снова будут пытаться!

— Ты не могла вернуться в крепость, — сказал ей Луво. — Её больше нет.

Эвви моргнула, глядя на него:

— Пришла Генерал Сэруго? Или армия Бога-Короля? Что случилось?

— Холм, на котором она стояла, встряхнулся, — сказал Луво. — Крепость обрушилась.

Эвви какое-то время смотрела на каменное существо, не совсем уверенная в том, что Луво имел ввиду. Потом спросила:

— Как это произошло?

— Наши горы — молодые, и всё ещё растут, — бесцветным, глубоким голосом произнёс Луво. — Растущие горы могут трясти землю вокруг себя.

— Почему? — потребовала Эвви.

У неё было такое ощущение, что это произошло не случайно.

— Земля и её стражи не любят незваных гостей, повреждающих и убивающих тех, чьё место — здесь, или тех, кто приносит сюда хорошие вещи.

Эвви готова была поклясться, что она ощутила дрожь земли у себя под ногами. Вообще, она была в этом уверена. Она нервно покосилась на сталактиты, росшие на потолке пещеры.

А потом она заорала. С одного сталактита на другой прыгал гигантский паук, подбираясь к ней всё ближе и ближе, пока наконец не упал всего лишь в нескольких ярдах от неё. Эвви посмотрела на его волосатое тело и большие чёрные глаза, и снова заорала. Существо подняло в воздух одну из своих больших передних лап, будто ему было больно. Судорожно отползая назад по своей постели из мха и рванья, Эвви осознала, что в лапах паук держал сумку.

— Эвумэймэй, прекрати! — прогремел Луво. — Ты пугаешь Дибан Кангмо!

— Это **я-то** пугаю... чем бы оно ни было? — завизжала Эвви.

— Её зовут Дибан Кангмо. Она несёт тебе еду, — твёрдо сказал Луво. — Прекрати этот ужасающий звук. Ты должна её поблагодарить. Она не хотела кормить тебя. Ей не нравилась мысль о том, чтобы принести мясное существо так глубоко в нашу гору.

Эвви прикрыла ладонями свой рот, и уставилась на паучиху. В той было шести футов росту, и ни дюймом меньше. Её жвала могли легко раздавить Эвви руку. Переведя дух, и решив, что будет говорить дальше, она убрала руки, и спросила:

— Ди-что?

— Ди-бан Канг-мо, — произнёс Луво ещё медленнее, чем обычно. — Твои ступни лечила одна из её дочерей.

Эвви сглотнула при мысли о том, что над её телом работала такая громадина. Она была безмерно рада тому, что не проснулась в тот момент.

— Что она такое? Что они такое?

— Вершинные пауки, — ответил Луво. — Боги и богини, живущие в пиках Дримбакангов.

Эвви содрогнулась. Она не хотела думать о богах, имеющих форму пауков. Она медленно опустилась на колени, и коснулась лбом пола пещеры:

— Я очень, очень сильно прошу прощения, Дибан Кангмо, — сказала она гигантской паучихе. — Полагаю, я всё ещё расстроена тем, что со мной произошло. Пожалуйста, поблагодари свою дочь за то, что она вылечила мои ступни.

Это она сказала от всего сердца.

— Я бы вероятно умерла. И благодарю тебя за то, что кормила меня. Я клянусь, что ты об этом не пожалеешь.

Она украдкой взглянула на паучиху. Дибан Кангмо сделала два шага вперёд — её ноги щёлкали по камню при ходьбе. Паучиха медленно развернула ногу, в которой держала, как теперь увидела Эвви, несколько кухонных кастрюль. Она осторожно поставила их на землю. Затем отошла на пару ярдов назад.

Эвви посмотрела на кастрюли. Она не была до конца уверена, что нужно говорить или делать.

— Где она их нашла? — прошептала она Луво.

Какое-то время Луво молчал. Затем он сказал Эвви:

— На Ледяной Нага — которую вы зовёте Рекой Снежного Змея — на западе есть место, вроде обрушившейся... крепости... только с большим числом... Тебе не нравится, когда я зову ваш народ мясными существами. Как мне их называть?

— Люди, — сказала Эвви. — Или народ.

— Народ может быть из кого угодно, — возразил Луво. — Дибан Кангмо и её родня — народ, как и ледяные львы и пещерные змеи, нага, глубинные бегуны, и мы, горы. Люди — это те мясные существа на двух ногах?

Эвви кивнула.

— Место вроде крепости, где сейчас собралось много людей. Это место, которое достигает неба духом, и люди, которые всё время живут там, издают красивые звуки с помощью длинных труб и металлических тарелок.

— Может, это храм, — сказала Эвви. — Я слышала от Парахана, что первая остановка на Дороге Снежного Змея — Храм Лошадей Грома.

— Там-то она и нашла твою еду.

— А люди её видели? — спросила Эвви, гадая, была ли она единственным человеком, заоравшим при виде гигантского вершинного паука.

Луво, похоже, это позабавило:

— Никто в этой земле не видит народ духов, если представители народа этого не желают. Они предпочитают жить тихо. Хватит вопросов, Эвумэймэй!

Робко, поглядывая на Дибан Кангмо, Эвви подползла к кастрюлям. Все они были холодными. Ей было всё равно. Она начала с чая, жадно хлебая его. Чай смочил её сухое, истерзанное горло. Потом она сосредоточила своё внимание на еде, зачерпывая *цáмпа*, шарики из ячменной муки, и запихивая их в рот. Эти были с маслом и творогом. Обычно она бы выплюнула такое. Но сегодня их вкус был лучше, чем всё, что она пробовала прежде в жизни, даже лучше её обожаемого жареного баклажана. В другой кастрюле было острое рисовое карри с молодой бараниной. Эвви ела карри попеременно с *цáмпа*, пока в неё лезла еда. Только после того, как она уже не могла даже смотреть в другие кастрюли, чтобы узнать об их содержимом, потому что наелась до отвала, она с трудом поднялась на ноги, и подошла к обширному водному пространству рядом с её ложем.

— Я грязная, — сказала она Луво. — Я буду мыться.

Поскольку Эвви была весьма уверена в том, что он не знал, что такое «грязная», она объяснила:

— Я вся покрыта кровью, мочой, дерьмом и потом. Обычно от меня так не пахнет.

Она стала возиться со своей одеждой, снимая её с себя, один слой за другим. Ей и в голову не приходило стесняться. Говорящий булыжник и гигантский паук едва ли были кем-то, в чьём присутствии ей было бы неудобно быть обнажённой.

— Жаль, что у меня нет чистой одежды.

В зелёном свете, исходявшем от расположенных повсюду светящихся пятен, было трудно сказать, но Эвви была почти уверена, что на некоторых предметах её одежды была кровь. Это имело смысл, учитывая то, что одежду она сняла с убитых людей.

Вода была **очень** холодной. «После всех этих купаний в холодной воде во время наших путешествий мне следовало бы уже к этому привыкнуть», — мрачно подумала она, — «но я не привыкла».

В неё подобно ножу вонзилось воспоминание о её кошках, сидевших на берегах бессчётных ручьёв и наблюдавших за тем, как они с Розторн ойкают в холодных водах. Эвви села на дне пещерного озера, и тихо позволила своим слезам течь свободно.

Наконец Эвви начала расчёсывать пальцами свои спутанные волосы. Когда они стали прямыми и достаточно чистыми, она выбралась на сушу.

Её грязная одежда исчезла. Рядом с её мшистой кроватью лежала кучка материи различных подсвеченных зелёным цветом.

— Есть одно закрытое место, — сказал Луво, когда она подошла ближе. — Оно похоже на тот «храм» Лошадей Грома, но оно — для моей горы, и гор моих братьев и сестёр. Твои люди приходят туда, и оставляют вещи для людей, которые там поют, и зажигают лампы, и кланяются вверх и вниз, как ты, только больше. А ещё они используют огонь, чтобы делать интересно пахнущий дым.

Эвви натянуто улыбнулась ему:

— Здешние люди поклоняются твоей горе и двум другим как богам. Они думают, что вы трое — мужа Королевы Солнца.

— Смехотворно! — сказал Луво. — Солнце вообще не является частью этого мира!

Эвви неуклюже присела, и порылась в горке одежды. Вскоре она оказалась одета в несколько слоёв цветастых шёлковых халатов, подбитых мехом. Луво каким-то образом также принёс несколько пар штанов, которые были ей впору после того, как она подвернула им штанины, и две пары подбитых мехом сапог. Одну из них она могла носить. Одевшись, она выпила ещё чаю, и снова легла спать.

* * *

Западная армия, состоявшая из более чем пятисот членов племён, жрецов и жриц, и шаманов, верхом на маленьких, крепких лошадях или на повозках, прибыла около полудня, пока Браяр варил снадобья в храмовой мастерской. Один из детей принёс ему весть о прибывших людях, но Браяр был занят, не давая вывариться самым действенным частям своих снадобий. Когда он взял передышку, Браяр сходил на стену, чтобы поглядеть на множество палаток и солдат в стенах храма и за его пределами. Уже только этот вид его рассердил. Он подумал, сможет ли он попросить своего нового друга, оранжевого каменного тигра, о разрешении снова поспать с ним той ночью.

Один из деревенских детей позже вернулся, чтобы дать Браяру и остальным лекарям знать, что с востока прибыл посланник. Браяра это не интересовало. Приближения Розторн он не чувствовал. Со смертью Эвви он сомневался, что с востока он может получить хоть каким-то хорошие вести.

Джимут принёс ему приглашение от Суды на ужин. Хотя работу на тот день Браяр закончил, приглашение он отклонил. Он собирался выклянчить еду у повара, и поесть в

каком-нибудь уединённом месте. Но Суда решительно вошла в мастерскую, пока он заканчивал уборку, и схватила его за руку.

— Хватит прятаться, — твёрдо сказала она. — Ты будешь есть с нами, и не спорь.

Она не отпускала его, пока они не оказались в палатке, которую они с Параханом похоже использовали в качестве приёмных покоев. Стражники расставили на ковре блюда. Вокруг них были раскиданы подушки. Парахан уже был там, запихивая что-то в рот на куске лепёшки.

— Подождать не мог? — потребовала Суда.

Он проглотил и сказал:

— Браяр, садись. Не прячься, ладно? Мне её тоже недостаёт. Я знаю, что ты с ней был знаком дольше, но ты знаешь, что без неё меня бы здесь не было.

Его улыбка дрогнула.

— Она была слишком юной, чтобы обдумывать все последствия, как могли бы сделать мы с тобой.

Браяр кивнул. Он сел на подушку рядом со здоровяком, и взял блюдо. Он набрал туда карри, потом тупо уставился на еду, забыв, что он собирался с ней делать.

Суда забрала блюдо, и нагроутила туда мясо, лепёшки и колобки, помимо карри.

— Ешь! — приказала она. — Нас ждёт работа!

Она села на свою подушку, скрестив ноги, и набрала еды уже себе.

— Пока западные устраивались, прибыл ещё один посланник от Сэруго, — сказала она Браяру. — Она хочет, чтобы мы встретились с ней в Мёлонаме. Это на северо-западе отсюда, по дороге в Гармашинг. Её солдаты переместили в восточные храмовые крепости столько людей, сколько успели, прежде чем наткнулись на слишком многочисленные для них имперские войска.

— Они попытались отступить к Крепости Самбачу, — внезапно сказал Парахан. — Ну отступить-то они **отступили**. Только вот крепости там нет.

Браяр уставился на него:

— Что значит «крепости там нет»? Она не могла просто взять и уйти.

— В письме генерала сказано, что там, возможно, было землетрясение, — объяснила Суда. — Только она не помнит, чтобы они почувствовали настолько сильные толчки, чтобы обрушить целую крепость.

— А Эвви могла это сделать? Если она умирала? — прошептал Парахан.

Браяр покачал головой:

— То место было большим! Мы с ней в своё время частично обрушили дом, но что-то такого размера — нет.

— Эх, вот бы она это сделала! — выкрикнул Парахан.

Двое солдат сунули головы внутрь палатки. Суда махнула рукой, послав их прочь.

— Вот бы она обрушила крепость на этих убийц, — выдал её брат-близнец, но уже тише.

Браяр закинул руку Парахану на плечи, чтобы успокоить его:

— Мы придумаем кой-какие сюрпризы для их друзей, вот увидишь, — пообещал он.

Когда Парахан посмотрел на него, Браяр одарил своего друга маленькой, недоброй улыбкой:

— Мы заставим Уэй-шу пожалеть, что он вообще прослышал о нашем существовании.

Парахан накрыл ладонь Браяра своей:

— Да. Да, я думаю, что это — весьма великолепная мысль.

— Браяр, ты ещё не чувствуешь Розторн? — спросила Суда.

Он покачал головой:

— Но если мы направимся отсюда по северной дороге, то будет довольно легко ощутить её присутствие. Я дам растениям знать, куда мы направляемся. Она сможет проехать по нашему следу.

* * *

Когда Эвви проснулась, она обнаружила, что Луво находится там же, где он был, когда она засыпала. Гигантского паука рядом не было. Она почувствовала облегчение, хотя от Дибан Кангмо не получала ничего кроме доброты. Тем не менее, её действительно нервировало ощущение взгляда всех этих глаз.

В принесённых Дибан Кангмо кастрюлях оставалась еда. Эвви съела значительную часть того, что осталось. Украдёт ли паучиха ещё? Обитатели храма наверняка начнут гадать, куда деваются их еда. К тому же, в храмах должны были размещаться беженцы. Дибан Кангмо что, крада еду, которая предназначалась им?

Эвви допила оставшийся чай, и осознала, что у неё есть ещё одна проблема, которую нужно решить.

— Мне, эм, нужна уборная, — сказала она Луво.

Потом ей пришлось объяснять, зачем нужны уборные, и почему она не могла делать это прямо на месте, подобно животным в горах. После всех этих слов он показал ей углубление в стене пещеры, где на полу было больше песка, чем камня. Потом она снова помылась. Завязывая свои волосы шарфом из кучи приношений, она набралась решимости, и сказала:

— Луво, я не могу здесь оставаться. Мне нужно найти моих друзей. Рано или поздно они узнают, что враг захватил крепость. Они подумают, что я мертва, или что я под пытками рассказала, где все они находятся. Мне нужно их отыскать.

Луво покачался туда-сюда на закруглённых отростках, служивших ему ногами, когда ему нужно было передвигаться:

— Ты знаешь, где они?

— Я знаю, куда они уехали, — честно сказала она. — Места, где они собирались останавливаться, тамошние люди должны знать, куда мои друзья направились дальше.

— Как ты туда доберёшься?

— Пешком, я так думаю.

Она потопала подошвой одной из своих ног по камню. Ступни всё ещё были чувствительными, но у неё были сапоги, и чем дольше она ждёт, тем больше её друзья будут удаляться.

— Я украду лошадь или мула, если мне выдастся такая возможность.

Это можно было проделать на открытых полях вокруг храмов, где паслись эти животные, и ей придётся молиться о том, что у пастухов не было овчарок.

Луво помычал себе под нос:

— Я могу найти твоих друзей.

— Как? У них нету каменной магии, как у меня.

— Ты сказала, что огонь вокруг твоей каменной сути — магия, которая позволяет тебе

черпать из неё силу. Я не знал раньше, почему в некоторых мясных существах — людях — бывает такой огонь. Теперь, когда я это знаю, я могу сказать, какие видимые мной на равнине огни — просто магия, а какие из них обёрнуты вокруг части мира. Я могу видеть магию вокруг твоих растительных людей, если мы окажемся ближе к ним. Я думаю, что будет лучше, если я отправлюсь с тобой. Ты сможешь меня нести?

Эвви подошла к нему. Попросив разрешения, она нагнулась, обхватила его руками, и попыталась поднять. Она услышала, как хрустнуло у неё в спине, но Луво не сдвинулся с места.

— Ты такой тяжёлый!

— Прости меня. Я — гора, вне этого аспекта сердца.

Он потеплел у неё в руках, хотя совсем горячим не стал.

— Попробуй снова.

Эвви потянула. Она подняла его на дюйм, не больше.

Он потеплел ещё раз:

— Попробуй.

В этот раз она смогла поднять его себе на руки, но споткнулась, попытавшись пройти несколько шагов.

— Прости! — сказала она, кладя его себе на кровать. — Я вымоталась больше, чем думала. Все мои рюкзаки весят как ты, но...

Она отвернулась, чтобы он не увидел, как задрожали её губы.

— Легче я стать уже не могу. Я что-нибудь придумаю.

Он слез с её кровати.

— Отдохни. Я поразмышляю над этим, и найду решение.

Он понаблюдал, как Эвви свернулась на тряпье.

— Ты не можешь понять, как радостны для меня моменты общения с тобой. Каждый из них представляет мне новую идею или задачу, в то время как раньше я веками не видел ничего нового. Я уже много тысячелетий не ощущал себя таким живым, Эвумэймэй!

— Хэх! — недоверчиво выдала она. — Я ещё не самая интересная. Интересные — Браяр, Розторн и Парахан. Они столько сделали, и они знают языки, и книги, и разных людей. Я только знаю камни. Причём даже не все из них.

Она зевнула.

— Тогда я с нетерпением жду встречи с твоими друзьями. Правда, Эвумэймэй, ты слишком низко себя ценишь. Ты — яркий свет в моём подземном доме.

— Спасибо, Луво. Это правда очень приятно слышать.

Она натянула на себя сверху несколько тряпок, и заснула ещё до того, как её новый друг удалился.

Ей снилось, что она слышит, как он разговаривает с Дибан Кангмо.

— «Ты и заметишь не успеешь, как она умрёт», — советовала вершинная паучиха со своего места высоко на одном из сталактитов пещеры. — «Привязываться к ней — глупость».

— «Я думаю, что глупость — это мне держаться от них вдалеке, если они могут породить таких как она», — отвечал Луво. — «Ты посторожишь её для меня, пока я не вернусь? Меня беспокоят пещерные змеи».

— «Ей нужна ещё еда», — сказала паучиха, когда Луво заковылял в темноту. — «Достань ей еды. Пусть один из моих детей её для тебя понесёт».

Когда Эвви проснулась, она почуяла запах стряпни. Она также почувствовала запах мускуса и навоза, и услышала беспокойное шарканье копыт по камню. Открыв глаза, она увидела большого яка, пьющего из озера. Луво сидел у её кровати, рядом с небольшим вершинным пауком — всего лишь трёх футов ростом — и двумя накрытыми кастрюлями.

— Это дочь Дибан Кангмо, — объяснил Луво, когда паук поспешно убежал в дальний конец пещеры. — Она очень стесняется людей. Это она перевязывала тебе ступни.

— Спасибо большое! — крикнула ей Эвви.

— Она также принесла тебе еды, а мне — сумку для езды.

— Езды? Езды на чём?

— На Большом Молоке, — сказал Луво. — Она — королева яков. Это великая честь для тебя — то, что она согласилась сделать это для нас, и нам повезло, что у неё сейчас нет телят, поэтому она свободна нам помогать. Самцов нам просить нельзя. Они слишком беспокойные.

Эвви подумала, что заплачет. Большое Молоко повернула свою голову, уставившись на них одним глазом. Точнее, она уставилась на Эвви.

Наконец девочке пришла в голову безопасная реплика, отличающаяся от «этот кусок камня спятил»:

— Луво, у неё нет ни седла, ни узды.

Ей пришлось объяснять, что это такое, пока она ела колобки с грибами и луком. Когда она закончила своё описание, Луво сказал:

— Я не могу просить одного из моих друзей брать в рот металл и оплетать свою голову кожей. Она же может заболеть. С нашей стороны это будет очень неблагодарно! К тому же, я никогда не видел, чтобы кто-то так ездил на яках. Ты привяжешь сумку себе к талии и плечам, и будешь держаться за мех Большого Молока. Меха у неё много. Она даже не почувствует, если ты за него потянешь. Её подшерсток очень толстый, и очень плотно умят под её внешним мехом.

— Но как она узнает, куда мы едем? — спросила Эвви. — Поводья нужны для того, чтобы тянуть вправо, чтобы лошадь ехала вправо, и так далее.

— Я ей скажу, куда ехать, — уверенно сказал Луво.

— Где я буду сидеть?

Чего Эвви не сказала, так это того, что спина животного выглядела такой широкой, что она могла бы улечься там спать, и не скатиться вниз.

— Пастушки ездят на шеях одомашненных яков. Пока что ты мне доверяла, Эвумэймэй.

— У меня не было выбора.

— А сейчас он у тебя есть?

Эвви посмотрела на Большое Молоко, та провела толстым языком по своим мохнатым челюстям. Девочка вздохнула:

— Нет, вообще-то нет.

Эвви этого очень не хотелось, но она использовала один из шёлковых шарфов-приношений Луво для того, чтобы завернуть оставшиеся колобки. Ткань была из сделана из ярко выкрашенных кусков, и теперь на ней будут жирные пятна. Несомненно, пятна будут и на алой рубахе, которую она носила, потому что свёрток она повесила себе на грудь.

Закончив подготовку, она опустила Луво в принесённую им сумку. Это была сумка собирателя, достаточно большая, чтобы она могла один ремень перекинуть через плечи, а второй — подмышкой. Грубый верхний ремень она обернула шарфом, чтобы тот не натёр ей шею.

Луво должно быть что-то сказал яку. Она лениво прошла вперёд, и согнула передние ноги. Эвви по наитию почесала Большое Молоко между изогнутых рогов, будто та была коровой. Она почувствовала себя немного лучше, когда як повернула голову и потёрлась ею о живот Эвви.

— Я думаю, мы поладим, — сказала девочка. — А теперь будь со мной терпелива, ладно? Я никогда не ездила ни на ком столь чудесном.

— Комплимент ей нравится, — сказал Эвви Луво. — Поднимай ногу вверх, осторожно!

Немного поэкспериментировав и приложив некоторые усилия, Эвви сумела забраться вместе с Луво на спину Большого Молока. Затем она ещё раз почесала большого яка по лбу, и крепко ухватилась за мех на шее животного.

— А теперь что? — спросила она.

Большое Молоко медленно выпрямила сначала одну переднюю ногу, потом другую. Эвви пискнула, потом прикусила нижнюю губу, чтобы больше так не делать. Она ойкнула. На её губе была одна из ран со времён крепости, которые ещё не зажили полностью.

Большое Молоко не обратила на издаваемые ей звуки никакого внимания. Она резво пошла вдоль берега озера, направляясь в глубину пещеры.

Было ясно, что Судамини наполовину сойдёт с ума, пока все западные войска уложат вещи и выедут на север.

— Мы уже через это проходили, — сказал ей Парахан, обняв рукой за плечи.

Они с Браяром отвели её на крышу, пока западники не услышали её ворчание.

— Эти люди по жизни не сражаются. Ну, кроме, возможно, храмовых. По ходу войны они поймут важность выступления на марш на заре, вместо укладывания вещей на заре.

Суда грызла ноготь на большом пальце и ругалась про себя на банпурском.

— Наши люди все готовы выезжать, — утешил её Браяр.

Он уставился на далёкую реку, надеясь уловить хоть мельчайший намёк на приближение Розторн. Его не особо расстраивало то, что западники их задерживали.

— Да они с тем же успехом могли дрыхнуть допоздна! — с рычанием в своём глухом голосе ответила Суда. — И вообще, кто вытянул короткую соломинку, оставив нас уходить последними?

— Ты, — сказал Парахан.

— Ну, раз уж такое дело, скажи нашим людям расседлать лошадей и поупражняться с оружием, — сказала Суда своему близнецу.

— Уже, — ответил тот.

Тогда-то Браяр это и ощутил, легчайшее касание зелени. Он вдохнул, и забыл выдохнуть, выжидая. Вот, оно повторилось снова. Его грудь внезапно стянуло, и он закашлялся, не имея возможности перевести дух. Парахан сунул флягу с чаем ему в руки. Браяр выдул её наполовину. Когда он снова смог нормально дышать, Браяр вытянул свою силу так далеко, как только мог. Это касание было немного сильнее. Оно соединилось с его магией; оно было ему знакомо как своё собственное.

— Я думаю, что вы будете рады тому, что мы — последние, — небрежно бросил он.

Лицо Парахана просветлело:

— Розторн?

Браяр кивнул.

Был почти полдень, когда люди Капитана Ланго выехали через ворота, направляясь на север. Браяр поехал с близнецами, чьи отряды должны были выезжать следующими.

— Я встречу с ней, и догоню вас, — сказал он. — Я думаю, она доберётся до переправы к середине второй половины дня.

Парахан поманил к себе Джимута, вышедшего с осёдланными лошадьми.

— У меня есть для неё свежая лошадь, — сказал Джимут. — И без охраны ты не поедешь.

Браяр был слишком нервным от предвкушения, чтобы даже помыслить об оспаривании этого. После того, как все попрощались с главной жрицей и командующим храма, отряды Парахана и Суды выехали из северных ворот. Браяр и Джимут поехали на юг вместе с бригадой из десяти воинов, на присутствии которых настоял Парахан. Прежде, чем они оставили храм позади, Браяр остановился, чтобы попрощаться с оранжевым каменным

тигром, игнорируя странно поглядывавших на него солдат.

Они отвели своих лошадей вниз, к реке, чтобы подождать, и съесть обед, который они выпросили у храмовых поваров. Двое солдат стояли на страже, глядя на север и восток, в то время как остальные отдыхали и беседовали. Браяр расхаживал вдоль берега. Он понятия не имел, как будет рассказывать Розторн про Эвви. У него сводило живот от одной лишь мысли об этом.

Облака расходились по небу, когда Браяр увидел вспышку зелени — настоящей зелени — на дороге, которая вела в Дримбаканг Лоу. Он закричал «ура», затем сжал кулаки так сильно, что его ногти впились в татуировки на его ладонях. Бутоны и стебли его татуировок, стремительно превращавшиеся в разноцветные розы, с его хваткой несогласны. Он молча попросил прощения. Предполагалось, что враг покинул эту местность, но он и его спутники согласились на том, чтобы быть осторожными. Издавание звуков при виде Розторн не подходило ни под чьё определение осторожного поведения. Вместо этого он прыгал вверх и вниз, отчаянно махая руками. Он остановился только тогда, когда она подняла руку, показав, что увидела его, и пустила своего коня рысью.

Они встретились на его стороне моста, где Розторн спрыгнула со своего коня, и крепко обняла Браяра. Она пахла сосной, древесным дымом, и ковшковым чаем, который она пила от головной боли. Он не увидел ни следа того противного кожаного рюкзака, который она уносила с собой. Она выглядела как его старая добрая Розторн, чьё внимание занимали здесь и сейчас. Её карие глаза остро оглядели его.

— Что такое? — спросила она. — У тебя глаза опухли. Ты выглядишь так, будто тебя тащили задом-наперед через кусты. Говори.

— Эвви, — сказал он, и ощутил ком в горле.

Джимут взял на себя её коня. Розторн отвела Браяра на берег реки, где они и уселись. Когда он снова смог говорить, Браяр рассказал ей о письме, и о каменном алфавите Эвви. Потом он обнимал её. Какое-то слишком короткое время они оплакивали погибшую.

— Нам надо ехать, — наконец хрипло сказал Браяр. — Нам нужно дотемна догнать обоз, для верности.

Розторн сходила к реке, и намочила два носовых платка в холодной воде. Одним она вытерла себе лицо, а второй дала Браяру. Заморосил дождь.

— В такие моменты трудно быть хорошей посвящённой и верить богам в том, что ничто не происходит без причины, — сказала Розторн охрипшим голосом. — У неё была такая трудная жизнь. Мне кажется, что боги ей задолжали лучшую, и не такую короткую долю.

Она посмотрела на свой носовой платок, и выжала его досуха.

— Поскольку от богов я ответы никогда не получаю, то придётся выместить раздражение на Уэй-шу и его армиях.

Браяр кивнул. Она облекла его ярость в слова. Они заставят Уэй-шу поплатиться.

Розторн обняла его одной рукой, пока они шли к остальным. Те уже были в седле. Джимут передал Розторн поводья свежей лошади, которую для неё взяли. Конь, на котором она доехала досюда, был с их сменными лошадьми. Розторн задержалась ненадолго, чтобы дать ему горсть овса, затем вскочила в седло свежей лошади.

Браяр посмотрел на исходившие моросью тучи, жалея, что у них с Розторн не было тех широкополых соломенных шляп, которые они обычно носили в дождь. Куда эти шляпы делись? На восток, вероятно, вместе с Торговцами. Он забрался в седло своего собственного скакуна.

— Рысью готова? — спросил у Розторн командовавший их отрядом сержант. — Чтобы мы покрыли хорошее расстояние?

— Я не отстану, — сказала Розторн. — Обо мне не беспокойтесь.

Браяр ехал рядом с ней, внимательно приглядывая за своей наставницей. Ему было ясно, что она расстроена, но он-то ей знал. Для остальных она должно быть казалось глубоко погружившейся в свои мысли. «Это хорошо», — сказал он себе. «Она терпеть не может, когда ей сочувствуют».

Сам Браяр нёс каменный алфавит Эвви в перевязи у себя на груди, вместе с семенными шариками, которые он использовал в качестве оружия. Время от времени он вытаскивал из кармашка алфавита кусок камня или кристалла, и держал его, напоминая себе о том, за что он должен расплатиться с императором и его солдатами.

Они вошли в ритм рысь, шаг, рысь, отдых. Они поили лошадей, пили чай, проверяли, что их оружие готово к использованию, и снова садились в седло. Этот устойчивый темп позволил им догнать обозные телеги в поздний час второй половины дня. К концу дня они нашли Парахана, Судамини, Капитана Ланго и их солдат. Те разбивали палатки на дальней части территории, где встали лагерем западные племена и храмовые воины. Их друзья поприветствовали Розторн, выразили свои соболезнования её потере, и пригласили её и Браяра присоединиться к ним за ужином.

Освободившись от своей храмовой ноги, Розторн была рада делить с Браяром его палатку. Джимут позаботился об этом, разбив её сбоку от более крупной палатки Суды. Пока они ждали вызова на ужин, Джимут также принёс поклажу Розторн, которая ехала в обозе. Они с Браяром тихо посидели, проверяя свою экипировку.

Наконец Браяр не выдержал:

— Как оно там было?

Розторн вздохнула:

— Я не могу сказать.

— Разве это не был просто храм?

— Да, и нет. Лучше я сказать не смогу.

— Но можешь попробовать.

— Браяр, это запрещено. Я должна была дать клятву.

Он знал, что она была настроена серьёзно.

— Я этого **терпеть** не могу, знаешь ли. Могла бы хоть раз нарушить клятву.

— Тогда как бы ты вообще мне доверял, мальчик, или я — тебе?

— Я не твой **мальчик**.

В шокирующей вспышке нежности она нагнулась поверх лежавших между ними семенных шариков, и обняла его:

— Ты всегда будешь моим мальчиком. И никогда больше не станешь меня слушать, если я нарушу клятву.

— Ты знаешь, что Парахан и остальные будут спрашивать.

От ответил на её объятия взаимностью, и они отпустили друг друга одновременно.

— Они получают примерно такой же ответ.

Розторн вздохнула. Какое-то время они молчали вместе, пока она наконец не сказала:

— Я буду так рада уехать домой.

— Я знаю, что ты имеешь в виду, — пылко сказал он. — Эта страна просто такая странная, Розторн. Изображения оживают и насмеваются над тобой...

— Есть таинства, которым меня в моём храме не учили, — добавила она.

— Статуи двигаются.

— Я слышу голоса, которых быть не должно. Эмелан такой чудесно обычный, — сказала Розторн. — Мы поедем домой, и это место будет казаться похожим на далёкий сон. Оно просто обязано.

* * *

Утром весть разошлась по армии подобно лесному пожару: разведчики нашли множество отпечатков копыт на дороге впереди, и на земле к востоку. Враг был здесь до них. С вестями о том, что враг подобрался так близко, западники были готовы вставать и выдвигаться на рассвете. Их костры были затушены, а палатки — упакованы в то же время, что и у войск Суды и Парахана.

В тот день войска Королевств и отряд Ланго были в середине колонны, поскольку прошлым днём они двигались в арьергарде. Браяр звал без остановки. Он присоединился к Розторн на её полуночную службу, зная, что она вознесёт молитвы за Эвви в темноте. Ради духа Эвви ему было не жалко пожертвовать немного сна, поскольку они с Розторн могли зажечь правильные благоволия и произнести молитвы, которые были ему как бальзам на сердце.

День прошёл в напряжении, но без происшествий. Они проехали мимо окружённой стеной деревни: ворота были закрыты, а население стояло на стене с арбалетами. Небольшая группа жителей выехала, чтобы переговорить с Капитаном Ланго. Командующие различными частями их группы остановились у дороги, чтобы поговорить, пока остальные поехали дальше. Потом командующие воссоединились со своими людьми. Разведывательные патрули сразу усилились, разъехавшись во все стороны от их маленькой армии.

Браяр проскальзывал мимо солдат, пока не оказался рядом с Судой, когда она вернулась.

— Как близко мы к ним? — спросил он.

Она хмуро посмотрела на него:

— Возможно, ты в армии впервые. Возможно, ты не знаешь, что командующие обычно не делятся информацией с солдатами, если в этом нет острой необходимости.

— Но ты должна делиться информацией со своими магами, так ведь? — спросил он, принимая для Суды свой самый невинный вид. — Может оказаться, что мы можем что-то сделать.

— Вы — **растительные маги**, — ответила Суда. — Что мог... ох, Ра́йя, дай мне терпения. Всадники, приблизившиеся этим утром слишком близко — арьергард. В двух днях впереди нас небольшая армия, и они двигаются на ястребиный анус быстрее нас, потому что им не нужно волноваться об обезьяноплюйском обозе! Это те свиньи, которые напали на Храм Тигров, судя по тому, что люди из деревни рассказали Ланго. Я-то думала, они развернутся, и дадут нам милое, прямое сражение!

Она зыркнула на равнины справа, затем нахмурилась:

— А это ещё кто, как ты думаешь? Только не говори, что моё желание исполнится!

Браяр прищурился. Издалека на них смотрел новый всадник, бывший достаточно далеко, что Браяру не было видно, был ли он вооружён. Он послал свою силу в корни трав,

пытаясь дотянуться до наблюдателя, но тот развернулся и поехал прочь раньше, чем магия Браяра до него добралась. Он бросил взгляд на Розторн, та покачала головой. Она тоже не коснулась наблюдателя.

Суда резко свистнула. На этот раз она отправила за незнакомцем двоих солдат. Вскоре они вернулись. Они его потеряли.

Один из племён заметил следующего наблюдателя; разведчики Парахана доложили о третьем. Всего к закату было замечено шесть наблюдателей. Ни одного не поймали.

— Они их или наши, как думаешь? — услышал Браяр вопрос, заданный Параханом Капитану Ланго.

Гьонг-шиец был мрачен:

— Янджингская броня, янджингские шпионы.

Тем вечером все командующие заставили солдат копать вокруг их лагеря широкую канаву. Розторн рассыпала на её дне несколько семян, на всякий случай. Они сработают как засека, если враг нападёт. По команде от Розторн или Браяра семена резко выпустят усеянные шипами ветки, чтобы удивить всякого, кто попытается перебраться через канаву. Такой защиты была лишена лишь одна сторона их лагеря, где был широкий пруд.

Создание более плотного лагеря похоже заставило солдат ощутить себя более похожими на единую армию. Когда Браяр вызвался в часовые, он обнаружил, что обменивается кивками с членами племён, храмовыми воинами и солдатами Королевств, дежурившими вместе с ним. Один из членов племён даже предложил Браяру пожевать орехи бетеля, но Браяр вежливо отклонил это предложение. Он счёл, что оранжевые зубы могут испортить его попытки очаровывать девушек в Эмелане.

Глядя на звёзды, он осознал, что над горизонтом начало восходить созвездие, называемое Пастухом. Он нашёл голову и серьгу древнего героя, его плечи, его пояс, и одну видимую руку с пращей, готовой метнуть камень прямо между глаз Льву Шайхуна. У Эвви это была одна из самых любимых историй. По дороге на восток она настаивала на том, чтобы показывать Пастуха каждую ночь, когда его было видно.

Глаза Браяра наполнились слезами, когда он смотрел на созвездие. Он вытер их рукавом.

«Я не собираюсь распускать нюни каждый раз, когда вижу пастуха с пращей», — сказал он себе. «Это было бы нечестно по отношению к Эвви. И в этой стране пастухи с пращами всюду, куда ни глянь».

Потом он нахмурился. Выстрелить семенным шариком из арбалета было трудно. Стрелок натягивал тетиву, пока наконечник болта не оказывался почти вплотную к ложу, почти не оставляя места для шарика. Шарик был слишком лёгким, и не мог улететь далеко сам по себе, но праща могла метнуть семенной шарик, если он был как-то утяжелён.

Браяр посмотрел на землю у себя под ногами. В ней были камни. Он взял один из них, и подбросил у себя на ладони.

Розторн заняла его место после смены караула, отправив его спать. Натянув на себя одеяла, Браяр заснул без сновидений.

* * *

Когда утром он проснулся, с лагерем ничего не случилось. Никто не проверял

караульных. Хотя Джимут ворчал об этом, пока приносил Браяру и Розторн чай, Браяр был только рад. Свой сон он ценил.

Он помог Розторн затянуть завязки на её кирасе и поножах; она ответила взаимностью. Оба повесили полные семенных шариков сумки себе на грудь.

Выходя из палатки, Браяр чуть не врезался в Джимута. Его адъютант нёс им на завтрак свежие колобки под названием *момос*.

— Ты знаешь кого-нибудь, кто хорошо управляется с пращей? — спросил его Браяр. — Кто-то, кто может попасть камнем рядом с обычной целью.

Джимут пожал плечами:

— Я могу, — ответил он, протягивая *момос* Розторн и выходя из палатки. — До того, как я решил стать солдатом, я помогал отцу и дядям со стадами. Когда охочусь для отряда, я сберегаю стрелы с помощью моей пращи.

— Ты не мог бы начать носить её с собой? — спросил Браяр. — Я бы хотел иметь возможность работать на более дальнем расстоянии.

Джимут нахмурился, затем поклонился:

— Разумеется.

— Я думаю, я тоже хотела бы пращника, — сказала Розторн.

Она взъерошила начавшие отрастать короткие волосы Браяра:

— Смышлёный Браяр.

Тот оттянул пучок волос, чтобы оценить его длину.

— Это надо подстричь.

Он строго держал волосы длиной в дюйм. Так они никогда не вились, и быстро высыхали.

— Только не позволяй это делать императорским брадобреям, — весело сказал Парахан. — Они могут допустить ошибку, и срезать тебе всю голову.

Он повернул свой клювоподобный нос в направлении восточного ветра:

— Я чую грядущую битву. Самое время.

— Дикарь, — сказала ему Розторн.

— Мы в Комбанпуре к войне относимся цивилизованно, — ответил Парахан. — Мы долго и упорно готовимся к битвам, чтобы не опозорить наших врагов, дав им плохое сражение.

Его тёмное лицо потемнело ещё больше:

— И мы не убиваем их маленьких девочек.

— Если бы только каждый воин был таким же чистоплотным, как ты, — сказала Розторн.

— Если бы только некоторые мои знакомые маленькие девочки были здесь, чтобы помочь в сражении, — сказал Браяр. — Они бы преподали этим грязенюхам урок, который те несоро бы забыли.

Он увидел несколько пригодных камней, и с трудом нагнулся, чтобы подобрать их. Это было трудно делать в броне.

— Используем то, что есть, — сказала ему Розторн. — Этого хватит.

После завтрака их маленькая армия снова выступила вперёд. Суда поставила три их отряда в середине колонны.

— Если на нас нападут, я хочу, чтобы регулярные войска были в середине, — объяснила она Розторн и Браяру, ехавшим рядом с ней. — Мы решили, что храмовые солдаты подведут

к нам выючных животных, и будут охранять их в бою. Племена будут верхом атаковать врага с флангов. Если мы будем держаться здесь, в середине, то это уже почти план битвы.

Розторн кивнула:

— Если дойдёт до боя, то это хороший план, — ответила она.

— Но я видел тебя в бою, — с удивлением заметил Парахан. — Ты себя не сдерживала.

— Я такая же, как и большинство тех, кто ведёт религиозную жизнь в нашем грешном мире, — сказала Розторн.

Пока они с Браяром ехали, они использовали свою магию, чтобы открывать семенные шарики и помещать в них камни размером с большой палец. Следующее касание магии снова сшивало хлопковую оболочку.

— Я не сдамся злу, и не позволю никому под моей защитой пострадать от зла, а насилие, убивающее беззащитных и уничтожающее красоту мира — это зло. Но я ещё и лекарь. Это может вгонять в уныние — чинить то, что разбирала тем же утром.

— Есть религиозные группы, которые живут в изоляции и отказываются чинить любое насилие, — заметила Суда.

— Тогда я надеюсь, что они — маги, способные защищаться или прятаться, — ответила Розторн. — Мы же живём в реальном мире.

* * *

Все обедали в седле. Вскоре после этого через восточные равнины на них накатило облако пыли. Шаманы племён начали тяжело, гулко напевать, подобно тем песнопениям, которые Браяр слышал в храмах и в каньоне за Гармашинг. Это была песня с подспудным гудением, похожим на звук больших рогов. Напевая, шаманы били в маленькие барабаны или ударяли в маленькие гонги. Браяр покрылся гусиной кожей: они призывали гьонг-шийскую магию.

Он передал тряпичный семенной шарик Джимуту, уже приготовившему пращу. Пращик Розторн покачал тканевый шарик в ладони, взвешивая его. Он поднял брови, затем уложил шарик в свою пращу.

Чтобы другие маги ни привели в действие, оно похоже работало. Облако пыли начало рваться и уплывать в небо. Рассеиваясь, оно явило несколько отрядов имперских всадников.

— Стрелки! — одновременно крикнули Парахан, Суда и Ланго.

— Подожди, — пробормотал Браяр Джимуту. Он услышал перемену в песнопении шаманов. Маги Ланго сами начали что-то творить.

Браяр сместил своё внимание на травы, росшие перед копытами лошадей врага. Он последовал за своей силой под поверхностью земли к их корням.

Он не слышал, как командующие давали стрелкам приказ стрелять. Той частью себя, которая осталась с его телом, он заметил, что Джимут и пращик Розторн одновременно выпустили свои утяжелённые семенные шарики. Семена и болты взмыли ввысь, а затем упали среди вражеских солдат, пока янджингские стрелки отстреливались. Гьонг-шийские племена и храмовые воины справа и слева атаковали, пронесаясь под большей частью залпа янджингских болтов. Те были нацелены в командующих и магов на дороге.

Парахан, Суда и Ланго выкрикнули приказ, чтобы стрелки приготовились к следующему залпу. Браяр заставил своё тело передать своему пращику второй шарик с шипами, как это

делала Розторн, и вернулся к своей работе над травой впереди.

Он услышал надрывные боевые кличи: воины из племён и храмов сшиблись с янджингскими всадниками справа и слева. Центр янджингского строя начал идти в атаку, ревя в ответ.

Ланго и близнецы крикнули, приказывая стрелять; стрелки повиновались, целясь в сердце наступающего строя. Всадники и лошади попадали на землю. Джимут и пращник Розторн выпустили свои семенные шарики, попав во всё ещё наступавших галопом вражеских солдат.

Те стали падать ещё до того, как шарики упали на землю и взорвались. Свирепо разрастаясь, травы оплели копыта лошадей. Животные упали, сбрасывая с себя своих седоков. В сердце армии закричали воины, когда их оплели и пронзили шипастые лозы. Кони вставали на дыбы, пытаясь вырваться из хватки крепких трав. Они падали под копыта тех лошадей, что скакали галопом следом за ними.

Шипы и трава частично посерели. Некоторые из них вспыхнули, обжигая схваченных ими солдат. Браяр замаялся, передавая Джимуту следующий шарик, у него онемели пальцы. Ему на глаза опустилась странная зелёная пелена; его горло свело настолько, что нельзя было дышать. Он заскрёб по нему пальцами, хватая ртом воздух.

Внезапно воздух влился в его горло. Он несколько раз вдохнул, наполняя свои бедные лёгкие, затем посмотрел на причину своего внезапного исцеления. Джимут держал у него перед лицом продолговатый диск.

— Ты в порядке? — спросил он.

— Уже лучше, спасибо. Что это такое? — поинтересовался Браяр.

Джимут на миг развернул диск, затем снова повернул его отполированной стороной к врагу. Это было металлическое зеркало. Оно отразило заклинание врагов обратно к ним.

Браяр проверил, что происходило с Розторн. Одна из храмовых магов с полностью покрытым тагуировками интересных узоров лицом подвела свою лошадь к коню Розторн. Она чертила знаки в воздухе между собой и наставницей Браяра. Пока она работала, Розторн сидела, расположив руки у себя на коленях ладонями вверх, мирно глядя на разворачивавшуюся перед ними битву. Лозы стремительно росли, обвивая вражеских воинов и выдёргивая их из седла, после чего их затаптывали в пылу схватки. Что бы храмовый маг ни делала, было ясно, что она не пускала янджингских магов к Розторн.

Браяр позволил Розторн работать с лозами. В том месте, где янджингские солдаты ждали перед атакой был островок неподвижности. Он готов был биться об заклад, что оттуда за сражением наблюдали маги и, возможно, командующие. Браяр закрыл глаза, и влил свою магическую сущность через корни травы между собой и этой неподвижностью. Травы поделились с ним своей силой, пока он перебежал между ними, с корня на корень.

Сила янджингских магов сияла подобно маяку даже под землёй, наводя его на них. Под ними, в земле, Браяр потянул силу из обширной сети растений, простиравшейся вокруг него, и осторожно протянул свою силу вверх. Там были надземные части трав, росшие вокруг копыт лошадей. Те по привычке пытались есть один или два пучка, но это были самые изысканные порождения армейских конюшен. Растения гьонг-шийской равнины были для них слишком грубыми. Ощувив присутствие Браяра в траве, они пыхтели и топали ногами, но державшие их поводья солдаты лишь награждали их шлепками. Ни генералы, ни маги не хотели, чтобы их беспокоили неутомные животные.

Браяр растянулся над травами в поисках бусин, обёрнутых вокруг запястий и шей магов.

Он не мог сказать, был ли генерал также и магом, как Генерал Хэнг-кай. Он мог лишь ощущать деревянные бусы. В его магическом зрении они висели в воздухе, обозначая контуры трёх шей и трёх пар рук. На миг он сжал свою силу, затем затопил ею бусы.

Ивовые бусины разлетелись на куски, разрывая цепочки бус вокруг рук и шей магов. Дубовые бусины впились корнями в землю. Травы сказали ему, что лошади обезумели от внезапного появления быстрорастущих деревьев. Они вставали на дыбы и били копытами по всему вокруг. Магов сбросило на землю. По приказу Браяра травы схватили магов, сплетаясь у них вокруг горла. Удушение их научит, как убивать маленьких девочек!

Его ярость питала травы силой. Они росли и натягивались подобно верёвке.

«Вот так!» — сказал Браяр травам. — «Не отступайте ни на миг!»

Розторн звала его. Он отказывался ослаблять хватку. Он не собирался уходить, когда только-только начал платить этим янджингским животным по заслугам.

А потом он ощутил то нехорошее чувство, ощущение пальцев, обхвативших настоящее ухо его тела. Пальцы скрутились. Был только один способ остановить эту боль. Медленно, чтобы не напугать травы и дубы, он отступил через поле обратно в тело, болевшее от потери Эвви.

Браяр открыл глаза. Розторн выпустила его ухо, напоследок больно щёлкнув большим и указательным пальцами.

— А что если нам пришлось бы отступить? — потребовала Розторн. — Ты знаешь, сколько магов оказались в ловушке вне самих себя?

— Ты никогда раньше ничего не говорила, — пробормотал он, потирая саднящее ухо.

Он гадал, удалось ли травам убить тех магов.

— Раньше тебе такой опасности и не грозило.

Розторн вздохнула:

— Мечь — скверная штука как для тех, кто её творит, так и для тех, на ком она творится, Браяр.

Он был несогласен. «Она наверное должна говорить такие вещи, потому что она — посвящённая», — думал он, глотая чай из фляги у себя на поясе. «Но я — не посвящённый, и уж я-то задам империи жару».

Он посмотрел, какой ещё урон можно нанести.

Враг бежал, или, точнее, те, кто был в состоянии, уже сбежали. Оставшиеся качались в седле, или щеголяли торчащими из себя или своих скакунов болтами. Некоторые были пешими и отбивались, пытаясь сдержать гьонг-шийских воинов.

По всей земле между дорогой и остатками янджингских воинов лежали павшие с обеих сторон: лошади, раненные и мёртвые. Гьонг-шийские лекари катили свои повозки вокруг войск на дороге, и дальше, в поле.

Браяр покачал головой:

— Ни за что. Они убили Эвви.

— Все они? — спросила Розторн.

— Они и других людей здесь тоже убивали.

— И кому из них в этом предоставляли выбор? — спросила она у него. — Ты знаешь императора. У скольких из солдат есть семьи в Янджинге, которых накажут, если солдаты откажутся служить в армии? К тому же...

— Я не хочу слышать никаких ктомузей.

Даже он сам подумал, что говорит как ребёнок.

— Чем большее их число получит здесь достойное обращение, тем большее их число узнает, что путь Уэй-шу — не единственный. Тем большее их число осознает, что эти люди — не чудовища.

Розторн спешила, и сняла свои перемётные сумы.

— Тебе не обязательно идти, — сказала она. — Я пойму.

Женщине, охранявшей её от заклинаний янджингских магов, она сказала:

— Да благословят тебя Мила и Зелёный Человек, Слуга Ривердэнсер^[2].

Шаман прижала свои ладони друг к другу у себя перед лицом, и поклонилась. Розторн повернулась к своему пращнику, и его тоже поблагодарила. Он предложил позаботиться о её коне. Розторн кивнула, затем пошла на поле битвы.

Браяр вздохнул. Он мог позаботиться о гьонг-шийских раненных. Так он по крайней мере не будет испытывать ощущения, будто предаёт призрак Эвви.

— Ты знаешь, в какой повозке лежит мой набор мага? — спросил Браяр у Джимута.

— Та часть, в которой твои снадобья? — осведомился тот.

Он похлопал сумки, висевшие сзади седла его собственного коня:

— Вот тут они.

Он передал их Браяру, и тот пошёл искать лекарей маленькой армии.

Солдаты разбили большие палатки-лазареты, где могли бы работать лекари, потом взяли пустые бочки, и наполнили их водой. Те, кто не приносил раненных в палатки, милосердно обрывали жизни раненных лошадей. Потом они оттащивали тела животных край поля боя, противоположный тому, где они раскладывали погибших людей. Повара разбили походные кухни для супа и чай всем, пока остальная часть лагеря строилась вокруг палаток лекарей.

Браяр, Розторн, Ривердэнсер и остальные лекари работали в хаосе этих забитых палаток ещё долго после полуночи. От криков раненных Браяру хотелось кричать самому. Чтобы этого избежать, он прикусил внутреннюю сторону своей щеки, пока из неё не потекла кровь, затем нашёл кусок скатанного бинта, который он мог зажевать. Имевшихся снадобий не хватало на то, чтобы унять боль всех и каждого. Лекари были вынуждены беречь такие зелья для тех несчастных, кому нужно было отсечь ногу или руку, или вытащить застрявшее в теле оружие. Магов, вымотанных до предела, отсылали из палаток одного за другим, а новые раненные всё прибывали, или приходили в сознание.

Джимут и несколько других людей, с которыми Браяр вместе ехал, работали в палатках вместе с магами и лекарями, помогая держать пациентов во время наложения швов или операций, наматывая бинты,нося воду, и сидя с умирающими. Браяр даже видел той ночью своих командующих. Они пришли поговорить со своими людьми, и даже носили воду или суп, когда все остальные были заняты.

Наконец Ривердэнсер приказала ему и Розторн идти спать, напомнив ему через переводчика, что они потратили силу не только на лечение, но и в бою. Им нужен был отдых. Их снадобья могли продолжать работать без их личного присутствия, едко уведомила их она, и риск того, что снадобья упадут в обморок прямо на пациента, был ниже.

Лёжа на своей скатке, Браяр смотрел в потолок палатки и слушал, как во сне дышала Розторн, когда осознал, что не видел ни одного раненного янджингца. Другие лекари наверно держали его подальше от них.

«Это и к лучшему», — подумал он. «Так мне не приходилось принимать никаких трудных решений».

Он пошарил вокруг, пока не нашёл рядом со своими сумками каменный алфавит Эвви. Положив на него руку, Браяр заснул.

Под поверхностью и на поверхности Равнины Гнам Рунга, между Храмом Тигров и городом Мелонам

Находясь под Гнам Рунга, Эвви потеряла счёт времени. Без света солнца было трудно запоминать, сколько прошло дней. От её спутников помощи тоже было не дожидаться: один отсчитывал время кусками длиной в тысячу лет, а другая не разговаривала. Кроме коротких пробежек и остановок по нужде, Эвви всё время ехала на Большом Молоке, даже спала на ней.

Луво рассказал ей о том, как появились Королевства Солнца, и как материковая плита толкала край того, что стало Гьонг-ши, выше и выше, создав Дримбаканги, самые молодые горы мира. Эвви рассказала ему о Браяре, Розторн, и множестве вещей, которые они видели по пути на восток. Это похоже требовало гораздо больше объяснений, чем рассказы Луво. Люди его озадачивали, в особенности — человеческая нужда в том, чтобы забрать вещи у других людей, и в том, чтобы оканчивать жизнь других людей не для того, чтобы их съесть. Он также интересовался тем, что Эвви научилась делать с камнями. Она сумела собрать со стен и пола туннеля несколько камней, научив некоторые из них испускать свет или тепло, если у них была на то способность.

На земляных стенах туннеля было много странных изображений, которые причудливо двигались из-за зелёного грибка, бывшего единственным источником света. Сперва Эвви разглядывала изображения при любой возможности. Она поглядывала одно из них, казавшееся лошадью с ногами-веретёнами и птичьей головой, когда обернулась, и обнаружила, что на неё глядит такое же существо, какое было изображено на стене.

Она закричала. Существо ответило взаимностью. Оно уцокало во тьму на своих невозможно тонких ногах, за ним последовали три других, которых можно было бы назвать жеребцами, если бы существо было лошадью. Большое Молоко, евшее одну из кучек травы, которые кто-то оставлял через регулярные отрезки пути, укоризненно покосилась на Эвви.

— Эвумэймэй, ты не должна кричать на глубинных бегунов только потому, что они — не то, к чему ты привыкла, — мягко сказал ей Луво. — В конце концов, это — их страна.

— Их страна? — воскликнула Эвви, карабкаясь на спину Большого Молока, где её уже ждал Луво. — Это — подземный туннель!

— Именно под землёй их народ и живёт, если только опасность не заставляет их выйти на поверхность.

— Бог-Король и Докьи никогда ничего не говорили про лошаде-птиц!

— Прости меня, Эвумэймэй, но из того, что ты поведала мне о своих друзьях, мне кажется, что они не говорили тебе о большей части тайн Гьонг-ши.

Эвви уселась скрестив ноги на широкой, солидной спине Большого Молока, и подпёрла подбородок ладонями:

— Нет, полагаю, что не говорили. Пожалуйста, не обижайся, Луво, но хотя ты — самая великолепная из всех виденных мной гор, я буду рада убраться отсюда. Гьонг-ши — слишком странное место для меня.

— Разве ты не привыкаешь к своему окружению?

Эвви начала заплетать маленькую косичку из меха Большого Молока. Она уже немало их сплела из волос яка и ярко окрашенных нитей от своей одежды Луво сказал, что гигантский як была не против. Эвви выяснила, что ей было приятнее сосредотачиваться на плетении в зелёной полутьме обширного туннеля, в те трудные моменты, когда ей не оставалось ничего, кроме как заикливаться на улыбавшейся Джья Джуи, заносившей палку над ступнями Эвви.

— Нет, Луво, — сказала Эвви.

Она не могла сказать ему, что холодные ветры всегда будут напоминать ей о наваленных в кучу мертвецах, или что усыпанное алмазами ночное небо будет показывать ей образы безжизненных тел её кошек.

— Прости.

Кто-то пробежало у неё над головой. Она нагнулась поближе к шерсти Большого Молока, чтобы не видеть, что именно это было.

* * *

Армия задержалась в лагере на день, чтобы дать раненым возможность отдохнуть. После разгорячённого обсуждения и обмена вестниками, два отряда воинов отвели янджингских пленников и раненных обратно в деревню, которую миновали предыдущим днём. Они не могли оставить солдат, чтобы охранять пленников и своих собственных раненных на дороге. Отряды вернулись до заката.

Браяр услышал всё это от своих друзей среди отрядом близнецов и Ланго. Сам он не проспал до сумерек. Когда он присоединился к ним за их походным костром, они заухали как совы.

— Я просто перенапрягся, вот и всё, — проворчал он. — Немного подустал.

— Тебе лучше принять решение, — сказал Парахан, передавая ему полную миску.

Браяр взял её, и уставился на здоровяка, моргая:

— Решение?

— Сражаться или лечить, когда начнутся серьёзные битвы. Ты не можешь делать и то, и другое, не доводя себя до полумёртвого состояния. Большинство магов даже не пытаются это делать, — сказал Парахан.

Браяр нахмурился. Он всегда думал, что маги решали становиться лекарями или боевыми магами потому, что у них был талант только к чему-то одному. Ему не приходило в голову, что они могли просто беречь силы.

— Но мы с Розторн сражались, а потом лечили, во время нашего пути на восток, когда на наши караваны нападали разбойники, — сказал он. — И Розторн сражалась с пиратами дома, и потом занималась лечением.

— Когда мы сражались с пиратами, я применяла мои снадобья, — поправила его Розторн. — Я прочищала раны и забинтовывала их. Я не вливала дополнительную силу в свои лекарства, поскольку она могла мне ещё понадобится для шипов на берегу. Парахан прав. Мы по большей части не сможем сразу и сражаться, и лечить, только не когда столкнёмся с настоящими армиями. На пути сюда мы ничего такого не делали.

— А выбирать можно? — спросил Браяр.

— Конечно, — ответила она. — Кроме того, я уверена, что Генерал Сэруго предпочтёт,

чтобы мы использовали наши способности в роли боевых магов. Их в этой армии маловато.

— Хотя вы вообще-то не совсем боевые маги, — заметила Суда.

Розторн тихо засмеялась:

— Мы — вообще не те, кого призывают генералы, когда хотят боевых магов. Мы не можем метать огонь, мы не можем ничего взрывать, и мы не можем разом послать в воздух сотню камней из катапульта.

— Эй! — оскорблённо сказал Браяр. — Мы можем делать кое-что и получше!

— О, типичный мужчина, — сказала Суда, закатывая глаза.

Ривердэнсер засмеялась, когда переводчик передала ей смысл слов принцессы.

— Мы можем, — настаивал Браяр, улыбаясь. — Мы можем мгновенно разместить акры шипастых лоз среди врага. Мы можем попросить травы спутать ноги солдатам и лошадям. Мы можем сделать их древесину бесполезной для них. Вот увидите!

— Они увидят, — согласилась Розторн. — И у меня есть ещё несколько других идей. Большая часть храмовых магов и шаманов — лекари, и они могут пользоваться нашими снадобьями. Мы поможем в палатках, по мере возможности, но когда придёт время армий, мы — боевые маги.

Она встала, и ушла прочь, в темноту.

Браяр вернулся в их палатку, чтобы убедиться, что его броня была в порядке, и что у него было готово достаточно семенных шариков на следующий день, потом проверил и снаряжение Розторн тоже. Когда он начал зевать, Браяр пошёл в последний раз посетить уборную.

Возвращаясь обратно в кровать, Браяр увидел Розторн и Парахана, о чём-то беседовавших в тени рядом с палатками обоза. Они стояли близко друг к другу — очень близко. Он прищурился, пытаясь получше увидеть, что между ними происходило. Что-то в их позах сказало ему, что они не будут рады вмешательству посторонних. А потом Парахан положил ладонь на бедро Розторн.

Браяр отвернулся, и поспешно зашёл в свою палатку. Он знал, что иногда Розторн спала с кем-то помимо Ларк. Она знала, что **Ларк** знала о том, что Розторн иногда спала с кем-то помимо неё. После их отъезда из Спирального Круга Розторн делала это дважды. Браяр просто не был уверен, как он к этому относится. Сейчас он впервые на самом деле знал одного из этих людей ещё до того, как что-то произошло.

«А чего я удивляюсь?» — гадал он, стягивая с себя сапоги. «Они вились вокруг друг друга с тех пор, как мы встретились у границы. И это — Парахан. Будь я *дамóхи*, я бы и сам засматривался на Парахана».

«Меня что, беспокоит, что она решит остаться здесь? Потому что она не останется. Здешние растения она любит не так, как те, что растут дома; императора она ненавидит; в Гьонг-ши деревьев совсем недостаточно, и я не думаю, что она когда-нибудь бросит Ларк».

Он всё ещё пытался разобраться в своих чувствах, когда заснул.

* * *

К тому времени, как она покинула палатку Парахана на рассвете, Розторн чувствовала себя более нормальной, по сравнению с тем, как она чувствовала себя уже какое-то время. От потери Эвви у неё всё ещё ныло в сердце, но в целом Розторн ощущала себя так, будто её

тело снова стало принадлежать ей, и не является марионеткой, двигающейся по указаниям Сокровищ и жрецов Запечатанного Глаза. Впервые, с Параханом, она не слышала тихого шёпота, не оставлявшего её разум с тех пор, как она взяла Сокровища.

Парахан, как любовник, тоже полностью оправдал все её надежды в его отношении — он был весёлым и заботливым, внимательным, но не давящим на неё. Повезёт же его королеве, кого бы он на эту роль однажды ни выбрал. Розторн вознесла молитву Миле Полей и Зерна, чтобы он нашёл кого-то, кто оценит его по достоинству.

Они намеренно всю ночь не говорили о войне. Теперь Розторн снова осознала её присутствие, пока здоровалась со своими друзьями в лагере. Все уже встали и готовились выдвигаться, укладывая палатки и грузя обозных животных и повозки. Браяр наверное ушёл на завтрак, решила она, когда вошла в их палатку. Его экипировка уже была готова. Не упакованной остались лишь его и её броня. Её вещи, конечно, были нетронуты с тех пор, как она прошлой ночью сложила их в палатке.

Она могла слышать скрип и стоны таявшего льда и снега в горах, по мере того как солнечный свет согревал всё вокруг. Где-то чуть ближе хрипло дышала лошадь. Розторн нахмурилась. Источник звука был слишком далеко, чтобы быть одной из их собственных лошадей. Они разослали разведчиков, или это был один из вражеских шпионов? Розторн прокляла тот день, когда коснулась Сокровищ. Остаточные эффекты делали её жизнь такой запутанной. Намка из Запечатанного Глаза сказал, что со временем они исчезнут. Проблема была в том, что его представление о времени похоже было очень гибким, по её стандартам.

Она пыталась надеть свою броню, когда Браяр вернулся с завтрака. Видя его осведомлённую ухмылку, и осознав, что он знал, где она провела ночь, Розторн изогнула бровь, предлагая ему осмелиться надерзить ей по этому поводу. Он лишь однажды поставил под вопрос её право выбирать себе партнёров по собственному желанию. Они мило побеседовали о выборе между кем-то, и любовником этого кого-то, и больше на эту тему не дискутировали. Ей только раз пришлось дать ему лёгкий подзатыльник за глупость.

Судя по всему, Браяр об их беседе не забыл, потому что он сказал только лишь:

— Ты завтракала?

— Пряные яйца с рисом и теми пышными лепёшками, — сказала она. — Мне кажется, у меня от чили всё ещё слезятся глаза.

Она покачала головой. Во рту у неё немного жгло.

— Но зато это бодрит почище чая. Мог бы позавтракать с нами. Парахан и Суда спрашивали о тебе.

Браяр пожал плечами:

— Мы ели блины с грибами у костра Ривердэнсер — очень вкусно.

Он увидел, что она не может справиться с боковыми завязками своей кирасы.

— Вот, я их завяжу, а ты завяжи мои.

Она подняла руки, чтобы ему было лучше видно. Затягивая витые шёлковые шнурки, он вдохнул, и пробормотал:

— Я чую сандаловое дерево.

Она легонько шлёпнула его по голове:

— Я чую дерзость.

Затянув завязки на броне Браяра, она дала ему один из матерчатых мешочков, которые приготовила, пока он спал как убитый весь прошлый день.

— Я сумела довести некоторые из наших шипастых растений до семенного роста, чтобы

снова запастись семенами. Я была не так вымотана, как ты. Конечно, я не посылая свою магическую сущность на полпути до Янджинга, и не сражалась в таком состоянии.

— Жалобы, жалобы, жалобы, — пробормотал Браяр, пихая мешок в перевязь, висевшую у него на груди.

Розторн знала, что у него там лежали запасные камни и прямоугольники из ткани, как и у неё. Если этим утром всё будет тихо, они смогут создать ещё шариков с шипами прямо в седле.

— Нет — осторожность, осторожность, осторожность, — парировала она.

Они об этом уже давно спорили.

— Неуязвимыми мы не являемся, и ты не отомстишь за Эвви, если сам тоже погибнешь.

Она отвернулась:

— Я не хочу говорить Ларк о том, что я тебя потеряла.

Отсутствие Эвви ныло, как потеря зуба. Потеря Браяра будет намного хуже. Если с ним случится что-то, что она могла предотвратить, то она не знала, как будет жить с этим дальше. Джимут сунул голову в палатку:

— Если досточтимые *прэбус* соблаговолит выйти, то я уложу ваши вещи, — радостно сказал он. — Их Высочества хотят выехать поскорее, и сегодня мы едем в авангарде.

Когда их вещи были уложены, и они были в седле, Розторн обнаружила себя в самой голове их группы, где ехали Парахан и его охрана. Вместе с ней ехали Ривердэнсер, её переводчик, Браяр, и Джимут. Суда и западный вождь, которого звали Трещины Ледника, взяли каждый по пятнадцать добровольцев, и разъехались, Суда — на восток, а Трещины Ледника — на запад. Они разведывали на предмет наличия отбившихся янджингских налётчиков. Они обещали нагнать своих двигавшихся на север товарищей где-то после полудня.

Розторн услышал, как Браяр и Джимут завистливо вздохнули, наблюдая за отъездом Суды.

— Не будьте столь жадными до битв, — предупредила она их, не желая упоминать лёгкий рокот, который доносился до неё далеко с севера, вместе с не умолкавшими храмовыми рогами и гонгами Гармашинг. — Их на всех хватит, рано или поздно.

— Просто мы шагаем, шагаем, может участвуем в одной стычке, лечим, и потом снова шагаем, — объяснил Браяр. — Почему они просто не остановятся, и не станут **сражаться**?

Парахан это услышал:

— А зачем им это делать, если сначала они могут нас утомить?

Розторн, успевшая поучаствовать в нескольких больших битвах, не говорила Браяру, что она была только рада отсрочить следующее сражение. Она знала, что он решит, что ей недостаёт боевого духа. Он был молод.

Они остановились, чтобы напоить животных и съесть обед, пусть и холодный. Трещины Ледника и его люди вернулись ко второй четверти дня. Они нашли пустую деревню и укреплённый храм с закрытыми воротами и вооружёнными воинами на стене. Они не видели ни следа врагов между дорогой и Рекой Том Шо.

Розторн и Ривердэнсер завели через переводчика беседу о лечебных заклинаниях. Розторн получала от шамана кой-какие интересные идеи. Беседа также отвлекала её от изводившего её вопроса: где была Суда с её пятью десятками всадниками? Попали ли они в неприятности к востоку от тракта? Наткнулись на войска, направлявшиеся присоединиться к тому, что сильно шумело так далеко впереди?

День всё тянулся. Солнце медленно клонилось к закату, а восточная группа так и не появлялась. Поскольку ветер дул с севера, надоедливые остаточные эффекты от Сокровищ не давали Розторн знать, была на востоке армия, или нет.

Она своё беспокойство скрывала лучше, чем Браяр и Парахан. Люди из отряда Суды, которые не поехали с ней, становились всё раздражительнее с истечением времени. Оставив колонну, чтобы поехать рядом с бочками с водой, Розторн увидела, что лекари готовились принимать раненных, раскладывая свои припасы вдоль стен своих повозок, чтобы в середине можно было положить несколько раненных. Наполнив свою флягу водой, она заметила, как тихо все себя вели, даже воины из племён. Храмовые солдаты достали молитвенные чётки, и тихо напевали на ходу.

Когда она опять присоединилась к Ривердэнсер и её переводчику, то увидела, что несколько комбанпурских воинов разговаривают с Параханом. Один из них махал руками и кричал.

— Они хотят ехать на поиски пропавших. Лорд Парахан говорит, что это глупая затея, — перевёл им с банпурского Джимут. — Он говорит, что если леди и её людей схватили, то поисковую группу тоже схватят.

Край солнечного диска коснулся далёких горных вершин, когда Розторн увидела, что Ривердэнсер смотрит на восток. Между ними и тем, что могло там происходить, находился холм, но когда шаман попридержала своего коня, Розторн сделала то же самое. Вскоре все услышали растянутый зов боевого рога, и это был не один из гьонг-шийских рогов.

— Джимут? — спросил Браяр.

— Враги! — сказал Джимут, потянувшись за своим арбалетом. — Эм... ты хочешь, чтобы я использовал пращу?

Розторн покачала головой. Если враг перевалит через холм, или даже обойдёт его по краям, то была слишком высокая вероятность того, что шарики скатятся обратно к гьонг-шийским войскам.

— Думаю, не в этот раз, — сказала она. — Слишком опасно.

Браяр увидел то же, что и она:

— Тогда что будем делать?

— С дороги, налево, — сказала она ему. — Сегодня мы — лекари.

Она повернула, и махнула рукой над головой, чтобы дать колоннам банпурских воинов знать, что она хотела, чтобы они разомкнули ряды и очистили ей дорогу. Медленно, с идеальной дисциплиной, они открыли ей проход.

На востоке, на склоне холма в поле зрения галопом влетели солдаты. Это были их люди, одетые в землистого цвета куртки западных племён или броню Королевств Солнца и Гьонг-ши. Некоторые из них едва держались в седле. Другие ехали по двое на одной лошади.

— Сюда, — крикнула она, отводя своего коня назад, через открытый солдатами у неё за спиной проход. Лекари придут к ней, согласно планам, которые они обсуждали в пути.

Розторн схватила одного из раненных, когда тот проехал через проём в передних рядах, перетащив его на своё седло, и не потревожив при этом торчавшую из его спины стрелу. Один из солдат подбежал к ней, чтобы забрать поводья паникующей лошади раненного человека. Браяр взял уздечку следующего коня. Его всадница ещё могла держаться прямо; у неё была резаная рана, и кровь заливала ей глаз.

Лекари выбежали вперёд, чтобы забрать раненного солдата из седла Розторн.

— Осторожно, — предупредила она их. — У него стрела в спине.

Они кивнули, и унесли солдата в одну из своих повозок лицом вниз.

Розторн посмотрела на Браяра. Он отдал своего скакуна одному из солдат, оставив себе сумки со снадобьями. Он начал осматривать тех, у кого были лёгкие ранения, по мере того, как они поступали, в основном прочищая нанесённые мечами порезы. Переводчик Ривердэнсер стояла рядом с ним, держа в руках моток бинтов.

Один за одним, каждый в проёме их рядов поймал одного раненного, и отвёл к лекарям. Оставив своих подопечных, они возвращались за новыми ранеными, если те появятся, и чтобы сражаться. Янджингские стрелки поливали их ряды дождём арбалетных болтов.

Розторн бросила взгляд на возвращающихся воинов, подъехавших к Парахану. Одним из них была покрытая пылью Судамини. В руке она держала окровавленный меч, но сама видимых ран не имела. Она быстро переговорила со своим братом-близнецом, пока стрелки маленькой армии стреляли в наступающие войска врага.

Розторн повернулась на вскрик, и побежала помогать двум раненым на одной лошади, когда они проехали через проём в строю. Воздух вокруг неё наполнился выкрикиваемыми сержантами приказами стрелкам целиться, затем стрелять. После этого она была слишком занята, чтобы следить за тем, что происходило вдоль боевых порядков.

Будучи растительным магом, также изучавшей лекарское дело, она научилась наиболее простой хирургии в немалом объёме. Ривердэнсер пришла на помощь, когда Розторн начала удалять стрелы из плоти раненных. Это была нервная работа. Чтобы сохранять спокойствие, Розторн сосредотачивалась только на своих ассистентах. Бывало, что она резала, пока храм рушился вокруг неё. В тот день этот навык ей пригодился. Они едва успели позаботиться о раненных Суды, когда начали поступать те, кто был ранен в более свежей схватке с янджингскими солдатами.

Наконец Розторн остановилась, чтобы перевести дух. Она и не осознала, что уже стемнело. Кто-то сунул ей в руку большую фарфоровую кружку чая, обильно сдобренного маслом и подслащённого. Она жадно его выпила.

— Как ты держишься?

Она подняла взгляд на Суду, и моргнула:

— Неплохо.

Её голос прозвучал хриплым карканьем.

— Как идёт бой?

Суда пожала плечами:

— Враг отступил на ту сторону этого кряжа. Парахан разделил своих воинов. Половина стрелков — вон там.

Она указала на вершину холма.

— Они их прижали, я думаю, но в темноте трудно сказать... А это что?

Над холмом расцвёл зеленоватый свет, бывший достаточно ярким, чтобы показать стрелков, упомянутых Судой. Розторн допила свой чай, заставляя себя оставаться спокойной. Этот зелёный свет был работой мага. Никто из магов в их маленькой армии не был способен на такое заклинание, и ни она, ни Браяр не творили магию, испускающую свет.

— Я пойду посмотрю, — услышала она слова Браяра. — Если на них есть ива, дуб или гинкго, то я это прекращу.

— Браяр! — крикнула она, но он уже взял неосёдланную лошадь, и ускакал прочь, огибая холм сбоку.

Сам холм был слишком крутым для всадника.

С поля битвы несли очередного раненного. У этого был порез через всю грудь. Если она его не прочистит и не зашьёт, то он умрёт от инфекции. Она могла либо заботиться об этих людях, либо последовать за своим мальчиком.

Открытая рана мечом, обнажившая рёбра, имела приоритет. Браяру было шестнадцать, и он, по общему разумению, был уже мужчиной. Она вознесла молитву Янне Целебное Касание — за воина перед ней, и Зелёному Человеку — за безопасность Браяра. Потом принялась за работу.

Ривердэнсер услала её прочь гораздо позже; она не знала, когда именно. Браяра никто не видел. Они пообещали его поискать, если она только отдохнёт. Розторн помедлила, но у неё тряслись руки; ей нужно было поесть и отдохнуть. Палатки уже стояли, в том числе палатка для врачей. Она там на тюфяк, и сказала себе проснуться через два часа, какой бы усталой она ни была.

* * *

Кто-то расталкивал её. Это был Джимут. Видя выражение его лица, она с трудом поднялась на ноги. Потом побежала вслед за ним. Он её отвёл прямо в лекарскую палатку.

Двое ассистентов работали в свете ламп над воином. Один из них очищал его побитое лицо. Второй осторожно пытался разрезать кожаные штаны вокруг глубокой раны на его бедре.

Воином был Браяр.

Джимут говорил ей что-то, но его слова с тем же успехом могли быть раскатами грома — в них для неё было столько же смысла. На миг она подумала, что развалится на части. Её кости ощущались вялыми и водянистыми. Призрак её отца заорал ей в ухо:

— Будешь ещё расхлябываться как принцесса, Нива! Давай руку, и вытаскивай этого барана, иначе я тебя так высеку, что месяц будешь на животе спать! Вон там горшок, потому что я тебя даже в уборную не выпущу, так что делай как велено!

«Спасибо, Пап», — подумала она, делая шаг к койке. Она прощупала пульс Браяра — сильный — и его температуру — холоднее, чем ей хотелось бы, но он всё же был ранен. Она бросила взгляд на его бедро. Лекарь, который срезал штанину, осторожно оттягивал её прочь от раны. Та была глубокой и грязной.

Розторн оттянула Браяру веко. Ему уже дали что-то от боли. Его зрачок был таким широким, что она едва видела его серо-зелёную радужку. Это было хорошо. Ей придётся сделать ему больно, чтобы прочистить рану, и она предпочитала, чтобы он в это время не был в сознании.

Горячая вода. Ей понадобится...

Один из ассистентов стоял у дальней стороны койки, держа в обёрнутых тряпкой руках котелок с горячей водой, и с перекинутыми через одно из плеч чистыми полотенцами. Одежду Браяра срезали, и выбросили подальше. На миг Розторн отвернулась от койки, закрыла глаза, и помолилась Янне Целебное Касание из храма Воды — за исцеление, Зелёному Человеку — чтобы отвадить стремительный рост заражения, и Шурри Огненный Меч из храма Огня — для твёрдой руки. Потом она повернулась обратно к койке, и начала очищать зияющий разрез. Потекла кровь. Как только Розторн закончила, Ривердэнсер стремительно приложила мягкий компресс к бедру Браяра и надавила, чтобы унять

кровотечение. Они подождали несколько мгновений. Женщина убрала компресс, и они заменили его на другой, чистый. Этот придавливала уже Розторн, отсчитывая про себя чуть ли не целую вечность. Когда она убрала компресс, кровь ещё текла, но уже в меньшем количестве.

— Хвала Янне, — прошептала она.

На *тийон* она добавила:

— Похоже, что никакие крупные кровеносные сосуды не задеты.

Она сменила компресс на чистый, и позволила кому-то другому его прижимать. Она прошлась по своим снадобьям, найдя одно для очищения, и другое — для удержания краёв раны вместе.

На этот раз, когда они убрали компресс, Розторн предупредила остальных:

— Держите его, пожалуйста, — сказала она. — Он будет брыкаться.

Когда они взяли его за руки, плечи и ноги, Розторн сказала, без внимания к тому, был Браяр в сознании или нет:

— Будет больно, парень мой, но когда я с тобой поговорю поутру, будет больнее.

Она стремительно закапала в открытую рану очищающее снадобье.

Браяр выгнулся, упираясь в койку и державшие его на ней руки, его веки распахнулись. Он испустил вопль. Ривердэнсер склонилась над его головой с флаконом в руках. Она показала флакон Розторн, та понюхала и опознала сильное снотворное и болеутоляющее средство, которое предпочитали гьонг-шийские лекари. Она кивнула.

Ривердэнсер отмерила три капли в открытый рот Браяра. Он сглотнул, закашлялся, и расслабленно вытянулся на койке. Когда его веки начали опускаться, Розторн добавила тонкую линию снадобья, которое должно было удержать внутреннюю мышцу его бедра целой, как линия стежков. К тому времени, как всё было готово, Браяр храпел.

Розторн мрачно улыбнулась, и повернулась к своим снадобьям. Ей понадобятся иголка и жила, чтобы зашить кожу Браяра, а потом — лечебное зелье для швов.

К тому времени, как она закончила, у неё кружилась голова.

— Кто-нибудь может его забинтовать? — спросила она на *тийон*.

Добрые руки повели её прочь от койки, которую взяла на себя Ривердэнсер. Кто-то сунул ей в руки чашку не с чаем, а с бульоном. Розторн стала осторожно пить из неё. Время от времени она промокала рукавом тёкшие по её лицу слёзы.

* * *

Когда Браяр очнулся, он почувствовал, будто кто-то использовал его голову вместо барабана. Что хуже, Даджа взяла один из своих раскалённых добела кусков железа из кузнечного горна, и воткнула ему в бедро. Он потребовал, чтобы она его вытащила, иначе ей не поздоровится — или, точнее, попытался потребовать. Вместо слов из его рта донеслась белиберда. Он снова заснул.

* * *

Эвви перевернулась, крича, пока Му-шанг держал Асу и замахивался ножом. Она

открыла глаза, уставилась на низкий земляной потолок над собой, и снова закричала.

Пять маленьких серебряных змей с черепами вместо голов исчезли в потолке туннеля.

— Эвумэймэй, — спокойно сказал ей на ухо Луво, — это только лишь маленькие пещерные змеи.

— Они мертвы! — воскликнула Эвви, садясь у Большого Молока на спине. — Они все из костей!

— Нонсенс. Они сделаны из металла и земли. Они не могут быть мертвы. Большое Молоко говорит, что ты мычишь почище её телят.

Эвви зыркнула на своего низкорослого спутника.

— Прости, Луво, — сказала она ему. — Прости, Большое Молоко, — добавила она, вытягиваясь, чтобы почесать гигантскому яку затылок. — У меня снова были сны. Мы двигаемся **вверх**?

Она прищурилась, глядя на туннель впереди. Даже в скудном свете, исходившем от светящейся плесени, она была уверена. Впервые с начала их путешествия туннель начал идти вверх.

— Я надеюсь, что тебе будет лучше под открытым небом, — сказал Луво.

Вокруг них застонала земля.

— Я думаю, что тебе будет сниться меньше снов.

* * *

Лагерь Генерала Сэруго был в полной боевой готовности. На севере и на западе были замечены разведчики врага. Она приказала утроить караулы, и молилась, что объединится с Капитаном Ланго и с близнецами из Королевств Солнца на следующий день. Всё указывало на то, что большое сражение будет ещё до того, как она достигнет Гармашинг.

Внезапно она услышала волнение среди людей. Чертыхаясь, она схватила свой меч, и побежала к источнику звуков. Охранники на её южном оборонительном рубеже стояли, указывая на что-то. Прорывав команду, она послала зевак обратно на их посты, и посмотрела с прищуром в опускающиеся сумерки. По крайней мере остальные караульные не оставили своих постов, сказала она себе.

Потом она моргнула, и снова моргнула. В сотне ярдов от их сторожевой линии равнина раздирала себя надвое. Земля у неё под ногами дрожала. Она повернулась, чтобы крикнуть шаманов, но дрожь прекратилась. Сэруго уставилась на дыру, открывшуюся в доселе твёрдой, надёжной земле.

Из дыры не спеша вышел тяжело ступающий як, самый крупный, какого она когда-либо видела, и начал пастись на траве рядом с дырой.

Потом, пока Сэруго и караульные таранились как впервые вошедшие в Гармашинг фермеры, кто-то съехал со спины яка. Этот кто-то снял какие-то сумки или рюкзаки, сбросив один из них со своего плеча. Затем этот кто-то почесал яка по лбу. Сэруго знала, что лоб яка назывался как-то по-другому, но она была горожанкой; ей такие вещи были неведомы. Однако, она знала все слова для составных частей арбалета. Она вытянула руку, пытаясь нашарить один из них в пустом пространстве.

Безразмерный голос прогремел в воздухе:

— Не нападайте на нас, защитники Гьонг-ши.

Голос был низким и мелодичным. Он не мог принадлежать человеку, который шагал к ним, поднимая руки — с сумками в них — вверх.

— Мы — союзники для вас, и враги — для захватчика из Янджинга!

Огромный як повернулся, и лениво потопал по равнине на юг. Сэруго пожалела, что не может сделать то же самое.

* * *

Когда Браяр очнулся во второй раз, кто-то приказал ему пить. Он послушался, потом попытался выплюнуть отвратительную сладость приправленного опиумом спирта изо рта.

— Пей, иначе в следующий раз упражняться на тебе с мечом буду я, — сказал ему Парахан.

Здоровяк сидел на складном стуле рядом с его койкой, поддерживая Браяра одной рукой, и держа чашку другой.

— Ты же должен был лечить людей — что ты делал на поле битвы?

Браяр выпил остатки содержимого чашки.

— Я поехал посмотреть... что это был за зелёный свет, — пробормотал он. — Это были наши. Гьонг-шийцы. П'том я остался работать с ранеными. П'том кто-то хрясьнул меня мечом.

Его мозг был не настолько одурманен, чтобы он не мог вспомнить это. Он проверял павшего храмового воина в свете одного из светящихся камней Эвви. Внезапно рядом с ним встал на ноги янджингский воин.

— Ты! — закричал он на *тийон*.

Он был едва ли старше Браяра.

— Ты — один из их демонов-магов!

Он качнулся вперёд, поднимая меч и падая одновременно. Браяр ощутил, как у себя на ноге что-то горячее. Он посмотрел на янджингского мальчика, и обнаружил, что тут упал потому, что был мёртв. Когда он напал на Браяра, он уже умирал от большой раны в груди. Только сумасшедшая удача, удача Лакика, заставила его рубануть Браяру по ноге, а не по чему-то более важному.

Пусть рана и не была смертельной, но она всё равно заставила Браяра закричать. Его нашли люди с его стороны. Когда они подняли его, чтобы принести обратно в лагерь, боль стала такой сильной, что он упал в обморок подобно какой-то лилии из храмовых архивов.

Он пытался всё это рассказать Парахану, когда зелье подействовало, и он заснул.

Когда Браяр вновь очнулся, у его койки сидела Розторн. Она радостно сказала:

— Я бы надрала тебе уши, но, судя по всему, ты и так уже получил наказаний сполна.

Он зыркнул на неё:

— Обычно ты не бываешь такой счастливой, когда я так сильно лажаю.

— Я рада не потому, что ты был ранен, — едко ответила она. — Я понимаю, что у тебя были хорошие намерения, но тебе не следовало быть там.

Браяр закрыл глаза рукой:

— Я это уже сообразил, — признал он. — Я просто не хотел, чтобы ещё кто-то умер, кого можно было спасти. Ну, из наших.

— Генерал Сэруго нашла нас, — услышал он слова Розторн. — Её разведчики заметили янджингских воинов, и она их отрезала. Никто из них не выжил.

— Это хорошо, — вяло произнёс он.

Кто-то ходил в палатке. Он не хотел видеть, как они обсуждают его тупоумие.

— Браяр, посмотри на меня, — сказала ему Розторн. — Сэруго привела нам пополнение.

Он услышал скребущий звук. Очень низкий голос произнёс:

— Это и есть Браяр? Из твоих разговоров, я думал, что он будет размером с Дибан Кангмо.

— Вали отсюда, пополнение, — сказал Браяр. — Я не хочу, чтобы на меня пялились как на какую-то балаганную хренотень.

— Я думал, что начал понимать используемые тобой странные слова, но его понять вообще не могу.

Кто-то дёрнул его за рукав. Голос, который он и не ждал уже больше услышать, произнёс:

— Пожалуйста, посмотри на меня, Браяр. Я проделала такой долгий путь, чтобы тебя увидеть, да ещё и на яке по имени Большое Молоко.

Это не могла быть Эвви. Эвви была мертва. У него был её каменный алфавит, который у неё забрали её убийцы. Она бы никогда рассталась с ним, если только не была мертва.

Браяр опустил руку. Эвви стояла у его койки, с противоположной от Розторн стороны, и была одета в куртку, которая из-за своих размеров вполне могла бы быть платьем. В качестве головного платка она использовала кричащий, многоцветный шёлковый шарф, но под были прежняя пара ярких глаз Эвви, и её нос с плоским кончиком. Её губы дрожали в улыбке.

— Ты жива? — спросил он её.

Она кивнула. Её глаза наполнились слезами.

— Но они убили моих кошек, Браяр.

Она встала рядом с его койкой на колени, и положила голову ему на грудь.

Несмотря на боль, он повернулся, и обнял ту часть её, до которой мог дотянуться. Он бормотал глупости, о том, как они поквитаются с ними, а она рассказывала ему про то, что они с ней сделали. От этого у него в груди зажёгся тусклый жар ярости.

— Но ты можешь ходить? — прошептал он.

Она кивнула, и отстранилась, утирая глаза рукавом. Она и нос собиралась им вытереть, когда Розторн протянула через Браяра руку, и сунула ей в руку носовой платок.

— Луво мне исправил. Ну, исправляла меня дочь Дибан Кангмо. Я почти не хромаю, — объяснила Эвви. — Луво — гора. Сердце горы.

— Кто такой Луво? — потребовал Браяр. — Кто такая Дибан Кангмо.

— Дибан Кангмо — богиня вершинных пауков, — произнёс низкий, спокойный голос.

Эвви немного отошла в сторону. Рядом с ней на табурете, чтобы быть на одном уровне с койкой, находился булыжник из прозрачных, пурпурных и сосново-зелёных кристаллов. По высоте он примерно был с ладонь и предплечье Браяра вместе взятые, и имел форму животного, но сточенную за годы, проведённые в текущей воде.

«Может, медведь», — подумал Браяр. «Сточенный водой медведь».

— Браяр, это Луво, — сказала ему Эвви. — Ну, его имя на самом деле не Луво. Егс настоящее имя гораздо длиннее, и я его не могла запомнить, поэтому я зову его Луво. Он — один из мужей Королевы Солнца, тот, которого зовут Кангри Склад По, говорящая гора.

Булыжник кивнул Браяру:

— Я правда думал, что ты будешь больше, судя по описаниям Эвумэймэй, — сказала существо.

Браяр не видел, чтобы у него двигался рот, но голос точно исходил из булыжника.

— Для меня честь познакомиться с тем, кто так много для неё значит.

Браяр подумал немного, затем посмотрел на Розторн.

— Ты дала мне ещё одну дозу обезболивающего зелья, так ведь? Дальше я буду пить только ивовый чай.

* * *

Рассказ Эвви был длинным. Лекари покормили Браяра и поменяли ему повязки, пока она рассказывала. К тому времени, как она закончила, Парахан, Суда, Ланго и Джимут пришли послушать, поскольку все подробности не слышали. Если бы он не сжимал её руку большую часть этого времени, Браяр бы счёл, что это — очередной безумный сон, от её пленения до её путешествия глубоко в земле, пока они не нашли армию Сэруго.

Сэруго согласилась отвезти Эвви и Луво в Мелонам, где они должны были соединиться с войсками под командованием Капитана Ланго и его спутников. Они бы так и сделали, но их силы наткнулись на янджингских солдат, преследовавших пятьдесят воинов под предводительством Судамини. Теперь войска из Гьонг-ши и Королевств объединились, и Сэруго ими командовала.

— Если ты готов к поездке в повозке, то мы близко к Мелонаму, — сказала Розторн Браяру, когда Эвви закончила. — В нормальной кровати тебе будет удобнее, чем здесь.

— Не нужна мне повозка, — возразил Браяр, свешивая ноги с койки. — Я могу сидеть верхом.

Он поставил ноги на землю, и встал, или попытался встать. Его бедро отозвалось такой болью, что он прикусил внутреннюю сторону щеки, пока из неё не потекла кровь. Браяр сел обратно.

— Повозка, — сказала Розторн.

Джимут кивнул, и покинул палатку.

Чтобы спасти своё самоуважение, Браяр посмотрел на Луво:

— Если ты — гора, то как ты стал таким маленьким?

— Твои манеры как всегда ужасают, — пробормотала Розторн.

Она отмеривала в чашку болеутоляющее снадобье.

— Эта часть меня — сердце горы, и большая часть её разума, — объяснил Луво, поворачивая свой головной нарост так, чтобы казалось, будто он смотрит на Браяра ямками, которые служили ему глазами. — Я не думаю, что твои манеры ужасающие. Для сравнения у меня есть только Эвумэймэй. До этого я никогда не думал, что с мяс... что с людьми имеет смысл разговаривать, поэтому у меня нет мерил для их манер.

— Эвви тоже думает, что с людьми нет смысла разговаривать.

Браяр посмотрел на Розторн.

— Розторн, я думал, что мы согласились завязать с этой дрянью.

— Нам нужно затащить тебя в повозку, мой дорогой.

Ох, это было очень плохо. Та рана должно быть была глубже, чем он сознавал, если она не отчитывала его за грубое обращение к Луво, и не говорила ему молча принимать лекарство. Он понаблюдал, как она капнула в чашку ещё какую-то жидкость.

— Не волнуйся, — сказала она, и улыбнулась. — Вкус будет такой ужасный, что больше ты ни о чём беспокоиться не будешь.

Эвви, тихо сидевшая рядом с Луво, на самом деле захихикала.

Браяр выпил зелье. Оно было даже отвратительнее, чем намекала Розторн. Он боролся с собой, пока не убедился, что его не вывернет наизнанку. Когда у него закружилась голова, он пробормотал:

— Розторн, заberi мои семенные бомбы.

— Уже забрала, — сказала она ему, и поманила к себе Джимута и ещё одного помощника. Они постарались поднять Браяра мягко, но он всё равно вскрикнул разок, прежде чем потерять сознание.

* * *

Алая нага клевала его в лоб подобно птице, одна голова за другой. Браяр попытался сказать ей, что змеи не клюют, но она его проигнорировала. Он очнулся в дёргающейся, трясущейся повозке. Его нога ныла. Его рвало. Он хотел выкопать в Гьонг-ши дыру до самого расплавленного сердца мира, и закопать там Уэй-шу и его магов, где они больше никогда не ощутят запах никаких роз.

— Неужели так больно? — спросил очень низкий голос у его локтя. — Даже когда Эвумэймэй плакала во сне, её лицо не принимало такую форму.

Браяр повернул голову. День был слишком ярким; он прикрыл глаза, чтобы увидеть говорящий булыжник.

— Я не думал о боли, — пробормотал он. — Я думал о мести.

— Я тоже думаю о мести, — сказала Эвви.

Она сидела с другой стороны от Браяра, привалившись к его сумкам.

— Я хочу сбросить на Уэй-шу несколько Дримбакангов, но Луво говорит, что горы мне этого не позволят.

— Я тебя не виню, — сказал Браяр. — Если бы мне сделали так больно, я бы тоже захотел скинуть на них гору.

— Да, но я оставила боль позади. Могло быть и хуже. Они **хотели**, чтобы было хуже. Видишь, я в порядке.

Эвви стащила один из своих чрезмерно больших тапок, которые ей кто-то дал, и толстый носок, который был надет под ним. Взявшись за свою лодыжку, она подняла свою стопу, чтобы Браяру было видно подошву.

— Не так уж плохо, верно?

Браяр сглотнул. Обычно стопы Эвви были коричневыми и мозолистыми после того, как она годами бегала по скалам и грязи вообще без обуви. Сейчас же её подошва была вспухшей и розовой, с поперечными горизонтальными шрамами.

— Они пока ещё чувствительные. Я не могу ходить слишком много, но кожа не содрана, и шерсть их не раздражает, — сказала Эвви, поворачивая свою стопу, чтобы критично её осмотреть. — Я даже могу взять Луво и нести его, и ногам не больно. Мне просто нужно помнить, что мои кости сделаны из гранита, чтобы его вес меня не беспокоил. Как твоя рана?

Она отпустила свою лодыжку, и снова надела носок.

— Нормально, — сказал Браяр, стыдясь своего хныканья.

Он всё ещё был немного в тумане, но боль была уже не такой, как раньше. Он улыбнулся Эвви:

— Я думаю, что мне отомстить будет проще, чем тебе. Меня он просто разозлил. Я буду рад, если мы просто прогоним его обратно в Дохан.

Она отвела взгляд:

— А вот это как раз больно. Они забрали всё, что у меня было. Это мне уже никогда не исправить. Ноги мои в любом случае заживут. Но всё, что было моим — пропало, даже мой алфавит, который ты мне дал. Даже...

Она согнулась, уткнув лицо себе в колени.

Браяр извернулся, чтобы сесть, не обращая внимание на боль в ноге. Это было той единственной вещью, которую он мог для неё сделать, после того, как оставил её позади на растерзание палачам.

— Эвви. Эвви, дай мне ту сумку. Ту, у которой на левой ручке вышитый шарик на удачу!

Она пошарила рукой, и передала ему желаемое, не отрывая лица от коленей. Браяр повозился с застёжками.

— Смотри сюда. Смотри, что было у одного янджингского *кака*, когда наши друзья напали на их лагерь!

Он вытащил её каменный алфавит. Поскольку она всё ещё сидела, согнувшись, он положил скатанный свёрток на её облачённые в тапки ступни.

Эвви разжала колени, чтобы взглянуть. Потом она прошептала:

— Нет...

— Да, — сказал Браяр.

Она развела колени в горизонтальное положение, и протянула руку к тяжёлому тряпичному свёртку. Её пальцы дрожали, когда она распускала удерживавшие его свёрнутым завязки. В ткани было более двадцати шести^[3] кармашков, поскольку у ямши, обсидиана, нефрита, сапфира, лунного камня, опала и кварца было много разновидностей. Эвви гладила каждый образец со слезами на щеках.

— Эвумэймэй? — спросил Луво. — Почему у тебя по лицу текут ручьи?

— Она получила назад свой алфавит, — ответил Браяр вместо Эвви, которая была слишком не в себе, чтобы говорить.

Потом ему пришлось объяснить, что такое алфавит, и что такое письменность. К тому времени, как он закончил с объяснениями, Эвви перестала плакать, а армия достигла обнесённого стеной города Мелонама.

Они немного подождали на солнце, прежде чем Джимут проехал обратно, чтобы найти их.

— Они хотят оставить раненных здесь, и двигаться дальше, — сказал он Браяру. — Розторн сказала, чтобы я дал тебе вот это.

Он передал ему маленький пузырёк.

Браяр узнал снадобье сразу, как только учуял его запах. Это было одно из зелий быстрого заживления, которое они использовали лишь в отчаянном положении.

«Если они собираются оставить меня здесь вместе с остальными ранеными, то положение действительно отчаянное», — подумал он. «А я не хочу, чтобы меня оставляли!»

Не давая себе времени на то, чтобы струсить — эти снадобья редко применялись не без причины, — Браяр вскрыл восковую печать, выдернул пробку, и проглотил содержимое пузырька. Какое-то время он ничего не чувствовал. Затем пламя пророкотало вверх по его глотке, и подожгло его зубы, зык, глаза и нос. Она зачихнул руку в рот, чтобы не заорать, и заставил себя смотреть на стены Мелонама. Это было ошибкой. Каменные стены были расписаны четырёхглавыми оранжевыми богами с кабаньими клыками. В руках они держали копья с челюстями на наконечниках. Глядя на Браяра, они высунули свои языки, и помахали своим оружием.

Браяр прикрыл глаза свободной рукой.

— Браяр? — спросил Луво. — Почему эти боги равнин машут тебе?

— Я не знаю, о чём ты говоришь, — пробормотал Браяр.

Потом он осознал, что именно произнёс булыжник. Он убрал руку со своих слезящихся глаз, и уставился на Луво, моргая:

— Ты их видишь? Ты видишь, как они **двигаются**?

— А с чего бы мне не видеть богов? — осведомился Луво.

Если Эвви и слышала их разговор, то не подала виду. Она перебралась в заднюю часть повозки, где сидела со своим алфавитом. Она вытаскивала каждый камень из отведённого для него кармашка, и прижимала его сначала к губам, затем ко лбу, прежде чем положить обратно.

— Я думал, что мне это просто мерещится, — пробормотал Браяр.

Потом ему пришлось объяснять, что значит «мерещиться», хотя он не был уверен, что ему в конце концов удалось правильно передать смысл.

— Боги слишком важны, чтобы оставлять их на волю мяс... человеческого воображения, — сделал наблюдение Луво. — Эти изображения — дверь в дома местных богов. Они почему-то думают, что ты можешь их видеть, поэтому они тебя дразнят.

— Ну, я понял, что дразнят, — признал Браяр. — Что это за слово, которое ты всё время говоришь, и поправляешься? Мяс... что? Это оскорбление? Наверное да, иначе ты не стал бы заменять его на «люди».

— Раньше я думал о зверях, птицах, насекомых и людях как о «мясных существах», — терпеливо объяснил Луво. — Эвумэймэй это расстраивает. Она попросила меня

использовать слово «люди» для тех из вас, кто позволяет пропадать двум своим конечностям, перенося весь свой вес на оставшиеся две.

Браяр вздохнул, вопреки боли в горле:

— Мы не позволяем пропадать тому, что делаем руками. Ты думаешь, те твои оранжевые боги были бы такими яркими, если бы художники не обновляли им цвета время от времени? Это люди, которые распространяют цвет на конца инструментов в виде маленьких палочек, которые они держат в руках, — поспешно сказал он, прежде чем Луво успело спросить, что такое «художник». — Мы не могли бы сражаться с солдатами императора, если бы у нас не было руки и оружия, которое мы ими сделали.

— Но и он бы не смог сражаться с вами, — сказал Луво.

Браяр поморщился:

— Это так. Но мы с Розторн делаем руками снадобья, которые помогают раненым вылечиться. Мы также используем руки, чтобы помогать растениям расти.

Огонь снадобья утих, и с ним утихла боль в его ноге.

Джимут, оставивший Браяра пить его лекарство, вернулся рысью, ведя за собой коня Браяра. Мерин был осёдлан и готов к езде.

— Прошу прощения, — сказал он, — но Генерал Сэруго говорит, что неспособные ехать верхом будут оставлены здесь. Мы в двух днях от столицы. Она осаждена имперской армией. И Принцесса Судамини говорит, что Эвви тоже должна остаться здесь. Поле битвы — не место для ребёнка. Это она так сказала, не я, — поспешно сказал он, взглянув на Эвви.

Эвви спрыгнула с повозки.

— Ну уж нет, — отрезала она. — Никто меня тут не оставит. Только не после того, что они со мной сделали. Джимут, где она?

Джимут свистнул проезжавшему мимо солдату:

— Отвези Эвви к Её Высочеству, а? — попросил он.

— Эвумэймэй? — позвал Луво. — Мне пойти с тобой?

Эвви покачала головой, и позволила всаднику затянуть себя к нему за спину.

— Я пытаюсь вести себя хорошо в твоём присутствии, Луво, — объяснила она. — Но сейчас я не хочу, чтобы ты меня смущал.

Когда солдат увёз её к принцессе, Браяр встал в повозке:

— Верхом или пропал, — сказал он своим спутникам.

Они тоже не оставят его позади. Джимут подвёл свою лошадь ближе, пока Браяр не смог взяться за луку седла, и перекинуть свою слабую ногу через спину животного. После этого поместить здоровую ногу в стремя было довольно легко.

Эвви вскоре вернулась со своей собственной лошадью. Выражение её лица было мрачным, но довольным.

— Ты грубила? — строго спросил Браяр.

— Не совсем, — ответила она. — Я сказала, что сражалась в этой войне с самого Перевала Снежного Змея, и они не могут звать меня ребёнком, когда я могу заставлять коней и людей падать. И Розторн сказала, что если мы потерпим поражение, то Мелонам будет следующим завоеванием императора. Так что вот. Дети сражаются по всему миру, а Её Высочество хотела держать меня вне опасности!

— Она знает, что Его Высочество, Розторн и Браяр беспокоятся за тебя, — с укоризной сказал Джимут.

Эвви закатила глаза:

— Это-то я знаю. Но никто не позволял мне быть ребёнком с тех пор, как моя мать меня продала. Так что может мы оставим эту тему?

Браяр скрыл свою широкую улыбку ладонью. Кто-то мог защищать Эвви только тогда, когда Эвви желала защиты; он это очень хорошо знал. Когда Эвви вздыбила шерсть, лучше всего было убраться с её пути.

Один из друзей Джимута прибыл с вьючной лошадей, чьё седло было устроено так, чтобы нести не только пожитки, но и Луво. Эвви засунула Луво в свободное место на седле, затем помогла Джимуту разложить вокруг него поклажу. Как только их повозка лишилась всего, кроме постелей, возчик повёл её в хвост обоза. Джимут ехал слева от Браяра, Эвви — справа. Вместе, с Луво у Эвви под правым боком, они поехали рысью по дороге в поисках Розторн.

Браяр оглянулся на Мелонам. Четырёхглавый бог к северу от ворот развернулся, показывая Браяру обнажённый зелёный зад с четырьмя ягодицами. Бог наклонялся, чтобы Браяр точно уловил суть его послания.

— Ты это видел? — потребовал Браяр у Джимута, указывая на бога.

Джимут посмотрел:

— Стены? Это изображение бога Шидонга, короля ветров и дверей, и покровителя этого города. Ты ведь наверняка уже видел его прежде.

Браяр промолчал. Он сомневался, что Луво счёл бы задницу бога чем-то необычным. Он подумал, могла ли Розторн её видеть. Но её он об этом спрашивать не собирался, это точно. Он не собирался снова рисковать быть прикованным к больничной койке, пока его друзья рисковали жизнями сражении против Янджинга.

— Хорошо, что ты всё ещё с нами, — сказала Розторн, когда они добрались до неё. — Я беспокоилась, что снадобье не подействует, и что нам придётся тебя оставить.

— Едва бы у вас это получилось, — парировал Браяр.

Парахан, ехавший прямо перед ними, оглянулся:

— У вас есть что-то, что лечит быстрее обычных снадобий? — потребовал он, хмурясь. — Почему это не использовали на раненных, которых мы оставили? Мы сейчас же повернём обратно!

Суда положила ладонь своему брату на плечо:

— Возможно, у Розторн есть на то причины, — тихо сказала она.

Розторн поймала гневный взгляд Парахана:

— Ты правда думаешь, что я бы не использовала это, если бы у меня его хватало на всех? Ингредиенты для его редки. На сотню раненных у меня не хватит. Нужно его расходовать экономно. Если Браяр останется с нами, то он может сохранить жизнь многим магам и воинам с помощью своих собственных знаний и снадобий. Спроси своих врачей, могут ли они справиться лучше!

Суда пнула своего брата:

— Если ты забыл об этих фактах, езжай в разведку, мой дорогой, — посоветовала она. — Покатайся галопом. Поскачи какое-то время с генералом. Скоро у тебя появится много занятий.

Парахан проворчал что-то себе под нос, и поскакал прочь. Суда вздохнула:

— Он всегда начинает дурить перед крупной битвой, Розторн.

Браяр посмотрел на запад, где примерно в миле начинались холмы. Это были передние края Дримбаканг Зугу, чьи увенчанные белоснежными шапками вершины блестели вдалеке.

Справа луга были исполосованы угольно-чёрными полосами в тех местах, где они горели. Сарычи взлетали от трупов лошадей и людей. Среди тел и подпалин он увидел воронки от взрывов, следы *зайао* янджингского императора.

Запах был непередаваемым. По состоянию тел Браяр прикинул, что они лежали на открытом пространстве по крайней мере пять дней. Прохладные ночи должны были замедлить разложение, но солнце и падальщики его ускорят. Он заметил, что Розторн прижимала к своему носу платок.

Вскоре они оставили место случившейся битвы позади, и держали устойчивый темп весь день, останавливаясь лишь чтобы дать отдых лошадям и съесть холодную пищу. Дорога углубилась холмистую местность по мере того, как они подъезжали всё ближе к Дримбаканг Зугу и Гармашинг. Дважды они проезжали мимо массивных храмовых крепостей. Их ворота были закрыты и заперты на засовы. Генерал послала вестников, чтобы поговорить с командующими храмов, но сама армия продолжила двигаться на север.

* * *

Они остановились в десяти милях от Гармашинг. Генерал Сэруго созвала командующих и главных лекарей, включая Розторн, на совещание в её палатку, вместе с лидерами восточных и западных племён и храмов. Остальная часть армии встала лагерем на склоне холма у дороги. Повсюду вокруг были расставлены часовые вместе с магами, способными ощутить присутствие заклинаний.

Эвви не отходила от Браяра, заваривавшего им чай на ужин. Джимут, приглядывавший за обоими, принёс на всех котелок с супом из лапши и колобков. Он и сам к ним присоединился, но только он. Эвви слышала, как он сказал Браяру, что отсутствие других спутников его не беспокоило. Все видели, что Эвви нужна тишина.

Она и сама это видела. Она привыкла к пустоте туннелей под Гьонг-ши, где она путешествовала вместе с Луво и Большим Молоком. Она жалела, что не может уговорить Браяра и Розторн спуститься вместе с ней обратно в туннели, где они были бы в безопасности. Они никогда её не послушают; она это знала.

Перед тем, как пойти на совещание с генералом, Суда посоветовала им ложиться пораньше, сказав:

— Через день или два мы будем сражаться с основной армией императора. Вам нужно отдохнуть.

От этой мысли у Эвви пробежали мурашки по коже. Как она могла отдыхать? Они с Розторн, Браяром и Параханом были единственными, кто на самом деле знал, что их ждало. Они будут сражаться против имперской армии, чьи ряды были полны людьми вроде Мушанга и Да-уэя. Там будут маги, владеющие заклинаниями боевой магии, вроде тех, что были помещены в бусы Генерала Хэнг-кай. Жестокие заклинания. Никто пришедших с ними на север людей не видел, как император выставлял напоказ сотни тысяч стрелков и солдат в свой день рождения, в таком количестве, что они покрывали целые акры земли. Там будут катапульты, чтобы метать бомбы с *зайао* прямо в ряды армии Генерала Сэруго. Все, кого она знала, погибнут, или пойдут под пытки. Ей придётся остаться с ними, и снова подвергнуть себя риску испытания на себе гнева императора.

Как Парахан это выдерживал? Она видела его шутящим с некоторыми из своих солдат

немногим ранее. Он знал, против чего они шли, даже лучше Эвви, но он мог широко улыбаться и подшучивать, и даже тайком целоваться с Розторн в тени за палаткой, когда думал, что никто не смотрит.

Эвви поднялась на ноги. Она не была такой же сильной, как Парахан.

— Я устала, — внезапно сказала она. — Луво, ты идёшь?

— Я желаю ещё какое-то время побыть здесь, — ответил Луво. — Тебе не нужно беспокоиться о моём благополучии, Эвумэймэй.

Она кивнула, и ушла в палатку, которую она теперь делила с Розторн. Тот, кто разбивал палатку, также разложил её скатку, что было весьма обходительно. Она легла, не снимая одежды. Теперь ей было трудно раздеваться или даже переодеться в чистую одежду или ночнушку. Её приводила в ужас мысль о том, что кто-то может войти и увидеть её голой. Луво не считался, но незнакомый мужчина... Она не думала, что сможет снова перенести наготу в присутствии незнакомцев.

Эвви лежала в темноте, прислушиваясь к звукам лагеря. Перебирание камней её алфавита немного помогло. Ощущение их поверхности под её пальцами успокаивало Эвви. Тем не менее, они успокаивали её недостаточно для того, чтобы заснуть, и на ощупь они были не такими, как камни из алфавита, который она делала сама. У них была не та поверхность, как у её дисков из кварца и кремния, с разными видами магии, которые она училась в них помещать. Они не были кремневыми наконечниками стрел и лезвиями кинжалов, которые она сама сделала, проведя месяцы за изучением искусства скалывания.

Чем больше она думала о том, что потеряла, тем злее — и бессоннее — она становилась. Она встала с кровати.

— Эвумэймэй?

У входа в палатку подобно часовому стоял Луво, как он и поступал каждую ночь с тех пор, как они стали жить среди людей.

— Я просто выйду поразмыслить. Я не покину лагерь, — прошептала она.

Эвви открыла завязки, и выскользнула через задний вход палатки, радуясь тому, что Розторн ещё не пришла. Она тихо пробралась через ряды палаток. Большая часть костров была прикрыта на ночь. Горевших факелов едва хватало на освещение основных дорожек. Направляясь вверх по холму, Эвви держалась в тени. Она постаралась, чтобы часовые её не заметили, хотя они её не останавливали. Не было смысла быть подстреленной нервным воином только потому, что она хотела тихо пройтись. В любом случае, она оставалась в пределах линий караула.

Она добралась до вершины холма, где из северного склона подобно полке торчала широкая сланцевая плита. Под ней стояли часовые, глядя на север, и на западный край кряжа, но они были достаточно обходительны, чтобы предоставить весь камень в распоряжение Эвви. Она села, подобрала колени и обхватив их руками, глядя на дорогу, по которой они поедут утром.

Луна озаряла всё серебряным светом, окрашивая всё в цвет привидений. Эвви задалась вопросом, сколько человеческих призраков скоро могло пуститься в путь по этому ландшафту. Будет ли она в их числе?

Она не позволит врагу взять себя в плен. Это она себе пообещала. Вместо того, чтобы снова попадать в руки палачей, она превратится в камень до конца. Не останется ни одной частички Эвви, которая могла бы очнуться в агонии. Она навеки присоединится к скалам Гьонг-ши.

Она была так поглощена своими мыслями, что не услышала ничего, пока Браяр не лёг на камень рядом с ней. Он ничего не сказал, лишь заложил руки за голову, глядя в небо. Эвви обнаружила, что не может думать о своей смерти в его присутствии. Вместо этого она позволила себе просочиться через плиту под ними, и дальше вниз, через скалы на склоне холма, давая им про себя имена. Вскоре к ним бесшумно присоединились Розторн и Парахан. Оба сели на плите, скрестив ноги, глядя на открывавшийся с севера серебристый вид.

Последней к ним подошла Суда. Она принесла в руках шёлковое стёганое одеяло, и поделилась им с Эвви, начавшей дрожать от холода. В конце концов Браяр тоже заполз под его край. Помимо этого, никто не двигался, пока Парахан не захрапел. Это заставило женщин, Браяра и Эвви засмеяться. Они без обсуждений разбудили его, и вернулись в свои палатки на остаток ночи.

Эвви и Луво сидели рядом с утренним костром, когда из палатки Суды вышли Розторн и Браяр. Оба были в броне.

— Ты, — сказала Розторн, указывая на Эвви. — Броня. Сейчас же. На сегодня мы — боевые маги. У нас строгие приказы держаться подальше от лекарей, и беречь наши силы для боя.

Браяр подошёл к Эвви и Луво, пока Розторн вернулась в палатку Суды:

— Хотя Генерал Сэруго и не рада этому.

Эвви нахмурилась:

— Почему?

— Что бы Парахан и Капитан Рана ни говорили ей о наших делах на Перевале Снежного Змея, она не видит, как растительные маги могут быть полезны на поле боя. И у неё стократ больше сомнений в отношении того, кто даже не является аккредитованным каменным магом.

Браяр протянул руку, чтобы щёлкнуть Эвви по носу, но она не позволила:

— Я сама не знаю, чего я стою против целой армии. Я просто хочу попытаться.

— Против целой армии — вероятно ничего, — сказал Браяр. — Но если ты заставишь лошадей в строю стрелков скользить и пугаться из-за двигающихся у них под ногами камней, то вероятно сумеешь помешать им многих из нас подстрелить.

— А, — сказала Эвви, осознавая, что он её дразнит. — А, верно.

— Броня, — сказал Браяр, и подтолкнул Эвви к её палатке.

Она пыталась затянуть завязки своей кирасы, когда Браяр вошёл с тарелкой *момос* и чайником, полным чая с маслом. За ним шёл Луво. Эвви с радостью поела, пока Браяр проверял завязки на её броне и зашнуровывал её кирасу.

— А ты, Луво? — спросил он. — Отправишься с нами, или поедешь в повозке?

— Я останусь с Эвумэймэй, — ответило каменное существо. — В совокупности мы не тяжелее взрослого представителя вашего рода. Лошадь должна суметь вынести нас двоих с лёгкостью. Что ещё ты сегодня возьмёшь, Эвумэймэй?

— Только мой алфавит, — ответила она.

Эвви посмотрела на сумки, которые ей нашли среди лишних припасов. В них лежала одежда и мелочи, которыми её снабдили люди Сэруго, а также одежда, которую ей дал Луво.

— Я не знаю, что со всем этим делать. Они будут только мешать, если я буду сражаться.

— Её вещи можно сложить вместе с моими и Розторн, пожалуйста, — сказал Браяр солдатам, которые пришли сворачивать палатку.

Эвви схватила заплечную сумку с её каменным алфавитом и камнями, которые она недавно собрала, и закинула её на плечо. Браяр взял несколько шёлковых шарфов, прежде бывших подношениями, из открытой сумки, и поднёс их поближе к своему лицу.

— Посмотри-ка на эти, Эвви. Кто-то дал тебе двойной шёлк. Одна из деревенских ткачих, с которой я говорил по дороге, говорит, что с помощью такого рода ткани можно посылать сообщения. Расположение этих непрорядок — этих утолщений — в узоры ткани

является кодом. Это отнюдь не ошибки.

Эвви подумала, что он спятил:

— Мы идём на войну, а ты хочешь поговорить о **тканях**?

«Если шарфы были среди храмовых подношений, то, полагаю, сообщение было послано», — осознала она.

— Я их заберу, — сказала она, протягивая руку.

Браяр передал ей шарфы, и посмотрел, как она вешает их себе на шею.

Потом он подтянул её к себе, и поцеловал в макушку:

— Пусть Лакик и Хэйбэй повернут свои лица против Уэй-шу и всех его магов, — пробормотал он.

Эвви положила ему голову на плечо, и кивнула.

— Если бы мы только могли призвать то древнее море, которое раньше здесь было, чтобы поглотить всю его армию.

Он дрожал. Эвви хотела его успокоить, но не знала как.

— Я помогу вам, — сказал стоявший рядом с ними на земле Луво. — Вместе мы с Эвумэймэй преподадим этим выходцам из нижних земель пару уроков о камнях Гьонг-ши.

Браяр посмотрел Эвви через плечо на то, как она поднимала Луво:

— Хорошо. Уэй-шу особо нужно преподать урок.

Он протянул свои руки параллельно с её руками, и попытался забрать Луво у неё, но выяснил, что каменное существо было гораздо тяжелее, чем казалось.

— Я не понимаю! Как Эвви тебя носит?

Эвви перехватила Луво, балансируя своего друга у себя на бедре:

— Мы придумали такую штуку с моей магией, — объяснила она. — Я представляю, что мои кости сделаны из гранита, и получается легко. Он сейчас вообще-то не очень тяжёлый. Сейчас он в своём самом лёгком весе.

— Его самый лёгкий вес — это пятьдесят фунтов, и ни унцией меньше! — воскликнул Браяр, засмеявшись.

— Я могу быть гораздо тяжелее, — сказал Луво.

Браяр перевёл дух:

— Идём. Джимут уже должно быть ждёт с нашими лошадьми.

С лошадьми и Джимутом их также ждала Розторн:

— Вот вы где. Луво, ты едешь с нами?

— Я буду помогать Эвумэймэй, — сказал Луво.

Розторн подняла бровь, но никак это не прокомментировала.

Джимут передал Браяру поводья его коня, а Розторн — её. Эвви огляделась в поисках кого-то, кто мог подержать Луво.

— Я его возьму, — сказал Джимут, передавая ей поводья её скакуна. — Сюда.

Он вытянул руки.

— Он тяжёлый, — предупредила Эвви.

Она передала Луво Джимуту, покачнувшись под его весом.

— Она тебя предупреждала, — сказал Браяр.

— Ты меня предупреждала, — согласился Джимут, когда восстановил равновесие. — Как ты будешь удерживать его с собой в седле?

Эвви взобралась на свою лошадь. Усевшись, она завязала узлами шарфы, которые висели у неё на шее, и продела их себе через голову, плечи и руки. Когда они обхватили её

талию, она вытянула руки к Луво. Джимут передал его ей. Эвви быстро обвинила своего друга шарфами несколько раз, замотав его до головного нароста. Когда она закончила, Луво был крепко спеленат, и шарфы плотно облегли Эвви. Он останется на месте, если только Эвви не выпадет из седла.

— Здорово, — с одобрением сказал Браяр. — Но знаешь, если Луво останется с нами надолго, то нам следует придумать что-то более постоянное.

— Не беспокойся об этом, — беззаботно сказал Луво. — Я уверен, что я скоро вернусь в мою гору.

Эвви опустила на него взгляд, чувствуя боль в сердце. Она не хотела отпускать Луво. Он ей нравился. С ним она чувствовала себя в безопасности. Если что-то и могло устоять перед императором, то это была гора. Но что уличная крыса вроде неё могла ему предложить? У него боги ходили в друзьях, не говоря уже о нечеловеческих диковинах, бывших его друзьями под землёй, и весь Дримбаканг Лоу в качестве дома.

Она бросила взгляд на Джимута, сидевшего на своей лошади. Сегодня он служил стрелком. К его седлу у его голеней были приторочены два колчана, заполненных арбалетными болтами, а на коленях лежал арбалет.

За ним Эвви увидела собравшихся магов. Они были разношерстной группой. Большую их часть составляли шаманы, привыкшие работать группами среди своих племён и в творении великой магии, вроде вызова статуй из скал. Сегодня они носили куртки из ткани, расшитые символами и изображениями могучих животных. Их шеи, запястья и уши были увешаны украшениями из золота, нефрита и слоновой кости, которые помогали им в работе. Они несли с собой маленькие гонги, колокольчики, барабаны и разнообразные погремушки. Ривердэнсер была с ними, как и её переводчик. Эвви не думала, что Ривердэнсер нужна была другая женщина, когда она работала с шаманами. Возможно, она держала переводчика поближе к себе на случай, если она позже присоединится к лекарям.

Устав ждать, Эвви направила свою лошадь вверх к ближайшей вершине холма. Войска Генерала Сэруго растянулись на открытом пространстве внизу. Эвви узнала боевые флаги генерала в голове армии, вместе с яркими цветами, которые носили восточные шаманы, защищавшие Сэруго и её солдат своей магией.

— Эвви, — позвал Браяр. — Сюда.

Когда она воссоединилась со своими друзьями, Суда и Парахан проехали через ряды магов, и повернулись к ним лицом.

— Группа магов Ривердэнсер, следуйте за нами, — крикнул Парахан. — Мы — сразу за генералом. Остальные маги — ваши лидеры скажут вам, куда встать в строй с войсками, которые вы будете защищать. Они будут давать вам приказы в битве. Пусть боги дадут нам сегодня победу!

Пока все вокруг них одобрительно кричали, близнецы съехали вниз по склону вместе со своими знаменосцами, личной охраной и посыльными. Ривердэнсер поехала следом с группой западных шаманов. Розторн сказала Эвви, Браяру и Джимуту:

— Вы — со мной. Нам положено держаться рядом с Судой.

— Почему мы не с остальными магами? — спросил Браяр.

Розторн посмотрела на него с кривой ухмылкой:

— Потому что Генерал Сэруго не знает, что с нами делать. Нам самим придётся придумать, как сражаться, просить разрешения на это, если придумаем, и потом браться за дело.

Эвви и Браяр переглянулись. Эвви не была уверена — неужели маги обычно так и сражались в войнах?

Браяр ответил на её вопрос, спросив:

— Сэруго что, шутит?

— Нет, — сказала Розторн, и вздохнула. — Суда и Парахан сказали нам просто делать то, что мы сочтём полезным, и попытаться не позволить янджингским магам нас убить.

— Ну, хоть так, — пробормотал Браяр.

Они заняли свои места позади Суды и её личной охраны. Почти сразу же после этого трубачи, ехавшие с генералом, протрубили долгий, ревуший зов. Армия тронулась шагом, постепенно ускоряясь до рыси. Эвви оглянулась назад, и увидела длинные, похожие на змей колонны всадников, выстраивавшиеся на дороге, по четыре в ряд, с офицерами по обе стороны, и с разведчиками, распределившимися по неровной земле. Пехотинцы ещё даже не показались. Они охраняли лекарей и обоз в арьергарде.

Она Эвви снова посмотрела вперёд, шаря взглядом по горизонту. Впереди начинался холм, и дальше — ещё, по обе стороны. Был ли император за одним из них? Она попыталась сглотнуть, но её рот и горло пересохли от страха. Потом она подумала о Тайне, робкой серой-с-оранжевым Тайне, обожавшей бегать на полях вроде этого, и сердце Эвви обратилось в узел ненависти. Тайна никогда не причиняла вреда Уэй-шу или кому-то из его людей, но они её убили. Они убили всех кошек Эвви. Все их армии оставили позади себя лишь Канзан знает сколько мёртвых животных, которые не причиняли им никакого вреда. Ненависть затопила её вены. Да, она была напугана, напугана так сильно, что дрожала от страха. Но она ещё и сторала от ярости.

Кто-то прикрепил к её седлу флягу. Отцепив её и понюхав содержимое, она обнаружила, что фляга была наполнена чаем. Эвви отпила чуть-чуть, лишь чтобы смочить горло. Остальной чай ей понадобится позже.

Все молчали. Трудно было говорить, когда едешь рысью, и они были слишком взволнованы, когда остановились, чтобы дать отдых лошадям. Даже Браяр очень мало говорил, в основном проверял, всё ли было в порядке с Эвви и Розторн.

Поскольку они остановились, Эвви слезла на землю, и обнаружила, что она была полна кварцитовых камней. «Отлично!» — подумала она. Кварцит имел обычный состав, полный кристаллов кварца, по которым сможет перемещаться её сила. Она вылила нити своей магии в камни, и позволила ей понестись впереди армии в поисках незнакомой магии.

— Эвумэймэй? — приглушённо донёсся до неё вопрос Луво. — Браяр, почему она послала свою магию вперёд?

— Она ведёт разведку, — услышала она ответ Браяра. — Камни впереди расскажут ей что-то, так же как растения рассказывают Розторн и мне.

Что-то затопило её камни на дальней стороне лежавшего впереди них холма, что-то тёмное и противное.

— Розторн! — произнесла она, заставив своё тело кричать. — Браяр! Приближается магия!

Из-за холма поднялся гигантский тигр. Он был выше трёх слонов, поставленных друг на друга, с глазами и когтями из красного пламени. Вместе с ним появилось и более фантастическое существо того же размера — крылатый лев с рогом на лбу. У льва была грива из золотых языков пламени, и когти подобные чёрным серпам. Тигр и лев открыли рты, и зарычали так громко, что траву между ними и армией прижало к земле. Там, где они

ступали, загоралось пламя.

Некоторые из лошадей впали в панику и встали на дыбы; другие пошли боком и попятились. Суда и Парахан сумели удержать своих скакунов в узде. Конь Розторн даже не шелохнулся. Джимут сжал поводья коня Браяра, а другой солдат — лошади Эвви.

— Они их не чувят! — крикнул Парахану Браяр. — Лошади позади нас, они спокойны — они не видят их, не слышат и не чувят их! Закройте глаза своим лошадям!

Всё, что было дальше, Эвви проигнорировала. Используя кварцитовые камни, она протекла под двумя чудовищами. Те давили на её силу, заставляя её ощущать себя грязной и маленькой. Она заползла глубже в землю, и ускорилаь. Она хотела посмотреть, что было на дальней стороне холма. Была там имперская армия, или просто какие-то маги, пытавшиеся задержать здесь гьонг-шийские силы?

Земля у неё над головой затряслась, когда тигр и рогатый лев выпрыгнули на дорогу. Они снова зарычали, заставив загореться ещё больше травы. Некоторые из её камней почернели и треснули. Она миновала вершину холма, и оказалась под лежавшей за ним равниной. На неё обрушился вес, камнедробильный вес, так далеко впереди и в стороны от неё, как только она могла дотянуться своей силой. Он слегка смещался, туда-сюда. Кто-то двигался над Эвви, будто направляясь к холму.

Она быстро сбежала обратно в своё тело, выдёргивая свою магию из кварцита. Эвви выпрыгнула вверх, и вернулась на своё обычное место в своей коже. Вокруг неё воздух гремел для её человеческих ушей от гонгов, колоколов, и низких, жужжащих голосов гьонг-шийских магов. Она открыла глаза. Восточные шаманы Генерала Сэруго встали напротив рогатого льва и гигантского тигра. Выстроившись в линию, они перебирали ногами, били в гонги или колокола, и пели. От этого шума у Эвви заболели зубы. Он напомнил ей о дне, когда другие шаманы вызвали из скалы позади Гармашинг два каменных скелета. Она пожалела, что этих скелетов сейчас здесь не было.

Лев и тигр раскрыли свои пасти. Казалось, они ревут, но Эвви ничего не слышала. Чудовища таяли. А потом они совсем исчезли.

У Эвви кружилась голова. Она закрыла глаза, и медленно вдыхала и выдыхала через нос. Вес на дальней стороне холма — она должна была кому-то об этом рассказать. Только вот её желудок разозлился из-за всего этого веса, топтавшего камни, когда она прогоняла через них свою силу. Она открыла глаза, и выскользнула из седла, чуть не упав, когда вес Луво потянул её вниз.

Розторн спешилаь, и подбежала к ней.

— Ты в порядке? — спросила она.

Розторн своим поясным ножом быстро разрешила шелка, удерживавшие перевязь с Луво у Эвви на груди.

Эвви покачал головой, и отвернулась, чтобы никого не забрызгать. Потом её вырвало тем небольшим количеством еды и жидкости, которое она проглотила тем утром.

Розторн передала ей флягу.

Эвви запрокинула голову, и вылила себе в рот немного воды, прополоскала, и выплюнула. Она вытерла губы рукавом, и выпила воды.

— Прости, — сказала она Розторн, когда удостоверилась, что больше её рвать не будет. — Прости, Луво. Розторн, мы добрались до имперской армии. Они весят целые **тонны**. Они дают мои камни на той стороне холма.

Розторн вытянула руку, и похлопала её по плечу:

— Могло быть гораздо хуже, — сказала она чересчур сочувствующим тоном. — Мы могли свернуть не туда, и оказаться в Наморне. Да, мы знали. Разведчики донесли до нас радостные вести.

— Терпеть не могу, когда всё рушится на части, а ты вся такая спокойная, — сказала ей Эвви.

Розторн подняла бровь:

— Ты бы предпочла, чтобы я превращалась в комок паники каждый раз, когда что-то должно пойти наперекосяк?

Эвви хотела сказать Розторн, что любили её, но не могла, только не среди такого количества народу. Вместо этого она показала ей язык.

Генерал поманила Розторн к себе. Шаманы из западных племён присоединились к восточным встав даже дальше знаменосцев, выстроившись в линию перед гьонг-шийской армией. Пока Эвви наблюдала, шаманы сняли обувь. Их помощники передали им фляги с чаем. Фляги шаманы оставили себе, спрятав их за пазуху, пока их помощники сели на землю, скрестив ноги. Из своих рюкзаков они вытащили маленькие барабаны и флейты.

Розторн рысью вернулась назад:

— Шаманы говорят, что облегчат нам выживание при пересечении вершины того холма, — объяснила она, когда один из помощников начал выбивать на барабанах медленный, равномерный ритм.

Другие барабанщики и два флейтиста присоединились, вплетая свою музыку в его собственную. Розторн продолжила:

— Это что-то вне наших способностей, полагаю, иначе они бы попросили нас помочь. Генерал говорит, что нас это может немного ошарашить, но мы должны попытаться не издавать ни звука.

Эвви вытащила из своего алфавита аметист. Это был хороший камень для спокойствия. Она повертела грубо огранённый кристалл у себя в пальцах, черпая спокойствие в заклинаниях, которое поместила в этот камень. Даже с этой магией её руки всё равно тряслись.

Шаманы нагнулись, чтобы поставить перед собой на землю палочки благовония. В воздух потянулись тонкие ручейки дыма. Теперь шаманы танцевали, перебирая ногами в дорожной грязи. Они ныряли и поворачивались, их движения были похожими на змеиные, чужими.

— Смотри, Эвви, — прошептала Розторн. — Возможно, мы больше никогда не увидим ничего подобного. Ларк всегда говорит мне, что шаманы могут делать вещи, на которые маги неспособны.

Эвви так сильно сжала свой аметист, что у неё свело пальцы. Перед магами начали принимать форму очертания. Сначала они были тонкими и почти прозрачными, как тонкий серый шёлк. Они постепенно стали уплотняться. Она увидела скользящий кусок округлой оранжевой кожи. А там был тёмный клык. Увидев подобные чёрному пламени волосы, она прикрыла своё лицо. Розторн ткнула её своим острым локтем, и Эвви осмелилась снова посмотреть.

И тут же пожалела об этом. Перед ними стояли существа, бывшие не такими гигантскими, как тигр и рогаты лев, но их было больше. Она узнала четверых оранжевых существ, с их пылающими волосами и белоснежными зубами и когтями, по храмовым изображениям. У каждого из них было по шесть рук, в которых они сжимали оружие. Вместе

с ними стояли шесть синекожих существ с длинными, текучими алыми локонами. У них были длинные жёлтые когти на руках и ногах, и полные зелёные губы. У каждого было четыре руки.

— Я не вижу, какой от этих существ прок, если маги императора могут делать более крупных, — сказала Эвви, когда существа развернулись, и поплыли вверх по склону холма.

Она бросила взгляд на Браяра. Его лицо пожелтело как сыр, когда он смотрел на творения шаманов.

— Заклинательные чудовища императора сделаны из ветра, дыма, страха и иллюзии, — сказал ей Луво, когда многорукие пришельцы достигли гребня холма. — Наши друзья — меньшие боги, хранители храмовых крепостей в западном и восточном Гьонг-ши. Они несут с собой силу этих мест.

Внезапно здоровяки испустили крики, заставившие стоявших позади них солдат упасть на колени и заткнуть уши. Эвви гордилась тем, что Браяр едва дёрнулся. Возможно, она тоже уже привыкла к странностям, потому что лишь сделала ещё один глоток из своей фляги. Храмовые боги перевалили через холм. Шаманы и их помощники направились вперёд, вверх к вершине холма, всё ещё танцуя и играя музыку.

Генерал Сэруго отдала приказ о наступлении. Розторн и Браяр помогли Эвви обернуть Луво шарфами их её рюкзака, и привязать его ей к груди, затем посадили девочку и её друга в седло, прежде чем забраться на своих коней. Они поехали вперёд вместе с армией, внимательно поглядывая на облака, когда над головой мелькали чёрные и алые молнии.

Когда они поднялись на холм, круглые шары ударились о землю и с рёвом взорвались: враг использовал катапульты, чтобы метать бомбы с *зайао* в гьонг-шийскую армию. Кобыла, на которой сидела Эвви, встала на дыбы. Джимут въехал между Эвви и Браяром, чтобы схватить узду её кобылы, и опустить её обратно на все четыре ноги.

— Я знаю, это трудно, — сказал он Эвви и Браяру, — но эти лошади привыкли к взрывам *зайао*. Поэтому их вам и дали. А теперь перестань сжимать поводья так сильно, Эвви. Сейчас её это пугает больше всего. Колени тоже расслабь, пока она не понеслась вскачь.

— Прости, — прошептала Эвви. — Если бы только кто-то расслабил мои колени.

Она заставила себя расслабиться.

Она ощутила вибрацию, и осознала, что Луво начал тихо, неслышно мычать. Она собиралась сказать ему, что она — не ребёнок, которого можно успокоить только пением, но передумала. Мычание всё же помогало ей управляться с лошадьёю, и её разум всё ещё был начеку.

— Спасибо, — сказала она вместо этого.

Они забрались на вершину холма.

Растянувшись по равнине покуда хватало глаз на север, и на тягостное расстояние на восток, впереди располагалась имперская армия: огромное число солдат, окружавшее массивную ступенчатую платформу, которая наверно была смотровой площадкой Уэй-шу, и местом, где он держал лучших своих магов. На востоке и западе выстроились кавалерийские бригады, которые загоняют нападающих к солдатам в середине. Там гьонг-шийскую армию ждали не только пехотные бригады, Эвви также были видны огромные арбалеты, и катапульты, способные метать гигантские камни и бомбы с *зайао*. Рядом с ними, в сердце армии, подняв арбалеты стояли стрелки.

Эвви пошарила по своему алфавиту, и вынула свой прозрачный кристалл кварца.

Приложив его себе ко лбу, она использовала наложенные на него заклинания, которые помогли ей увидеть красные вспышки там, где в строю стояли маги. По одному у каждой катапульты, а императорская платформа ими просто пылала.

Эвви продолжила оглядывать поле битвы, пытаясь найти что-то хорошее, какую-нибудь слабинку. Там, где на востоке заканчивался вражеский строй, начинался лагерь для лошадей. Она в жизни не видела столько лошадей. С каждым мигом её храбрость уменьшалась всё больше и больше.

Она посмотрела на запад. Там, наконец, находился великий укреплённый город Гармашинг, пока что надёжно укрытый за своими толстыми стенами. Его храмы, дворцы, рынки, дома и площади поднимались вверх, ярус за ярусом, по его крутому склону холма, будто похваляясь перед потенциальными завоевателями тем, что здесь были сокровища им недоступные. Его усеянные зубцами стены карабкались по крутому ландшафту, скрывая дороги и сады так же, как они защищали собой здания. Держа у лба свой кристалл, она могла видеть вершины этих стел, горевшие красным от присутствия магов, и сами стены, испещрённые красными штрихами магии. Проведя здесь зиму, Эвви полюбила город. Лучшей его частью были мириады туннелей, которые люди использовали, когда на поверхности сугробы достигали второго этажа: они напоминали Эвви о её старом пещерном доме в Чаммуре. Она надеялась, что не участвовавшие в сражении люди были надёжно укрыты в этих туннелях, недостижимые для бомб с *зайао* и камней катапульт.

Городской холм венчал дворец Бога-Короля, его многочисленные золотые башенки блестели на солнце. За ним взмывали ввысь накрытые белыми шапками тики Дримбаканг Зугу. Эвви знала, что кажущаяся близость гор была иллюзией: позади города лежало ущелье Том Шо с его известняковыми стенами.

Сами горы были жестокими стражами благодаря своим непроходимым скалам и каньонам. Волки, медведи и ибрисы свободно бродили по их склонам, вместе с антилопами, овцами и яками. Ходили слухи и о существах похуже. После того, что она видела, пока была под покровительством Луво, Эвви знала, что это были не слухи. Ей захотелось, чтобы некоторые из этих существ были сейчас здесь — не только магия, призванная магами, которые рано или поздно устанут. Ей хотелось, чтобы все каменные статуи, рождённые в ущелье, пришли домой, чтобы защищать свою родину.

Посыльные галопом проскакали обратно по строю гьонг-шийской армии, передавая приказы стоявшим следом за магами солдатам. Все пошли в наступление рысью вниз по склону, на ходу расходясь в стороны. Они собрались по обе стороны от всё ещё танцевавших шаманов, Генерала Сэруго, близнецов и их охраны, приняв боевое построение. Отряды стрелков заняли позиции по обе стороны от генерала и её спутников, когда по склону холма ударили бомбы с *зайао*. Маги среди солдат Королевств и Гьонг-ши начали творить свою магию, защищая своих солдат от смертоносных взрывов.

Эвви не отрывала взгляда от меньших богов, когда те сшиблись с солдатами императора. Вспыхнуло красным, когда имперские маги напали на меньших богов: пехотинцы полетели в воздух, когда гьонг-шийские существа хватали их, и швыряли в их же товарищей.

Внезапно Эвви услышала свист летящих болтов. Она посмотрела вверх, чуть не уронив свой кристалл. Имперские стрелки обрушили смертоносный дождь прямо на гьонг-шийских лидеров.

Розторн и Браяр также посмотрели вверх. Они даже рук не вытянули. Внезапно

арбалетные болты, прорастая листьями и сучками, которые замедляли их полёт, кувырком упали на открытое пространство между армиями.

Щелчок верёвок заставил Эвви посмотреть на взметнувшиеся в воздух валуны. Она схватила Луво:

— Мы можем что-нибудь сделать? Пожалуйста?

Она ничего не могла поделаться с шарами с *зайао*, но валуны — другое дело.

— «Идём со мной».

Его голос пророкотал в её черепе.

Эвви сплелась с ним внутри его магии. Они поднялись над своими телами в неприятный, тонкий воздух. Эвви бросила взгляд вниз. Казалось, что все замерли. Даже арбалетные болты с зелёными листочками остановились в своём падении. Пять каменных шаров были над янджингской армией; три из них были неподвижны. Эвви и Луво широко растеклись, чтобы охватить камни, погружаясь глубоко в известняк, из которого они состояли.

Эвви кое-что знала об извести. Пока Луво делал что-то, заставившее камни вибрировать, Эвви перебирала частички других веществ, из которых состояли камни. Касаться кусков коралла она не могла. Коралл был на самом деле не камнем, а остатками животного, и её магия на него не действовала. Там были и другие мельчайшие морские животные, затвердевшие подобно кораллу. Все их она проигнорировала. С каждой некаменной штукой, которую она отбрасывала в сторону, известь трескалась. Вибрирующая магия Луво заставляла трещины расти и расширяться. Эвви собирала горки из кусков кремня, ямши и халцедона, оставляя прорехи, когда сдвигала каждую из частей. Внезапно её тело, находившееся внизу, чихнуло. Она потеряла концентрацию, и отделилась от Луво. Она вернулась в свою телесную оболочку.

Камешки застучали, отскакивая от солдатских шлемов. Луво был покрыт зернистой пылью. Как и она. Она услышала рядом крики — человеческие и лошадиные.

— Что мы сделали? — спросила она его.

— Мы разрушили три валуна в полёте, — сказал Луво.

Судя по голосу, он был собой очень доволен.

— Жаль, что мы не смогли поймать два оставшихся. Они нанесли урон нашей армии, но два камня нанесли меньше вреда, чем пять.

— Луво, а мы можем разбить камни до того, как их метнут? — прошептала Эвви.

— Положи на меня свои ладони, — тихо сказал он. — Так нам обоим будет проще.

Эвви послушалась, и снова покинула своё тело.

Камни равнины летели под ними, пока Луво тянул её следом, направляясь к самым большим валунам в одной из янджингских катапульта. На этот раз дело пошло быстрее. Им не нужно было работать с валунами, находящимися в полёте. Эвви просто игнорировала ископаемые кораллы и кости, выдёргивая из извести камни, которые узнавала.

Луво вытянул откуда-то воду, и обернул её льдом в созданных Эвви трещинах. Эвви не знала, откуда он взял воду, пока не поднялась над кучей гравия, бывшей остатками приготовленных для катапульта валунов. Только тогда она через зрение Луво увидела ссохшиеся тела на земле. Они носили цвета янджингских солдат и, в случае двух из них, в чёрные куртки и нитки с бусинами — магов. Луво взял влагу из их тел.

«Ну и поделом им», — свирепо подумала она. «Они — враг. Готова поспорить, они бы стали нас пытаться, если бы могли. Я рада, что они мертвы».

— «Тут есть и другие катапульты», — сказал Луво. — «С ними тоже разберёмся? Если мы обратим камни в пыль, то этим людям придётся далеко ходить за новыми».

— «Да», — сказала ему Эвви. — «Давай так и сделаем».

Она старательно избегала мыслей о людях, готовящихся зарядить массивные камни в ложа катапульта по команде своих офицеров. Она просто последовала за Луво в камни, удаляя частицы, удерживавшие части валуна вместе, чтобы он мог заморозить в оставленных ею трещинах воду. Повсюду вокруг них солдаты и маги судорожно тянулись к воде, и умирали, не имея ни малейшего представления о том, что их убило. Эвви постаралась не обращать на них внимания. Каждый раз, когда она чувствовала, что её ненависть ослабевает, она вспоминала груды остывших мертвецов у Крепости Самбачу. Теперь у их призраков появилась компания. Разве это плохо?

В передних рядах гьонг-шийских и янджингских боевых порядков сержанты кричали стрелкам открывать огонь. Чуть впереди валуны попали в гьонг-шийскую армию в двух местах, убивая лошадей и людей, не сумевших бежать. Браяр искал взглядом имперские болты; он знал, что Розторн делала то же самое. Он бросил короткий взгляд на Эвви. Сидя на спине своей лошади, она крепко сжимала Луво, закрыв глаза. Молодой человек подбежал к ней, и мягко ущипнул её, но безрезультатно. Он тихо выругался, но он не мог, или не осмеливался, ничего поделать.

— Луво? — прошептал он. — Луво!

Бульжник не ответил, и даже не посмотрел на него, если словом «смотреть» можно было описать действия существа без видимых глаз. Браяр считал, что Луво поворачивал свой головной нарост только ради людского комфорта, а не потому, что ему это требовалось. Теперь Браяр ткнул Луво, но тоже безрезультатно.

«Проклятый недоумок», — обругал он себя. «Надо было сказать им ничего не делать, не спросив тебя или Розторн!» Он глубоко вдохнул, гадая, стоит ли ему поговорить с Розторн, или промолчать — и закашлялся. Вкус во рту был такой, будто он прошёл через облако пыли. Его броня тоже была покрыта пылью. Он сплюнул, и отпил из своей фляги.

Розторн тоже кашляла. Он подбежал к ней, и сунул флягу ей в руки, с беспокойством наблюдая, как она пьёт.

— Какие цели нам атаковать, когда враг не стреляет? — спросил он, когда она вернула ему флягу.

— На катапультах, — твёрдо сказала Розторн. — Укорени их поглубже, и вырасти их так высоко, как сможешь.

Стоявший рядом солдат их услышал:

— Они будут заколдованы, — предупредил он. — Расписаны заклинаниями, которые не дают другим магам вмешиваться.

Розторн улыбнулась ему:

— Но они не будут заколдованы против нас. Мы становимся частью древесины; мы не пытаемся творить над ней заклинания.

— Как скажете, — ответил солдат, явно не веря ей. — Я тут просто для того, чтобы выполнять ваши поручения.

— Нам бы не помешала ещё вода, — сказал Браяр.

Тот кивнул, и двинулся прочь. Обращаясь к Розторн, Браяр сказал:

— Ты позаботишься о катапультах, а я возьму на себя болты?

Ему не пришлось просить её дважды. Она села, и приложила ладони к земле по обе стороны от себя. Браяр сел рядом с ней, скрестив ноги, и стал следить за имперскими силами. Он не мог слышать возгласы их офицеров, но он видел, как следующий залп арбалетных болтов взмыл в воздух. Он потянулся к ним, касаясь хранившейся глубоко в их древесине памяти об их жизни как деревьев. Он вызвал эти жизни, стимулируя рост всходов и листьев на болтах. Они боролись с металлическими наконечниками и выбрасывали корни

через оперение, замедляя полёт болтов и лишая их смертоносной силы, когда они падали на землю. Все он достать не мог, но он достал очень много.

Он был так сосредоточен на этой волне болтов, и на следующей, и на следующей, что не услышал стонов катапульта, когда Розторн воззвала к их собственной памяти о том времени, когда они были деревьями. Катапульты выпустили корни, разрывая свои металлические скрепы и соединения. Катапульты разлетелись на части, когда деревянные стойки и плечи вырывались из креплений, пускали корни и выпускали ветви. Как только новорождённое дерево прочно укоренилось в земле, Розторн переходила к следующей катапульте.

Браяр отслеживал её работу, касаясь её время от времени, когда отдыхал между арбалетными залпами. Мельком увидев Эвви, расслабленно согнувшуюся над Луво и шеей её лошади, он понял, что они закончили делать то, что делали.

Рёв множества людских глоток привлёк внимание Браяра к полю битвы. Трубы Генерала Сэруго звали в атаку. Слева конники обеих сторон сражались копьями и алебардами. Справа под янджингской кавалерией разверзлась яма. Они пытались выбраться из неё, но земля была сухой. Она осыпалась под ногами коней и бойцов, заставляя их падать на тех, кто были ниже по склону.

«Чья работа?» — задумался Браяр. Он посмотрел на разные группы шаманов. В одной из них все сидели на земле, отдыхая. Остальные группы пели, плясали или стояли, взявшись за руки. Он ощущал, как от них волнами катилась магия. Он молча поклялся никогда не злить шаманов.

Крик заставил Браяра обратить внимание наверх. Ещё двадцать или более сфер с *зайао* падало в сторону их войск. Поскольку они были легче валунов, их металы янджингские маги, а не катапульты. Желудок Браяра всколыхнулся и сжался. Он потянулся к своей силе, но знал, что от его попыток не было проку. Уголь в *зайао* был мёртвым деревом, неприкасаемым для них с Розторн; сера была почему-то металлом, на неё не действовали растительная и каменная магии. Селитра, третий ингредиент, была недоступна всем трём из них. Он пытался говорить Эвви, что селитра была частично камнем, но она ему не поверила.

Бомбы упали, разрываясь в рядах их армии. Лошади и солдаты завопили. Всадники и пехотинцы побежали, чтобы заполнить прорехи в передних рядах, и убрать кричавших раненных с мёртвыми. Поле заполнили клубы вонючего дыма.

Браяр попытался не слушать призывы о помощи, протянувшись своей силой под землю в поисках корней. Он пошарил по своей куртке одной рукой, пока не нашёл флакон с усиливающим маслом. Вражеская кавалерия шла разгонялась для атаки. Если он вотрёт масло в свои ладони, чтобы укрепить свою силу, то сможет заставить широкую полосу трав схватить лошадей за ноги...

Браяр снимал восковую печать с пробки флакона, когда огонь, или жгущая боль, пробежал по его коже. Какой-то маг напал лично на него. Браяр вскрикнул, и потянулся к Розторн. Она лежала на земле, согнувшись пополам. Втянув ртом воздух, она оттолкнула его руку прочь.

— Не трогай меня! Я горю! — крикнула она, хотя волдырей на её бледной коже он не увидел.

Браяр неуклюже сунул флакон в карман. Он чувствовал, как новые невидимые языки пламени охватили его, и поклялся, что вырвет этому янджингскому магу зубы из мести. Огня он не видел, но слышал его треск; его нос был заполнен вонью горящей плоти. От боли у него по лицу текли слёзы.

Розторн снова вскрикнула. Браяр упал на колени, и начал ползти к ней, криком зовя Эвви и Луво.

Он остановился перед парой расставленных в стороны коричневых ног. Узловатые коричневые руки рывком подняли его на ноги, и Ривердэнсер закричала что-то ему в лицо. Его обдало новой волной жара. Браяр оттолкнул женщину прочь, чтобы она не сгорела вместе с ним, но всё ещё не мог видеть огня, который так убедительно трещал на его собственной коже.

Ривердэнсер снова схватила его. На этот раз рядом с ней стояла её переводчик.

— Она говорит, была ли у янджингцев возможность собрать ваши волосы или ногти? — заорала на *тийон* переводчик. — Они забрали вашу одежду, на которой был ваш пот?

Браяр уставился на двух гьонг-шийских женщин. Тогда, в Зимнем Дворце, они пытались быть осторожными, удаляя с помощью магии все следы своего пребывания в гостевом павильоне, но мало что могли поделать о подушках и полотенцах, которые использовали во время всех тех трапез с дворянами и императором. Очень умелый маг мог собрать через эти предметы достаточное количество их эссенции, чтобы сейчас им навредить. По дороге на восток Браяр всё узнал про магию подобия, и про способы применения вещей, прежде бывших частью человека. Он пытался вспомнить, забыли ли они что-то важное, вроде обрезка ногтя или волос, когда боль затопила его, и Розторн **заорала**.

Ривердэнсер отпустила его. Браяр упал на землю рядом со своей наставницей, а шаман начала плясать — одна нога вверх, одна нога вниз. Замечал ли он раньше, что Ривердэнсер носила на своей одежде маленькие колокольчики? Одна нога вверх, одна нога вниз в странном, поворачивающемся движении. Она танцевала вокруг Розторн и Браяра, звеня колокольчиками. Из пальцев Ривердэнсер сыпались мелкие белые кристаллы. Она также пела. Браяр мог видеть её слова в воздухе. Она пела о силе гор и мощи орлов, о корнях ледников и рек Гьонг-ши. Хотя Браяр не знал используемого ею языка — это был не *тийон*, — он всё видел и понимал.

Пока она танцевала и пела, её белые кристаллы составили единую, неразрывную линию. В ней крошечные шаманы танцевали и кружились так же, как и она сама. Чем больше танцевали Ривердэнсер и маленькие шаманы, тем слабее становилась его боль. Когда она замкнула круг, огненная агония прекратилась. Крошечные шаманы помахали Браяру, и исчезли.

Розторн села.

— Спасибо, — прошептала она. — Это было... ужасно. Они бы убили нас.

Ривердэнсер ослабилась, и что-то сказала.

— Теперь **они** будут гореть, янджингцы, — сказала переводчик. — Мы возьмём силу, которую они бросили в вас, и вернём их проклятья им самим.

— Вы можете их остановить? — спросил Браяр, пока Розторн привалилась к нему. — Вы даже не знаете, у кого из них наш пот, или что там у них есть.

Переводчик улыбнулась:

— Ты удивишься, чего Ривердэнсер может достигнуть сама по себе.

Розторн сидела, привалившись к Браяру. Она потянулась к другим катапультам. Браяр обнял её одной рукой, и наблюдал за шаманами. Несколько шаманов встали в защитную линию перед Браяром, Розторн, Эвви и Луво. Они начали тихо напевать. Время от времени они топали ногами или звонили в крохотные колокольчики. Их голоса впитывались в кости Браяра, дрейфуя по ним как ил.

Его внимание привлекло движение в воздухе. Со стен Гармашинг в воздух полетели стрелы и большие камни, упав в рядах армии императора. Защитники города стреляли снова и снова, молотя по янджингскому врагу с западной стороны.

Браяр позволил своей собственной магии просочиться в склон холма. Его тело было вымотано; после нападения мага он чувствовал себя избитым. Но вокруг стояла весна: на южной Равнине Гнам Рунга всё росло. Браяр втянул частичку этой силы в свои вены, и знал, что Розторн сделала тоже самое. Придя в готовность, он понёсся по переплетённым корням травы вниз по склону, и на равнину.

Над его головой гремели лошадиные копыта. Следом были останки катапульта, которые Розторн изменила в деревья над ним: они гудели от её силы. За ними лежал вес других катапульта, которые находились в процессе возвращения в древесное состояние, впиваясь новыми корнями в землю. Над землёй он ощутил тысячи арбалетов и болтов в руках стрелков, которые стояли рядами вокруг имперского возвышения.

Браяр искал не катаapultы или стрелков. Он искал белое пламя магии, наложенное на прохладную поверхность ивы, дуба и гинкго.

Маги стояли, сбившись в маленькие группы, защищённые стрелками, многие из них стояли на ступенях большой смотровой платформы. Для его магического восприятия они парили в воздухе на разной высоте, в зависимости от того, где они стояли на возвышении. Каждый маг для него выглядел как ряд колец из бус; бусы мерцали налётом янджингской магии. Он ощутил конфликт между этой магией и собственной силой древесины: разве янджингские маги не понимали, что их заклинания были бы гораздо могущественнее, если бы они работали **вместе** со своими материалами?

На миг он зарылся в чужеродное заклинание, из любопытства, но потом сдался. Что бы они ни делали, это было направлено на уничтожение гьонг-шийской армии и причинение такой боли, которая заставила Розторн вопить. Он собирался приложить все усилия, чтобы нанести урон этим заклинаниям и использующим их магам.

Браяр магически стукнул по одному из наборов бус. Бусы выпустили насильно заложенную в них магию: древесина уже была сухой и ломкой из-за плохого обращения. Бусы разлетелись на куски; дубовые бусины осыпали лицо мага щепками, крепкие бусины из гинкго разрезали нить, на которую все они были нанизаны. Браяр поискал следующую группу бус, скрипящих под своей магической ношей, и стучал по ним, пока они не сломались. Когда он нашёл мага, который нанизывал свои бусы на хлопок или лён, он уговаривал волокна разделиться, и давал бусинам достаточно силы, чтобы укатиться прочь. Каждый раз, когда он лишал одного мага его бус, Браяр мгновенно переходил к другому, надеясь не дать им снова заставить Розторн страдать.

* * *

Браяр находился глубоко в магическом трансе рядом с ней, когда Розторн со стоном выпрямилась. Ривердэнсер и её коллеги-шаманы сидели поблизости, делясь друг с другом колобками.

— Работа не останавливается, — сказала переводчик, жестом указывая на группу шаманов, которые танцевали перед армией.

Рядом были маги в халатах разных храмов, также делая заклинательные знаки и жесты.

— Были и другие бомбы с *зайао*, один залп — над нашим восточным флангом, и другой — над дорогой у нас за спиной. Шаманы призвали очень сильный ветер высоко в воздухе. Он сдул нацеленные на наш восточный фланг бомбы с *зайао* на открытое пространство.

Она коснулась сложенными ладонями своих губ в молитвенном жесте.

— Генерал приказала нашим людям держаться подальше от дороги, полагая, что враг может нанести удар именно там, поэтому бомбы убили не так много, как могли бы. Теперь они перестали метать бомбы с *зайао*, потому что кто-то вырастил у них на пути слишком много деревьев.

Розторн прокляла бомбы и врага себе под нос. Она видела кричащих лошадей и обмякшие тела солдат на склонах внизу. Сколькими из раненных и мёртвых мужчин и женщин были те, с кем она шутила, или кого лечила прежде? И когда она снова сможет помочь лекарям? Она чувствовала себя выжатой досуха. Ветер обдавал её лицо вонью палёного мяса и тёмным, унылым запахом пороха. У неё всколыхнулся желудок.

Она подняла взгляд, и кровь быстрее побежала по её венам. С гигантской смотровой платформой, стоявшей в сердце имперской армии, было что-то... **не так**. Розторн встала, прикрывая глаза от солнца. Куски ступеней на платформе обрушились, будто их древесину изъели черви. Она видела недостаточно хорошо, чтобы сказать, были на них тела или нет. И часть всей платформы резко кренилась на восток. Было похоже, что там появилась дыра, сместившая баланс всей монструозной постройки.

На западе, на открытом поле, раскрылись городские ворота. Из Гармашинг выбежали воины, атакуя на западный фланг янджингской армии; гьонг-шийские и комбанпурские войска побежали в атаку мимо отдохавших шаманов, чтобы сразиться на южном фронте. Стрелы полетели в трёх направлениях. Переводчик была права: между смотровой платформой и гьонг-шийской армией сейчас выросло так много деревьев, что было невозможно целиться в их армию валунами или бомбами с *зайао*. Деревья перекрывали весь обзор для уцелевших, расположенных дальше экипажей катапульта. Они могли с большой вероятностью попасть бомбой или валуном по своим же войскам. Теперь битва была лишь между стрелками и воинами. Везде царил полный криков и крови хаос, в котором нельзя было сказать, чья сторона побеждала.

Розторн вздохнула, и вошла в свой магический транс. Она будет искать деревянные бусины среди магов врага, и попытается обратить их против их хозяев.

* * *

У Эвви и Луво кончились камни для катапульта, которые можно было бы превратить в гравий. Эвви совсем не устала. Работа с Луво похоже не требовала от неё затрат сил. Она хотела нанести как можно больше урона. Обратив своё внимание на землю, она наполнила силой как можно больше среднего размера камней, и встряхнула свою магию. Камни сидели в земле неплотно, поскольку на них наступали кони и люди, и по ним катились телеги и повозки. Они легко сдвинулись по указанию Эвви. Воины и лошади потеряли опору. Они попятнулись, натываясь на тех, кто был сзади. Некоторые упали, обнаружив, что земля позади или сбоку была не более надёжной, чем та, на которой они стояли.

Эвви услышала крики. Она открыла глаза, снова вернувшись в своё тело. От имперского строя к ним плыло красноватое облако.

— Это что такое? — прошептала она.

Облако пролетело через часть войск Сэруго, сражавшихся с отрядом янджингцев. Когда облако миновало их, воины — янджингские и гьонг-шийские, включая их лошадей — лежали на земле, их тела были изломаны в агонии. Эвви заскулила.

Шаманы и их охрана выбежали на открытое пространство между войсками Сэруго, Парахана и Суды. Те, у кого были гонги, стали бить в них во все из них сразу. Одновременно с этим шаманы вертелись против часовой стрелки. Затем они собрались в круг, и снова повернулись против часовой стрелки, напевая жутковатую, низкоголосую песню. Они остановились; шаманы с гонгами начали бить в них. Шаманы закружились. Потом они вошли в круг и повернулись против часовой стрелки, напевая. С каждым повторением земля грохотала, а воздух — дрожал.

На четвёртый раз красное облако остановилось. Оно тоже начало вращаться против часовой стрелки, стягиваясь и поднимаясь. Медленно, так медленно, что сперва Эвви не была уверена в этом, воронка начала пятиться, наступая на свою собственную армию. Она превратилась в торнадо.

Янджингские солдаты, стоявшие на переднем крае, запаниковали. Они побежали, толкаясь со своими же солдатами, которые преграждали им путь. Некоторые из офицеров, бывших верхом, нагнали их, хлестая кнутами. Другие поскакали прочь с пути торнадо. Кавалерия, находившаяся в наибольшем отдалении от паники, поскакала в наступление.

Воспользовавшись неразберихой в рядах противника, Парахан повёл своих всадников в атаку на имперские боевые порядки. Эвви метнулась в камни под землёй, и поспешила вперёд, чтобы помочь. Она схватила песчаник: его было под равниной гораздо больше, чем в холмах. Находя его куски, она призывала к себя находившиеся в нём кристаллы кварца. Они высвобождались из других минералов, и следовали за ней по мере того, как камни распадались один за другим. Янджингская кавалерия внезапно обнаружила, что идёт в наступление через песок.

У Эвви закружилась голова. Она покинула свои кристаллы, и вернулась в своё тело. Ей хватало самоосознания, чтобы это сделать. Вернувшись, она обнаружила, что слишком слаба для того, чтобы двигаться или позвать на помощь. Она прищурилась, глядя на поле. Солдаты Сэруго и Парахана прорубали огромную прореху в рядах янджингцев. По её левую руку солдаты текли из Гармашинг. Они вломились в имперскую армию. На той стороне всё обратилось в беспорядок. Янджингские воины отступали, если могли. Торнадо рубил на куски тот бок имперской армии, что был по правую руку от неё. Сам он тоже терял в размерах. Всюду валялись мёртвые солдаты и лошади.

Где был в её магии Луво? Она пощупала своей силой, и нашла трос, который, похоже, вёл к нему. Вдоль него она добралась до боковой стороны наблюдательной платформы, которая падала в дыру в земле. Поскольку это было не её рук дело, и трос вёл туда, она подумала, не было ли это работой Луво. Янджингским солдатом не понравится видеть, как их генералы кренятся вбок.

От этой мысли она захихикала.

Насколько ей было видно, везде росли деревья, хотя раньше на равнине их не было. Они выросли из останков катапульта. Это всё Розторн и Браяр сделали? Он знала их только два года. Они раньше делали интересные вещи, но чтобы столько сразу...

Её мысли блуждали. Ей хотелось чего-нибудь попить, или поесть, или поспать. Она была очень усталой, но хотела увидеть, как обернётся битва. У императора ведь были и

другие солдаты кроме этих.

Эвви хватило сообразительности спешиться с лошади. Она чуть не наступила на Луво, который каким-то образом выбрался из перевязи-из-шарфов у неё на груди. Его дух был не в каменном теле, о котором она думала как о «Луво», что она и выяснила, когда попыталась попросить прощения. Она сдалась, и позволила поводьям своей лошади волочиться по земле.

— Не уходи, — сказала ей Эвви.

Потом она села.

Ривердэнсер нашла её и взяла себе под крыло. Она заставила Эвви сесть с ней и её группой шаманов, укутав её в одеяла и выговаривая ей, пока Эвви не выпила чаю. Эвви попыталась объяснить, что обычно она так не уставала от толики магии, но она всё это время раскалывала камни от катапульта, и песчаник, и известь, когда не трясла скалы у людей под ногами. Объяснение казалось гораздо сложнее, чем оно должно было быть, особенно когда Ривердэнсер стала похлопывать её по плечу, будто говоря «всё хорошо».

* * *

Эвви очнулась, сидя в седле. Она болталась рядом с кем-то, кто крепко держал её одной рукой, а второй рукой правил своей лошадьёю. Она оглянулась назад и вверх. Джимут улыбнулся ей сверху вниз.

— Ты жива, храбрая девочка? — спросил он.

— Я не храбрая, — вяло сказала она. — Я голодная. Я была с Ривердэнсер.

— Когда устроим тебя в Первом Круге, там будет еда, — сказал он. — У меня есть чай.

— Чай — это хорошо, — сказала она, и снова заснула.

Когда она снова открыла глаза, Джимут нёс её по коридору с оштукатуренными стенами.

— Розторн? Браяр? Луво? — спросила она.

Кто-то ткнул её в затылок.

— Мило, что ты поинтересовалась.

Браяру помогал передвигаться один из друзей Джимута. Под глубокого бронзового цвета загаром, который он заработал во время их путешествий, его кожа приобрела пепельный оттенок.

— Ты куда уходила?

— Я работала над камнями, — сказала Эвви. — Розторн и Луво?

— Луво придёт.

Джимут занёс её в комнату. Розторн сидела на кровати, которой бы хватило на всех троих. За ширмой стояла ещё одна кровать. Спутник Браяра помог ему дойти до неё.

— Лечить, — пробормотала Розторн. — Раненные...

— В городе полно врачей. Большинство из них в лучшей форме, чем ты, и решила быть боевым магом, — сказал Джимут.

Он опустил Эвви на её стороне кровати, которую ей придётся делить с Розторн. Рядом стоял столик с чашами, наполненными ячменной мукой, смешанной с масляным чаем и сухим сыром. Он передал Эвви одну чашу и ложку. Она стала есть, взглядом извиняясь перед Розторн за то, что не подождала её. К её шоку, Розторн протянула руку, и потёрла ей макушку.

— Ты уверен, что мы не нужны? — спросил Браяр, когда Джимут и ему отнёс чашу.

Он указал на Розторн:

— Она будет возиться и беспокоиться, пусть она даже ползти не в силах.

Он съел одну ложку, затем поставил чашу на пол, положил ложку туда, и свернулся на кровати. Заснул он мгновенно. Джимут начал стаскивать с него сапоги и броню.

Розторн с трудом попыталась встать.

Джимут покачал головой:

— Я не против о нём позаботиться, — сказал он, и поманил пальцами в сторону двери.

Девочка, одетая в некрашенный халат послушницы восточных храмов Круга, вошла и очень низко поклонилась Розторн. Она положила ладони на плечевые завязки брони Розторн, проверила, что та не возражала, и начала их развязывать.

— Да благословят меня боги, — продолжил Джимут, работая над Браяром, — о скольких моих друзьях вы с Браяром заботились всё это время? Вы и моему принцу жизнь спасли. Я думаю, что вы заработали немного отдыха, и вы даже стоять не можете, ни один из вас. То, что вы сегодня там проделали — я такого никогда не видел, вообще. И никто из нас не видел.

Он положил броню на пол на браяровской стороне комнаты, чтобы пропотевшие её части могли высохнуть.

В дверь ввалился гьонг-шийский мужчина, неся в руках Луво.

— Куда... куда тебя, о старейший, — сказал он, тяжело дыша.

— Он останется со мной, — сказала Эвви.

Джимут передвинул один из множества столиков в комнате к эввиевской стороне кровати.

— Чего ты так задержался? — спросил он у вошедшего.

— Каменный бог весит больше, чем кажется, — ответил тот. — И от конного этажа досюда много ступенек. И все они забиты людьми, которые хотели его видеть.

— Это вполне понятно, — сказал Луво. — Они никогда раньше не видели сердце горы. Мне бы лишь хотелось, чтобы они подождали, пока я не удостоверюсь в благосостоянии Эвумэймэй.

— Я устала, — сказала Эвви.

Она поставила чашу на пол, так же, как и Браяр, и начала возиться с завязками своей брони. Её пальцы были неестественно неуклюжими. Она сдалась, и легла на матрас так, чтобы её голова была рядом с Луво.

— Мы поймали императора? — спросила она его.

— Судамини и солдаты из Гармашинг преследуют его, — сказал он.

Это было последним, что она от него услышала.

* * *

Когда Браяр проснулся, ставни были открыты. Он подковылял к окну, чтобы выглянуть наружу. Насколько он понял, полдень уже давно миновал. Розторн и Эвви всё ещё спали. Луво нигде не было видно.

Браяр какое-то время постоял, разглядывая вид из окна. Их комната была на южной стороне храма, и под ними простиралась половина Гармашинг. Город, который он помнил,

был побит. Всюду были видны почерневшие ямы, где бомбы и пожары уничтожили дома, храмы и общественные здания. На дорогах и в парках зияли рваные дыры. Воздух пах огнём и смертью. Люди трудились, стаскивая порождённые войной обломки в кучи, исключая мёртвых людей и животных. Над этими пировали падальщики. Стервятники настолько обнаглели, что даже не шарахались прочь от людей.

Браяр отвернулся от окна. В Гьонг-ши его многое восхищало, но небесное погребение ему всё ещё было не по душе.

Взглянув на свои руки, он понял, что совершенно грязен. Браяр открыл дверь и выглянул наружу.

Там сидел послушник, читавший свиток.

— Сэр? — спросил он. — Как я могу помочь?

Вскоре Браяр отмокал в огромной бадье с горячей водой. Он выбрался только после того, как начал засыпать, и его голова скользнула под воду. «Пора баиньки», — подумал он, откашлявшись. Браяр как раз обсыхал, когда явился Парахан.

Тот не теряя времени стянул с себя одежду.

— Блаженство, — объявил он, устраиваясь в бадье

Он выглядел измождённым.

— Вернулись Суда и Сэруго, — сказал он Браяру. — Они гнались за имперской армией так далеко, как только осмелились, но врагу удалось уйти. Посмотрим, вернутся ли они.

— Думаешь, вернутся? — спросил Браяр.

Он натянул узкие штаны и длинную куртку, которые кто-то оставил для него.

— Император ещё далеко не побеждён. Он возьмёт ещё войска и магов, и вернётся. Мы тоже будем ждать. Вообще, я не думаю, что император сопровождал эту армию. Он может быть на севере или северо-западе — те войска ещё не прибыли, что беспокоит Бога-Короля. Но Уэй-шу знает, что ему нужно взять Гармашинг, чтобы удержать Гьонг-ши. Я не уверен, что ему это удастся.

— Почему нет?

— Шаманы всегда будут проблемой, даже большей, чем сами племена, — объяснил Парахан. — Половина боевой магии заключается в знании того, чем воспользуется сторона противника. Знаменитые маги Уэй-шу не знают, как сражаться с шаманами, потому что шаманы не работают поодиночке. Маги не могут направить свою силу на одного человека. Шаманская магия основана на объединении пяти или шести разных людей с разными силами и способностями. Они всю жизнь упражняются в сплетении всего этого. Лично я буду весьма удивлён, если хоть кот-то из придворных магов ездил сюда, чтобы учиться музыке и танцам шаманов. Ты ступни отскребаешь?

— Нет, — ответил Браяр, обдумывая только что сказанное принцем. — А ваши маги в Комбанпуре изучают танцы шаманов?

— Нет, — беспечно сказал ему Парахан, — но мы никогда не были настолько глупы, чтобы напасть на Гьонг-ши. По нашу сторону Дримбаканг Лоу есть и более простые места для нападения.

Несколько послушников поспешно вошли, чтобы открыть краны рядом с другой большой бадьёй. В неё полилась исходящая паром вода, а послушники разложили на скамейках рядом с ней мыло и мочалки. Браяр собирался уходить, а Парахан погружался в свою ванну, когда вошли Розторн, Эвви и Суда, одетые в банные халаты.

— Леди, кто-нибудь из вас скребёт ступни? — спросил Парахан, когда Розторн сняла

свой халат и шагнула в воду.

— Сам отскребай себе ступни, ленивый болван, — посоветовала она.

Эвви так и осталась стоять, дрожа. Парахан закрыл глаза, а Браяр отвёл взгляд. Наконец Суда сказала:

— Можете смотреть, парни.

Они с Эвви сидели в бадье, в которую набиралось всё больше воды. Послушники закрыли краны, когда уровень воды был в паре дюймов от края бадьи.

Браяр тихо обругал себя за то, что не подсмотрел за Судой, но он знал, что так было бы неправильно. Баня была не для того, чтобы пялиться на женщин; баня была для того, чтобы мыться. Его беспокоило то, что Эвви так явно боялась обнажаться, хотя всю жизнь мылась в общественных банях. Она погрузилась в их бадью настолько, что её подбородок был вровень с поверхностью воды.

— Так шаманы смогут выгнать императора из Гьонг-ши? — спросил Браяр, возвращаясь к своему разговору с Параханом.

Их друг покачал головой:

— Если бы вы трое остались, то мы, возможно, могли бы измыслить что-то, способное убить Уэй-шу, — сказал он. — Это бы заставило Янджинг уйти. Сюда их завели его амбиции, его алчность. Без него генералы отступят, и начнут драться друг с другом за остальную империю. Его сыновья тоже будут драться. Это их всех займёт на какое-то время.

— Не люблю соглашаться с моим братом о политике, но в этот раз он всё же прав, — заметила Суда.

— Я вот что тебе скажу: за годы, пока я таскался за императором как обезьяна на цепи, я получил очень хорошее политическое образование, — парировал Парахан. — Трудно найти учителя лучше Уэй-шу. Поэтому-то я и знаю, что в Гьонг-ши недостаточно солдат, чтобы выстоять против него. Это ещё не считая военных машин. Мы сражаемся с ним без катапульта и без бомб с *зайао*. У нас даже смолы никакой не было, если уж на то пошло. Если бы Браяр, Розторн, Эвви и Луво не поработали над теми катапультами, нам бы пришёл конец. Я бы всё отдал, чтобы заполучить формулу *зайао*. В империи его продажа карается смертью.

— Тебе не нужно его покупать, — сказала Розторн, зевнув. — Это — злая штука, но если тебе правда нужна формула, то мы с Браяром знаем, как делать *зайао*.

Суда и Парахан уставились на неё.

— Ты знаешь, сколько мой дядя заплатил империи за шестьдесят бочек этого вещества в прошлом году? — прошептала Суда.

— Мы вас бесплатно научим его делать, если оставим вас сражаться с ним одних, — объявила Розторн. — Но это злая штука. Как только он у вас появится, я гарантирую, что ваши враги тоже его заполучат, чтобы использовать против вас.

— Давайте не будем спешить насчёт «бесплатно», — быстро вставил Браяр. — Если Гьонг-ши может заплатить, то ничего плохого в этом нет. Нам ещё предстоит долгий путь до нашего корабля.

Теперь близнецы уставились на него.

— Значит, вы всё же собираетесь нас покинуть, — сказал Парахан.

Браяр пожал плечами:

— Мы сейчас уже должны были ехать домой, — напомнил он своему другу. — Если мы не поймаем наш корабль, когда он дойдёт до порта в самом южном из Королевств Солнца, то мы рискуем попасть под ваши муссоны. У нас дома семья, которую мы не увидимся уже

третий год, если задержимся.

— Если бы вы остались, то ваше вмешательство могла бы оказаться решающим в том, как всё обернётся — победой или рабством, — объяснила Суда.

— Вы же знаете Уэй-шу, — добавил Парахан. — Он уничтожает всё, что не может удержать для себя.

Браяр бросил взгляд на Эвви, погружившейся в воду почти до носа. Она тихо плакала. Остальные увидели, что он смотрит на девочку.

Суда протянула руку, и погладила Эвви по голове:

— Что такое? — мягко спросила она.

Эвви поднялась достаточно, чтобы её губы оказались над водой.

— Он будет пытаться нас, — прошептала она. — Он будет хлестать нам по ногам, пока мы не потеряем способность ходить, и он убьёт наших друзей. Его люди убили моих кошек потому, что те попались под руку. Они убили жителей деревень и солдат Капитана Рана по той же причине. Им на всех плевать.

Она дрожала так сильно, что у неё стучали зубы.

— Я хочу, чтобы вы убили меня. Не позволяйте им меня схватить.

— Никто не позв... — начала Розторн, обняв Эвви рукой.

Договорить она не успела. Дверь сорвалась с петель, рухнув на пол. Низкий, мощный голос пророкотал:

— Почему Эвумэймэй плачет? Кто напугал её настолько, что у неё содрогаются кости?

В дверях стоял Луво. «Он выглядит весьма разгневанным для куска кристалла», — подумал Браяр.

— Мы просто беседовали, Луво.

— Ваши беседы вмешались в лечение, которое я с ней провёл, — сказал Луво.

Он перевалкой вошёл в ванное помещение. Несколько послушников заглянули в дверной проём, но, похоже, не собирались входить.

— Много пения камнепада, много времени, проведённого с Большим Молоком, но тем не менее сейчас Эвумэймэй такая же напуганная, какой была, когда я позвал её к о мне. Почему? Когда она поспала и поела, она была в порядке. Вы — её друзья. Что вы ей такого наговорили?

— Луво, всё хорошо, я в порядке, — сказала Эвви.

Она вытерла лицо рукой, но слёзы продолжали течь.

— Мы просто говорили о том, чтобы остаться на какое-то время, потому что, возможно, Гьонг-ши нуждается в нас, вот и всё. Я просто веду себя глупо.

Браяр понял, что это может занять какое-то время. Хрюкнув, он поднял каменное существо на скамейку, где женщины сложили свои халаты. Когда он прислонил выбитую дверь обратно к дверному проёму, он не удивился тому, что она весила меньше, чем друг Эвви.

— Эвумэймэй, — медленно произнёс Луво, — ты хочешь уехать? Я могу найти тебе маленьких мохнатых существ. Их здесь много.

— Нет! — закричала Эвви, вставая. — Я не хочу ещё кошек! Я не хочу никого, кто может погибнуть! Посмотри на Браяра, он был ранен, он мог умереть...

Она опустила взгляд, и осознала, что стоит голая. Выбравшись из бадьи, она натянула на себя халат, и проскользнула в промежуток между дверным проёмом и прислоненной к нему дверью.

Она услышала, как одна из стоявших снаружи послушниц спросила, может ли она помочь. Эвви закричала:

— Отстань от меня!

Луво повернул свой головной нарост к остальным:

— Она желает покинуть эту землю.

— Она боится остаться, — тихо сказал Браяр. — Она боится, что император схватит её и будет пытаться её — или нас. Ты замечательно поработал, приведя её в порядок после того, что с ней сотворили эти чудовища, Луво.

Тут ему пришлось замолчать. Он боялся, что расплачется.

— Такие глубокие раны лечит только время, — продолжила Розторн. — Браяр, возможно, тебе следует отвезти Эвви домой. Первый Храм Круга — дом моей религии Обязательства — только мои.

— Почему бы тебе не отвезти Эвви домой, а мне — остаться? — резко спросил Браяр, поскольку мысль о том, чтобы оставить здесь Розторн, резала его сердце подобно кинжалу. — У тебя холодная голова, необходимая в пути, и тебя там ждёт Ларк.

— Мы все устали и всё ещё голодны, и правда, я не собирался начинать ссору, когда вы нам уже так сильно помогли, — сказал Парахан. — Идёмте. Отложим это на потом. Нам с Судой нужно проверить воинов.

Браяр и Розторн переглянулись:

— Нам следует проведать лекарей, — сказала Розторн.

— **Нет**, — прямо заявила Суда. — Если враг вернётся, пока вы ещё здесь, то вы — боевые маги. Делайте всё, что можете, чтобы восстановить свои силы, но не лечите никого, **пожалуйста**.

— Я поговорю с Эвви, и спою ей, — сказал Луво. — Если так будет лучше, то конечно же она должна уехать домой. Я лишь надеялся показать ей всю мою гору.

Парахан выбрался из бадьи, и спустил кристаллическое существо на пол:

— Добро пожаловать в мир людей, друг мой, — тихо сказал он. — У нас у всех есть те, кому мы хотели бы показать свои любимые сокровища, только времени не хватает.

Одевшись, Эвви не осталась у себя в комнате. Другие будут задавать ей вопросы и пытаться понять её, когда она и сама-то себя не понимала. Вместо этого она сбежала из храма Живого Круга, чтобы бродить по Гармашинг.

На улицах были люди, и все — при деле. Большинство из них выносили обломки из дворов домов и храмов. Имперская армия не один день поливала город дождём из камней и бомб с *зайао*, прежде чем Генерал Сэруго явилась, чтобы отвлечь солдат. Теперь даже самые малые дети помогали в уборке, вываливая корзинки мусора в тачки и телеги. Эвви чувствовала себя виноватой за тунеядство, но её сила всё ещё была не такой, как неделю назад. Даже её тело было утомлено: когда она попыталась что-то поднять, ощущение было такое, будто её руки и плечи были как переваренная лапша.

Она не приняла во внимание, что людям теперь может быть не безразлично её янджингское происхождение. Трудно было держать себя в руках, когда кто-то плюет тебе под ноги. К счастью, это случалось нечасто. Когда Эвви видела других людей родом из Янджинга, она кивала, и они кивали в ответ. Они знали, каково это — носить лицо врага, пусть они и провели всю жизнь здесь. Эвви видела здесь пару храмов *байта*, ещё когда они зимовали в городе. Они строились для поклонения Канзан, богине милосердия и исцеления, и Туян, бога, который был небесами. То, что в Гармашинг были янджингцы, имело смысл, поскольку в этой стране было много чужестранных храмов. За ними наблюдали, или держали их под замком во время осады?

С минуту она рассматривала возможность зайти в *байта*, но передумала. Она не знала, сколько она ещё будет бродить, пока не устанет окончательно, и не будет вынуждена ехать на попутной повозке обратно в храм Живого Круга. Она собиралась пройти так далеко, как только могла, хотя было грустно видеть весь ущерб, нанесённый ярко раскрашенным домам и храмам. По крайней мере это они остановили — она и её друзья.

Эвви остановилась поглядеть на нетронутую стену храма. Та была расписана несколькими гьонг-шийскими фигурами. С тех пор, как она побывала с Луво под землёй, ей казалось, что все изображения двигались. Эти решили порадоваться дню без осады. Ледяной лев танцевал с ибрисом, потом перепрыгнул на другую сторону стены, чтобы гоняться за большим яком. Ибрис предпочёл танцевать дальше с большим пауком, не уступавшем ему размерами, в то время как несколько голов нага читали свиток, а остальные головы выглядели скучающими.

— Иногда я бросаю кедровые орешки над их головами, — сказал Бог-Король, — и они злятся, потому что не могут поймать их.

Эвви, вздрогнув от неожиданности, посмотрела на него:

— А тебе можно бродить вот так, одному? — спросила она. — Что если в городе есть шпионы, и они тебя схватят, или...

Она моргнула, осознав ход своих мыслей, и её голос дрогнул. Мысль в её голове была слишком ужасной: Бог-Король, привязанный к столу, как была привязана она, и подвергаемый тем же пыткам, что и она.

— В мире есть нехорошие люди.

Он положил руку ей на плечи, когда она заплакала.

— Иди сюда, — сказал он, и подвёл её к скамейке, стоявшей у неокрашенной части стены.

Он усадил её там, положив её голову себе на плечо, позволяя ей выплакать затопившие её напряжение и страх.

— Я под защитой, — сказал он. — Ты будешь удивлена, насколько хорошо я защищён.

Он посмотрел на настенные росписи, которые вышли, чтобы посмотреть на Эвви, и похлопать её по голове и по спине.

— Эвви, ты их беспокоишь.

— Прости, — сказала она, вытирая лицо рукавом.

Розторн никак не могла отучить её от этой привычки.

— Я просто устала.

Она хмур посмотрела на Бога-Короля:

— И это не кажется особо достойным бога, или короля — дразнить изображения кедровыми орешками, — строго сказала она ему.

Изображения бросили свои занятия, чтобы строить Богу-Королю рожи.

— Они дразнятся в отместку, — сказал он Эвви, кивая на гримасничавших существ. — Они приходят в мой тронный зал, когда я выслушиваю жалобы, и делают грубые жесты, пока люди со мной говорят. Они знают, что я не смею смеяться, иначе люди решат, что я не воспринимаю их проблемы серьёзно.

Он выглядел как деревенский мальчишка, каким и был раньше, за исключением его серьг и колец на косе.

— Эти изображения приходят в твой тронный зал?

— Не совсем. В тронном зале есть другие изображения, похожие, — ответил он. — По всему городу такие изображения, если уж на то пошло. Я думаю, они дразнят меня по очереди.

Он предложил ей взять у него кедровых орешков.

— Твоё общение с Луво наверное позволило тебе их видеть их сейчас в движении. Когда ты была здесь раньше, ты не говорила, что видишь их.

— Ты говорил с Луво?

Орешки были вкусными и сладкими. Она и забыла, что в мире были хорошие вещи, вроде кедровых орешков.

— Какое-то время ты спала, — сказал Бог-Король. — Именно Луво рассказал мне, что с тобой произошло.

Он отвёл взгляд, помрачнев лицом:

— Мне так жаль, Эвви. Ты всего лишь приехала сюда учиться и делиться своей чудесной магией.

В голове Эвви внезапно всплыл ещё один ужасный образ: Бог-Король, скованный цепями, как был скован Парахан, у подножия трона Уэй-шу. Он сказал, что она всего лишь посетила Гьонг-ши, но сам он всего лишь проводил долгие дни на неудобно выглядящем троне, слушая жалобы людей, или на совещаниях со взрослыми, который говорили в его сторону, а не с ним самим, или читая послания. Он когда-нибудь бегал и играл, как другие мальчишки? Она почувствовала, как сжалось её сердце.

— Император уехал домой?

Бог-Король покачал головой:

— Он лишь отступил, и недалеко. Он отдыхает, и созывает свои северные войска. Мы лишь можем быть рады, что он также даёт и нам время отдохнуть, и подождать прибытия наших союзников.

— А их хватит?

Война была почти что более комфортной темой для разговора, по сравнению со всем, что случилось с ней в Гьонг-ши.

— Это — наша земля. В Гьонг-ши случается такое, что больше не случается нигде, — ответил он. — Мы должны молиться, что этого хватит.

Какой-то мужчина подошёл поговорить с ним. Эвви наблюдала, думая: «Я не могу забрать у него Розторн и Браяра. Если я уеду, то готова поспорить, что Луво вернётся в свою гору, поэтому я не могу и Луво забрать — если он вообще ради меня останется. Но я не могу уехать, и отдать всю страну Уэй-шу. Я должна сначала попытаться помочь».

«Я просто не могу позволить им снова меня схватить, вот и всё».

* * *

Когда они вернулись из бани, Розторн пошла искать Первого Посвящённого Докьи. Браяр завидовал её энергичности, но всё ещё был слишком уставшим, и нога его беспокоила. Он попросил у Луво прощения за то, что был ему неважным собеседником, и снова лёг спать.

* * *

Река Снежного Змея блестела на солнце. Он сидел на берегу, удя рыбу. Во сне он знал, что редко рыбачил, но здесь он этим занимался, и в прозрачных водах клевало. Он потянул рыбу на берег реки. Но вытянул он тело, тело старой женщины. Он посмотрел на реку. По ней плыли тела умерших: мужчины, женщины, дети, животные. Они оцетинивались стрелами, или показывали зияющие раны, когда река снова и снова переворачивала их на порогах.

По какой-то сонной причине он снова закинул удочку в воду. Следующим телом, которое он вытащил на берег, была Эвви. Её ступни истекали кровью.

* * *

Браяр сел, втягивая ртом воздух.

«Хватит с меня этого», — сказал он себе. «Хватит **всего** этого». Он нашёл полотенце, полил её водой из кувшина у своей кровати, затем вытер им пот у себя с лица и шеи. Вместо того, чтобы снова попытаться заснуть, он решил заняться чем-нибудь полезным, не смотря на усталость. Он взял сумку с его снадобьями, и нашёл один из лазаретов, где держали раненных.

К глубокому удивлению Браяра, его лекарские услуги не были нужны, в отличие от его

снадобий. Это оказалось правдой: в Гьонг-ши было полно магов-лекарей. Однако, он выяснил, что его друзья среди раненных солдат хотели его увидеть. Они с радостью познакомили его со своими друзьями. Браяр сделал обход, сидя с каждым из них, и шутя, стараясь показывать веселье на лице, как бы раны солдата его ни расстраивали. У многих из них были ожоги от магического огня, отчего Браяр стал ненавидеть Уэй-шу ещё больше. Почему тот не мог удовлетвориться тем, что уже имел?

Браяр почти закончил в главном лазарете, когда увидел, что Розторн, Эвви и Луво также навещают раненных. Закончив, Браяр присоединился к Эвви. Все хотели познакомиться с девочкой и сердцем горы. Он помогал сесть тем, кто был на это способен, чтобы они могли пообщаться со странной парочкой. Эвви, бывшая такой трясущейся в бане и в своей комнате, была безгранично терпеливой, поднимая кристаллического медведя для тех, кто не мог сесть. Браяр осознал, что Луво издавал тихий гул, такой низкий, что Браяр скорее ощущал его подошвами ног, а не ушами. От этого у раненных, похоже, прибавлялось сил.

Они могли бы там всю ночь провести, но бывший там за главного лекарь прогнал их, чтобы персонал мог всех покормить и сменить повязки. Посланник нашёл их, и передал приглашение присоединиться к Первому Посвящённому Докьи за ужином.

* * *

Розторн и Эвви были рады увидеть Докьи. Старик был более худым, чем в их последнюю встречу, но его взгляд был по-прежнему острым, когда он оглядел их обеих. Он пожал руку Браяру, и поклонился Луво, но сначала он обнял Эвви, которая училась у него зимой, а потом Розторн:

— Ты хорошо справилась, — тихо сказал он женщине. — **Очень** хорошо.

— Скажи спасибо моему коню, — иронично ответила она таким же тихим голосом. — Он довёз меня туда и обратно. И если мы так хорошо справились, то почему я до сих пор вижу двигающиеся изображения? Моё поручение ведь кончилось, да?

Докьи улыбнулся:

— Этот эффект останется, пока ты в Гьонг-ши, где мы находимся между божественным и земным.

— Изображения не танцевали и не скакали этой зимой, — сказала ему Розторн.

— Несение ноши изменило твою способность видеть порталы. Чем, собственно, и являются изображения.

Докьи посмотрел на Браяра, болтавшего с другими вечерними гостями храма, Богом-Королём, Параханом, Сэруго и Судамини.

— Хотя я пока не могу объяснить, что случилось с Браяром.

— Он коснулся рюкзака, в котором я несла мою ношу, — объяснила Розторн. — Нам пришлось на полдня привязать Браяра к его коню. С тех пор он отказывался спать в храмовых крепостях, но не говорил мне — почему.

Докьи осклабился:

— А. Это объясняет его нервность. Как и ты, он теперь видит маленьких богов, как они пребывают на стенах — живыми в их дверях в наш мир.

— Вы двое есть собираетесь? — позвал Бог-Король. — Или нам всё это самим доедать?

Розторн нуждалась в такой трапезе — с друзьями и почти без разговоров о войне. Она

была уверена, что взрослые понимали, что уже скоро они будут обсуждать стратегии. Эвви была тихой, но не дулась. Что-то из сказанного ею Богу-Королю развеселило его; он так сильно смеялся, что чуть не подавился. Они расстались в хорошем настроении, и легли спать пораньше.

* * *

Утром Браяр и Розторн нашли мастерскую в той части храма Живого Круга, которую отвели храму Земли. Там, с горшками и землёй из храмовых запасов, они начали восполнять свои запасы шариков с шипастыми семенами. Эвви помогала, таская кувшины с водой и наполняя горшки достаточным количеством земли, чтобы в них могли прорасти семена.

— Я не понимаю, — сказал Луво, наблюдая за их работой. — Ведь император же должен теперь вернуться домой, после потери такого числа людей от рук бойцов Гьонг-ши.

— Именно поэтому он и не остановится, пока мы не найдём способ настучать ему в бубен, — горько сказал Браяр. — Он может потерять в три раза больше людей, чем уже потерял, и всё равно у него останется достаточно, чтобы бросить на нас. Он хочет получить это место. Он хочет храмы, и дворец Бога-Короля, и все их сокровища. Он хочет иметь влияние на все религии, у которых тут есть храмы. И отказываться от не собирается. Он из тех, кто сожжёт целый сад из-за одного больного растения.

— Я не понимаю, — снова ответил Луво.

Браяр только успел рассказать историю о попытке Розторн спасти сад роз, когда Джимут явился с двумя бочонками.

— А это для чего? — спросила Розторн, когда он поставил их на стол.

— Ну, пращник, который находится далеко, может и не добросить ваши тканевые шарики с семенами близко к врагу, — весело сказал он. — Поэтому мне пришлось вернуться к моему прежнему методу боя, когда мы накрутили императору хвост.

— Тебе это, похоже, не повредило, — с улыбкой ответила Розторн.

— Да, но меня это опечалило, — сказал он ей. — Большинство моих друзей так и не увидели, что бывает, когда взрывается один из ваших шариков. А я, ну, я тут осматривал местность, чувствуя, что мне нечем заняться. Я просто случайно нашёл винные погреба...

Браяр засмеялся.

Джимут надменно сказал:

— **В общем**, у них там столько пустых бочонков, которые ждут отправки янджингским виноделам, только вот у нас война. Поэтому мне в голову пришла мысль. Что если вы положите пару тканевых шариков в пустой бочонок, и загрузите в катапульту **его**? В маленькую катапульту, наверное, вроде тех, что тут стоят на крышах? Бочонок лопнет, когда ударится об землю, и ваши семена разлетятся, и вырастут.

Розторн хлопнула его по плечу:

— Это **очень** хорошая идея. А теперь, найди Первую Посвящённую храма Воды и попроси её пожертвовать нам эти бочонки. Уверена, она с радостью это сделает.

Джимут уставился на неё:

— Я думал, ты сможешь разобраться с этой частью.

Розторн вздохнула с притворным сожалением:

— Я бы с радостью, но я рашу чертополох, чтобы получить ещё семян. Скажи ей, я

сожалению, что не смогла прийти лично.

Джимут посмотрел на Браяра, тот пожал плечами:

— Я занимаюсь тем же самым, — объяснил Браяр.

— Я пойду, — вызывалась Эвви, — если ты думаешь, что это поможет.

Джимут вздохнул:

— Без обид, Эвумэймэй, но ты не всегда осторожна со словами. У меня и так будут неприятности, когда она услышит, что я рыскал в её винном погребе.

Он ушёл прочь.

Розторн посмотрела ему вслед:

— Я надеюсь, Парахан и Суда ценят этого малого, — сказала она, размышляя вслух. — Он смыслёный, быстро соображает, и не из пугливых. И он верный. Им следует дать ему повышение.

Она вертела эту мысль у себя в голове, высаживая семена в землю одно за другим, и призывая их к росту. Растения прорастали, цвели, и давали семена. Дома она бы передала эту работу послушникам, или нескольким послушникам. Было приятно приветствовать растения — их шипы были длиной с её предплечье, когда они достигали роста в два фута, но к садовнице, которая их ценила, они относились очень нежно, — но ей хотелось большего.

Она могла делать больше. Не смотря на весь урон, который она нанесла, Розторн не была боевым магом; она была магом, специализирующемся на создании снадобий, и она была растительным магом. Луна Розы была на исходе; в этих местах зима наступала рано. Сколько полей имперские армии уже уничтожили?

— Эвви, теперь ты — сборщица семян шиповника, — объявила она, передвигая её возрастающие растения на браяровскую сторону комнаты.

— Неужели? — спросила девочка, хотя раздражения в её тоне не было.

Она спала на кипе мешков.

— Сила Эвумэймэй не связана с зелёными растениями, — сказал Луво со своего наблюдательного пункта рядом с Браяром.

Браяр начал объяснять, как он может поддерживать рост растений, пока Эвви за ними следит и собирает. Розторн поспешила вниз по коридору в поисках Докьи.

— Я правильно поняла? — спросила она Первого Посвящённого, когда нашла его. — Ячмень — самая популярная в Гьонг-ши зерновая культура?

— Ячмень — самый крепкий из злаков, — сказал он. — Другие растут не так хорошо. Почему ты спрашиваешь?

— Я знаю способ возместить зерно, потерянное из-за армий Уэй-шу.

Докья просветлел лицом:

— Это было бы невероятным благословением для наших людей, если ты сможешь это устроить. Что понадобится от меня?

Она кивнула, и начала объяснять. Первый Посвящённый выслушал её идею, обдумал, и повёл её в кладовую. Он помог ей перенести некоторое количество плоских ящиков для саженцев обратно в мастерскую, и назначил двух сильных, молодых послушников таскать дополнительные мешки с землёй.

Розторн расставила ящики для саженцев в ряд, и зарылась руками в мешок с почвой, чувствуя себя лучше, чем чувствовала себя уже много дней. Ей нужно было заниматься именно **этим**, а не убийством. И не просмотром видений. К тому же, сила, которой она всё ещё обладала после своего заведования Четырьмя Сокровищами, накатывала во время её

работы, выливаясь на чернозём в ящиках и на семена ячменя, которые она там рассыпала. Конечно же, Сокровища стали делиться собой с посадками зерна.

Розторн пришлось взять эту силу в руки, чтобы её новые растения не выростали выше обычных двух футов. Не смотря на это, четверть из них сгибалась под тяжестью семян. Она стремительно собрала все семена для новой посадки. Она не забыла научить их расти лишь под открытым небом, когда их фермеры назовут им определённое слово. Не будет никакой пользы, если новые посадки вырастут только для того, чтобы снова оказаться растоптанными армиями.

Она также устроила свою магию так, чтобы растения выросли до плодоносного состояния в поле за четыре недели. Если повезёт, то даже если война продлится ещё пару месяцев, народ Гьонг-ши всё же сумеет собрать с этих растений по крайней мере один урожай, возможно — два.

Докьи принёс их полдник. Он остался, чтобы помочь Браяру, Эвви и Розторн, пока они упаковывали семена, готовые к посадкам, и проращивали ещё. Луво заскучал, и убрёл куда-то. Джимут и Ривердэнсер, явившиеся после обеда, сказали им, что Луво восстанавливал целые стены, гудя что-то басом на лежащие на улице обломки, пока те не поднимались, и не укладывались там, где раньше были стены.

— Он предложил научить этому нескольких посвящённых, но они не могут петь таким низким голосом, — сказал Джимут, широко улыбаясь.

— Я думаю, что этот город ещё не скоро оправится от визита Луво, — подметила Розторн.

Она посмотрела на свои руки, и поморщилась. Ячмень и постоянное копанье плохо отразились на её коже.

— Я думаю, его это сбивает с толку, — сказала Эвви. — Не все эти храмы, а то, почему так много народу хочет жить в таком маленьком месте.

Поскольку Бог-Король пригласил их тем вечером на ужин, они помылись в недавно отремонтированных банях храма, и одели на вечер чистую одежду.

Луво присоединился к ним за столом Бога-Короля, помимо Парахана, Суда, Сэруго и Первых Посвящённых храмов Огня, Воздуха, Воды и Земли Первого Круга. Розторн боялась что в присутствии такого числа взрослых Эвви может притихнуть или найти повод, чтобы уйти. Она не приняла во внимание дружбу между девочкой и Богом-Королём. Он даже смог заставить Эвви смеяться. Другие Первые Посвящённые, которые могли бы быть слишком чопорными в такой необычной компании, значительно расслабились, когда Докьи рассказал им о работе, которую они смогли выполнить в направлении обеспечения урожая ячменя, как бы война ни обернулась. У удовольствию Розторн, Браяр улыбался, видя то, как они все были рады. Он тоже нуждался в том, чтобы вынести из проведённого здесь времени что-то получше сражений.

Они завершили трапезу, и просто расслаблялись, когда гьонг-шийский мужчина в отделанной золотом броне и один из солдат Сэруго пришли увидеться с ними. Оба говорили шёпотом, мужчина в золочёной броне — с Богом-Королём. Они ушли сразу, как только доставили свои послания. Бог-Король и Сэруго хмурились, пока остальные продолжали беседу.

Наконец Бог-Король посмотрел на своих собеседников, и улыбнулся, хотя его улыбка была меньше обычного:

— Нет причин скрывать это от вас. Генерал Нёрбу на Озере Птиц докладывает, что его

разведчики на северо-западе задерживаются с возвращением, вот и всё.

Сэруго сказала:

— Как и мои, на востоке.

— Мы готовились к новому нападению, — сказал Бог-Король. — Император не застанет нас врасплох. Я думаю, нам следует хорошенько выспаться.

Эвви встала:

— Нам всем следует остаться здесь, в Гьонг-ши. Мне, Розторн и Браяру. Пока всё не кончится. Пока его не победят.

Она развернулась, и сбежала из комнаты.

Розторн вздохнула. У неё болело сердце от храбрости Эвви.

— Подождите минутку, Браяр, Луво. Пусть она не думает, что вы её преследуете, — сказала она.

Когда Парахан заговорил, его голос звучал надтреснутым:

— Мне бы столько храбрости, сколько у этой маленькой девочки.

Суда встала:

— Мы найдём себе такую храбрость, или не найдём, Бог-Король, но мы будем сражаться за тебя. Ты не пожалеешь о том, что принял нас.

Мальчик поднял на неё взгляд:

— Будьте уверены, Принцесса, Принц, что вашего присутствия здесь желали боги Гьонг-ши.

Он пристально посмотрел на каждого из них, затем на Розторн и Браяра:

— Всех вас. Я благодарен, не сомневайтесь, но боги привели вас сюда не без причины. Это может занять больше или меньше времени, но рано или поздно боги этой земли всегда получают желаемое.

* * *

Когда Браяр и Розторн вернулись в их комнату, Эвви заварила чайник с успокаивающим чаем, и уже пила его. Она им тоже налила по чашке. Один из углов комнаты был забит результатами их дневных трудов: рядами бочонков, в каждом из которых были один или два шарика с шипами, готовыми для катапульта, и мешками семян ячменя, готовыми к сеянию. Браяр подумывал о том, чтобы зарыть несколько шариков с шипами в специально выбранных местах перед воротами, в качестве приветствия для имперской армии, когда ощутил необоримое желание спать. Эвви и Розторн уже лежали в кровати. Лёгкий храп Розторн звучал по ту сторону перегородки, которая давала им всем уединение.

Браяр едва держал глаза открытыми.

— Луво, а ты спишь?

— Не так, как вы, — услышал он ответ каменного существа. — Когда я сплю, я засыпаю на века, и просыпаюсь неохотно.

— Ох, Что ж, эт другое.

Браяр зевнул, едва не вывихнув себе челюсть. Он завернулся в одеяло.

— Спокойной нчи, Луво.

Ответ Луво он не услышал. Он крепко спал.

Большие кошки Храма Тигров толкали Браяра, держа его, пока тигрёнок жрицы глодал его волосы. Он увидел Коттедж Дисциплины, свой дом. Ларк выкидывала его пожитки наружу, в грязь. Безглазые Розторн и Эвви плыли вниз по реке среди других тел. Браяр старался проснуться, но не мог. Молодой маг императора, Джья Джуи, стояла в воздухе, в её руках был светящийся набор бус. Браяр упал, приземлившись на усеянное мёртвыми поле. Сэндри, Трис и Даджа стояли на краю поля, но когда он стал умолять их помочь ему найти Розторн и Эвви, они отвернулись и ушли прочь.

Как Браяр ни старался проснуться, кошмары не прекращались. Он призывал растения сна, и сплетал из них ширмы, чтобы отгородить от себя жуткое зрелище, но растения увядали в его руках, или опадали, когда он пытался их поддержать.

Когда он уже думал, что сойдёт с ума, ему в плечо ткнулась рука. Настоящая, грубая рука. Голос прокричал:

— Просыпайся! Никаких штук! Ты — пленник нашего великолепного императора, и если ты что-то попытаешься сделать, мы зарежем девочку или женщину!

Та же грубая рука стянула его с кровати на пол.

Уэй-шу выглядел лоснящимся и довольным, сидя на троне Бога-короля. Он не имел вид человека, который сражался много недель. Браяр уставился на вымостившие пол плиты, гадая, была ли под ними грязь, и растения. «Не пытайся», — предупредил он себя. «Из-за тебя кого-нибудь убьют». Зал аудиенций Бога-Короля был окружён янджингскими стрелками, арбалет каждого из них был направлен на одного из пленников. Стоявшие по бокам трона маги держали бусы наготове, на случай если их врагам из числа пленников что-то вздумается.

Как в видении из его самого уродливого кошмара, Браяр увидел, что Уэй-шу держит цепь, на другом конце которой был Бог-Король. Мальчик с бесстрастным выражением лица сидел на пятках на две ступени ниже трона. По нему нельзя было сказать, что его били. «Либо парень сдался без боя», — подумал Браяр, — «либо Уэй-шу осознал, что причинять вред Богу-Королю — очень плохая мысль».

Браяра трясло от ярости. Парахана, Судамини и Сэруго — их как раз сильно избили. У Розторн на щеке был синяк в форме ладони: если бы Браяр был в сознании, когда это случилось, то отвесивший ей пощёчину был бы мёртв.

— Мои хорошие друзья, — произнёс Уэй-шу на *тийон*. — Насладились ли вы своим сном? Он продлился три дня. Я уверен, что вы меня простите. Мне пришлось какое-то время пробыть в пути, чтобы сесть на этом великолепном троне, и я не желала, чтобы вы очнулись, пока я не смогу вас поприветствовать. Я надеюсь, что вы не очень сильно затекли.

— Я хотел бы узнать, где мои жрецы и жрицы? — спросил Бог-Король. — Главы храмов должны быть здесь.

«Докьи», — осознал Браяр. «Он мёртв?»

— Они заперты в своих храмах, и всё ещё дремлют, мальчик, — ответил Уэй-шу. — Я не допущу, чтобы эта дискуссия прерывалась религиозным лепетом чаще, чем необходимо.

Он поднял свою правую руку, и поманил пальцем:

— Хэнг-кай, опусти их на колени, — приказал он всё тем же дружелюбным голосом.

Генерал вышел из тени за тронном, встав справа от императора. В руке он держал шнур с магическим бусинами. Со дня их завтрака в дубовой роще он исхудал. Браяр с интересом отметил сверкающий золотой ошейник у генерала на шее. Как он мог командовать армией, если сам был одним из рабов Уэй-шу?

Хэнг-кай оглядел собранных перед возвышением пленников. Когда его взгляд упал на Браяра, и на стоящую рядом с ним Эвви, его губы расплылись в недоброй ухмылке. Он покатал пальцами пару бусин. Они не были деревянными: Браяр их мгновенно проверил, хотя не собирался пробовать что-то, что могло рассердить императора.

Внезапно Браяр ощутил давление — у себя на плечах, на голове, на бёдрах. Давление всё увеличивалось и увеличивалось. Он не был уверен, когда оно стало слишком сильным. В один миг он стоял; в другой — был на коленях. Он в панике огляделся. Розторн и некоторые шаманы всё ещё стояли, включая Ривердэнсер. Они тоже были вынуждены опуститься на колени. Но только лишь маги. Стражи рядом с Параханом, Судой и Сэруго толкали их или

били по голеним, чтобы поставить их на колени.

Уэй-шу улыбнулся:

— Хэнг-кай всё-таки знает, как использовать магию на магах.

Браяр зевнул. Он поднял ладонь, чтобы прикрыть зевок, пока Розторн не открутила ему ухо за дурные манеры, и услышал звук вынимаемого из ножен клинка. «Никаких движений руками», — подумал он, и медленно опустил руку. Она ныла. «Неужели мы действительно спали три дня?» — задумался он. «Так вот почему я чувствую себя таким одревеневшим».

Он весело улыбнулся Уэй-шу и Хэнг-кай. Рано или поздно появится возможность. Они может и знают академическую магию, но окружающая магия была гораздо более хитрой штукой. Браяр мог пропустить её целой рекой под Гармашинг, и эти люди ничего не почувствуют. Ему лишь нужен был план.

— На колених вы гораздо более уважительные, — сказал Уэй-шу, будто все они были его друзьями. — Что за великолепное собрание талантов. Судамини, для меня честь наконец-то с тобой встретиться. Я слышал рассказы о твоей красоте, но они не могли полностью передать её. Вы с братом будете подходящими украшениями для моего трона.

Он посмотрел на Парахана:

— И на этот раз я удостоверюсь, что цепи нельзя снять.

Парахан наклонился вперёд, и лениво сплюнул на пол.

— Ты сдашься, — мягко сказал Уэй-шу. — Или я верну **тебя** твоему дяде, а твою сестру дам моим наложницам. Они могут быть очень ревнивы, и очень искусны с ядами, когда чувствуют, что какая-то женщина меня к себе не располагает.

Он посмотрел на Розторн, Браяра и Эвви. Его лицо потемнело от гнева:

— Я показываю вам моё гостеприимство; я приглашаю вас в мой дворец; я осыпаю вас дарами, а вы отплачиваете мне вот так, — сказал он, раскатившемся громом по залу голосом. — Вы примыкаете к моим врагам. Вы истребляете моих солдат. Вы проведёте свои жизни, работая на меня, каждый из вас будет в заложниках, чтобы обеспечить хорошее поведение остальных.

— А ты, — сказал он, бросая гневный взгляд на Бога-Короля и дёргая за мальчика за цепную привязь. — Я послал тебе приказ сдаться, а ты мне воспротивился!

Бог-Король споткнулся, и упал на ступени перед тронem. Со стороны гьонг-шийских пленных донеслись тихий шорох и рычание. Янджингские стрелки и маги замерли, глядя на шаманов. Стрелки водили пальцами своим арбалетам.

— Конечно же я воспротивился. И продолжаю противиться, — ответил Бог-Король, разбивая напряжение своим юным голосом.

Все смотрели на него.

— Ты жадный и глупый.

— Прекрати! — воскликнула Эвви. — Не надо его снова злить!

Бог-Король посмотрел на неё:

— Не волнуйся, Эвви. Мы беседуем.

Обращаясь к Уэй-шу, он сказал:

— Тебе должно быть стыдно за то, что позволил сотворить с ней такое. Стыдно за то, что ты сделал с этой землёй. Ты **ничего** не понимаешь в Гьонг-ши, но думаешь, что убивая и сжигая ты сделаешь её своей.

Уэй-шу снова дёрнул за привязь, подтянув мальчика выше на одну ступень. Бог-Король продолжил, не прерываясь:

— Ты никогда не будешь править этой страной. С тем же успехом ты можешь просить о правлении песком пустыни, сжимая их в пальцах. И если попытаешься, то твои собственные земли обратятся в пустыни ещё при жизни твоих внуков.

— Ты умрёшь страшной смертью, и там, где это увидят многие из твоих людей, — сказал Уэй-шу, наклоняясь вперёд. — Это даст им понять, кто здесь правит.

Бог-Король тихо засмеялся:

— Я не правлю. Я лишь говорю за богов. Они не будут говорить с тобой.

Браяра так потрясла храбрость или глупость — он ещё не решил — мальчика, что он не заметил вибрацию у себя под ногами, пока у него не застучали от неё зубы. Он бросил взгляд на настенные росписи. Люди и существа на них склонялись вперёд, не отрывая взглядов от Уэй-шу. Краска на самом деле вспучивалась на стенах. И что важнее, большие фигуры — нага, крылатые львы, гигантские пауки, огромные стервятники — извивались, будто собираясь высвободиться, отодрав себя от стен.

— Прекратите, — одними губами сказал он стенам.

Слишком многие стражи были готовы убить пленников рядом с собой. Изображения уставились на него, но успокоились.

— Я не понимаю, — сказал Браяр, чтобы отвлечь Уэй-шу, и потому, что он правда хотел знать. — Как вы пробрались сюда без нашего ведома?

Император ухмыльнулся:

— Не смотря на весь ваш ум, вы думали, что вас не одолеть, так ведь? Короли сажают предателей в зарубежные города так же, как вы у себя сажаете растения. Такие предатели могут жить в городе десятилетия, прежде чем их господа к ним прибегнут. Тогда-то они и выпивают определённый бодрящий чай, чтобы они могли открыть ворота. Я бы и раньше ими воспользовался, но я хотел, чтобы вы, пятеро чужестранцев, были в Гармашинг, прежде чем я захопну мой капкан.

Он улыбнулся:

— Мои маги усыпили остальных горожан, а предатели впустили меня внутрь.

Земля всё ещё дрожала. Некоторые стрелки начали это замечать. Что хуже, Браяр увидел движение в темноте под потолком зала, в самой задней его части. Это было странное, бессвязное движение.

— Поскольку ты собираешься меня убить, — сказал Бог-Король, садясь более обычным образом на ступени трона, — не мог бы ты ответить на мой вопрос? В нём нет ни уловок, ни насмешек, — заверил он Уэй-шу, будто был старше завоевателя, а Уэй-шу был его пленником. — Это очень прямолинейный вопрос. Я надеюсь, что ты сможешь ответить.

Браяру подумалось, что его голос сейчас был как никогда непохожим на голос мальчика.

— Спрашивай, — благодушно ответил Уэй-шу.

— Когда ты изучал эти земли перед тем, как начать своё завоевание, — серьёзно спросил Бог-Король, — ты не задавался вопросом, почему столь многие религии начинаются в Гьонг-ши, и почему у столь многих религий есть здесь хотя бы один храм?

Если бы Браяр как раз в тот момент не повернул голову, чтобы посмотреть на Розторн, он мог бы упустить световой блик на тонких, похожих на шёлк прядях у магов и императора за спиной.

Уэй-шу тихо засмеялся. Некоторые его маги последовали его примеру.

— Даже у некоторых янджингских богов есть храмы здесь, — продолжил Бог-

Король. — Но ты совсем не понимаешь, так ведь?

— Я понимаю то, что все эти храмы отдадут мне свои сокровища, и что я отвезу их в мои дворцы, — ответил Уэй-шу, всё ещё забавляясь. — Какое мне дело до того, что люди добровольно тащатся сюда, чтобы биться головой о вашу грязь? Храмы — места, где жрецы доят деньги из верующих. Единственный бог, о котором им теперь нужно беспокоиться — это я.

Браяр ощутил, как Розторн работает над арбалетами вокруг них, вытягивая из древесины силу, пока та не стала сухой и ломкой как хворост. Он быстро стал помогать ей, всё больше пугаясь. В воздухе что-то было, как ощущение перед грозой или песчаной бурей. Везде вокруг них скапливалась сила, которая никакого отношения к известной ему магии не имела. Он не знал, что произойдёт, когда эта сила будет выпущена.

— Я объясню, — вещал императору Бог-Король, — хотя ты уже столько наговорил, что я убеждён — ты мне не поверишь.

Уэй-шу дёрнул Бога-Короля за привязь. Металл распался на части, и упал на пол.

— Люди приходят сюда, чтобы быть ближе к богам, — сказал мальчик императору. — Здесь случаются вещи, которые больше не случаются нигде.

Когда император выпрямился, готовясь выкрикнуть приказ, что-то похожее на металлическую змею с черепом вместо головы соскользнуло вниз по натянутой над ним нити, и упало ему на лечи. Оно стремительно обвилось императору вокруг шеи.

Розторн вздохнула:

— Кто выпустил пещерных змей?

Ответа она похоже не ожидала. Она также не выглядела удивлённой.

Стражники у пленников за спиной распахнули двери. В тронный зал потекли ещё янджингские солдаты, заполнив пространство у пленников за спиной, и присоединившись к другим солдатам вдоль стен.

За тронном прогремел знакомый низкий голос:

— Попытайтесь убить здесь кого-нибудь, и ваш император умрёт.

Хэнг-кай поднял руки. Нити у него над головой мгновенно поймали его, и связали его руки. Они закружились как свиваемая верёвка, заключив его в кокон от плеч до бёдер. Он в яростно выругался, затем в ужасе заверещал, когда гигантские пауки спустились на возвышение по верёвкам из паутины, проделав то же самое с каждым магом, что стоял там. Хэнг-кай что-то прохрипел, будто начиная заклинание, но одно из волокон паутины перекрыло ему рот. Наконец пауки прыгнули на пол за спинами имперских магов.

Браяр и Розторн вытянули остатки жизни из арбалетов и арбалетных болтов в руках имперских стрелков. Уже сухое и трескающееся, оружие развалилось на части, выпав у своих владельцев из рук.

Эвви тоже не сидела без дела. В руках у магов бусины из нефрита, киновари и кварца расщепились, разрезая нити, на которые были нанизаны. Остальные бусы попадали на пол, когда пауки укутали магов паутиной.

Браяр посмотрел на изображения на стенах.

— Ну ладно уж, помогайте, — сказал он им. — У вас же уже давно руки чешутся.

Изображения сошли со стен. Большие изображения, боги и богини, схватили тех солдат, кто проигнорировал предупреждение Луво, и потянулся за мечами. Нарисованные боги отобрали оружие, и отбросили его в сторону. Выбитые из колеи видом нарисованного, многорукого бога, или очень высокой, красной богини, вытянувшейся над ними, солдаты

попадали на колени, и прижались лицами к полу. Маленькие существа с краёв фресок набросились толпой на тех солдат и магов, что продолжали сражаться, забираясь им в уши и на лица. Люди внезапно затихали, не осмеливаясь касаться чужеродных существ, сидевших так близко к их глазам и ушам. Многие нарисованные боги были вооружены.

Луво вышел вперёд из задней части тронного зала верхом на гигантском вершинном пауке. Они взбирались по возвышению, пока Луво не смог сойти на его вершину. Паук отступил к подножью ступеней, и присел в ожидании.

Бог-Король всё ещё сидел на ступенях трона, будто это было очередной заурядный день во дворце, наблюдая за тем, как арбалеты и бусы магов разлетелись на куски, и изображения ожили и стали сражаться. Теперь же он встал, и поклонился Луво, паукам и изображениям.

— Вы оказали мне несказанную честь своим визитом, Великие, — сказал он. — Я лишь сожалею, что вы не могли увидеть столицу в лучшем свете.

— Вы думаете, что победили? — закричал Уэй-шу.

Он оттянул пещерную змею на пару дюймов от своей шеи, вернув себе способность говорить.

— Вы забыли о моей армии? Она отомстит за меня! Каждая из армий Янджинга пересечёт ваши горы. Когда они закончат, Гьонг-ши больше не станет! Те из вас, кто не является гьонг-шийцами, на вас мои убийцы будут охотиться до скончания времён! Они убьют вас, ваших детей, и всё, что вам д...

К этому моменту пещерная змея достаточно сместила свою хватку, чтобы снова потуже затянуться вокруг горла императора. Браяр был достаточно близко, чтобы видеть, что тело змеи на самом деле было полностью из позвонков, сделанных из металла и грязи, как и её череп. Ему захотелось завести себя такую же.

— Вообще-то он прав.

Парахан, Судамини и Сэруго оставили своих стражей, встав рядом с Розторн. Браяр и Эвви тоже подошли к ним.

— У нас император и его маги, но нам это не поможет, — продолжил Парахан. — Армия никуда не делась. Его наследники захотят докончить то, что он начал.

Луво подошёл ближе к Богу-Королю:

— У твоей ближайшей армия сейчас свои проблемы.

Бог-Король в нетерпении выпрямился:

— Покажешь мне?

Самый крупный из пауков соскользнул по своей льняной верёвке на пол. Все отступили, кроме Эвви, которая низко поклонилась и сказала:

— Приветствую, Дибан Кангмо. Очень рада снова тебя видеть.

Огромное существо пискнуло несколько раз, и коснулось щеки Эвви твёрдым краем одной из своих лап. Затем она уселась, и начала выпускать жидкость из своего прядильного органа. Тогда Эвви тоже попятилась.

— Кто этот твой друг? — спросил Браяр у Эвви.

— Она — Дибан Кангмо. Я тебе о ней рассказывала. Она — вершинный паук. Она и её дочь помогли лечить меня, когда Луво привёл меня к себе в гору, — объяснила Эвви. — Вершинные пауки — боги самых высоких частей гор. Я не собираюсь на это глядеть, — добавила она, отворачиваясь от лужи прядильной жидкости. — Я знаю, что это совершенно естественно, то, из чего они плетут паутину и всё такое, но я считаю, что выглядит это противным.

Молочно-белая лужа растеклась по полу, пока не достигла диаметра в несколько футов. Дибан Кангмо выпрямилась, и отошла от лужи. Вершинный паук, поместивший Луво на возвышение, спустил его вниз, на пол, и поставил у края лужи.

Пока Луво ждал, в белой жидкости проступило изображение. Это был вид на равнину за парадными воротами. Браяр постарался не глазеть, разинув рот. Там были существа. Те, что были похожи на лошадей, с орлиными головами, тонкими ногами, и металлическими копытами, бились с кавалерией, их золотые клювы и серебристые копыта оставляли на лошадях и всадниках смертельные раны. Львы, на вид состоявшие из льда, что было невозможно, сражались бок о бок с ибрисами, пещерными медведями и нага, вполне вещественными, а не нарисованными. Пещерные змеи блестели, проползая через ряды пехотинцев. Гигантские стервятники нападали сверху. Целые отряды солдат склонялись перед существами в великом поклоне, прижавшись лбами к покрытой кровью земле.

И та была очень кровавой, заметил Браяр. Сражавшиеся за Гьонг-ши существа были смертными. Янджингские солдаты тоже умирали. У вершинных пауков было жало; оно убивало. Но сами они были уязвимы для стрел и мечей. Многие из них валялись в грязи с отрубленными головами и лапами. Похожие на лошадей существа истекали тёмной кровью, когда их повергали.

— Что это за лошадештуки? — спросил Браяр, показывая пальцем.

— Глубинные бегуны, — ответила Розторн, к его удивлению. — Они живут глубоко под землёй.

— Иногда мои братья и сёстры начинают скучать, и творят создания, — сказал Луво. — Иногда создания творят сами себя.

В луже наметилось движение. Отряд солдат, побитых и хромающих, с трудом двигался прочь с поля битвы. Другие солдаты начали двигаться следом.

— Труссы! — заорал Уэй-шу. — Вы умрёте за это!

Всё больше солдат начали видеть, что происходило. Они бросали свои флаги, и бежали, преследуемые странными существами.

— Твоя армия бросила тебя, — сказал Бог-Король, встав перед императором. — Я думаю, что если ты хочешь жить, то ты кое-что поменяешь, так ведь? О, привет, малыш.

Он нагнулся, и вытащил что-то из своей туфли. Это была крохотная пещерная змейка. Бог-Король посмотрел на змею у императора на шее:

— Это одна из твоих? Я не причиню ей вреда.

Браяр готов был поклясться, что череп на змее у императора на шее имел сердитое выражение. Он кивнул Богу-Королю. Миг спустя маленькие пещерные змеи поползли по многим из пленных магов. Хэнг-кай был особенно напуган, и пытался отделаться от той, что дёргала его за усы. Он опрокинулся на пол. Браяр не ощущал никакого стремления поднимать генерала.

— Я бы его убила.

Суда пристально покосилась на императора:

— Он уже миллион раз заслужил смерти.

Она посмотрела на магов:

— И их.

— Но от смерти так много проблем, — напомнил ей Бог-Король. — Если вы двое хотите вернуть своё королевство, то не можете беспокоиться об имперских убийцах, или об имперских деньгах, которые будут выплачены каждому мятежнику, что когда-либо

возжелает собрать против вас армию.

«Я больше никогда не буду думать о нём, как о мальчике», — подумал Браяр, глаза на Бога-Короля. «Как он не сходит с ума, со всеми этими богами, которые говорят с ним и дают советы? Я схожу с ума уже от того, что Сёстры, или Розторн и Эвви, говорят мне, что делать, а они ведь даже не боги».

— Я в это не верю.

Император показал на лужу, утекавшую вниз через щели между плитами пола.

— Магия. Я могу купить тысячу подобных иллюзий. Любой из этих рукомащев мог сделать то же самое.

Махнув собственной рукой, он указал на связанных паучьим шёлком магов по обе стороны от себя.

— Я требую лично взглянуть на поле битвы.

Бог-Король пожал плечами:

— Да сколько угодно. Зочэн Брул, если ты не против?

Похоже, что так звали пещерную змею. Она размоталась с шеи императора, и со стуком сползла вниз по трону, расположившись рядом с Богом-Королём.

— Я хочу стражу, которая мне положена, — сказал Уэй-шу, вставая и отряхивая свои халаты. Его глаза блеснули его знакомым высокомерием.

Браяр покачал головой в невольном восхищении. Судя по всему, нужно было очень сильно постараться, чтобы поколебать в Уэй-шу чувство того, что он в праве властвовать над всем. Сам он так никогда бы не подумал — его наставники и девочки никогда бы это не позволили.

— Бери кого пожелаешь, — покладисто сказал Бог-Король.

Внезапно он принял гораздо менее покладистый вид:

— Но сперва ты прикажешь своему магу разбудить мой город. **Весь** мой город.

— Твои чудовища удерживают его, — сказал Уэй-шу, глядя вниз на опутанного Хэнг-кай.

Тот глазел вверх на своего императора, не пытаясь вымолвить ни слова через шёлк, стягивавший ему рот.

— Если ты не против? — спросил Бог-Король у паука, таившегося в тени за Хэнг-кай. Тот вытянул длинную ногу, и коснулся кокона. Шёлк сморщился, и опал с генерала. Хэнг-кай осторожно сел, и оглядел возвышение вокруг себя. Он подобрал несколько бусин, и положил их себе на трясущуюся ладонь.

Парахан повернулся к ближайшему стражнику, и выхватил из его ножен меч. Стражник даже не пытался сопротивляться. Здоровяк взошёл по ступеням к трону, и приставил кончик меча к горлу Уэй-шу.

— Можешь звать меня недоверчивым, Бог-Король, — извиняющимся тоном сказал он, не сводя взгляда с императора, — но если Хэнг-кай **действительно** что-то попробует, я заберу голову его господина. Он был главным генералом Уэй-шу потому, что может творить боевую магию очень быстро.

— Пещерные змеи присматривают за Хэнг-кай, Парахан, — заверил его Бог-Король.

Браяр посмотрел на генерала. Несколько крохотных пещерных змеек, и две змеи покрупнее лежали у ног Хэнг-кай, наблюдая за ним. Возможно, тот именно поэтому так трясся. Возможно, он был довольно стоек в обычной битве, но эти странные существа были для него чересчур.

Хэнг-кай потрогал собранные им бусины в определённом порядке, шевеля губами. Он провёл над ними своей свободной ладонью. Закончив с этим, он переложил бусины в свою свободную руку, и пробормотал что-то, затем провёл над ними ладонью. Браяр ощутил давление у себя в ушах, резко исчезнувшее.

— Разве ты не чувствуешь себя лучше? — спросил у Хэнг-кай Бог-Король. — Ведь трудно было, наверное, так долго удерживать такое обширное заклинание.

Генерал ему не ответил. Он осел на верхнюю ступень перед тронном, и уткнулся головой в ладони.

Уэй-шу даже не спросил, было ли генералу плохо. Он поднырнул под меч Парахана, и сошёл вниз по ступеням, игнорируя Бога-Короля. Он протолкался мимо Розторн и Сэруго, указывая пальцем на разных янджингских солдат. Остальные отошли у него с дороги.

— Своё оружие они оставят здесь, — позвала Сэруго, когда Уэй-шу уже собирался пройти через открытые двери.

— Хорошо, — сказал Бог-Король. — Уэй-шу, ты слышал Генерала Сэруго.

Император не пошевелился, но пошевелились выбранные им солдаты. Они сняли свои перевязи с мечами, и даже кинжалы, сложив их в куче, прежде чем пройти вместе с Уэй-шу прочь из тронного зала. Бог-Король, Парахан, Судамини, Розторн, Браяр и Эвви без обсуждений последовали за ними.

— Ты идёшь? — спросила Эвви у Ривердэнсер, проходя мимо неё.

Шаман покачала головой:

— Я видел слишком много... смерти, — сбивчиво произнесла она, доказывая, что немного говорила на *тийон*.

Они не отставали от Уэй-шу и его солдат, выходя из дворца Бога-Короля на стену, окружавшую город. Оттуда они шли вниз, по стене, спускаясь с яруса на ярус. На пути к воротам они увидели, что большие и малые боги Гьонг-ши здесь тоже сражались. Одних янджингских солдат они нашли укутанными в паучий шёлк, а других — раздутыми и чернолицыми от яда. Ещё больше солдат было ранено или порублено на куски чем-то острым. Браяр время от времени глядел вниз со стены, наружу и внутрь города. Многие солдаты прыгнули, чтобы сбежать от того, что нападало на них здесь, наверху.

Уэй-шу притворялся, что не видел никого из мужчин из женщин, отдавших за него свои жизни.

Наконец они подошли к главным воротам и к сцене, которую видели в прядильной луже. Ни один дюйм земли на равнине не остался нетронуты. Почва почернела от пролитой крови. Там было движение. Виденные ими в луже существа — пещерные змеи, вершинные пауки, орлоглавы лошади, которых Розторн назвала «глубинными бегунами», нага, ледяные львы и львицы, и смертные ибрисы и пещерные медведи — бродили повсюду вместе с огромными красными, синими, зелёными и оранжевыми многорукими богами. Гигантские стервятники кружили в небе вместе со смертными орлами и обычными стервятниками. Некоторые из них занимались тем, что добивали всё ещё живых врагов. Остальные преследовали бегущую армию. Армия **и впрямь** бежала.

Всё бывшее у Браяра ощущение победы над Уэй-шу исчезло. Этим бедные болванья понятия не имели, во что они ввязывались. Они привыкли сражаться с армиями своих северных соседей, кочевниками, и с обученной армией имперского Наморна на северо-западе. Императора завёл их в бурю магии и существ из их кошмаров. Браяр задумался, вступали ли они в армию по собственному выбору. Зная Уэй-шу — вероятнее всего нет.

Он бросил взгляд на Розторн. Она была блее обычного. Лишь Эвви выглядела счастливой. На её губах играла маленькая, вытянутая улыбка. «Наверное она в своём праве», — подумал Браяр. «Более чем «наверное», после того, что они с ней сделали».

На лице императора выражения не было вообще никакого.

Богу-Королю пришлось вытянуть руку, чтобы положить её своему врагу на плечо:

— Пойдём обратно внутрь, и поговорим о соглашении. Я знаю, что ты даже не подумаешь нарушить его, когда вернёшься в Янджинг. Никогда не знаешь, какие шпионы решат вернуться вместе с тобой.

Они повернули обратно ко дворцу. Браяр решил не упоминать о крохотной пещерной змейке, свисавшей на шёлковой нити — или на паучьей нити — с халата императора.

Розторн глубоко вздохнула:

— Я возьму мой набор, и спущусь туда, — сказала она. — Я не обижусь, если ты останешься.

Будто он отпустил бы её одну! Браяр посмотрел на Эвви, та качала головой:

— Я побуду с Луво, — сказала она им. — Я мало чем смогу помочь там, внизу. Здесь я по крайней мере могу помочь заново всё отстроить.

Розторн кивнула. Они с Браяром пошли искать свои снадобья.

Неделю спустя Ривердэнсер пришла в мастерскую, чтобы сказать Розторн и Браяру, что Уэй-шу покинул Янджинг с теми здоровыми солдатами, которые остались с ним. Ему понадобилась телега для одних только соглашений, которые они с Богом-Королём подписали.

Розторн пробормотала «угу». Браяр вообще не издал ни звука. Они проводили большую часть времени с послушниками храма Земли, заполняя мешки своим быстрорастущим ячменём. Если повезёт, гьонг-шийские фермеры смогут снять четыре коротких, богатых урожая до наступления зимних холодов.

— Хэнг-кай не поехал с ним, — передала Ривердэнсер через своего переводчика.

Это привлекло внимание двух зелёных магов. Они уставились на неё.

Ривердэнсер улыбнулась, и передала каждому из них кекс с семечками.

— Хэнг-кай вступил в храм янджингской богини Канзан. По его словам, Он надеется, что богиня простит его за его множество убийств, и уберёжет его от пещерных змей и вершинных пауков.

Ривердэнсер и её переводчик сели на табуреты, и стали откусывать от своих собственных кексов, когда Розторн и Браяр расслабились.

— Жаль, в каком-то смысле, — продолжила Ривердэнсер. — Если бы он уехал домой, в Янджинг, то забыл бы о них, разве что во сне бы видел.

Розторн резко подняла на неё взгляд:

— Что?

Переводчик кивнула:

— Боги защищают Гьонг-ши, — сказала она, и перевела свои слова для Ривердэнсер.

Та что-то произнесла.

Переводчик сказала:

— Конечно же, вы не слышали никаких рассказов о том, что видели? Ничего о существах, которые показались вам или императору?

Розторн и Браяр кивнули:

— Ты права, — сказала Розторн. — Ни слова не слышали.

— Боги не хотят, чтобы люди со всего мира приезжали, чтобы нарушать их покой, — сказала шаман через переводчика. — Между вами и этими воспоминаниями опустится завеса, когда вы покинете нас. Ты вспомните людей, но нага, пещерные змеи, ледяные львы?

Ривердэнсер покачала головой:

— Лишь во снах. Это будут богатые сны.

Браяр почесал щёку, и услышал шорох. Ему следует начать бриться почаще:

— Я удивлён, что император позволил Хэнг-кай остаться.

— Император винит Хэнг-кай в своём поражении. Он забрал у Хэнг-кай земли и богатство. Он хотел забрать Хэнг-кай обратно в Янджинг в качестве пленника, но Бог-Король не оставил ему выбора насчёт любых янджингцев, которые желали остаться.

Ривердэнсер улыбнулась:

— Некоторые маги и генералы также остались.

Браяр присвистнул:

— Уэй-шу ещё нескоро простит Бога-Короля.

— Императору явятся знамения, которые ему напомнят о его судьбе, если он думает отомстить, — сказала Ривердэнсер, и пожала плечами. — Может, он умрёт от долгой болезни. Я сомневаюсь, что так будет. Многие из его дворян не рады его войнам. Ему будет, чем заняться.

Она взъерошила Браяру волосы:

— Но вы с семенами закончили, да? Пора вам троим ехать домой.

— И мы забудем? — с тоской спросила Розторн.

— Вам будут сниться нага, пауки и пещерные змеи, — сказала Ривердэнсер. — На действительно будет печально, если вы забудете тех из нас, кто является людьми. Мы вас точно не забудем.

Две недели спустя близнецы сопроводили Розторн, Браяра и Эвви к Перевалу Канподжа, который вёл в Королевства Солнца. Джимут и Луво также поехали с ними. Джимут хотел поклониться перед рекой, которую в Комбанпуре почитали как богиню Канподжа. Как и близнецы, собиравшиеся ещё два года работать на Бога-Короля, чтобы скопить сбережения для их грядущей войны против их дяди, Джимут оставался в Гьонг-ши.

Луво явился попрощаться с Эвви. Позже одна из дочерей Дибан Кангмо отнесёт его обратно в его гору.

— Ты — единственное, о чём я буду скучать в этом месте, правда, — сказала ему, пока они глядели на бегущую мимо реку.

Это казалось менее личным, чем смотреть на Парахана и Розторн.

— То есть, я буду скучать по Парахану и Суде, но они будут ездить по всей стране, избавляясь от оставшихся солдат. Я этого не хочу. Никаких сражений. Никакой войны. Хотела бы я остаться с тобой, и научиться чему-то большему.

— Я тоже хотел бы, чтобы ты осталась, — сказал Луво. — Эти путешествия — такая странная штука. Мы, горы, никогда не уходим далеко. Моих родичей поразило уже то, что я отправился в Гармашинг.

Парахан подошёл к Эвви, и присел перед ней:

— Я обязан тебе всем, — тихо сказал он ей. — Ты ведь это знаешь, так?

Эвви махнула на него рукой, как бы говоря «да забудь».

— Я бы осыпал тебя самоцветами, будь я дома, но я — лишь нищий солдат. Бог-Король даже ещё не заплатил мне!

Парахан улыбнулся ей:

— Да благословят тебя боги в твоём пути, и да одарят тебя приятными снами.

Он сложил ладони у себя пред лицом, и поклонился. Эвви крепко стиснула его в объятьях. Другой возможности ей могло и не выдаться.

Когда они отпустили друг друга, Суда уже ждала. Она тоже поклонилась Эвви, сложив ладони перед лицом:

— Спасибо за то, что помогла моему брату сбежать от императора, — сказала она Эвви.

Она посмотрела на Браяра, подошедшего вместе с Джимутом:

— Браяр, благодарю вас обоих. Если наши молитвы чего-то стоят, вы доберётесь до дома в целостности и сохранности.

Розторн подвела к ним своего коня. Следом за ней шёл вершинный паук.

— Пожалуйста, считайте и мои молитвы тоже, — добавил Джимут.

Он брызгал себе на лицо и голову речной водой уже казалось бы двенадцатый раз с тех пор, как они добрались до перевала.

— Благодаря вам я увидел место, где прекрасная река вливается в Королевства Солнца!

Он посмотрел на Парахана и Суду, потом широко улыбнулся Браяру и Эвви:

— Не волнуйтесь. Я о них хорошо позабочусь.

— Тогда нам всем пора ехать, — сказала Розторн, запрыгивая в седло.

Эвви и Браяр проделали то же самое.

— Нам предстоит долгий путь. До Эмелана ехать почти через полмира. Луво, твой друг-паук готов отвезти тебя домой.

Луво покачивался вперёд и назад на своих коротких ножках, пока все остальные разговаривали. Сейчас он повернулся к вершинному пауку:

— Благодарю, но — нет, — сказал он со своей обычной вежливостью. — Тебе не нужно возвращать меня в Кангри Склад По.

— Прошу прощения? — спросила Розторн.

Луво издал гудящий звук, полный подъёмов и спадов. Паук низко присел, затем поднялся на кончики своих ног. Луво загудел громче и ниже, потом повернулся к Розторн:

— Если позволишь, Розторн, я бы хотел поехать с вами в этот Эмелан.

Он повернул свой головной нарост к горам:

— Нет, братья и сёстры!

Его голос прогремел в скалистых высотах вокруг них. Всем пришлось закрыть уши.

— То, что **вы** никогда никуда не ходили, не значит, что мне не следует этого делать! Моя гора в порядке! Её воды и растения и существа будут неплохо жить и без меня, а я буду ходить где захочу!

К тому времени, как он закончил, все, кто был рядом, исключая Эвви, отошли от него, и использовали свои руки, чтобы поместить как можно больше плоти между своими ушами и его громоподобным голосом, эхом отражавшемся в перевале. Эвви плакала:

— Тебе не обязательно это делать, — сказала она существо, которое дало ей чувство безопасности в те страшные часы, когда она бежала от своих мучителей. — Ты не обязан покидать свой единственный дом.

Луво поднял в её сторону свой головной нарост:

— Я видел, как продвигается твоё обучение, Эвумэймэй, — тихо сказал он. — Оно неплохо идёт, но я могу научить тебя другим вещам. И вообще, я не хочу спать всю вечность. Я хочу увидеть больше. Ты, Браяр и Розторн, и ваши друзья, среди вас я ощущаю себя бодрее, чем был с тех пор, как в Гьонг-ши явились первые люди. Я хочу бодрствовать вместе с тобой.

— Ну, если с этим разобрались, то нам всё же пора ехать.

Розторн открыла сумку на одной из лошадей, и вытащила некоторые из шарфов, которые им дал Бог-Король.

— Ты поедешь на вьючной лошади, или с Эвви?

— Какое-то время я буду ехать с Эвумэймэй, — сказал Луво.

Розторн и Браяр быстро повязали шарфы вокруг Эвви и Луво, пока живой камень не оказался надёжно закреплён у девочки на груди.

Джимут передал Эвви поводья:

— Передай от меня привет речной богине, когда доберёшься до Комбанпура, — сказал он Браяру.

Они пожали друг другу руки.

— Передам, — сказал Браяр.

Он поклонился Парахану и Суде, и подъехал к Розторн, взяв у неё ведущие поводья их цепочки вьючных лошадей.

Эвви помахала, когда близнецы и Джимут развернулись, галопом поскакав обратно к главному тракту в Гармашинг. Она махала, пока они не скрылись из виду, прежде чем нагнуться, и плюнуть на землю Гьонг-ши.

— Передайте это в Янджинг, будьте так добры, — прошептала она богам этой земли. — Я знаю, что по крайней мере парочка из вас сейчас меня слышит.

Она посмотрела вперёд:

— Давай, Луво. Любое место, которое дало нам Браяра и Розторн должно быть интересным.

— Жду увидеть его с нетерпением, — сказала сердце горы.

— А мне не терпится ехать **домой**, — сказал Браяр. — Домой! Сёстры, и Ларк, и город, где зима означает дождь и шерстяную одежду, а не меха!

— Наш сад, — добавила Розторн. — Храм Спирального Круга. **Море**.

— Я давно же не был у моря, — сказал Луво. — Оно, должно быть, очень сильно изменилось.

— Расскажешь нам о нём, — ответил Браяр. — А Река Канподжа нас к нему приведёт.

Они пустились рысью по открывшейся перед ними дороге.

Больше книг на сайте — Knigolub.net

Календарь Месяцев во Вселенной Круга

Январь — Луна Волка

Февраль — Луна Бури

Март — Луна Карпа

Апрель — Луна Семени

Май — Луна Гуся

Июнь — Луна Розы

Июль — Луна Мёда

Август — Луна Сусла

Сентябрь — Луна Ячменя

Октябрь — Луна Крови

Ноябрь — Луна Снега

Декабрь — Луна Очага

Глоссарий

Алион — провинция, где находится Зимний Дворец

алебарда — длинное копьё с широким лезвием, которым можно как колоть, так и рубить

байта — дом-вне-дома, янджингский храм на чужой земле

банпурский — язык Комбанпура и соседних стран

Гармашинг — столица Гьонг-ши

гилав — глава каравана Горговцев

глубинный бегун — создание гор, похожее на лошадь, с головой орла, золотым клювом, тонкими ногами и металлическими копытами

дамохи — «гомосексуалист» на языке Торговцев

Дримбаканги — самые высокие горы в мире; Лоу — самый длинный горный хребет гор Дримбаканг на юге Гьонг-ши; Шарлог — горный хребет гор Дримбаканг на юго-востоке Гьонг-ши; Зугу — «палец» гор Дримбаканг, тянущийся от Лоу и огибающий Гармашинг

Жанжи — родная провинция Эвви

Жанжоу — язык родной провинции Эвви

задан — бомба

зайао — порох

засеки — ветки или крестообразные сооружения из брёвен, установленные в канавах заострённым концом наружу; препятствие

зэрнамус — на чаммурском жаргоне означает паразита вроде клеща

имперский язык — общий язык в странах на берегах Моря Камней, бывших частью Курчалской империей до её падения; родной язык Браяра и Розторн

Иншиа — королевство, лежащее у северной границы Янджинга

Йитсаг — королевство далеко на северо-востоке от Янджинга

Каджура — нация на юго-западе от Комбанпура

Кайан — королевство к северу от Янджинга

как — на жаргоне Торговцев означает кого-то бесполезного, не-Торговца; нецензурное слово

Канзан — янджингская богиня исцеления

караван-сарай — гостиница с большим двором, где размещаются караваны

кираса — броня, защищающая грудь и спину

кус — «личинки» на Жанжи (родном диалекте Эвви)

Комбанпур — родина Парахана в Королевствах Солнца, на юге от Гьонг-ши и на западе от Янджинга

Королевства Солнца — земли, в том числе Комбанпур, к юго и к западу от гор Дримбаканг

Лайлан — чаммурская богиня воды, милосердия и исцеления

Лаккик — бог-ловкач Браяра

Ла Ни Ма — богиня солнца в южном Гьонг-ши; Ганас Ригьял По, Снежный Король (юго-восточный муж); Ганас Газиг Ригьял По, Король Снежного Леопарда (западный); Кангри Склад По, Говорливый Король Снежной Горы (средний)

Лонг — правящая династия Янджинг, а также янджингское слово, означающее

«дракон»

лугша — «ремесленники» на языке Торговцев

маг — тот, кто получил формальное обучение в использовании магии в школе или у ряда наставников, которые сами учились в школах

мешок — жаргон Браяра, «денежный мешок»

Мила — богиня земли и растений в Живом Круге

мимэндэр — маг-Торговец

момо — Гьонг-шийский пирожок с различной начинкой

Мохун — чаммурский бог молчания, камня и тёмных, тайных мест

нанишур — «маг» на *тийон*

Нингжоу — язык янджингского имперского двора

нумиа — «младшая сестра» по-банпурски

Океан Штормовых Драконов — океан к востоку от Янджинга

отряд — сотня бойцов

пахан — «наставник» или «маг» по-чаммурски

паланкин — крытая и огороженная платформа с подушками, установленная на шести спереди и сзади, в ней переносят людей

пехота — пешие солдаты

пещерная змея — создание гор, изначально состоявшее из человеческих костей: череп с телом из спинных позвонков; сейчас они размножаются самостоятельно

пина — четырёхструнный музыкальный инструмент; струны щипают плектром, или медиатором

полдник — обеденная трапеза

поножи — броня, которую носят ниже колен

прэбу — «мастер» или «маг» по-банпурски

Райя — комбанпурская богиня милосердия и доброты

регулярный — профессионально обученный солдат, в отличие от недавно вызвавшихся добровольцев или свежих призывников

рейка — деталь арбалета

семджен — «животные» по-гьонг-шийски

сен — «вша» по-банпурски

сильногоучий — сильный и могучий

скальвание — процесс обкалывания камня резкими ударами для создания режущей кромки на кремне или обсидиане

такамер — «богатый человек» по-чаммурски

тийон — общий язык, на котором говорят от восточной Ленпы до Океана Штормовых Драконов, и от Моря Травы до южных Королевств Солнца

уайгар — «иностранец» на *тийон*

фланг — правый или левый бок военного построения

флюорит — прозрачный кристалл, бывает разных цветов, в данном случае — прозрачный, тёмно-зелёный и пурпурный

Ханджэн — портовый город у Океана Штормовых Драконов, в юго-восточном Янджинге

Хэйбэй — янджингский бог удачи

Чаммур — город в Сотате, где до недавнего времени жила Эвви

чаммурский — диалект, на котором говорят в Чаммуре

чи — сила, магия на диалекте янджингского двора

чэту — на тийон означает «жабий плевок»

шнобель — «нос» на жаргоне Браяра

Шайхун — чаммурский бог пустыни, ветров, песчаных бурь, серьёзных проделок и разрушения

шаккан — миниатюрное дерево в форме буквы S

шаман — представитель племени, являющийся посредником между реальным миром и миром духов, и также способный творить магию; в племенах между восточным Сотатом и Янджингом шаманы творят магию группами, часто с помощью танца

эмчи — «маг» по гьонг-шийски

юджинон — гнилые, подонки, никчёмные (чаммурский)

notes

англ. «millennia» (мн. ч. от «millennium») — тысяча лет, золотой век (здесь и далее — прим. перев.)

англ. «Riverdancer» — «танцующий в реке» или «речной танцор»

В английском языке двадцать шесть букв. В имперском языке, предположительно, тоже.